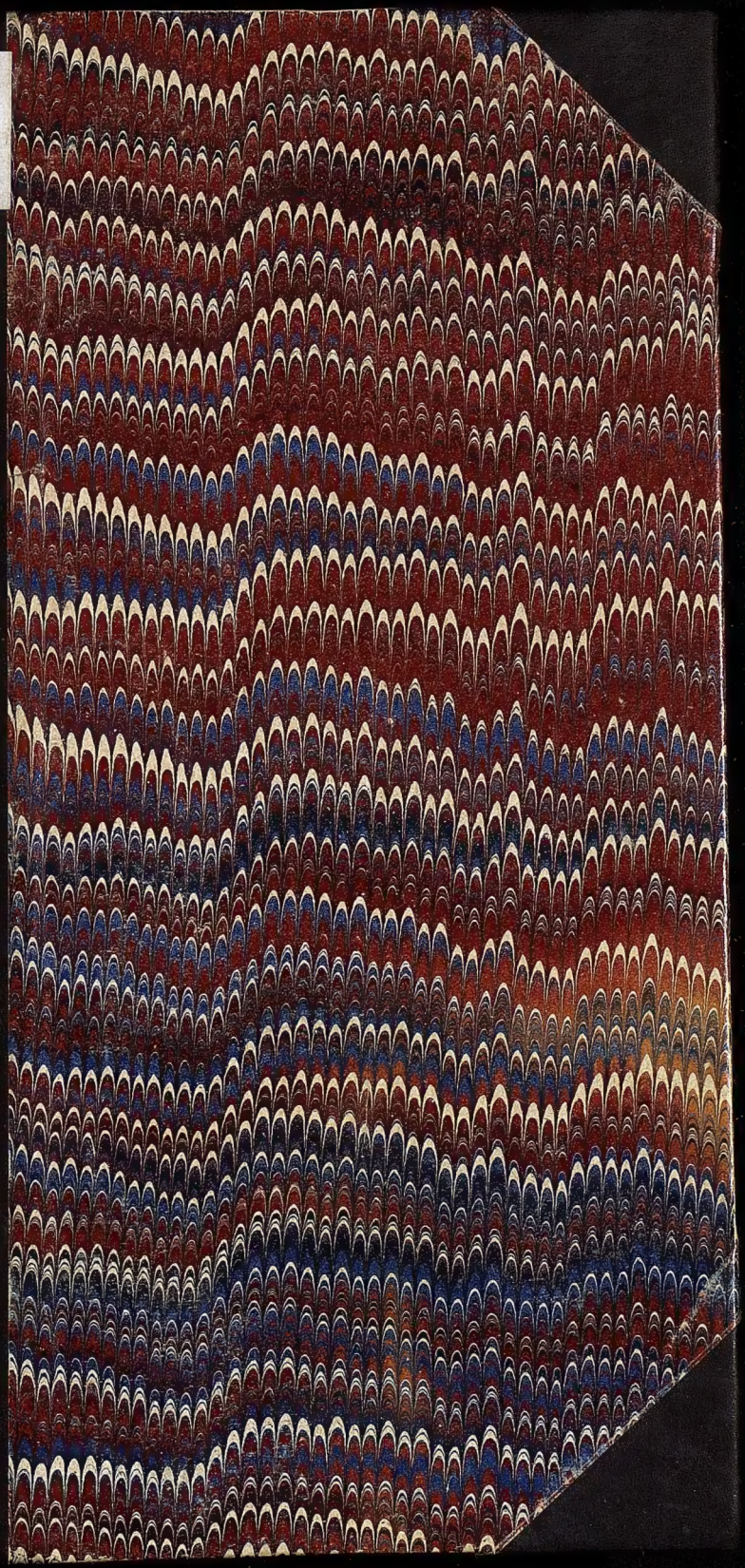
ЛБ2 5/125

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!



ДЖ. СТ. МИЛЛЬ.

Б2 5/125

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Изданіе Яковлева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Юлія Андреевича Бокрама,
по Большой Московской, № 4.

1863.

Печатать позволяется С.-Петербургъ 13 Іюля 1863 года.

Гос. Историч. Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 28937
25/X 1926
1-2

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

къ 1-му изданію.

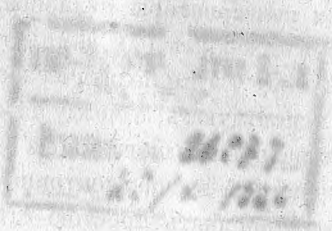
Тотъ кто удостоилъ прочесть мои прежнія сочиненія, вѣроятно не найдетъ ничего особенно новаго въ настоящемъ трудѣ; его начала тѣже, для которыхъ я работалъ въ продолженіи большей части моей жизни, а практическія приложенія были еще прежде указаны или мною или другими. Новое заключается въ томъ, что всѣ онѣ собраны вмѣстѣ, представлены въ связи и можетъ быть въ томъ еще, что приведено много въ ихъ подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ многія изъ моихъ мнѣній, если онѣ и не новы, встрѣтятъ теперь стольже мало общаго сочувствія, какъ если бы онѣ были новыми.

Какъ бы то ни было, судя по разнымъ указаніямъ, въ особенности по послѣднимъ преніямъ о парламентской реформѣ, мнѣ кажется, что и консерваторы и либералы (если называть ихъ тѣмъ именемъ, какимъ они сами продолжаютъ называть себя) потеряли вѣру въ то политическое ученіе, которое они номинально исповѣдуютъ, а между тѣмъ ни та, ни другая сторона не сдѣлала ни одного шага впередъ къ отысканію чего либо лучшаго. А лучшая доктрина должна быть возможна; но она не должна быть простою сдѣлкою, примиряющей разногласія той и другой стороны, но что-нибудь болѣе обширное, что въ силу его большей объемлемости могло бы быть принято и консерваторомъ и либераломъ, не заставляя ихъ отрекаться отъ того, что въ ихъ собственномъ ученіи имъ кажется дѣйствительно достойнымъ уваженія. Когда столь многіе смутно чувствуютъ недостатокъ такой доктрины и лишь немногіе могутъ похвалиться что нашли ее, каждый можетъ смѣло предлагать все, что по его мнѣнію можетъ способствовать къ образованію этой доктрины.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

ко 2-му изданію

Единственная перемѣна въ этомъ изданіи, которая касается не измѣненія только словъ (исключая примѣчанія къ XIV главѣ) состоитъ въ нѣсколькихъ страницахъ прибавленныхъ къ VII главѣ, для разъясненія нѣкоторыхъ возраженій сдѣланныхъ противъ защищаемаго въ ней плана представительства меньшинства.



РАЗМЫШЛЕНІЯ
О
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

ГЛАВА I.

Въ какой мѣрѣ правительственныя формы могутъ быть предметомъ выбора.

Всѣ размышленія о формахъ правленія носятъ на себѣ болѣе или менѣе исключительный отпечатокъ двухъ противоположныхъ теорій политическаго устройства, или лучше сказать двухъ противоположныхъ представленій о томъ, что такое политическія учрежденія.

Нѣкоторые понимаютъ правленіе чисто практически, *какъ искусство*, не поднимающее никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ о цѣли и средствахъ. Правительственныя формы являются средствомъ, какъ всякое другое, *для достиженія* человѣческихъ цѣлей; на нихъ смотрятъ, какъ *на дѣло* человѣческой изобрѣтательности. Такъ какъ онѣ созданы человѣкомъ, то и предполагается, что человѣку предоставленъ выборъ создавать ихъ или нѣтъ, и какъ, на какой образецъ ихъ создавать. При такомъ взглядѣ

правленіе есть *задача*, которая рѣшается какъ всякое другое *житейское* дѣло. Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить цѣли, къ которымъ должны стремиться правительства; потомъ разсмотрѣть, какая правительственная форма всего способнѣе осуществить эти цѣли. Когда мы пришли къ вѣрнымъ заключеніямъ относительно этихъ двухъ пунктовъ и нашли форму правленія, соединяющую самую большую долю добра съ самой малой долей зла, тогда останется склонить своихъ согражданъ, или тѣхъ, для кого тѣ учрежденія назначены, къ сочувствію мнѣнію, до котораго мы дошли своимъ путемъ. Найти лучшую форму правленія, увѣрить другихъ, что она дѣйствительно лучшая и потомъ побудить ихъ къ ея осуществленію—вотъ порядокъ идей въ умахъ тѣхъ, кто держится этого взгляда въ политической философіи. На конституцію они смотрятъ такъ, какъ смотрѣли бы на паровой плугъ или молотильную машину,—вся разница въ степени интереса.

Имъ противоположенъ другой родъ политическихъ мыслителей, которые до того далеки отъ сопоставленія формы правленія съ машиной, что на первую они смотрятъ какъ на естественный продуктъ, а на правительственную науку какъ на отрасль естествознанія. По ихъ мнѣнію правительственныя формы не могутъ быть предметомъ выбора. Такъ или иначе мы должны брать ихъ, какими находимъ. Правительства не могутъ быть построены по предвзятому плану; онѣ «не дѣлаются, но растутъ». Наше дѣло по отношенію къ нимъ, какъ ко всѣмъ фактамъ естественнаго міра, состоитъ въ томъ, чтобы познакомиться съ ихъ природными свойствами и приспособиться къ нимъ. На основныя политическія учрежденія народа эта школа смотритъ какъ на органическій плодъ природы и жизни та-

кого-то народа, какъ на продуктъ ихъ обычаевъ, инстинктовъ, безсознательныхъ потребностей и желаній, всего менѣе ихъ сознательныхъ стремленій. Воля здѣсь на столько принимаетъ участіе, на сколько она удовлетворяетъ нуждамъ минуты средствами минуты; если онѣ бываютъ согласны съ чувствами и характеромъ народа, то держатся прочно и такимъ образомъ, путемъ постепенной аггрегаціи, создается политическая система, совершенно приспособленная къ народу, обладающему ею, но которую было-бы безполезно навязывать націи, гдѣ природа и обстоятельства не выработали ее сами собою.

Трудно рѣшить какое изъ двухъ ученій было-бы нелѣпѣе, если предположить что кто нибудь захотѣлъ держаться исключительно той или другой теоріи. Но начала, которыя люди проповѣдуютъ по поводу какого-либо спорнаго предмета, бываютъ обыкновенно весьма неполнымъ выраженіемъ ихъ настоящихъ убѣжденій. Никто не вѣритъ, что всякій народъ способенъ создать всякаго рода учрежденіе. Какъ далеко не проводить аналогіи механическихъ производствъ, но даже и здѣсь выборъ между деревяннымъ или желѣзнымъ инструментомъ опредѣляется не тѣмъ только, что такой-то инструментъ самъ по себѣ лучше; принимается во вниманіе, соединяетъ ли онъ въ себѣ другія качества, необходимыя для его выгоднаго употребленія, и въ особенности имѣютъ-ли тѣ люди, которые станутъ употреблять его въ дѣло, достаточно знанія и умѣнья обходиться съ нимъ. Съ другой стороны тѣ, которые говорятъ объ учрежденіяхъ, какъ своего рода живыхъ организмахъ, вовсе не такіе политическіе фаталисты, за какихъ они выдаютъ себя. Они не предполагаютъ, чтобъ у человѣчества не было никакого выбора относи-

тельно формы правленія, при которой ему приходится жить, чтобъ разсмотрѣніе послѣдствій, вытекающихъ изъ различныхъ формъ правленія, не участвовало въ выборѣ. Не смотря на то, что каждая изъ двухъ сторонъ доводитъ свою теорію до крайностей изъ противорѣчія другой, не смотря на то, что никто не держится той или другой безъ ограниченія, обѣ доктрины соотвѣтствуютъ коренному различію двухъ направленій мысли; и хотя очевидно, что ни одна изъ нихъ не права совершенно,—равно очевидно что ни одна не находится въ полномъ заблужденіи, и мы постараемся вникнуть въ то, что лежитъ въ основаніи каждой изъ нихъ, чтобъ воспользоваться тою долей истины, какая существуетъ въ ней.

Вспомнимъ прежде всего, что политическія учрежденія (какъ не забывается по временамъ эта истина), дѣло людей и одолжены своимъ происхожденіемъ и существованіемъ человѣческому произволу. Люди, проснувшись въ одно прекрасное утро, не нашли ихъ внезапно выросшими. Онѣ не походятъ и на деревья, которыя, разъ посаженныя, «*всегда ростутъ*» между тѣмъ какъ люди «*спятъ*». Ихъ создаетъ такими, какими онѣ есть, во всякую пору ихъ существованія, свободная воля человѣка. Поэтому, какъ все, что дѣлаютъ люди, и онѣ могутъ быть хорошо или дурно созданы; разсудокъ и искусство могли быть употреблены на созданіе ихъ, или вовсе не употреблены. Наконецъ, если народъ не успѣлъ, или вслѣдствіе внѣшняго давленія, не имѣлъ возможности создать себѣ конституцію постепеннымъ процессомъ исправленія всякаго зла, по-мѣрѣ того, какъ оно проявлялось, или по мѣрѣ того, какъ угнетенные набирались силы противодѣйствовать ему, такое замедленіе политическаго прогресса было безъ сомнѣнія большимъ для него

несчастіемъ; но это еще не доказываетъ, чтобы то, что оказалось хорошимъ для другихъ, не было хорошо и для него, и не будетъ хорошо, когда онъ найдетъ нужнымъ къ нему обратиться.

Съ другой стороны слѣдуетъ также помнить, что политическій механизмъ не дѣйствуетъ самъ собою. Онъ какъ дѣлается людьми, такъ и работаетъ при помощи людей и даже очень обыкновенныхъ. Онъ требуетъ не только простаго допущенія, но дѣятельнаго содѣйствія, и долженъ быть принаровленъ къ способностямъ и качествамъ людей, въ данную минуту. Это предполагаетъ три условія: народъ, для котораго форма правленія предназначена, долженъ желать принять ее, и если не желать, то по крайней мѣрѣ не оказывать непреодолимыхъ препятствій ея установленію. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все нужное для ея поддержанія. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все, что потребуется отъ него, чтобы дать ей возможность достигнуть своего назначенія. Слово «дѣлать» должно быть понято такъ, что въ немъ содержится какъ самое дѣло, такъ и воздержаніе отъ него. Народъ долженъ быть способенъ выполнить условія дѣятельности и условія воздержанія, равно необходимыя какъ для того, чтобъ поддержать существующую политическую систему, такъ и для того, чтобъ сдѣлать ее способной достигнуть своихъ цѣлей, такъ какъ способность достиженія составляетъ ея силу.

Недостатокъ какого-нибудь изъ этихъ условій дѣлаетъ форму правленія, какія бы благопріятныя надежды она не подавала, въ частномъ случаѣ совершенно не приложимою.

Первое препятствіе, отвращеніе народа отъ какой-ни-

будь формы правленія, не требуетъ особыхъ объясненій, потому что даже въ теоріи его никогда нельзя было обойти. Случаи встрѣчаются постоянно. Только чужая сила могла побудить племя сѣверо-американскихъ Индейцевъ подчиниться стѣснительнымъ условіямъ правильной цивилизованной правительственной системы. Тоже самое можно-бы сказать, хотя не такъ рѣшительно, о варварахъ нашедшихъ на Римскую имперію. Потребны были цѣлыя столѣтія и совершенная перемѣна обстоятельствъ, чтобы привести ихъ въ правильное повиновеніе даже ихъ собственнымъ вождямъ, въ то время, когда они не были подъ ихъ знаменами. Есть націи, которыя не охотно подчиняются какому-нибудь правительству, кромѣ правленія нѣкоторыхъ фамилій, съ незапамятныхъ временъ пользующихся привилегій поставлять имъ начальниковъ. Другіе народы только иностранное завоеваніе можетъ принудить жить подъ монархическимъ началомъ; иные же—равно противятся республикѣ. Иногда препятствія состоятъ въ неприложимости системы въ извѣстное время.

Но бываютъ и *другіе* случаи, когда народъ, и не противящійся извѣстной формѣ правленія, и даже желающій ее, можетъ не хотѣть, или не быть способнымъ выполнить ея условія. Онъ можетъ быть неспособнымъ выполнить даже такія условія, которыя необходимы для одного номинальнаго существованія правленія. Такъ, народъ можетъ предпочитать свободное правленіе, но если вслѣдствіе безпечности, беззаботности, трусости или недостатка гражданскаго духа онъ не способенъ къ усиліямъ, необходимымъ для его сохраненія; если онъ не станетъ бороться за него, когда на него прямо нападаютъ; если его можно обмануть хитростями, направленными къ тому,

чтобъ лишить его этого правленія, или, если вслѣдствіе минутнаго упадка духа, внезапнаго страха, или припадка энтузіазма къ какому-нибудь лицу, онъ можетъ быть побужденъ сложить свою свободу къ ногамъ хотя бы и великаго человѣка, или ввѣрить ему полную власть, которая-бы дала ему возможность ниспровергнуть его учрежденія;—во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ болѣе или менѣе неспособенъ къ свободѣ; и хотя на короткое время она могла-бы послужить ему на пользу, невѣроятно однакожъ чтобъ онъ могъ долго пользоваться ею.

Съ другой стороны народъ можетъ не желать и быть неспособнымъ выполнить тѣ обязанности, которыя налагаетъ на него извѣстная форма правленія. Грубый народъ, хотя до нѣкоторой степени воспріимчивый къ преимуществамъ цивилизованнаго общества, можетъ быть неспособнымъ къ воздержности, которую оно требуетъ; его страсти могутъ быть слишкомъ необузданны, его личная гордость слишкомъ взыскательна, чтобъ избѣгнуть частныхъ столкновеній и предоставить законамъ наказаніе его дѣйствительныхъ или воображаемыхъ проступковъ. Въ подобномъ случаѣ цивилизованное правленіе, чтобы оно могло приносить ему дѣйствительную пользу, должно быть въ значительной мѣрѣ деспотическимъ; такимъ, надъ которымъ народъ не имѣлъ-бы контроля и которое въ значительной мѣрѣ стѣсняло-бы его дѣйствія.

Далѣе, долженъ считаться неспособнымъ къ какой-либо другой свободѣ, кромѣ ограниченной, всякій народъ, который въ преслѣдованіи преступниковъ не содѣйствуетъ по собственной волѣ закону и общественнымъ властямъ. Народъ, который болѣе склоненъ скрыть преступника, чѣмъ схватить его, который, подобно Индусу, скорѣе готовъ дать ложное

свидѣтельство, чтобъ спасти человѣка, его ограбившаго, чѣмъ показать на него и тѣмъ причинить себѣ безпокойство, возбудивъ его мщеніе; народъ, гдѣ, какъ у многихъ европейскихъ націй до настоящаго времени, когда кто-нибудь убьетъ другаго на улицѣ—зрители сторонятся, потому что это подлежитъ вѣденію полиціи, и что лучше не мѣшаться въ чужія дѣла; народъ, который негодуетъ на казнь, но спокойно смотритъ на убійство:—такой народъ требуетъ общественныхъ властей съ болѣе обширнымъ правомъ кары, потому что имъ только могутъ быть гарантированы самыя необходимыя требованія цивилизованной жизни. Такое жалкое состояніе общественнаго чувства у какого-либо народа, вышедшаго изъ состоянія дикости, обыкновенно бываетъ несомнѣннымъ слѣдствіемъ предшествовавшаго дурнаго правленія, которое пріучило людей смотрѣть на законъ, какъ на созданный для какихъ-то другихъ цѣлей, чѣмъ для цѣлей блага, а на его служителей, какъ на болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ открыто нарушающихъ его. Какъ не мало заслуживаютъ порицанія выросшія въ такихъ привычкахъ чувства, хотя такія привычки и устраняются подъ конецъ хорошимъ правленіемъ, но пока онѣ существуютъ въ народѣ, онъ не можетъ управляться *съ такимъ* малымъ вмѣшательствомъ власти, какъ народъ, котораго симпатія стоитъ на сторонѣ закона и который готовъ дѣятельно содѣйствовать его приложенію.

Наконецъ основные законы представительства могутъ иногда имѣть очень мало значенія, могутъ быть простымъ орудіемъ тиранніи или козней, когда большинство избирателей не достаточно заинтересовано въ ихъ собственномъ правленіи, чтобы подавать голосъ; или, если и подаетъ, но когда этотъ голосъ не служитъ обществу, а продается за

деньги, или послушенъ мановенію какого-нибудь лица, власть надъ ними имѣющаго, или котораго они хотятъ поддержать изъ личныхъ интересовъ. Такого рода народное представительство, вмѣсто того, чтобъ быть ручательствомъ противъ дурнаго правленія, бываетъ только пружиной въ его механизмѣ.—Помимо такого рода нравственныхъ сомнѣній часто механическія трудности полагаютъ непреодолимыя препятствія установленію правительственныхъ формъ. Хотя въ древнемъ мірѣ могла существовать и дѣйствительно существовала большая личная независимость, но въ немъ не было ничего похожаго на правильное народное правленіе, чтобы переходило границы одной городской общины, потому что физическія условія, необходимыя для склада и распространенія общественнаго мнѣнія, встрѣчались только у тѣхъ, которые могли быть собраны на одной агорѣ для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Вообще думаютъ, что это препятствіе уничтожается принятіемъ представительной системы. Но чтобы совершенно побѣдить его, необходима пресса и именно, газетная пресса, единственная, если и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующая, замѣна *пникса* и форума. Существовали такія общественныя условія, при которыхъ даже монархія нѣсколько обширнаго объема не могла держаться, но неминуемо распадалась на мелкія владѣнія, совершенно независимыя другъ отъ друга, или соединенныя между собою слабою связью феодальныхъ отношеній; это потому, что механизмъ власти не былъ достаточно совершененъ, чтобы приводить въ исполненіе приказы на большемъ растоянія отъ повелѣвающаго лица. Даже повиновеніе арміи этому лицу зависитъ главнымъ образомъ отъ произвольной вѣрности, и не было средствъ заставить народъ платить сумму податей, достаточную на

содержаніе войска, какое необходимо для того, чтобъ держать въ покорности обширную область. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ само собою разумѣется, что сумма препятствій можетъ быть сильнѣе или слабѣе. Она можетъ быть такъ велика, что вслѣдствіе этого правительственная система дурно дѣйствуетъ, что еще не исключаетъ ея возможности, ни ея предпочтительности всякой другой, въ данномъ случаѣ. Послѣдній вопросъ связанъ главнымъ образомъ съ однимъ условіемъ, къ разсмотрѣнію котораго мы еще не пришли: съ вопросомъ о способности различныхъ формъ правленія содѣйствовать прогрессу.

Мы разсмотрѣли теперь три основныя условія соотвѣтственности между правительственными формами и народомъ, который долженъ ими управляться. Если приверженцы этой теоріи, которую можно назвать натуралистическою, ничего другаго не имѣютъ въ виду, какъ только указать на необходимость этихъ трехъ условій; если они думаютъ, что никакое правленіе не можетъ долго существовать, если только не выполнены первое и второе условіе и въ значительной мѣрѣ и третье,—въ *такихъ* границахъ ихъ теорія не допускаетъ возраженій. Если же они предполагаютъ что нибудь другое, *бо́льшее*, то теорія ихъ кажется мнѣ несостоятельною. Все, что намъ говорятъ о необходимости исторической основы государственныхъ учрежденій, объ ихъ необходимой сообразности съ народными нравами, народнымъ характеромъ и т. п. означаетъ или это, или ничего не означаетъ. Въ такихъ и тому подобныхъ фразахъ лежитъ большая доля сентиментальности, если онѣ должны означать что нибудь другое и болѣе широкое, кромѣ разумнаго лежащаго въ нихъ смысла. Съ точки зрѣнія практической, указанныя требованія отъ политическихъ

учрежденій только облегчаютъ осуществленіе трехъ условій. Если постановленіе, или родъ постановленій встрѣтитъ путь приготовленный для него въ мнѣніяхъ, вкусахъ и обычаяхъ народа,—послѣдній не только легче побуждается къ принятію ихъ, но и скорѣе научится имъ, и съ самаго начала будетъ болѣе расположенъ дѣлать, что потребуется отъ него, какъ для сохраненія учрежденій, такъ и для такого приведенія ихъ въ дѣйствіе, какое сдѣлаетъ ихъ способными произвесть лучшіе результаты. Было бы большой ошибкой со стороны законодателя не принять такихъ мѣръ, которыя дали бы средство извлечь возможную пользу изъ такихъ существующихъ обычаевъ и наклонностей. Съ другой стороны, будетъ преувеличеніемъ возвести въ необходимыя условія то, что является подмогой и удобствомъ. Люди легче побуждаются дѣлать и легче дѣлаютъ то, къ чему уже привыкли; но они также научаются дѣлать вещи, новыя для нихъ. Привычка большая подмога; но долгое знакомство съ одной идеей можетъ сдѣлать ее привычкой, если она даже была чужда въ началѣ. Есть много примѣровъ, гдѣ цѣлый народъ стремился къ неизвѣданному. Мѣра прирожденной народу способности творить новое, примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ, эта сила сама составляетъ одну изъ сторонъ вопроса. Въ этомъ свойствѣ разные народы и различныя степени цивилизаціи далеко разнятся другъ отъ друга. О способностяхъ извѣстнаго народа исполнить условія данной формы правленія нельзя судить по какой нибудь общей мѣркѣ. Тутъ должно руководствоваться знаніемъ каждаго отдѣльнаго народа и общимъ практическимъ сужденіемъ и проницательностью. Не надо также терять изъ виду еще одного условія. Народъ можетъ быть неприготовленъ къ хорошимъ

учрежденіямъ, но возбужденіе стремленія къ нимъ есть уже необходимая часть этой подготовки. Предложить и защитить извѣстный институтъ или форму правленія, выставить его преимущества въ самомъ яркомъ свѣтѣ,—вотъ одинъ изъ способовъ, часто единственно возможный, воспитать мысль народа не только къ принятію и требованію учрежденій, но и къ исполненію ихъ. Какія средства были у италіанскихъ патріотовъ въ прошломъ и настоящемъ поколѣніи чтобъ приготовить италіанскій народъ къ свободѣ въ единствѣ, если не возбужденія его требовать этой свободы? Тѣ, разумѣется, которые берутся за такое дѣло, должны быть достаточно проникнуты не только преимуществами институцій или правительственныхъ формъ, которыя они предлагаютъ, но и принять въ разсчетъ нравственныя, умственныя и активныя способности, необходимыя для приведенія ихъ въ дѣло; все это для того чтобъ по возможности не возбудить желанія прежде, чѣмъ дана способность.

Результатъ изъ всего сказаннаго такой, что въ предѣлахъ трехъ названныхъ условій, учрежденія и правительственныя формы могутъ быть предметомъ выбора. Изыскивать, такъ называемымъ отвлеченнымъ путемъ, лучшую форму правленія, не химерическое, но въ высшей степени практическое занятіе научнаго ума; ввести въ какую-ни будь страну лучшія учрежденія, какія, при существующемъ положеніи страны, способны въ извѣстной мѣрѣ выполнить требуемыя условія — есть одно изъ самыхъ разумныхъ цѣлей, на которую можетъ обратиться практическая дѣятельность. Все, что можетъ быть сказано, въ ограниченіе вліянія человѣческой воли въ дѣлѣ правленія, можетъ быть сказано о ней во всякомъ дру-

гомъ дѣлѣ. Человѣческой силѣ вездѣ положены очень узкіе предѣлы. Она можетъ дѣйствовать только при помощи одной или нѣсколькихъ природныхъ силъ. Поэтому силы, которыя могутъ быть направлены къ желанной цѣли, должны существовать, и онѣ дѣйствуютъ по своимъ собственнымъ законамъ. Мы не можемъ заставить рѣку потечь вспять, но не говоримъ же мы поэтому, что водяныя мельницы «не дѣлаются, а ростутъ». Въ политикѣ, какъ въ механикѣ, надо искать внѣ машины силу, которая сообщаетъ машинѣ движеніе, а если ее нѣтъ, или она недостаточна, чтобъ превзойти могущія оказаться препятствія, дѣло не пойдетъ на ладъ. Это не исключительное отличіе политическаго искусства, а означаетъ только, что и оно подвержено тѣмъ же ограниченіямъ и условіямъ, какъ и всѣ другія искусства.

Здѣсь мы встрѣчаемъ другое возраженіе, или тоже возраженіе въ другомъ видѣ. Силы, говорятъ намъ, отъ которыхъ зависятъ великія политическія явленія, не могутъ быть подведены подъ управленіе политиковъ и философовъ. Правленіе страны установлено, а заранѣе предназначено во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ положеніемъ страны относительно распредѣленія въ ней общественныхъ силъ. Какова бы ни была преобладающая въ обществѣ сила, она получитъ преобладаніе въ правленіи; перемѣна въ политическомъ устройствѣ не будетъ долговѣчна, если не предшествуется или не сопровождается измѣненіемъ въ распорядкѣ общественныхъ силъ. Поэтому народъ не можетъ выбрать себѣ форму правленія. Только въ однихъ подробностяхъ, въ практическомъ устройствѣ, ему доступенъ выборъ; но *суть* всего цѣлаго, назначеніе высшей силы, опредѣляютъ безъ него общественныя условія.

Что въ этомъ ученіи есть доля правды, я готовъ допустить, но чтобъ оно могло послужить на пользу, надо привести его къ опредѣленному выраженію и въ соотвѣтствующія границы. Что разумѣется подъ силой, когда говорятъ, что самая значительная общественная сила будетъ значительнѣйшей силой и въ правленіи. Не мускулы и не жилы; иначе чистая демократія была бы единственно возможной гражданственной формой. Къ силѣ мускуловъ присоедините два другіе элемента, собственность и умъ, и мы будемъ ближе къ истинѣ, хотя все еще далеки отъ нея. Не только меньшинство руководитъ большинствомъ, иногда въ бо̀льшинствѣ можетъ преобладать собственность и дарованіе и при всемъ томъ оно бываетъ въ подчиненіи насильственномъ или какомъ другомъ, у меньшинства, которое въ томъ и другомъ отношеніи стоитъ ниже его. Чтобъ всѣ эти разнообразные элементы силы могли имѣть политическое вліяніе, они должны быть организованы и выгоды организаціи на сторонѣ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ правленіе. Партія слабѣйшая въ отношеніи ко всѣмъ другимъ элементамъ силы, можетъ преобладать, если ко всему этому къ ней на вѣсы брошена правительственная сила, и вслѣдствіе этого одного можетъ долго удерживать верхъ; хотя, безъ сомнѣнія, такъ поставленное правительство находится въ положеніи, которое въ механикѣ зовется мгновеннымъ равновѣсіемъ, въ положеніи предмета, стоящаго на своемъ тонкомъ концѣ, такъ что выведенный изъ равновѣсія онъ болѣе и болѣе стремится выйти изъ своего прежняго положенія вмѣсто того, чтобъ воротиться къ нему.

Но есть еще болѣе сильныя возраженія на эту теорію правленія въ предѣлахъ, въ какихъ она обыкновенно представляется. Общественная сила, имѣющая стремленіе пере-

ходить въ политическую силу, не есть сила инерціи, пассивная, но дѣятельная; другими словами сила, которую дѣйствительно прилагаютъ на дѣлѣ, собственно говоря очень небольшая доля существующей силы. Говоря политическимъ языкомъ, большая часть всякой силы состоитъ въ волѣ. Какъ-же можно, послѣ этого, въ перечисленіи элементовъ политической силы, упускать изъ счету тѣ, которыя дѣйствуютъ на волю. Кто думаетъ, что достаточно имѣть въ рукахъ общественную силу, чтобъ завладѣть подъ конецъ и правительственной силой, и что поэтому нѣтъ нужды стараться о вліяніи на складъ правительственныхъ формъ путемъ вліянія на мнѣнія, — тотъ позабываетъ, что мнѣніе само по себѣ одна изъ значительнѣйшихъ общественныхъ силъ. Одно лицо съ убѣжденіемъ есть соціальная сила, равная девяносто девяти лицамъ, имѣющимъ одни только интересы. Кто успѣлъ создать общее убѣжденіе, что извѣстная правительственная форма или какой-нибудь общественный фактъ достоенъ предпочтенія, тотъ сдѣлалъ самый важный шагъ, какой только можно сдѣлать, чтобъ склонить общественныя силы на сторону этого факта. Въ тотъ день, когда въ Іерусалимѣ первый мученикъ былъ побитъ камнями на смерть, между тѣмъ какъ будущій просвѣтитель язычниковъ стоялъ тутъ-же «соглашаясь на его смерть» повѣрилъ-ли бы кто-нибудь, что партія побитаго камнями человѣка была тамъ и въ ту самую пору наибольшей общественной силой? И не оправдали-ли этого событія? Потому, что ихъ вѣра была самая могущественная между всѣми тогда существовавшими вѣрами. Тоже самое начало сдѣлало изъ Виттенбергскаго монаха на собраніи Вормскаго собора болѣе значительную соціальную силу, чѣмъ императоръ Карлъ V и всѣ тамъ собравшіеся принцы. Но, мо-

гутъ сказать, во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло касалось религіи, а религіозныя убѣжденія имѣютъ особую, имъ свойственную силу. Въ такомъ случаѣ возьмемъ случай совершенно политическій, гдѣ, хотя и была замѣшена религія, но она стояла на сторонѣ проигравшихъ дѣло. Если кто хочетъ убѣдиться, что отвлеченная мысль есть одна изъ главныхъ элементовъ общественной силы, тотъ пусть вспомнитъ тотъ вѣкъ, когда едва-ли былъ престолъ въ Европѣ, который бы не былъ занятъ либеральнымъ любящимъ преобразованія королемъ, либеральнымъ и преобразующимъ императоромъ и, что всего страннѣе, либеральнымъ и преобразующимъ папой: вѣкъ Фридриха Великаго, Екатерины II, Іосифа II, Петра Леопольда, Бенедикта XIV, Ганганелли, Помбаля, д'Аранда, когда сами неаполитанскіе Бурбоны были либералами и реформаторами, когда всѣ дѣятельные умы французской аристократіи были исполнены идей, которыя вскорѣ обошлись имъ столь дорого. Разительное доказательство того, какъ часто физическія и экономическія силы еще не составляютъ всей общественной силы. Не измѣненіемъ въ распредѣленіи матеріальныхъ выгодъ, но распространеніемъ нравственныхъ убѣжденій положенъ конецъ торговлѣ неграми въ Британской имперіи и другихъ странахъ. Освобожденіе крѣпостнаго сословія въ Россіи, произойдетъ, если не изъ чувства долга, то покрайней мѣрѣ отъ распространенія болѣе просвѣщеннаго взгляда на настоящія выгоды государства. *Какъ* люди мыслятъ, опредѣляетъ *что* они дѣлаютъ, и если мнѣнія и убѣжденія обыкновенныхъ людей въ гораздо бо́льшей мѣрѣ зависятъ отъ ихъ личнаго положенія, чѣмъ отъ разума, не малое вліяніе имѣютъ на нихъ и мнѣнія и убѣжденія тѣхъ, которые занимаютъ иное положеніе, чѣмъ они и совокупный

авторитетъ образованныхъ людей. Поэтому, если всѣ вообще образованные люди могутъ придти къ заключенію, что такое-то соціальное устройство, такое политическое или какое другое учрежденіе хорошо, а другое дурно, одно желательно, другое достойно осужденія, уже этого одного очень достаточно, чтобъ дать одному и отнять отъ другаго содѣйствіе общественной силы, которая одна даетъ ему возможность существовать. Такимъ образомъ истина, по которой правленіе страны бываетъ такимъ какимъ создаютъ его необходимо существующія общественныя силы, эта истина вѣрна только въ томъ смыслѣ, въ которомъ она поощряетъ, вмѣсто того, чтобъ отвращать попытку разумнаго выбора между всѣми формами правленія, возможными въ данномъ состояніи общества.

Гос. Истор. Науч. Б-ка
Инвент. №
193 г.

ГЛАВА II.

Критеріумъ хорошей формы правленія.

Такъ-какъ форма правленія въ какой-нибудь данной странѣ можетъ быть въ предѣлахъ извѣстныхъ условій предметомъ выбора, то и слѣдуетъ разсмотрѣть теперь, какими признаками долженъ руководиться выборъ, какія отличительныя принадлежности формы правленія, болѣе всего свойственной служить интересамъ даннаго общества.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію, можетъ показаться необходимымъ опредѣлить: каковы настоящія функціи правленія; потому что если правленіе есть собственно говоря только средство, то и выборъ этого средства долженъ зависѣть отъ его близости къ цѣли. Но такая постановка задачи менѣе помогаетъ изслѣдованію, чѣмъ можно было ожидать, и даже нераскрываетъ всей сущности вопроса. Потому что во-первыхъ, настоящія функціи правленія не суть что-либо опредѣленное, но бываютъ различны въ различныхъ состояніяхъ общества, и гораздо обширнѣе въ его неразвитомъ состояніи, чѣмъ въ развитомъ. Во-вторыхъ, характеръ правленія или ряда политическихъ учрежденій не можетъ быть достаточно оцѣненъ, если мы обратимъ наше вниманіе исключительно на законные предѣлы правительствен-

ныхъ отправленій; потому что, если хорошее вліяніе управленія по необходимости ограничено этою сферой, его дурное вліяніе къ несчастію не ограничено. Всякій родъ и степень зла, какому только доступно человѣчество, можетъ быть навлечено на него его правительствомъ, и всякое добро, какому открыта общественная жизнь, можетъ быть осуществлено лишь на столько, на сколько система правленія согласуется съ нимъ и даетъ возможность его достигнуть. Не говоря уже о непрямомъ вліяніи, прямое вмѣшательство общественныхъ властей не имѣетъ другихъ необходимыхъ границъ, кромѣ границъ человѣческой жизни; и вліяніе правительства на общественное благосостояніе можетъ быть обсуждаемо и оцѣнено только по отношенію ко всей суммѣ человѣческихъ интересовъ.

Будучи такимъ образомъ принуждены искать критеріума хорошаго и дурнаго правительства въ такомъ сложномъ предметѣ, какъ общіе интересы общества, мы охотно попытаемся установить нѣкотораго рода распредѣленіе этихъ интересовъ, которое, разбирая ихъ по извѣстнымъ группамъ, могло-бы дать указаніе на тѣ свойства, какія потребны правительству, чтобъ удовлетворить каждому изъ этихъ интересовъ. Было-бы гораздо удобнѣе, если бы мы могли сказать, что благосостояніе общества состоитъ изъ такихъ и такихъ-то элементовъ; что одни изъ нихъ предполагаютъ такія условія, другіе — другаго рода; правительство въ высшей мѣрѣ соединяющее въ себѣ всѣ эти условія было бы тогда лучшей формой правленія. Такимъ путемъ теорія правленія была-бы построена изъ отдѣльныхъ теоремъ элементовъ, составляющихъ благосостояніе общества.

Къ несчастію, перечислить и распредѣлить всѣ состав-

ныя части общественнаго благосостоянія такъ, чтобъ составленіе такого рода теоремъ сдѣлалось возможнымъ, задача не легкая.—Многими изъ тѣхъ, кто въ послѣднемъ или настоящемъ поколѣніи занимался философіей политики въ болѣе или менѣе обширномъ смыслѣ, чувствовалась необходимость подобной классификаціи, но попытка въ этомъ направленіи ограничивалась, сколько мнѣ извѣстно, первымъ шагомъ. Классификація начинается и заканчивается распредѣленіемъ общественныхъ потребностей по двумъ главнымъ отдѣламъ Порядка и Прогресса (по фразеологіи французскихъ мыслителей), Покоя и Движенія по словамъ Кольриджа. Это раздѣленіе нравится и привлекаетъ яркою по видимому противоположностью между двумя ея частями и замѣчательнымъ различіемъ чувства, какое та и другая возбуждаетъ. Но я нахожу, что различіе Порядка или Покоя и Прогресса, принимаемое для выраженія качествъ необходимыхъ правленію, хотя и можетъ быть допущено какъ предметъ популярной бесѣды, во всякомъ случаѣ не научно и неточно.

Прежде всего, что такое Порядокъ и Прогрессъ? Что касается прогресса, то нѣтъ затрудненія, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда. Когда говорятъ о прогрессѣ, какъ объ одной изъ потребностей человѣческаго общества, то всегда предполагается усовершенствованіе. Понятіе само по себѣ довольно ясное. Но, что такое Порядокъ? Иногда онъ означаетъ больше, иногда меньше, но едва-ли онъ когда-нибудь обнимаетъ совокупность всего того, что потребно обществу, кромѣ усовершенствованія.

Въ самомъ тѣсномъ смыслѣ Порядокъ означаетъ повиновеніе. О правительствѣ говорятъ, что оно поддерживаетъ порядокъ, если ему удается поддержать повиновеніе. Но

есть различныя степени повиновенія, и не всякая степень равно желательна. Только несмягченный ничѣмъ деспотизмъ требуетъ отъ каждаго гражданина безусловнаго повиновенія всякому приказу лица, власть имѣющаго. Мы должны ограничить наше опредѣленіе по крайней мѣрѣ приказаніями общаго свойства, изданными въ непремѣнной формѣ закона. Такой порядокъ безъ сомнѣнія составляетъ необходимую принадлежность правленія. Кто не можетъ заставить повиноваться своимъ велѣніямъ, про того нельзя сказать, что онъ управляетъ. Но хотя это и составляетъ необходимое условіе правленія, оно еще не есть цѣль его. Ему необходимо заставить себѣ повиноваться для того, чтобъ мочь достигнуть какихъ-нибудь другихъ цѣлей. Намъ все еще остается отыскать, какая это другая цѣль правленія, которой оно должно достигнуть помимо идеи усовершенствованія, и которая должна быть достигнута во всякомъ обществѣ, какъ въ консервативномъ, такъ и въ прогрессивномъ.

Въ смыслѣ болѣе широкомъ, Порядокъ означаетъ сохраненіе мира прекращеніемъ частнаго насилія. Порядокъ признается существующимъ во всѣхъ странахъ, гдѣ народъ вообще не рѣшаетъ уже своихъ ссоръ собственными средствами, но пріобрѣлъ привычку обращаться за ихъ рѣшеніемъ къ общественнымъ властямъ. Въ этомъ обширномъ значеніи слова, какъ и въ прежнемъ болѣе узкомъ, порядокъ скорѣе выражаетъ одно изъ условій правленія, чѣмъ его цѣль или признакъ его превосходства; потому что можетъ существовать привычка повиноваться правительству и за всѣми спорными дѣлами обращаться къ его власти, а между тѣмъ способы, съ какими правительство относится къ этимъ спорнымъ вопросамъ и къ другимъ предметамъ

подлежащимъ его вѣдѣнію, могутъ также сильно разниться другъ отъ друга, какъ худшее разнится отъ лучшаго.

Если мы хотимъ обнять въ идеѣ порядка всё, чего общество требуетъ отъ своего правительства и что незаключается въ идеѣ прогресса, то мы должны сказать, что порядокъ есть охраненіе всей суммы всякаго рода существующаго добра и что въ увеличеніи его состоитъ прогрессъ. Такое дѣленіе заключаетъ въ томъ или другомъ своемъ отдѣлѣ все, что только можно требовать, чтобъ правительство развивало. Но такъ понимаемое дѣленіе не представляетъ достаточнаго основанія для философіи правленія. Мы не можемъ сказать, что при созданіи извѣстной государственной формы, такія-то мѣры слѣдуетъ принять для порядка, такія то для прогресса, такъ какъ условія порядка, въ сейчасъ указанномъ смыслѣ тѣже что и прогресса и нисколько не противоположны имъ. То, что охраняетъ общественное благосостояніе, уже существующее, тоже дѣйствуетъ и на его увеличеніе, и наоборотъ; вся разница въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ потребно бо̀льшее количество дѣятельныхъ силъ, чѣмъ въ первомъ.

Какія, напримѣръ, личныя качества гражданъ всего болѣе ведутъ къ сохраненію той мѣры хорошихъ нравовъ и поступковъ, успѣха и благосостоянія, которая уже существуетъ въ извѣстномъ обществѣ. Всякій согласится, что эти качества—прилежаніе, честность, справедливость и благоразуміе. Но не они-ли болѣе всего ведутъ къ совершенствованію? Не составляетъ-ли возрастаніе этихъ качествъ въ обществѣ самое большее изъ совершенствованій? Если такъ, то качества, развивающія въ обществѣ трудъ, честность, справеливость и благоразуміе, одинаково ведутъ къ порядку и прогрессу,

только, чтобы сдѣлать общество рѣшительно прогрессивнымъ, качествъ этихъ требуется больше, чѣмъ для того, чтобъ поддержать его въ данномъ положеніи.

Каковы, съ другой стороны, свойства человѣческой природы, которыя обнаруживаютъ болѣе близкое отношеніе къ прогрессу и не ведутъ непосредственно къ идеямъ порядка и сохраненія? Свойства эти главнымъ образомъ— умственная дѣятельность, предпріимчивость и мужество. Но эти качества не столько ли же нужны для сохраненія существующаго добра, сколько и для увеличенія его! Если есть что-либо достовѣрнаго въ людскихъ дѣлахъ, такъ это то, что цѣнныя пріобрѣтенія могутъ быть сохраняемы только подъ условіемъ постояннаго дѣйствія тѣхъ силъ, которыя послужили пріобрѣтенію. Вещи, предоставленныя самимъ себѣ, необходимо погибаютъ. Въ комъ успѣхъ уменьшилъ заботливость и предусмотрительность, а вмѣстѣ и готовность идти навстрѣчу непріятностямъ, тотъ рѣдко продержится долго на высотѣ успѣха. Качества ума, исключительно ведущія къ прогрессу и представляющіе завершеніе всѣхъ стремленій къ нему,—оригинальность и изобрѣтательность. Но и онѣ не менѣе необходимы для сохраненія, потому что при неизбѣжныхъ перемѣнахъ человѣческихъ дѣйствій постоянно возникаютъ новые недостатки и опасности, которые должны быть устранены новыми мѣрами и средствами, лишь бы сохранить прежній порядокъ вещей. Такимъ образомъ тѣ качества, которыя въ правленіи способствуютъ развитію дѣятельности, энергіи, мужества, оригинальности, на столько-же способствуютъ сохраненію, на сколько и прогрессу; только въ среднемъ выводѣ, нѣсколько меньшая доля этихъ качествъ необходима для первой цѣли, чѣмъ для второй.

Переходя теперь отъ духовныхъ потребностей общества къ его внѣшнимъ, объективнымъ, нельзя указать ни на одно политическое учрежденіе, ни на одно устройство общественныхъ дѣлъ, которое-бы вело къ одному порядку или къ одному прогрессу; что только содѣйствуетъ одному, служитъ другому. Возьмите для примѣра обыкновенное учрежденіе полиціи. Главною цѣлью этой части общественнаго устройства является, казалось бы, порядокъ. Между тѣмъ, если она дѣйствуетъ на сохраненіе порядка, если она подавляетъ преступленіе и даетъ каждому возможность чувствовать и себя и свою собственность въ безопасности, развѣ есть порядокъ вещей, болѣе этого ведущій къ прогрессу? Наибольшая безопасность собственности, есть одно изъ главныхъ условій и причинъ наибольшей производительности, а это и есть прогрессъ въ его болѣе обыкновенномъ, общеупотребительномъ смыслѣ. Болѣе совершенное подавленіе преступленій уменьшаетъ и склонность къ преступленіямъ — это прогрессъ въ нѣсколько высшемъ значеніи слова. Освобожденіе личности отъ заботъ и опасеній, соединенныхъ съ состояніемъ неполной безопасности, даетъ ея способностямъ болѣе простора на всякое новое усиліе къ улучшенію собственнаго быта и положенія другихъ, и въ тоже время, привязывая ее къ общественному положенію и отучая смотрѣть на людей, какъ на своихъ настоящихъ или будущихъ враговъ, воспитываетъ въ ней то благодушіе и чувство братства къ другимъ, тотъ интересъ къ благосостоянію общества, которыя составляютъ необходимыя условія соціальнаго прогресса.

Возьмите еще самый простой примѣръ, хорошую систему налоговъ и финансовъ. Обыкновенно ее отнесли-бы къ области Порядка; а между тѣмъ, что можетъ

болѣе содѣйствовать прогрессу? Финансовая система, способствующая одному, вслѣдствіе тѣхъ же качествъ ведетъ и къ другому. Бережливость, напримѣръ, одинаково сохраняетъ существующій капиталъ народнаго богатства и способствуетъ къ увеличенію его. Правильное распредѣленіе налоговъ, представляя каждому гражданину примѣръ нравственности и добросовѣстности въ столь трудномъ предметѣ и доказательство того уваженія, которое питаетъ къ этимъ качествамъ правительство, служитъ въ высшей степени къ воспитанію нравственныхъ чувствъ въ обществѣ, а именно силы и разсудительности. Такой способъ взиманія податей, не препятствуя промышленности и не стѣсняя безъ нужды свободы гражданъ, способствуетъ не только сохраненію, но и увеличенію народнаго богатства и побуждаетъ къ болѣе производительному употребленію личныхъ способностей; и на оборотъ, всѣ ошибки въ системѣ финансовъ и налоговъ, препятствующія прогрессу народа въ отношеніи къ богатству и нравственности, положительно ведутъ къ обѣдненію и деморализаціи народа, если онѣ достаточно-серьезнаго свойства. Говоря вообще, если принимать Порядокъ и Покой въ ихъ обширнѣйшемъ смыслѣ, то есть, какъ сохраненіе существующихъ выгодъ, то требованія прогресса будутъ не что иное, какъ требованія порядка, только въ большей мѣрѣ; а требованія порядка будутъ тѣ же требованія прогресса только въ меньшей мѣрѣ.

Въ подтвержденіе той истины, что Порядокъ внутренно разнится отъ Прогресса и что сохраненіе существующаго и пріобрѣтеніе новаго блага представляютъ достаточно различія для установленія основательной классификаціи, намъ могутъ привести то, что Прогрессъ часто существуетъ на счетъ Порядка; что пріобрѣтая, или стараясь пріобрѣсть

какое нибудь одно благо, мы можемъ потерять другое; такъ напр., возможное увеличеніе богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе добродѣтели. Если допустить это, то этимъ еще не доказывается родовое отличіе прогресса и порядка, а только то, что богатство разнится отъ добродѣтели. Прогрессъ есть сохраненіе и что-то еще сверхъ того, и это неопровергается, когда говорятъ, что прогрессъ въ одномъ отношеніи еще не предполагаетъ сохраненія во всякомъ другомъ. Точно также прогрессъ въ одномъ отношеніи не предполагаетъ прогресса во всякомъ другомъ. Но прогрессъ въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ предполагаетъ въ немъ и сохраненіе: если же сохраненіе приносится въ жертву какого-бы то ни было рода прогрессу, то еще болѣе приносится ему въ жертву всякой другой прогрессъ; и если жертва безплодна, то тогда не только опущены изъ виду интересы сохраненія, но и общія интересы прогресса остались не понятыми.

Если въ попыткѣ ученымъ образомъ опредѣлить понятіе хорошаго правленія непремѣнно желать употребить эти, несправедливо противоположенныя другъ другу, идеи, то было-бы философски правильнѣе опустить въ опредѣленіи слово Порядокъ и просто сказать, что лучшее правленіе то, которое всего болѣе ведетъ къ прогрессу. Потому что прогрессъ предполагаетъ порядокъ, но порядокъ не предполагаетъ прогресса. Прогрессъ есть высшая степень того, что порядокъ представляетъ въ меньшей. Порядокъ, во всякомъ другомъ смыслѣ, обнимаетъ только часть необходимыхъ условій хорошаго правленія, а нисколько не его идею и существо. Порядку всего приличнѣе указать мѣсто между условіями прогресса, такъ какъ, если-бы мы захотѣли увеличить сумму нашего бла-

госостоянія, то прежде всего необходимо позаботиться должнымъ образомъ о томъ, что у насъ уже есть. Если мы стремимся къ пріобрѣтенію большаго богатства, то первымъ нашимъ правиломъ должно быть—не расточать безъ пользы имѣющихся средствъ. Съ этой точки зрѣнія порядокъ является не какимъ-либо побочнымъ предметомъ, который еще приходится мирить съ прогрессомъ, но частью и средствомъ самаго прогресса. Если выигрышъ въ одномъ какомъ-либо отношеніи покупается болѣе чѣмъ одинаковой потерей въ томъ же отношеніи или въ какомъ другомъ, то прогресса нѣтъ. Свойства хорошаго правленія состоятъ въ способности къ такъ понимаемому прогрессу.

Но и такое опредѣленіе критеріума хорошаго правленія, хотя и можетъ быть оправдано метафизически, все-же неудовлетворительно, потому что хотя оно и обнимаетъ всю истину, но вызываетъ идею одной только стороны ея. Слово прогрессъ вызываетъ идею движенія впередъ, между тѣмъ какъ въ этомъ смыслѣ оно на столько же означаетъ препятствіе къ обратному движенію. Тѣ же самыя общественныя причины, тѣ же вѣрованія, чувства, учрежденія и поступки, какія требуются для предохраненія общества отъ движенія назадъ, потребны и для его движенія впередъ. Если бы даже не было надежды на лучшее, жизнь все-таки представила-бы, какъ и теперь, постоянную борьбу съ началами разрушенія. Въ этомъ состояла вся государственная мудрость, по понятіямъ древнихъ. Люди и ихъ дѣла естественно склонны вырождаться, но этой склонности можно на нѣкоторое время противодѣйствовать хорошими учрежденіями, умно употребленными. Хотя мы болѣе не держимся этого мнѣнія, хотя въ настоящее время большая часть людей утверждаетъ противное, вѣруетъ въ общее стрем-

леніе всѣхъ вещей къ усовершенствованію, не должно забывать однакожъ, что есть въ людскихъ дѣлахъ постоянное и всегда живое влеченіе къ дурному, обнаруживающееся въ дурачествахъ, порокахъ, нерадѣніи, лѣни, которое ограничивается и держится въ должныхъ предѣлахъ только постоянными или временными усиліями нѣсколькихъ людей, направленными ко всему доброму и хорошему. Мы получимъ не полную идею о всей важности этихъ усилій, поднятыхъ на усовершенствованіе и возвеличеніе человѣческой природы, если предположимъ, что ихъ главное значеніе измѣряется количествомъ пріобрѣтенныхъ ими дѣйствительныхъ улучшеній, и что прекращеніе ихъ дѣятельности имѣло бы слѣдствіемъ только то, что мы остались бы въ томъ положеніи, въ какомъ находимся. Незначительное уменьшеніе этихъ усилій не только-бы остановило усовершенствованіе, но и содѣйствовало естественной склонности вещей къ искаженію, которое, получивъ начало, продолжалось бы съ большей и большей быстротою, представляя все менѣе и менѣе возможности остановить его, пока не достигло-бы наконецъ такого состоянія, которое такъ часто встрѣчается въ исторіи, и въ которомъ даже теперь коснѣетъ большая часть человѣческаго рода, гдѣ кажется только одна нечеловѣческая сила способна отвратить теченіе и дать здоровый толчекъ движенію впередъ.

Эти причины дѣлаютъ столь же не удобнымъ ставить слово прогрессъ въ основаніе классификаціи необходимыхъ условій формы правленія, какъ и слова порядокъ и покой. Коренная противоположность, выражаемая этими словами не столько лежитъ въ самихъ предметахъ, сколько въ типахъ соотвѣтствующихъ человѣческихъ характеровъ. Въ однихъ умахъ, какъ извѣстно, преобладаетъ осторожность, въ дру-

гихъ отважность; въ однихъ желаніе не подвергать опасности то, чѣмъ они уже владѣютъ, гораздо сильнѣе желанія, побуждающаго къ улучшенію существующихъ и пріобрѣтенію новыхъ преимуществъ; между тѣмъ какъ другіе идутъ противоположнымъ путемъ, болѣе заботясь о будущемъ благосостояніи, чѣмъ о настоящемъ. У тѣхъ и другихъ одинъ путь къ ихъ цѣлямъ, но имъ приходится отступать отъ него въ противоположныхъ направленіяхъ. Это особенно важно, когда касается дѣло образованія личнаго состава какой-нибудь политической корпораціи: въ нее слѣдуетъ допускать лицъ того и другаго тина, чтобы они умѣряли своими вліяніями крайнія стремленія другъ друга. Для достиженія этой цѣли не надо какихъ-либо особыхъ мѣръ, лишь-бы не допустить чего-либо такого, что препятствуетъ ему. Естественное и разумное соединеніе старыхъ и молодыхъ, тѣхъ, которые уже составили себѣ положеніе и репутацію, и тѣхъ, которымъ еще остается сдѣлать то и другое, вообще достаточно соотвѣтствуетъ цѣли, если только это естественное равновѣсіе не поколеблено искусственными установленіями.

Такъ какъ различіе, обыкновенно употребляемое для классификаціи общественныхъ потребностей, не представляетъ необходимыхъ для этого качествъ, то намъ остается искать какого-нибудь другаго кореннаго различія, которое-бы ближе соотвѣтствовало цѣли. На такое различіе, кажется мнѣ, наводятъ разсужденія, къ которымъ я обращусь теперь.

Если мы спросимъ себя, отъ какихъ причинъ и условій зависитъ хорошее правленіе, какъ въ его самомъ обыкновенномъ, такъ—и самомъ обширномъ смыслѣ, то найдемъ, что главное изъ нихъ, превосходящее всѣ другія, лежитъ въ ка-

чествахъ лицъ, составляющихъ общество, для которыхъ то правленіе существуетъ.

Возьмемъ для перваго примѣра управленіе правосудіемъ, тѣмъ болѣе, что едва-ли есть другой отдѣлъ общественной дѣятельности, гдѣ-бы чисто механическая часть, правила и умѣнье вести подробности операціи, имѣли-бы такое жизненное значеніе. Между тѣмъ и здѣсь они уступаютъ въ значеніи свойствамъ употребленныхъ человѣческихъ дѣятелей. Какую пользу принесутъ всѣ правила дѣлопроизводства дѣлу правосудія, если нравственное состояніе народа таково, что свидѣтели обыкновенно лгутъ, а судьи и ихъ подчиненные берутъ взятки? Точно также, какимъ образомъ могутъ учрежденія повести къ хорошему муниципальному управленію, при такомъ равнодушіи къ дѣлу, что тотъ, кто могъ бы служить честно и хорошо, не чувствуетъ побужденія служить, а должности предоставляются тѣмъ, кто видитъ въ нихъ только средство помочь своимъ личнымъ интересамъ? Къ чему служитъ самая широкая система народнаго представительства, если избиратели не заботятся выбрать лучшаго члена парламента, но выбираютъ того, кто больше истратитъ денегъ для своего избранія? Какимъ образомъ будетъ хорошо дѣйствовать представительное собраніе, если его члены могутъ быть подкуплены, если ихъ раздражительность, несдерживаемая ни общественной дисциплиной, ни самообладаніемъ, дѣлаетъ ихъ неспособными къ покойному обсужденію дѣла и доводитъ ихъ до схватокъ въ стѣнахъ парламента, и даже до стрѣльбы? Наконецъ, есть-ли возможность, чтобы правленіе или какое общее дѣло шло сколько-нибудь сноснымъ образомъ у народа, гдѣ достаточно одному показать признаки успѣха, чтобы всѣ тѣ, отъ кого

слѣдовало-бы ожидать содѣйствія, составили противъ него тайный союзъ. Когда общее расположеніе народа таково, что каждое лицо занято единственно своими личными политическими интересами, и ни сколько не заботится о своей долѣ въ общественныхъ интересахъ,— при такомъ положеніи дѣлъ хорошее правленіе невозможно. Вредное вліяніе умственныхъ недостатковъ на начала хорошаго правленія, не требуетъ особыхъ объясненій. Правленіе состоитъ изъ дѣйствій совершаемыхъ людьми; если эти дѣятели, или ихъ избиратели, или тѣ передъ кѣми они отвѣтственны, или тѣ наконецъ, которые сами не дѣйствуютъ, но которыхъ мнѣніе должно ихъ контролировать и вліять на нихъ, представляютъ собою необразованную массу, полную тупоумія и бѣдственныхъ предразсудковъ,—тогда всѣ правительственныя распоряженія будутъ неудачны. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ люди возвышаются надъ этимъ уровнемъ и правленіе будетъ стремиться къ совершенству, достижимому, но не достигнутому еще и тамъ, гдѣ всѣ служители правленія—лица высшаго ума и добродѣтели и окружены атмосферой честнаго и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія.

Такъ-какъ поэтому первое основаніе хорошаго правленія есть добродѣтель и умъ людей, составляющихъ общество, то самое высшее условіе совершенства, какого можетъ достигнуть извѣстная форма правленія, состоитъ въ развитіи добродѣтели и ума въ самомъ народѣ. Первый вопросъ когда дѣло идетъ о политическихъ учрежденіяхъ касается того, на сколько онѣ способны воспитать въ членахъ общества различныя требуемыя качества, нравственныя и умственныя, или слѣдуя болѣе полной классификаціи Бентама — нравственныя, умственныя и активныя. То правленіе, ко-

торое всего совершеннѣе съ этой стороны, будетъ по всѣмъ вѣроятностямъ самымъ совершеннымъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ-какъ отъ мѣры существованія этихъ качествъ, въ народѣ, зависитъ вся возможность хорошаго въ практическихъ отправленіяхъ правительства.

И такъ мы можемъ принять за одинъ изъ критеріумовъ хорошаго правленія—его способность увеличивать сумму хорошихъ качествъ въ управляемыхъ, взятыхъ вмѣстѣ или отдѣльно, такъ-какъ помимо того, что ихъ благосостояніе есть единственная цѣль правленія, ихъ хорошія качества составляютъ именно ту двигающую силу, которая заставляетъ работать машину. За тѣмъ остается, какъ второе основное начало хорошаго правленія — свойство самаго механизма, то есть мѣра, въ какой онъ способенъ воспользоваться суммой существующихъ хорошихъ качествъ, и сдѣлать ихъ годными ихъ настоящимъ цѣлямъ. Возьмемъ опять правосудіе въ примѣръ и объясненіе. Если дана извѣстная судебная система, то качества хорошаго судопроизводства одинаково зависятъ отъ достоинства людей, засѣдающихъ въ судахъ и отъ достоинства общественнаго мнѣнія подъ вліяніемъ и контролемъ которыхъ они находятся. Но все различіе между хорошей и дурной системой судопроизводства лежитъ въ мѣрахъ, принятыхъ для того, чтобы вся сумма нравственныхъ и умственныхъ цѣнностей, существующая въ обществѣ, могла воздѣйствовать на отправленіе правосудія и вліять на его результаты. Мѣры при избраніи судей, которыя обезпечивали-бы самую большую долю ума и добродѣтелей,—хорошія формы судопроизводства,—гласность, дозволяющая открывать и критиковать злоупотребленія, — свобода преній и разбора путемъ прессы, хорошая система производства слѣдствій,—относительная лег-

кость доступа къ судамъ; мѣры употребляемыя къ открытію преступленій и къ поимкѣ преступниковъ,—все это еще не сила, а только механизмъ, приводящій силу въ столкновеніе съ препятствіемъ, механизмъ, не дѣйствующій самъ по себѣ, но безъ котораго сила, какъ бы велика не была, осталась бы безплодною и безполезною. Подобнаго же рода различіе существуетъ въ отношеніи къ исполнительной части администраціи. Ея механизмъ хорошъ, когда даны надлежащія правила для оцѣнки и поощренія, когда дѣло надлежащимъ образомъ распредѣлено между обязанными къ тому лицами; установлена надлежащая методическая послѣдовательность въ дѣлопроизводствѣ, и всему сдѣланному ведется ясный и отчетливый протоколъ; когда каждый знаетъ, за что отвѣчаетъ и всѣмъ извѣстна его отвѣтственность; когда во всякой отрасли управленія хорошо придуманъ контроль и положены границы нерадѣнію, потворству любимцамъ и плутовству.

Но политическія ограниченія не могутъ дѣйствовать сами по себѣ, какъ одна узда безъ ѣздока не управляетъ лошадью. Если дѣятели, которымъ порученъ надзоръ надъ исполнительною властью, такъ же испорчены или такъ же нерадивы какъ и тѣ, за которыми они надзираютъ, если при этомъ общество, главный рычагъ въ контролирующемъ механизмѣ, слишкомъ невѣжественно, пассивно или безпечно, чтобы заявить себя, то самый лучшій административный аппаратъ принесетъ не много добра. Все-таки хорошій аппаратъ лучше дурнаго. Онъ даетъ возможность малой двигательной или задерживающей силѣ дѣйствовать самымъ выгоднымъ способомъ; безъ него никакое количество двигательной или задерживающей силы не было бы достаточно. Гласность, напримѣръ, не препятствуетъ злу и не побуждаетъ къ добру, если общество не обращаетъ вниманія

на самое дѣло; но безъ гласности, какъ воспрепятствовать злу, какъ поощрить добро, если и видѣть то ихъ нельзя? Идеально совершенная общественная должность будетъ такая, гдѣ личныя выгоды должностнаго лица вполнѣ совпадаютъ съ его обязанностями. Никакая система не достигаетъ этого сама по себѣ; но еще менѣе это можетъ быть достигнуто безъ системы, разумно придуманной и примѣненной.

Что́ мы сказали объ устройствѣ подробностей администраціи, прилагается еще очевиднѣе къ устройству ея въ цѣломъ. Всякое правительство, которое стремится къ благу, есть организація изъ извѣстныхъ людей добрыхъ качествъ, существующихъ въ отдѣльныхъ членахъ общества, организація, которая имѣетъ цѣлью веденіе общественнаго дѣла. Представительное устройство есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ свести подъ одно знамя лучшее что есть въ обществѣ по уму и честности, свести въ одно мѣсто доблестнѣйшихъ его членовъ и дать имъ значеніе бо́льшее, чѣмъ бы они имѣли при всякой другой организаціи; хотя и при всякомъ другомъ устройствѣ вліяніе такихъ людей есть источникъ всего добра, какое только есть въ правленіи, и причина несуществованія въ немъ котораго либо изъ золъ. Чѣмъ бо́льшую сумму такихъ качествъ общественный порядокъ какой нибудь страны можетъ организовать, чѣмъ лучше самая организація, тѣмъ лучше будетъ и правительство.

Теперь, слѣдовательно, у насъ есть основаніе привести къ двумъ видамъ тѣ качества, какими можетъ обладать какая либо форма правленія. Во первыхъ, въ какой мѣрѣ она способствуетъ общему духовному развитію народа, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ развитіе умственное, развитіе нравственное и развитіе практической дѣятельности;

во вторыхъ, въ какой мѣрѣ совершенства эта форма способна организовать умственныя, нравственныя и дѣятельныя силы, уже существующія, чтобы помощію ихъ вести съ наибольшимъ успѣхомъ общественное дѣло. При оцѣнкѣ правленія надо разсматривать и то дѣйствіе, какое оно производитъ на людей, и то, какое оно производитъ на вещи; что̀ оно дѣлаетъ изъ гражданъ, и что̀ оно дѣлаетъ посредствомъ ихъ; его стремленіе совершенствовать народъ, и достоинства и недостатки дѣла, которое оно производитъ для него и помощію его. Правительство есть въ одно время и сила, дѣйствующая на духовную сторону человѣка, и рядъ учрежденій для отправленія общественныхъ дѣлъ. Въ первомъ изъ этихъ своихъ качествъ его благотворное дѣйствіе совершается по большей части косвенно, хотя оно тѣмъ не менѣе животворно; вредное же его дѣйствіе можетъ оказываться и прямо.

Различіе между этими двумя свойствами правленія существуетъ не въ одной только степени, какъ между порядкомъ и прогрессомъ, а въ самомъ корнѣ. Это не значитъ, однакожъ, чтобы между ними не было внутренней связи. Учрежденія, которыя обезпечиваютъ наилучшій ходъ дѣлъ, возможный при извѣстной степени общественнаго образованія, этимъ самымъ уже способствуютъ дальнѣйшему совершенствованію общества. Народъ, пользующійся самыми справедливыми законами и судами, самою просвѣщенною администраціею, наиболѣе справедливою и наименѣе обременительною финансовою системой, совмѣстными съ степенью его развитія,—такой народъ находится на настоящей дорогѣ къ дальнѣйшему совершенствованію. Политическія учрежденія ничѣмъ такъ не способствуютъ народному развитію, какъ хорошимъ выполненіемъ прямаго своего назначенія. И нао-

боротъ, если ихъ механизмъ устроенъ такъ дурно, что не можетъ исполнять удовлетворительно своего собственнаго дѣла, то вредныя слѣдствія окажутся во всѣхъ сферахъ: въ упадкѣ нравственности, мертвящемъ вліяніи на умъ и дѣятельность народа. Тѣмъ не менѣе различіе есть въ самой сущности этихъ двухъ видовъ: то-же, что мы сказали сейчасъ, составляетъ не болѣе, какъ одинъ изъ способовъ, посредствомъ которыхъ политическія учрежденія производятъ благотворное или вредное дѣйствіе на духовную сторону общества. Источники же и причины этого благотворнаго или вреднаго вліянія кроются въ другомъ, и должны составлять предметъ болѣе глубокаго изученія.

Изъ двухъ видовъ дѣятельности, которыми извѣстный образъ правленія или рядъ политическихъ учрежденій содѣйствуютъ общественному благосостоянію, именно дѣятельность его какъ воспитателя народа и дѣятельность его въ веденіи общественныхъ дѣлъ сообразно съ его состояніемъ образованности,—второй измѣняется гораздо менѣе, не смотря на различіе странъ и степень развитія цивилизаціи. Онъ имѣетъ также гораздо менѣе связи съ основнымъ устройствомъ правленія, чѣмъ другой видъ. Порядокъ веденія практическихъ дѣлъ, лучшій въ свободномъ правленіи, будетъ, говоря вообще, лучшимъ и въ абсолютной монархіи, хотя надо думать, абсолютная монархія приметъ его не такъ скоро. Законы о собственности, напримѣръ, правила о судебныхъ доказательствахъ и судопроизводства, система налоговъ и финансовое управленіе, не должны бы непремѣнно разниться въ различныхъ правленіяхъ. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ свои собственные принципы и правила, которые требуютъ особаго изученія. Общая юриспруденція, гражданское и уго-

ловное законодательство, финансовыя и торговыя постановленія, все это предметы отдѣльныхъ наукъ, или лучше, составныя части одной собирательной правительственной науки. Самыя свѣтлыя ученія объ этихъ предметахъ, (хотя нельзя думать, чтобъ одинаково были поняты и примѣнены въ различныхъ правленіяхъ), произвели бы во всѣхъ правленіяхъ одинаково благотворное дѣйствіе. Правда, эти ученія не могутъ быть примѣнены безъ различныхъ измѣненій ко всѣмъ степенямъ общественнаго развитія, но въ бо́льшей части случаевъ перемѣны потребуются только въ устройствѣ подробностей.

Другое дѣло съ тою частью общественныхъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ самое воспитаніе общества. Какъ средства къ достиженію этой цѣли, учрежденія должны быть совершенно различны, смотря по существующей уже степени развитія общества. Признаніе этой истины, хотя болѣе эмпирическое чѣмъ философское, составляетъ главнѣйшее преимущество политическихъ теорій нынѣшняго вѣка надъ теоріями прошедшаго; послѣднія требовали представительной демократіи для Англіи и Франціи на основаніи такихъ доводовъ, которыми можно бы было доказать, что эта же самая форма правленія есть единственно истинная и для Малайцевъ и Бедуиновъ. Общество на нисшей ступени своего развитія немного возвышается надъ высшими животными. На верхней оно стоитъ высоко, и въ будущемъ ему предстоитъ подняться еще выше. Чтобъ подняться съ одной изъ такихъ ступеней на другую высшую, обществу необходимо содѣйствіе многихъ дѣятелей, между которыми главнѣйшій— это его правленіе. На всякой ступени человѣческаго развитія родъ и размѣръ власти правительства надъ подданными, распредѣленіе власти, условія начальствованія и под-

чиненности, составляютъ, за исключеніемъ религіозныхъ вѣрованій, самыя могущественныя изъ всѣхъ вліяній, которыя дѣлаютъ народъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и приготовляютъ его къ тому, чѣмъ онъ будетъ. Общество можетъ быть остановлено вдругъ на всякой ступени своего развитія, если къ нему будетъ приложена форма правленія несообразная съ особенностями этой ступени. Одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ правленія, за которое ему можно простить какую угодно сумму недостатковъ, (если только они не такого рода, чтобъ задерживали прогрессъ), заключается въ томъ, что оно благопріятствуетъ, или по крайней мѣрѣ, не препятствуетъ переходу общества на слѣдующую, высшую ступень его дальнѣйшаго развитія.

Такимъ образомъ (взявъ опять прежній примѣръ) народъ, находящійся въ состояніи дикой независимости, когда каждый живетъ для себя, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, внѣ всякаго посторонняго контроля,—такой народъ не можетъ въ дѣйствительности сдѣлать ни шагу къ образованію прежде, чѣмъ не научится повиноваться. Слѣдовательно первое достоинство вновь водворяющагося правительства состоитъ въ томъ, чтобъ его слушали; а для этого необходимо, чтобъ оно пользовалось властью почти, или даже совершенно, деспотическою. Правительство, въ какой бы ни было мѣрѣ народное, основанное на добровольномъ пожертвованіи со стороны отдѣльныхъ членовъ общества частью свободы, не будетъ имѣть достаточно силъ, чтобъ заставить своихъ воспитанниковъ выучить первый урокъ цивилизаціи. Поэтому, цивилизація такихъ народовъ, если она не результатъ соприкосновенія съ народами болѣе развитыми, почти всегда есть дѣло неограниченнаго властелина, которому власть

досталась помощію религіи, военныхъ подвиговъ, или, и очень часто, помощію чужаго оружія.

Сверхъ того, необразованные народы, и при томъ храбрѣйшіе и энергичнѣйшіе болѣе чѣмъ другіе, имѣютъ отвращеніе ко всякому постоянному труду, если онъ не возбудительнаго свойства. Но это цѣна дѣйствительной цивилизаціи; безъ такого труда духъ человѣческій не пріучится къ дисциплинѣ, требуемой цивилизованнымъ обществомъ, а вещественный міръ не будетъ приготовленъ къ принятію этого общества. Нужно рѣдкое стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, а потому часто долгій періодъ времени, чтобъ пріучить народъ къ промышленности, если впрочемъ онъ не принужденъ къ тому, на нѣкоторое время, силою. Въ этомъ случаѣ, даже личное рабство, какъ начало промышленной жизни, которую оно заставляетъ вести многочисленнѣйшую часть общества, можетъ ускорить переходъ къ лучшему роду свободы, чѣмъ свобода грабежа и драки. Едва ли есть надобность упоминать, что такой родъ извиненія рабства пригоденъ лишь въ случаяхъ самаго ранняго періода общества. У образованныхъ народовъ есть совсѣмъ иныя средства для введенія образованности въ странахъ, находящихся подъ ихъ вліяніемъ; рабство же, въ свою очередь, до такой степени противно владычеству закона, составляющему основаніе новѣйшей жизни; оно до такой степени извращаетъ нравственность господствующаго класса, если только этотъ классъ подпалъ вліянію цивилизаціи, что его принятіе въ новѣйшемъ обществѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, есть шагъ гораздо худшій, чѣмъ возвращеніе къ варварству.

Между тѣмъ, почти каждый изъ нынѣшнихъ образованныхъ народовъ, въ одинъ изъ періодовъ своего существованія, со-

стоялъ главнымъ образомъ изъ рабовъ. Чтобы перейти изъ такого положенія въ высшее, народу нужно правленіе, вовсе иное, чѣмъ націи дикихъ. Если это народъ энергическій по природѣ, если въ его средѣ есть промышленные классы, не принадлежащіе ни къ числу рабовъ, ни къ числурабовладѣльцевъ (какъ было въ Греціи), то такому народу для обезпеченія дальнѣйшаго его развитія нужна, я думаю, одна только свобода. Получивъ свободу, бывшіе рабы могутъ, подобно римскимъ отпущенникамъ, быть тотчасъ способны пользоваться полными правами гражданства. Это, однакожъ, не есть нормальное условіе рабства, а напротивъ скорѣе доказываетъ, что рабство сдѣлалось несвоевременнымъ. Собственно, такъ называемый рабъ, есть существо, которое еще не научилось заботиться о самомъ себѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, одною ступенью выше дикаря. Ему уже не нужно выучивать первый урокъ политической общественности. Онъ уже научился повиноваться. Но онъ повинуется еще только прямому приказанію. Характеристическая черта природнаго раба—это его неспособность сообразовать свои поступки съ правилами или законами. Онъ дѣлаетъ только то, что ему приказано, и при томъ только тогда, когда это приказано. Когда человѣкъ, внушающій ему страхъ, стоитъ надъ нимъ и грозитъ—онъ повинуется, но едва тотъ отвернулся—работа останавливается. Доводы, которыми хотятъ его убѣдить, должны основываться не на его интересахъ, а на его инстинктахъ: непосредственной надеждѣ или непосредственномъ страхѣ. Деспотизмъ, который можетъ укротить дикую волю, на сколько онъ остается деспотизмомъ, только утверждаетъ раба въ его неспособности. При всемъ томъ, правительство подъ собственнымъ контролемъ рабовъ было бы совершенно негодно. Ихъ развитіе не можетъ

выйти изъ нихъ самихъ; побужденіе должно придти извнѣ. Шагъ, который имъ нужно сдѣлать и единственный путь къ развитію, состоитъ въ замѣнѣ правительства произвола правительствомъ закона. Имъ надо учиться самоуправленію, а это, въ первоначальномъ видѣ, значитъ умѣнье дѣйствовать сообразно съ общими правилами. Въ правительствѣ имъ нужна не сила, а руководитель. Находясь однакоже на слишкомъ низкой степени развитія, чтобы податься на совѣты кого бы то ни было, кто не владѣетъ силой, они имѣютъ нужду въ такомъ правительствѣ, которое бы владѣло силой, но рѣдко ее прилагало: деспотизмъ родоначальниковъ, аристократія, какую предлагаетъ Сенъ-Симонъ въ своемъ ученіи. Такая аристократія, имѣя общій надзоръ за всѣми дѣйствіями общества, такъ что каждый его членъ чувствуетъ присутствіе силы, могущей принудить его къ исполненію принятаго правила—въ то же время, по невозможности входить во всѣ подробности промышленной дѣятельности и частной жизни, необходимо заставляетъ отдѣльныхъ членовъ общества дѣлать многое отъ самихъ себя. Это то́, что́ мы можемъ назвать управленіемъ посредствомъ помочей; оно, какъ кажется, скорѣе другихъ способно вывести такой народъ на настоящій путь къ общественному развитію. Такова, повидимому, была идея правительства Инковъ въ Перу, и ея же, кажется, держались іезуиты въ Парагваѣ. Мнѣ едва ли нужно упоминать, что помочи можно допустить только какъ средство постепенно пріучить народъ къ самостоятельному ходу.

Было бы неумѣстно вести поясненія далѣе. Вдаваться въ изслѣдованія, какая форма правленія годится для каждой изъ извѣстныхъ намъ ступеней общественнаго разви-

тія, значило бы писать трактатъ не о представительномъ правленіи, а о политической наукѣ въ ея общности. Для нашей болѣе ограниченной цѣли мы займемъ у политической философіи только ея общія начала. Для опредѣленія, какой образъ правленія наилучше соотвѣтствуетъ какому нибудь отдѣльному народу, мы должны умѣть отличить въ массѣ пороковъ и недостатковъ этого народа тѣ, которые составляютъ непосредственное препятствіе къ его развитію,—мы должны открыть, что именно загораживаетъ дорогу. Лучшимъ правительствомъ для такого народа будетъ то, которое будетъ болѣе стараться снабдить его тѣми средствами, за недостаткомъ которыхъ онъ не могъ двигаться впередъ или же, если и двигается, то урывками и какъ увѣчный. Не должно, однакожъ, забывать необходимаго условія всего, что касается развитія или прогресса: отъискивая добро, въ которомъ нуждаемся, не надо вредить, покрайней мѣрѣ, какъ можно менѣе, добру, уже существующему. Дикій народъ надо учить повиновенію, но не такимъ способомъ, чтобъ онъ превратился въ народъ рабовъ. Говоря въ общемъ смыслѣ, тотъ образъ правленія, который окажется наиболѣе пригоднымъ чтобъ перевести народъ съ одной ступени развитія на слѣдующую, будетъ для него въ сущности весьма не пригоденъ, если совершитъ это такимъ способомъ, что завалитъ ему дорогу, или лишитъ его возможности самому перейти на слѣдующую ступень. Такіе случаи бывали часто и принадлежатъ къ самымъ печальнымъ фактамъ исторіи. Египетская іерархія, родительскій деспотизмъ въ Китаѣ, были очень пригодными орудіями, чтобы возвести эти народы на ту степень образованія, какой они достигли. Но достигнувъ этой точки, они остановились на вѣки, по недостатку умственной

свободы и личной оригинальности, условій, необходимыхъ къ дальнѣйшему развитію, но которыхъ они не имѣли никакой возможности пріобрѣсть, благодаря тѣмъ самымъ учрежденіямъ, которыя ихъ возвели на эту степень; такъ какъ эти учрежденія не пали и не уступили мѣста другимъ, то дальнѣйшее совершенствованіе должно было прекратиться.

Слѣдовательно, нельзя рѣшать вопроса о принятіи какой либо формы правленія на основаніи одного только того обстоятельства, что извѣстная форма пригодна для настоящей ступени развитія общества; надо непремѣнно принимать во вниманіе и всѣ слѣдующія ступени; тѣ, которыя можно уже предвидѣть, и еще несравненно длиннѣйшій неограниченный рядъ такихъ, которыя скрываются пока въ будущемъ. Ясно, что для оцѣнки какого-либо правленія надо построить идеалъ такой его формы, которая сама по себѣ была бы наиболѣе удобною къ принятію; такая форма должна, при существованіи благопріятныхъ обстоятельствъ, болѣе чѣмъ всякая другая, способствовать не одной только какой-либо сторонѣ общественнаго развитія, а всѣмъ сторонамъ его. Сдѣлавъ это, мы должны разсмотрѣть, какого рода духовныя силы общество должно заключать въ себѣ, чтобы это правительство могло осуществить свои стремленія, и какого рода тѣ недостатки, которые дѣлаютъ народъ неспособнымъ воспользоваться благами, проистекающими изъ этого образа правленія. Тогда для насъ будетъ возможно построить формулу обстоятельствъ, при которыхъ такое правленіе можетъ быть приложимо; мы также будемъ въ состояніи, въ случаѣ его неприложимости, найти такой образъ правленія, который бы былъ способенъ наилучше провести общество

черезъ всѣ предшествовавшія ступени, прежде чѣмъ оно сдѣлается способнымъ къ принятію другой, высшей формы.

Изъ этихъ двухъ изслѣдованій послѣднее не касается нашего предмета, но первое составляетъ его существеннѣйшую часть.

ГЛАВА III.

Идеально лучшій образъ народнаго правленія есть представительное правленіе.

Не трудно доказать, что идеально лучшій образъ народнаго правленія будетъ такой, въ которомъ верховная власть, или право государственнаго контроля, принадлежитъ всему обществу, въ которомъ кромѣ того, каждый гражданинъ не только имѣетъ голосъ въ управленіи, но можетъ еще, хотя по временамъ, участвовать въ дѣйствительномъ управленіи страны, лично отправляя различныя общественныя должности мѣстныя, или государственныя.

Для оцѣнки этого положенія, надо его разсмотрѣть по отношенію къ двумъ сторонамъ, которыя, какъ показано въ послѣдней главѣ, выказываются сами собою въ понятіи о достоинствѣ какого нибудь образа правленія: первое, на сколько этотъ образъ правленія способствуетъ хорошему веденію общественныхъ дѣлъ посредствомъ существующихъ уже въ обществѣ нравственныхъ, умственныхъ и дѣятельныхъ силъ, и второе, на сколько это правленіе развиваетъ или развращаетъ существующія уже силы.

Идеально лучшая форма правленія, (едва ли нужно и упоминать объ этомъ), не значитъ именно та, которая при-

ложима къ обществу на всякой степени его цивилизаціи, но та, которая будучи приложима, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ наибольшую сумму благихъ слѣдствій. Народное правленіе имѣетъ подобный характеръ, какъ непосредственно, такъ и въ будущемъ. Оно превосходно удовлетворяетъ обоимъ необходимымъ условіямъ хорошаго правленія. Оно благопріятно и для настоящаго хорошаго управленія, и для развитія національнаго характера.

Его выгоды, по отношенію къ народному благосостоянію въ настоящемъ, основаны на двухъ началахъ, справедливыхъ и примѣнимыхъ болѣе чѣмъ всякое другое положеніе, касающееся человѣческихъ дѣлъ. Первое то, что права и интересы всѣхъ и каждаго тогда только будутъ вполнѣ ограждены, когда само заинтересованное лицо принимаетъ участіе въ ихъ охраненіи. Второе то, что общее благосостояніе достигаетъ большей степени и распространяется шире соразмѣрно съ суммой и разнообразіемъ отдѣльныхъ личныхъ силъ, работающихъ для этого благосостоянія.

Приводя эти два положенія въ форму, болѣе приложимую къ настоящему случаю, мы увидимъ, что люди на столько безопасны отъ зла, причиняемаго имъ другими, на сколько у нихъ есть силъ защищать самихъ себя; и что они только тогда могутъ успѣшно бороться съ природой, когда зависятъ исключительно отъ самихъ себя, полагаясь болѣе на то́, что́ сами могутъ сдѣлать, отдѣльно отъ другихъ или вмѣстѣ, по взаимному согласію, чѣмъ на то́, что другіе для нихъ сдѣлаютъ.

Первое положеніе,—что каждое отдѣльное лицо есть единственный вѣрный хранитель своихъ собственныхъ правъ и интересовъ,—принадлежитъ къ тѣмъ элементарнымъ прави-

ламъ благоразумія, которыми руководится всякое лицо, способное вести свои дѣла, когда затронуты его интересы. Многіе очень неблаговолятъ къ нему, какъ къ политической доктринѣ, и съ радостью выставляютъ его на порицаніе, какъ доктрину всеобщаго эгоизма. Имъ можно отвѣтить, что когда перестанетъ существовать тотъ фактъ, что люди вообще предпочитаютъ себя другимъ, и того, кто ближе къ нимъ, тому, кто дальше,—съ той поры коммунизмъ будетъ не только осуществимой, но и единственно возможною общественною формой, и когда придетъ это время, онъ, безъ сомнѣнія, явится на дѣлѣ. Что касается до меня, то, не вѣря во всеобщій эгоизмъ, я безъ труда допускаю, что коммунизмъ могъ бы осуществиться даже и теперь въ избранномъ кругу людей, а потомъ распространиться и на всѣхъ. Но такъ какъ это мнѣніе вовсе не популярно между тѣми изъ защитниковъ нынѣшнихъ учрежденій, которые не одобряютъ ученія о всеобщемъ преобладаніи эгоизма, то кажется, что на дѣлѣ они сами вѣрятъ, что большинство людей думаетъ прежде о себѣ, а потомъ уже о другихъ. Впрочемъ нѣтъ особенной надобности останавливаться на этомъ въ подтвержденіе той истины, что весь народъ долженъ участвовать въ представительномъ правленіи. Намъ нѣтъ нужды даже въ томъ предположеніи, что если власть попадетъ въ руки одному какому нибудь классу, то этотъ классъ будетъ намѣренно и разсчитанно приносить всѣ другіе себѣ въ жертву: довольно сказать, что такой то классъ исключенъ, и мы можемъ быть увѣрены, что его интересы будутъ въ пренебреженіи по недостатку ихъ естественныхъ защитниковъ; если же эти интересы и обратятъ на себя вниманіе, то на нихъ будутъ смотрѣть совсѣмъ не такъ, какъ бы смотрѣли люди, прямо заинте-

ресованные. Въ Англіи, напримѣръ, такъ называемые рабочіе классы можно считать вовсе лишенными прямаго участія въ управленіи. Я не думаю, чтобы классы, принимающіе въ немъ участіе, вообще имѣли намѣреніе принести въ жертву своимъ выгодамъ рабочіе классы. Но когда-то у нихъ было такое намѣреніе; доказательство—упорныя попытки понизить заработную плату закономъ. Но въ настоящее время ихъ общее расположеніе совершенно другое: они приносятъ многое, особенно свои матеріяльные интересы въ жертву для рабочихъ классовъ; они скорѣе грѣшатъ излишнею расточительностью въ благодѣтельствованіи; я готовъ думать, что никогда въ исторіи правители не были такъ искренно преданы желанію исполнить свой долгъ къ бѣднѣйшей части соотечественниковъ. И однакожъ, взглянулъ ли Парламентъ, или кто нибудь изъ его членовъ, хотя одинъ разъ на какое нибудь дѣло глазами рабочаго человѣка? Когда поднимается какой либо вопросъ, гдѣ заинтересованъ классъ работниковъ—съ какой другой точки зрѣнія смотрятъ на него, какъ не съ точки зрѣнія хозяевъ? Я не говорю, чтобы голосъ рабочаго, въ подобныхъ случаяхъ, былъ вообще ближе къ истинѣ, чѣмъ всякій другой голосъ, — но иногда онъ бываетъ очень близокъ. Во всякомъ случаѣ рабочій долженъ быть выслушанъ съ уваженіемъ, тогда какъ теперь его не только не слушаютъ, а просто не хотятъ и знать. Въ дѣлѣ стачекъ, напримѣръ, сомнительно чтобы нашелся хотя одинъ изъ парламентскихъ вождей, который бы не былъ твердо убѣжденъ, что правда цѣликомъ на сторонѣ хозяевъ, и что претензіи работниковъ просто нелѣпость. Тѣ, которые изучали этотъ вопросъ, хорошо знаютъ, какъ далекъ такой взглядъ отъ истины; они знаютъ, что еслибъ классы, дѣлающіе стачки, могли выс-

казаться въ Парламентѣ, то вопросъ разбирался бы совершенно иначе и далеко не такъ поверхностно, какъ теперь.

Въ дѣлахъ людскихъ есть одно необходимое условіе: какъ бы искренно не заботились о насъ другіе, мы сами все таки не должны складывать рукъ; это ни въ какомъ отношеніи не будетъ намъ полезно. Но еще очевиднѣе истина, что только своимъ трудомъ мы можемъ добиться твердаго и положительнаго улучшенія своихъ обстоятельствъ. Благодаря соединенному вліянію этихъ двухъ принциповъ, всѣ свободныя общества могли лучше противодѣйствовать соціальной неправдѣ и преступленіямъ, и достигли большей степени благоденствія чѣмъ всѣ другія; или чѣмъ онѣ же послѣ того, какъ утратили свою свободу.

Надо еще сказать, что всѣ блага свободы, какими доселѣ наслаждались, распространялись только на одну часть общества, и что правленіе, при которомъ этимъ правомъ воспользовались бы всѣ безпристрастно, остается покуда однимъ благочестивымъ желаніемъ. Но хотя все, что приближаетъ въ этомъ направленіи, имѣетъ уже свою цѣнность; хотя, во многихъ случаяхъ, при существующемъ порядкѣ вещей, одно приближеніе только и возможно, при всемъ томъ, распространеніе одинаково на всѣхъ благодѣяній свободы и есть то, что составляетъ идеально совершенное правленіе. По мѣрѣ того, какъ кто либо, кто бы онъ ни былъ, лишается этого права, его интересы лишаются и гарантій, которыми пользуются остальные; исключенные же члены общества въ свою очередь теряютъ часть усердія и охоты въ преслѣдованіи добрыхъ своихъ и общественныхъ цѣлей, а отъ этого

терпитъ и общее благо, которое всегда соразмѣрно благу всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общества.

Въ такомъ видѣ представляется вопросъ по отношенію къ настоящему благоденствію общества, т. е. къ благоденствію существующаго поколѣнія. Если теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того вліянія, какое оказываетъ форма правленія на характеръ націи, то увидимъ, что народное правленіе имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущество, (если только это возможно), еще болѣе рѣшительное.

Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ рѣшенія другаго, еще болѣе важнаго: который изъ двухъ обыкновенныхъ складовъ характера, дѣятельнаго и пассивнаго, болѣе способствуетъ благу человѣчества, и который, поэтому, долженъ преобладать въ обществѣ: тотъ ли, который ведетъ борьбу со зломъ, или тотъ, который его переноситъ; тотъ ли, который гнется передъ обстоятельствами, или тотъ, который самъ хочетъ гнуть обстоятельства?

Общія мѣста моралистовъ и людскія симпатіи держатъ сторону пассивныхъ характеровъ. Энергическіе характеры возбуждаютъ удивленіе, но характеры кроткіе и покорные большею частію предпочитаются. Пассивность нашихъ сосѣдей усиливаетъ въ насъ чувство нашей увѣренности въ себѣ: мы ими можемъ ворочать по своему произволу. Пассивные характеры, если только мы не нуждаемся въ ихъ дѣятельности, кажутся намъ однимъ препятствіемъ менѣе на нашей собственной дорогѣ. Человѣкъ, который готовъ на всемъ помириться, не опасный соперникъ. Но нѣтъ также ничего справедливѣе, какъ то, что всѣ улучшенія въ дѣлахъ человѣчества составляютъ произведеніе людей энергическихъ; сверхъ того, дѣятельному

характеру гораздо легче пріобрѣсть качества терпѣнія, чѣмъ пассивному—качества энергіи.

Изъ трехъ видовъ духовнаго превосходства, т. е. умственнаго, дѣятельнаго и нравственнаго, относительно первыхъ двухъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, которое изъ нихъ должно предпочитаться. Всякое умственное превосходство есть слѣдствіе дѣятельнаго напряженія. Предпріимчивость, жажда движенія, желаніе испытывать и создавать новыя вещи на благо себѣ или ближнему, приводятъ въ дѣйствіе даже мыслительныя, но гораздо болѣе практическія способности. Качества совмѣстныя съ пассивнымъ складомъ характера блѣдны и неопредѣленны: умъ здѣсь останавливается на томъ, что̀ въ сущности не болѣе какъ забава или простое созерцаніе. Отличительный признакъ сильной мысли, такой мысли, которая доискивается истины, а не занимается мечтами,—это успѣшная приложимость на дѣлѣ добытыхъ выводовъ. Если нѣтъ въ виду практическихъ приложеній, то идея является неточною, неопредѣленною и мышленіе не въ состояніи произвести ничего лучшаго мистической метафизики Пифагорейцевъ или Веды. По отношенію къ практической дѣятельности эта истина еще болѣе очевидна. Характеръ, вносящій дѣйствительныя улучшенія въ жизнь, не тотъ, который уступаетъ естественнымъ вліяніямъ и стремленіямъ, а тотъ, который борется съ ними. Качества, которыми мы пріобрѣтаемъ себѣ личную пользу, всѣ на сторонѣ дѣятельнаго и энергическаго характера. Дѣятельность же, которая содѣйствуетъ благу одного лица, болѣе или менѣе содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и благу и усовершенствованію цѣлаго общества.

Но если мы перенесемся въ сферу нравственную, то,

съ перваго взгляда можетъ родиться сомнѣніе, которому изъ двухъ характеровъ отдать преимущество. Независимо отъ религіозныхъ соображеній, пассивный характеръ не можетъ быть дѣйствительно полезнымъ ни себѣ, ни другимъ; но по крайней мѣрѣ онъ можетъ быть безвреденъ. Довольство своимъ положеніемъ всегда считалось нравственнымъ достоинствомъ. Но было бы величайшимъ заблужденіемъ почитать довольство собою естественною и необходимою принадлежностью пассивныхъ характеровъ; если этого нѣтъ, нравственныя послѣдствія во всякомъ случаѣ будутъ вредны: когда человѣкомъ овладѣваетъ желаніе добыть себѣ тѣ блага, которыхъ у него нѣтъ, но когда при этомъ онъ не находитъ въ своемъ умѣ средствъ добыть эти блага, то имъ овладѣваетъ ненависть и зависть къ тѣмъ, которые ими уже пользуются. Человѣкъ, стремящійся улучшить свои обстоятельства, если при этомъ онъ имѣетъ надежду достигнуть своей цѣли, смотритъ доброжелательно на того, кто уже достигъ, и на того, кто еще преслѣдуетъ туже самую цѣль. Если большинство занято такимъ преслѣдованіемъ, то тѣ изъ нихъ, которымъ не поблагопріятствовалъ случай, находясь подъ вліяніемъ общаго расположенія, приписываютъ свою неудачу или своему неумѣнью пользоваться обстоятельствами или личному несчастію. Напротивъ, люди желающіе получить блага, которыми пользуются другіе, и при томъ, желающіе добиться ихъ, не прилагая съ своей стороны никакихъ усилій, постоянно или ропщутъ на судьбу, которая не дѣлаетъ для нихъ того, чего они сами не хотятъ для себя сдѣлать, или изливаютъ свою ненависть въ упрекахъ счастливцамъ.

По мѣрѣ того какъ успѣхи въ жизни становятся

дѣломъ судьбы и случая, а не слѣдствіемъ труда, въ характерѣ народа развивается, какъ особый отличительный признакъ, зависть. Въ родѣ человѣческомъ наиболѣе завистливыя народы — восточные. Въ сказкахъ восточныхъ народовъ, въ сочиненіяхъ ихъ моралистовъ, вездѣ проглядываетъ весьма замѣтно завистливый человѣкъ. Въ дѣйствительной жизни онъ составляетъ ужасъ всѣхъ, кто владѣетъ чѣмъ нибудь привлекательнымъ, будь это дворецъ, красивое дитя, или хоть даже здоровье или веселый характеръ: дѣйствіе производимое его взглядомъ дало поводъ къ распространенію общаго предразсудка о дурномъ глазѣ. По недѣятельности характера и по завистливости рядомъ съ восточными народами идутъ нѣкоторые изъ народовъ южной Европы. Испанцы преслѣдовали завистью всѣхъ своихъ великихъ людей, отравляли всю ихъ жизнь и рано останавливали ихъ на поприщѣ общественныхъ успѣховъ (*). Французы по существу своей природы принадлежатъ къ отдѣлу народовъ южныхъ; но несмотря на ихъ пылкій темпераментъ, двойное вліяніе деспотизма и католицизма сдѣлало ихъ вообще покорными и терпѣливыми; терпѣніе, въ ихъ понятіи, есть добродѣтель по преимуществу, и если зависть къ ближнему или ко всему, что выше, проявляется въ нихъ не слишкомъ замѣтно, то мы должны приписать это многимъ противодѣйствующимъ до-

(*) Эти выраженія я отношу къ временамъ прошедшимъ; я не думаю говорить ничего унизительнаго великому народу, который сталъ наконецъ свободнымъ народомъ; онъ вступаетъ въ общій ходъ европейскаго прогресса, и, надо думать, быстро наверстаетъ потерянное время. Никто несомнѣвается въ его умѣ и энергіи; недостатки этой націи такого рода, что для нихъ свобода и промышленная дѣятельность будутъ лучшимъ лекарствомъ.

брымъ началамъ въ ихъ характерѣ; болѣе же всего личной энергіи, которая, хотя менѣе упорна и болѣе прерывиста, чѣмъ самоувѣренная и непреклонная энергія Англичанъ, тѣмъ не менѣе, выказалась во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ только тому благопріятствовали мѣстныя учрежденія.

Во всякой странѣ, безъ сомнѣнія, есть довольные своей судьбой люди, которые не только не ищутъ, но и не желаютъ никакихъ перемѣнъ въ своихъ обстоятельствахъ; такіе характеры, разумѣется, не могутъ питать къ другимъ ни малѣйшей зависти. Но то, что съ перваго разу кажется довольствомъ судьбой, на самомъ дѣлѣ есть недовольство въ соединеніи съ лѣностью и сниходительностью къ себѣ, которое, не имѣя энергіи чтобъ приложить къ дѣлу свои силы и возвысить свое положеніе, старается другихъ низвести до своего уровня. Если мы вглядимся ближе въ факты невиннаго довольства, то замѣтимъ, что они тогда только возбуждаютъ наше сочувствіе, когда человѣкъ равнодушенъ лишь къ улучшенію своего матеріальнаго состоянія, а между тѣмъ усильно работаетъ надъ своимъ духовнымъ совершенствованіемъ, или, по крайней мѣрѣ, безкорыстно заботится о благѣ другихъ. Довольный человѣкъ, довольная семья, если не думаютъ способствовать счастію другихъ, если не думаютъ помогать въ достиженіи блага своей странѣ или сосѣдямъ, если не заботятся о своемъ духовномъ самосовершенствованіи, не возбуждаютъ въ насъ ни сочувствія, ни удивленія. Такой родъ довольства, мы справедливо приписываемъ недостатку мужества и энергіи. Довольство, которое мы одобряемъ, заключается въ способности весело обходиться безъ того, чего нельзя имѣть, въ вѣрной оцѣнкѣ сравнительныхъ достоинствъ

различныхъ желаній и добровольномъ отказѣ отъ предметовъ меньшей важности, если ихъ достиженіе не совмѣстимо съ достиженіемъ предметовъ большей важности. Но эти качества естественнѣе проявляются въ характерѣ по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ дѣятельнѣе стремиться къ улучшенію своей судьбы или судьбы ближняго. Тотъ, кто постоянно мѣряется силами съ встрѣчными обстоятельствами, можетъ знать какія именно трудности для него непреоборимы, и какія, хотя и можно бы преодолѣть, но по ничтожности успѣха не стоитъ. Тотъ, кто свои мысли и дѣятельность постоянно посвящаетъ на полезныя практическія предпріятія, тотъ менѣе всѣхъ способенъ мечтать о вещахъ, которыхъ не стоитъ добиваться, по крайней мѣрѣ, въ его положеніи. Такимъ образомъ мы придемъ къ заключенію, что практическій, самодѣятельный характеръ не только лучшій по существу своему, но еще и наиболѣе способный пріобрѣсть себѣ тѣ качества, которыя составляютъ лучшую сторону противоположнаго типа.

Дѣятельный, непреклонный характеръ Англичанъ и Сѣверо-Американцевъ, заслуживаетъ порицанія только въ томъ отношеніи, что обыкновенно истрачиваетъ свою энергію на преслѣдованіе второстепенныхъ цѣлей. Сущность его такова, что на немъ должны основываться лучшія надежды на развитіе всего человѣчества. Замѣчено, что при всякой неудачѣ, Французъ обыкновенно говоритъ: «надо потерпѣть», Англичанинъ же: «какой стыдъ!» Тотъ народъ, который почитаетъ стыдомъ для себя ошибочное дѣло, который прямо идетъ къ заключенію, что зло можно и должно было предупредить, тотъ народъ, въ концѣ концовъ, наиболѣе способствуетъ совершенствованію чело-

вѣческаго рода. Если эти желанія вращаются только въ низкой сферѣ, если онѣ не выходятъ далѣе матеріальнаго комфорта и блеска, то непосредственнымъ результатомъ будетъ едва ли что нибудь болѣе, чѣмъ непрерывное распространеніе могущества человѣка надъ матеріальною природой; но даже и это даетъ уже просторъ, приготовляетъ механическія средства для совершенія великихъ умственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Гдѣ есть энергія, тамъ найдутся и люди, чтобъ приложить ее къ дѣлу, и будутъ прилагать ее все болѣе и болѣе не только для улучшенія внѣшнихъ обстоятельствъ, но и для усовершенствованія внутренней природы человѣка. Недѣятельность, непредпріимчивость, отсутствіе желаній — вотъ препятствія, которыя гораздо страшнѣе человѣческому совершенствованію, чѣмъ какое бы то ни было ложное направленіе энергіи; онѣ то, если существуютъ въ массѣ, и составляютъ ту страшную силу, которую нѣсколько энергическихъ людей могутъ направить въ какую угодно ложную сторону. Только эта сила и держитъ большую часть человѣчества въ дикомъ или полудикомъ состояніи.

Совсѣмъ другое происходитъ съ человѣческими способностями тамъ, гдѣ человѣкъ не знаетъ другихъ внѣшнихъ препятствій своей дѣятельности, кромѣ законовъ природы и постановленій общественныхъ, въ изданіи которыхъ онъ самъ принималъ долю участія и если считаетъ ихъ дурными, то можетъ всегда заявить объ этомъ гласно, и настаивать, чтобъ ихъ перемѣнили. Безъ сомнѣнія, въ правленіи хотя отчасти народномъ, этою свободой могутъ пользоваться всѣ, даже и тѣ, которые не пользуются полнымъ правомъ гражданства; но совсѣмъ иначе развивается въ человѣкѣ его вѣра въ себя и его

самодѣятельность, когда онъ стоитъ на твердой почвѣ, и не долженъ думать, что его успѣхъ зависитъ отъ того впечатлѣнія, какое онъ произведетъ на чувства и расположеніе общества, къ которому самъ не принадлежитъ. Максимумъ благопріятнаго дѣйствія свободы на характеръ человѣка получится только въ томъ случаѣ, когда этотъ человѣкъ или уже пользуется, или имѣетъ надежду получить полныя права гражданина. Но еще важнѣе этого чувства практическій навыкъ, который пріобрѣтается гражданиномъ, если онъ допускается по временамъ, къ отправленію какой-нибудь общественной должности. До сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на то обстоятельство, какъ мало встрѣчается въ обыкновенной жизни большинства людей обстоятельствъ, которыя могли бы расширить кругъ ихъ понятій и чувствъ. Ихъ трудъ — чистая рутина; ими двигаетъ не любовь, а своекорыстіе, въ самомъ его элементарномъ видѣ—въ видѣ заботы о дневныхъ своихъ нуждахъ; ни самый трудъ, ни процесъ труда не возбуждаютъ въ нихъ мысли и чувства, переходящихъ за предѣлы ихъ личнаго интереса если; и есть подъ рукою полезныя книги, то нѣтъ побудительныхъ причинъ читать ихъ; и въ большей части случаевъ человѣкъ не имѣетъ доступа къ другому лицу, превосходящему его умственнымъ образованіемъ. Общественная дѣятельность до нѣкоторой степени пополняетъ всѣ эти недостатки. Если на долю человѣка выпала значительная общественная должность, то сопряженныя съ нею труды сами воспитаютъ его. Несмотря на недостатки общественнаго устройства и нравственныхъ идей въ древности, учрежденія такія, какъ дикастерій и экклезія подняли общій уровень просвѣщенія аѳинскаго гражданина до такой высоты, что ничего подобнаго мы не можемъ найти

ни въ одномъ народѣ, древнемъ или новомъ. Доказательства можно видѣть на каждой страницѣ нашего великаго историка Греціи; но намъ стоитъ только указать на тотъ стиль рѣчей, который великіе ораторы считали лучшимъ, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на умъ и волю народа. Подобнаго рода благо, хотя далеко не въ такой степени, приноситъ въ Англіи обязанность низшихъ классовъ средняго сословія служить въ званіи присяжныхъ и отправлять гражданскія должности въ своихъ приходахъ; эти должности, хотя достаются не многимъ, и на непродолжительный срокъ, хотя и не даютъ такого высокаго гражданскаго воспитанія, чтобы ихъ можно было сравнить въ этомъ случаѣ съ аѳинскими демократическими учрежденіями,—при всемъ томъ человѣкъ, ихъ занимавшій, становится, по развитію понятій и способностей, совсѣмъ инымъ существомъ, нежели тотъ, кто всю свою жизнь стоялъ надъ шпулькой или продавалъ за прилавкомъ товары. Еще болѣе благотворное дѣйствіе оказываютъ такія должности на его нравственную сторону. Здѣсь онъ призывается къ обсужденію дѣла не своего собственнаго; здѣсь, въ случаѣ столкновенія двухъ интересовъ, онъ не можетъ руководствоваться личными симпатіями; на каждомъ шагу онъ долженъ прилагать къ дѣлу принципы и правила, которыя существуютъ ради общаго блага; въ этомъ дѣлѣ онъ обыкновенно имѣетъ сотоварищами людей съ умомъ, болѣе развитымъ и болѣе привыкшимъ къ этой работѣ: такое соприкосновеніе разовьетъ въ немъ и способность пониманія и сочувствіе къ общему благу. Онъ научится считать себя членомъ общества и будетъ смотрѣть на общественные интересы какъ на свои собственные. Гдѣ нѣтъ такой школы для воспитанія общественнаго духа, тамъ едва-ли есть и соз-

наніе, что частныя лица, исключая занимающихъ высшія мѣста, имѣютъ какія нибудь обязанности къ обществу, кромѣ повиновенія законамъ и покорности правительству. Тамъ нѣтъ безкорыстнаго чувства къ интересамъ общественнымъ. Въ этомъ случаѣ заботы о выгодахъ и всякое понятіе о долгѣ поглащаются личностью или семьею. Человѣкъ не думаетъ больше объ общихъ выгодахъ, объ общихъ стремленіяхъ: онъ напротивъ видитъ въ другихъ только соискателей, и не прочь, въ извѣстной мѣрѣ, воспользоваться на ихъ счетъ. Сосѣдъ не будучи болѣе союзникомъ или сотоварищемъ, такъ какъ они несоединяются между собою ни на какое предпріятіе для общей пользы, — по этому самому становится только соперникомъ. Такъ, даже личная нравственность начинаетъ страдать, когда нѣтъ нравственности общественной.

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы пришли къ той истинѣ, что форма народнаго правленія, которая можетъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ требованіямъ гражданскихъ обществъ, есть та, гдѣ весь народъ допускается къ участію въ управленіи; что всякое участіе, даже въ самыхъ мелкихъ общественныхъ должностяхъ, благотворно; что участіе народа въ правленія должно быть такъ велико, какъ только позволяетъ степень развитія всего общества, и что въ будущемъ нельзя желать ничего болѣе для народнаго правленія, какъ участія въ немъ всего народа. Но такъ какъ въ странѣ, превосходящей размѣрами одинъ маленькій городъ, каждый можетъ лично участвовать только въ самой незначительной доли управленія,—то слѣдовательно идеально лучшій образъ народнаго правленія есть правленіе представительное, вездѣ, гдѣ оно приложимо.

ГЛАВА IV.

При какихъ условіяхъ представительное правленіе не приложимо.

Въ представительномъ правленіи мы нашли совершеннѣйшій изъ всѣхъ образовъ народнаго правленія; мы видѣли также, что онъ становится болѣе приложимъ по мѣрѣ общаго развитія народа. Чѣмъ менѣе развитъ народъ, тѣмъ менѣе будетъ къ нему прикладываться и эта форма: это справедливо вообще, но бываютъ и исключенія. Примѣнимость представительнаго правленія менѣе зависитъ отъ степени занимаемой народомъ въ общемъ итогѣ человѣческаго развитія, чѣмъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ условій въ его качествахъ; но эти условія такъ тѣсно связаны съ степенью общаго развитія, что отступленія являются скорѣе какъ исключенія, нежели какъ правила. Теперь посмотримъ на какой ступени нисходящаго ряда человѣческаго развитія представительная форма становится совсѣмъ несоотвѣтственною, по своей ли неприложимости, или потому, что этой степени соотвѣтствуетъ другая, болѣе приличная форма правленія.

Во первыхъ, представительная форма, какъ и всякая другая, должна почитаться неудовлетворительною во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя ожидать для нея прочнаго су-

ществованія; это бываетъ когда нѣтъ тѣхъ трехъ условій, перечисленныхъ нами въ первой главѣ, именно: 1) чтобы народъ былъ согласенъ ее принять, 2) чтобы народъ имѣлъ желаніе и способность совершить все небходимое для ея сохраненія, 3) чтобы онъ имѣлъ желаніе и способность выполнять обязательства и отправлять обязанности, какія она на него налагаетъ.

Согласіе народа принять этотъ образъ правленія становится вопросомъ чисто практическимъ, когда просвѣщенный правитель, или чуждый народъ, или народы, овладѣвшіе страною, предлагаютъ его какъ подарокъ. Для единичныхъ преобразователей это вопросъ почти излишній: если все возраженіе состоитъ въ томъ, что мнѣніе націи не на ихъ сторонѣ, то у нихъ есть готовый и приличный отвѣтъ, что вся ихъ цѣль и заключается въ томъ, чтобъ привести мнѣніе на свою сторону. Если противное мнѣніе существуетъ на самомъ дѣлѣ, то непріязнь относится обыкновенно къ факту самой перемѣны, а не къ сущности представительнаго правленія. Противуположное впрочемъ не невозможно; бывали случаи религіознаго отвращенія ко всякому ограниченію власти въ какой-либо линіи правителей; но вообще говоря, доктрина пассивнаго повиновенія означаетъ только покорность предержащей власти, будетъ ли то власть монарха или народа. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о введеніи представительнаго правленія, препятствія являются скорѣе вслѣдствіе равнодушія народа и его непониманія требованій и порядковъ этой формы, чѣмъ вслѣдствіе положительнаго противодѣйствія. Но эти препятствія могутъ быть также упорны и также трудно искоренимы, какъ и дѣйствительное сопротивленіе; въ большей части случаевъ легче дать иное направ-

леніе дѣятельнымъ качествамъ народа, чѣмъ создать ихъ въ народѣ пассивномъ. Когда народъ не придаетъ достаточной цѣны и не имѣетъ достаточно привязанности къ представительнымъ учрежденіямъ, онъ едвали удержитъ ихъ долго. Во всякой странѣ исполнительная власть есть именно та, у которой сила непосредственно въ рукахъ, и которая находится въ прямомъ соприкосновеніи съ народомъ; она болѣе чѣмъ всякая другая власть составляетъ надежды и страхъ народа; въ ней же олицетворяется благодѣтельная и карательная сила правительства, и она же составляетъ его обаяніе (prestige). По этому, если другія власти, назначенныя для удержанія ея въ границахъ, не имѣютъ опоры въ сильномъ чувствѣ и мнѣніяхъ націи, то исполнительная власть всегда найдетъ средства или дѣйствовать помимо другихъ властей, или же принудить ихъ служить себѣ, и можетъ быть увѣрена, что ее всегда поддержатъ. Представительныя учрежденія тогда только могутъ существовать прочно, когда народъ готовъ защищать ихъ въ случаѣ, если имъ угрожаетъ опасность. Если же народъ находитъ, что онѣ того не стоютъ, то онѣ рѣдко пускаютъ корень, а если имъ и удается это, то можно быть увѣрену, что будутъ уничтожены, какъ только глава правленія или вождь какой-либо партіи соберетъ достаточно силъ, и захочетъ сдѣлать маленькій рискъ чтобы добиться самодержавной власти.

Эти соображенія относятся къ первымъ двумъ причинамъ неудачнаго примѣненія представительной формы. Третья причина есть та, когда народъ неспособенъ выполнять того назначенія, какое ему принадлежитъ въ представительномъ государствѣ. Если ни у кого или только у немногихъ есть доля сочувствія къ общественнымъ интересамъ, доста-

точная для того, чтобъ образовать общественное мнѣніе, то избиратели рѣдко имѣютъ въ виду общее дѣло: они пользуются правомъ голосованія или для того, чтобъ провести свои личные интересы, или интересы своего округа, или же тѣхъ лицъ, съ которыми они связаны, или отъ которыхъ зависятъ. При такомъ состояніи общественнаго чувства, тотъ небольшой классъ, который добился господства въ представительномъ собраніи, употребляетъ, по большей части, свое вліяніе только какъ средство нажиться. Если исполнительная власть слаба, то страну раздираетъ борьба отдѣльныхъ личностей за мѣста; если сильна—то сама становится деспотическою, покупая свою власть дешевою цѣною,—т. е. умиривъ всѣхъ представителей, или тѣхъ изъ нихъ, которые не безопасны, пожертвованіемъ въ ихъ пользу части изъ своей добычи; и тогда, единственнымъ плодомъ представительства будетъ то, что въ добавокъ къ лицамъ правящимъ націей на самомъ дѣлѣ, надъ обществомъ будетъ еще и собраніе, и тогда трудно ожидать, чтобъ было уничтожено какое либо зло, съ которымъ только совпадаютъ выгоды властей. Когда зло останавливается только на этомъ, то гласность и свобода преній, сопровождающіе обыкновенно, хотя и не всегда одинаково, всякое, даже номинальное, представительное правленіе, будутъ еще достаточнымъ вознагражденіемъ. Въ новогреческомъ королевствѣ, напримѣръ, едва ли можно сомнѣваться, что главная часть представительнаго Собранія, составленная изъ охотниковъ за мѣстами и нисколько не способствующая правительству быть хорошимъ правительствомъ и даже не много умѣряющая деспотизмъ исполнительной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ идею народныхъ правъ и ведетъ къ дѣйствительной свободѣ печати, существующей въ

странѣ. Это благо, однакожъ, совершенно зависитъ отъ одновременнаго съ народнымъ представительствомъ существованія наслѣдственнаго монарха. Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ вести борьбу за милость главнаго правителя, эти своекорыстныя, безчестныя партіи боролись между собою за главное правительственное мѣсто, то они по всему вѣроятію держали бы страну (какъ въ Испанской Америкѣ) въ состояніи хронической революціи и междоусобныхъ войнъ. Деспотизмъ, даже не законный, свирѣпствовалъ бы съ беззаконною жестокостію по перемѣнно, по мѣрѣ того какъ смѣнялись бы одинъ за другимъ политическіе искатели приключеній; въ этомъ случаѣ, имя и форма представительныхъ учрежденій не произвели бы иныхъ послѣдствій, кромѣ того, что лишили бы деспотизмъ прочности и безопасности, которыя одни только и могутъ смягчить сопутствующее ему зло, или дать возможность осуществиться тому малому добру, на которое онъ способенъ.

Въ этихъ случаяхъ, представительное правленіе твердо существовать не можетъ. Но есть другіе случаи, когда оно, хотя и могло бы существовать, но другія формы были бы предпочтительнѣе. Это по преимуществу бываетъ тогда, когда народъ ради дальнѣйшаго своего развитія, долженъ еще пройти предварительный урокъ, или пріобрѣсть еще незнакомую привычку, и если при этомъ представительное правленіе можетъ быть помѣхою.

Изъ этихъ случаевъ самый очевидный, который мы уже разсматривали, тотъ, когда народу надо еще выучиться первому уроку цивилизаціи — повиновенію. Племя, которое пріобрѣло въ борьбѣ съ природою и сосѣдями мужество и энергію, но которое не осѣло еще до такой степени чтобъ признать надъ собою постоянную власть одного об-

щаго начальника, такое племя едва ли пріобрѣтетъ эту привычку подъ управленіемъ народныхъ представителей. Собраніе, вышедшее изъ этого народа, будетъ такъ же буйно и своевольно какъ и самъ народъ. Оно будетъ отказывать въ своемъ согласіи всякому предложенію, имѣющему цѣлію ввести какое либо разумное ограниченіе его дикому своеволію. Обыкновенно такія племена покоряются первымъ условіямъ цивилизаціи, только когда вслѣдствіе военныхъ необходимостей, они принуждены бываютъ признать необходимую въ командованіи деспотическую власть какого либо военачальника. Только военный предводитель можетъ имѣть вліянія на столько, что ему будутъ повиноваться, да еще иногда, какой нибудь пророкъ, по мнѣнію народа вдохновленный свыше, или кудесникъ, пользующійся славою могущественнаго человѣка. Они могутъ пользоваться временно большимъ вліяніемъ, но какъ это вліяніе чисто личное, то оно рѣдко производитъ перемѣны въ обычномъ положеніи народа; исключенія могутъ быть лишь въ томъ случаѣ, когда пророкъ, подобно Магомету, есть въ тоже время и военный начальникъ и выступаетъ какъ вооруженный апостолъ новой вѣры, или же когда отдѣльные начальники, соединившись его именемъ, обращаютъ это имя для поддержки собственной власти.

Представительное правленіе также неприложимо и для такой націи, которая имѣетъ недостатокъ противоположный приведенному выше, именно крайная пассивность и готовность подчиниться тиранніи. Еслибъ народу, столь ничтожному, вслѣдствіе ли характера, или обстоятельствъ, дать представительныя учрежденія, онъ неизбѣжно избралъ

бы своими представителями своихъ тирановъ, и ярмо, которое, съ перваго взгляда, казалось должно бы облегчиться, сдѣлалось бы еще тяжеле. Напротивъ, многіе народы вышли изъ такихъ обстоятельствъ единственно помощію центральной власти; она по своему положенію была соперницей мѣстнаго деспотизма, и кончила тѣмъ, что покорила себѣ всѣхъ отдѣльныхъ тирановъ; главное ея достоинство состоитъ въ томъ: что эта власть *одна*. Французская исторія, отъ Гуго Капета до Ришелье и Людовика XIV представляетъ одинъ непрерывный рядъ примѣровъ такого рода. Даже въ то время, когда король едва равнялся силою съ главными изъ феодальныхъ владѣтелей, даже и тогда, по мнѣнію французскихъ историковъ, великое его преимущество заключалось въ томъ, что онъ былъ одинъ. На него обращены были взоры *всѣхъ* угнетаемыхъ мѣстными тиранами; онъ былъ предметомъ надеждъ и упованій *всего* королевства, тогда какъ мѣстный деспотъ пользовался властью только на болѣе или менѣе ограниченномъ пространствѣ своихъ владѣній. Со всего королевства къ нему стекались, ища пріюта и покровительства люди, тѣснимые мѣстными владыками. Увеличеніе его могущества было медленно, но удобные къ тому случаи являлись сами собою, и при томъ одному только королю. Слѣдовательно оно было вѣрно; и по мѣрѣ возростанія королевской власти, уничтожалась въ угнетенной части общества привычка подчиняться угнетенію. Интересъ короля состоялъ въ томъ, чтобы поощрять всѣ частныя попытки рабовъ освободиться отъ своихъ владыкъ, съ цѣлію стать непосредственно подъ его власть. Подъ его покровительствомъ образовались многія общины, которыя не признавали надъ собой никого, кромѣ короля. Подданство далекому королю есть сама свобода

въ сравненіи съ деспотизмомъ барина изъ сосѣдняго замка; монархъ же долгое время по своему положенію принужденъ былъ дѣйствовать скорѣе какъ союзникъ, чѣмъ какъ властелинъ тѣхъ класовъ, которымъ помогалъ освободиться. Въ этомъ смыслѣ центральная власть, хотя неограниченная въ принципѣ, но вообще довольно ограниченная въ приложеніи, очень хорошо выполнила свое назначеніе — перевести народъ черезъ необходимыя посредствующія ступени на высшую; тогда какъ власть представительная, еслибъ была такою на самомъ дѣлѣ, по всему вѣроятію только задержала бы развитіе народа. Въ Европѣ есть еще страны, гдѣ эта работа не кончена, и по видимому только это средство и можетъ ее кончить. Ничто кромѣ самодержавной власти или всеобщей рѣзни не рѣшитъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.

Исторія представляетъ еще другіе примѣры, гдѣ неограниченная монархія превозмогала препятствія, которыя представительное правленіе могло бы только усилить. Одно изъ самыхъ упорныхъ препятствій къ общественному развитію, даже въ странахъ достигшихъ нѣкоторой степени образованности, составляетъ укоренившееся чувство мѣстной особности. Различныя общества, во многихъ другихъ отношеніяхъ способныя и готовыя къ принятію свободы, могутъ быть совершенно неспособны сплавиться въ одну, хотя самую незначительную націю. Причиной тому могутъ быть не одни національныя антипатіи, которыя отталкиваютъ два народа другъ отъ друга и дѣлаютъ добровольное соединеніе между ними совершенно невозможнымъ: націи просто могли не пріобрѣсть еще тѣхъ чувствъ и привычекъ, которыя дѣлаютъ соединеніе дѣйствительнымъ, предположивъ

что номинально оно уже совершилось. Общества могутъ, подобно гражданамъ древнихъ общинъ или азіятскихъ селеній, дойти до значительной степени навыка въ отправленіи дѣлъ своихъ общинъ и городовъ, могутъ даже создать себѣ сносное народное правленіе въ этомъ маленькомъ кругѣ, и все таки имѣть весьма мало сочувствія къ чему бы то ни было, что лежитъ внѣ этого круга, и не имѣть ни малѣйшаго навыка въ веденіи дѣлъ общихъ для многихъ изъ такихъ поселеній. Я не помню въ исторіи ни одного примѣра, чтобы значительное число такихъ политическихъ атомовъ когда либо сгрупировалось въ одно тѣло, и почувствовало бы себя наконецъ однимъ народомъ иначе, чѣмъ вслѣдствіе предварительнаго подпаденія одной общей для всѣхъ центральной власти (*). Только чрезъ постоянное сношеніе съ этою властью, только входя въ ея виды, и служа ея цѣлямъ, подобный народъ получаетъ сознаніе великихъ интересовъ, общихъ для обширной территоріи. Напротивъ, такого рода интересы будутъ всегда преобладающими въ умѣ центральнаго правителя; а затѣмъ, благодаря установившимся постояннымъ, болѣе или менѣе близкимъ сношеніямъ отдѣльныхъ мѣстностей между собою, будутъ сознаны и всѣмъ народомъ. Самымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для такого шага общественнаго развитія будутъ представительныя учрежденія безъ представитель-

(*) На одну Италію можно указать какъ на исключеніе, но и то единственно въ отношеніи къ послѣднему виду ея превращеній. Предварительная, болѣе трудная работа, совершилась обыкновеннымъ способомъ: отдѣльные города Флоренція, Пиза, Миланъ сперва образовали провинціи Тоскану, Ломбардію.

наго правленія; — когда Собраніе или Собранія изъ мѣстныхъ представителей дѣйствуютъ постоянно какъ союзникъ и какъ орудіе центральной власти, но рѣдко покушаются останавливать или контролировать ея распоряженія. Народъ, участвующій такимъ образомъ въ правительственномъ совѣтѣ, хотя не раздѣляетъ верховной власти, но находясь возлѣ нея, получаетъ политическое образованіе, которое и распространяется по всему краю; этотъ способъ воспитанія всего населенія гораздо болѣе дѣйствителенъ чѣмъ всякій другой; въ то же время поддерживается мысль о правленіи, основанномъ на общемъ согласіи, или по крайней мѣрѣ удаляется мысль о независимости правительства отъ народнаго согласія, мысль, которая, будучи освящена преданіемъ, такъ часто приводила къ дурному концу то, что имѣло хорошее начало; эти печальные случаи очень часты: тогда въ обществѣ прекращается всякое развитіе, потому что работа одного какого либо періода совершена такимъ способомъ, что слѣдующіе вѣка уже не могутъ продолжать ее. Между тѣмъ можно принять за политическую истину, что посредствомъ неограниченной монархіи скорѣе чѣмъ посредствомъ представительнаго правленія могутъ многочисленныя и мелкія политическія единицы сплавиться въ одинъ народъ, съ сознаніемъ своего единства, съ достаточнымъ разнообразіемъ интересовъ, чтобы занять и размѣстить какъ должно всю массу общественныхъ и политическихъ дарованій, какая есть въ населеніи.

По этимъ причинамъ королевское правленіе, поддерживаемое представительными учрежденіями, но свободное отъ ихъ контроля, будетъ лучшею формою правле-

нія для всякаго общества на первыхъ ступеняхъ его развитія, не исключая даже и городскихъ общинъ, подобныхъ древнегреческимъ; здѣсь королевское правленіе, состоя подъ дѣйствительнымъ, хотя и не видимымъ, контролемъ общественнаго мнѣнія, исторически предшествовало въ продолженіи извѣстнаго, но вѣроятно очень долгаго періода, всѣмъ свободнымъ учрежденіямъ, и уступило свое мѣсто не прямо имъ, а сперва олигархіямъ изъ немногихъ фамилій.

Можно указать еще на сотни другихъ слабостей и недостатковъ, которые мѣшаютъ народу воспользоваться представительнымъ правленіемъ; но трудно допустить, чтобы правленіе одного или немногихъ имѣло въ этомъ случаѣ стремленіе излечить или облегчить недугъ. Если въ народѣ сильно развиты упорные предразсудки извѣстнаго рода, сильная привязанность къ старымъ обычаямъ, положительные недостатки въ національномъ характерѣ, или просто невѣжество и недостатокъ умственной обработки,— то всѣ они вѣроятно добросовѣстно отразятся и въ его представителяхъ; и если въ такомъ случаѣ исполнительная власть попадетъ въ руки лицъ, сравнительно свободныхъ отъ этихъ недостатковъ, то лица эти часто могли бы сдѣлать гораздо болѣе добра, еслибъ были избавлены отъ необходимости добиваться утвержденія своихъ мѣръ со стороны собранія. Но дѣло въ томъ, что центральная власть, въ этихъ случаяхъ, находится совсѣмъ въ другомъ положеніи относительно страны, чѣмъ въ приведенныхъ нами выше, и не должна бы, вслѣдствіе одного только своего положенія, стремиться дѣйствовать въ благодѣтельномъ направленіи. При всеобщемъ невѣжествѣ народа, трудно ожидать, чтобы правительство представляло исключеніе въ

этомъ отношеніи, будетъ ли оно въ рукахъ одного правителя и его совѣтниковъ, или немногихъ аристократическихъ родовъ; исключенія могутъ быть только въ томъ случаѣ, когда правительственныя лица чужестранцы и принадлежатъ къ болѣе образованной націи или болѣе развитому обществу. Тогда, конечно, они могутъ превосходить въ значительной степени образованіемъ управляемый ими народъ; и его подчиненіе чужому правительству, не смотря на неизбѣжное зло, можетъ быть ему очень полезно, быстро проводя его черезъ нѣсколько ступеней развитія и отстраняя препятствія, которыя могли бы задержать ходъ цивилизаціи на неопредѣленное время, еслибъ народъ предоставленъ былъ своимъ домашнимъ стремленіямъ и обстоятельствамъ. Для страны свободной отъ владычества чужестранцевъ такого счастья можно ждать лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, именно, когда на престолъ сядетъ монархъ съ необыкновеннымъ геніемъ.

Исторія представляетъ немногіе примѣры такихъ геніевъ, которые-бы къ счастію для человѣчества царствовали достаточно долго чтобы упрочить введенныя ими улучшенія, завѣщавъ ихъ охраненіе поколѣнію, выросшему подъ ихъ вліяніемъ. Карлъ Великій представляетъ одинъ примѣръ этого рода; Петръ Великій другой. Впрочемъ такіе примѣры бывали такъ рѣдко, что ихъ можно отнести только къ разряду тѣхъ счастливыхъ случайностей, которыя такъ часто въ критическій моментъ рѣшали вопросъ: должна ли такая то великая доля человѣчества воспрянуть вдругъ, или погрузиться обратно въ состояніе варварства? Это случайности такого же рода, какъ существованіе Ѳемистокла во время персидскаго нашествія, или существованіе перваго и третьяго изъ Вильгельмовъ Оранскихъ. Было бы

нелѣпо основывать учрежденія съ цѣлію воспользоваться подобными случаями, особенно если вспомнимъ, что люди такого характера, поставленные высоко, и безъ деспотической власти могутъ производить огромное вліяніе; это видно изъ послѣднихъ трехъ примѣровъ. Особенаго вниманія по отношенію къ общественнымъ учрежденіямъ заслуживаетъ случай, не слишкомъ необыкновенный,—когда небольшая, но вліятельная часть общества, вслѣдствіе ли племеннаго различія, болѣе высокаго происхожденія, или другихъ обстоятельствъ, стоитъ замѣтно выше остальной части какъ по образованію, такъ и по характеру. При такихъ условіяхъ, если представители будутъ выбраны изъ массъ, то нація лишится тѣхъ выгодъ, какія она могла бы получить отъ болѣе развитаго высшаго класса; если же правленіе будетъ въ рукахъ высшаго класса, то они все болѣе и болѣе стѣснятъ массу и ей останется одно только средство выйти изъ этого положенія—избавиться отъ высшаго класса, т. е. отъ самаго драгоцѣннаго элемента для дальнѣйшаго развитія націи. При такомъ составѣ народонаселенія, лучшая его надежда на дальнѣйшее развитіе зависитъ отъ существованія главы государства, который, хотя бы и принадлежалъ къ высшему классу, но пользовался неограниченною, или по крайней мѣрѣ практически преобладающею властью. Онъ одинъ будетъ, по своему положенію, находить интересъ въ томъ, чтобы поднять и развить массу, которой ему опасаться нечего, и которая можетъ служить ему опорой въ случаѣ его разлада съ своими соучастниками въ правленіи, которыхъ онъ всегда долженъ опасаться; если счастливыя обстоятельства поставятъ возлѣ него, въ смыслѣ не контролеровъ, а подчиненныхъ, собраніе представителей высшаго сословія, которое своими изслѣдовані-

ями и возраженіями, а по временамъ и вспышками недовольства, поддерживало бы духъ коллективнаго противодѣйствія и моглобы мало по малу обратиться въ настоящее національное представительство (такова была въ сущности исторія Англіи), то страна имѣла бы предъ собою самую благопріятную перспективу усовершенствованія, какая только возможна обществу при такихъ обстоятельствахъ и такомъ составѣ общества.

Изъ числа тѣхъ стремленій, которыя, не дѣлая народъ совершенно неспособнымъ къ представительному правленію, въ значительной степени мѣшаютъ ему воспользоваться всѣми благами этого правленія, одно заслуживаетъ особаго вниманія. Есть два рода расположеній, по сущности весьма различныхъ, но которыя имѣютъ между собою что̀ то общее, и вслѣдствіе того часто даютъ особый складъ характеру отдѣльныхъ лицъ націи. Одно изъ нихъ — это желаніе властвовать надъ другими; другое—неохота подчиняться власти другихъ. Разность въ относительной силѣ того и другаго расположенія въ различныхъ народностяхъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ ихъ исторіи. Есть народы, у которыхъ страсть управлять другими до такой степени превосходитъ любовь къ своей личной независимости, что они готовы сущность свободы пожертвовать за одну тѣнь власти. Подобно рядовому солдату въ арміи, каждый отдѣльный человѣкъ въ такомъ народѣ, добровольно отрекается отъ своей самостоятельности и передаетъ себя въ распоряженіе вождя, лишь бы армія торжествовала, и лишь бы онъ могъ льстить себя мыслью, что онъ тоже одинъ изъ завоевателей: хотя, разумѣется, его доля права надъ завоеваннымъ не болѣе какъ тѣнь. Правительство съ строго

ограниченными правами и властью, отъ котораго требуется, чтобъ оно воздерживалось отъ всякаго ненужнаго вмѣшательства, и чтобы какъ можно болѣе предоставляло свободы итти дѣлу своимъ путемъ, не принимая на себя обязанности опекуна или управляющаго,—такое правительство не будетъ по вкусу такому народу; въ его глазахъ, правительственная власть едвали можетъ брать на себя слишкомъ много, если только она открыта для всеобщаго соисканельства. Средній человѣкъ изъ этого народа предпочитаетъ (какъ бы это не было далеко и невѣроятно) возможность добиться самому права распоряжаться другими, увѣренности, что власть безъ нужды не вмѣшается ни въ его дѣйствія, ни въ дѣйствія его ближнихъ. Все это качества народа мѣстоискателей; здѣсь политическая жизнь заключается только въ домагательствѣ правительственныхъ мѣстъ; здѣсь ищутъ одного равенства, не свободы; подъ словомъ политическая борьба партій разумѣются усилія рѣшить вопросъ, кому должно достаться право вмѣшательства во все, тому ли сословію или другому; иногда же просто тому или другому кружку публичныхъ дѣятелей; здѣсь идею демократіи понимаютъ только въ смыслѣ допущенія къ государственнымъ должностямъ всѣхъ, вмѣсто немногихъ; здѣсь чѣмъ популярнѣе учрежденія, тѣмъ болѣе создаютъ они чиновническихъ мѣстъ, и тѣмъ чудовищнѣе примѣняется право всѣхъ надъ отдѣльною личностью, а исполнительной власти надъ всѣми. Было бы несправедливо и не великодушно примѣнять все сказанное, или что нибудь подобное, цѣликомъ къ изображенію французскаго народа; но эти качества до такой степени присущи его характеру, что всякое правительство изъ представителей одного из-

браннаго сословія падало вслѣдствіе чрезмѣрныхъ злоупотребленій съ ихъ стороны, а попытки ввести представительство цѣлаго народа кончались тѣмъ, что вся власть переходила въ руки одного человѣка, который спокойно, безъ суда, могъ отправить кого ему угодно въ Ламбессу или Кайенну, не лишая никого надежды попасть когда нибудь къ нему въ немилость. Характеръ англійскаго народа, который дѣлаетъ его болѣе другихъ способнымъ къ представительному образу правленія, принадлежитъ къ совершенно противоположному типу. Народъ этотъ очень ревнивъ ко всякой попыткѣ вмѣшательства со стороны власти, если только оно не освящено долговременной привычкой и его собственнымъ понятіемъ о правѣ, но онъ вообще очень мало думаетъ о властвованіи надъ другими. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ управленію, и зная притомъ очень хорошо тѣ личныя побужденія, которыя заставляютъ искать правительственныхъ мѣстъ, англичанинъ охотно предоставляетъ ихъ тѣмъ, которымъ они достаются безъ всякаго искательства, а просто по ихъ общественному положенію. Еслибъ иностранцы понимали это, то для нихъ были бы понятнѣе нѣкоторыя кажущіяся противорѣчія въ политическихъ чувствахъ англичанъ; ихъ совершенная готовность быть подъ управленіемъ высшихъ классовъ и въ тоже время такое ничтожное личное подчиненіе имъ, что не было еще ни одного народа, который бы такъ внушительно напоминалъ своимъ правителямъ, что имъ можно управлять только тѣмъ путемъ, который онъ самъ признаетъ за лучшій. Поэтому охота за мѣстами есть родъ честолюбія почти чуждый англійскому народу. За исключеніемъ немногихъ семействъ, которымъ публичныя должности предоставляются сами собою, стремленія ан-

гличанъ направлены совсѣмъ въ другую сторону: на улучшеніе ихъ частныхъ дѣлъ и занятій. Они питаютъ сильнѣйшую антипатію ко всякой безцѣльной борьбѣ партій или отдѣльныхъ лицъ за мѣста; и едва ли есть что нибудь, что бы возбуждало въ нихъ сильнѣйшее отвращеніе, какъ умноженіе числа правительственныхъ должностей,—вещь всегда популярная въ бюрократически воспитанныхъ націяхъ континента, которыя скорѣе готовы платить большія подати, чѣмъ уменьшить, хотя на малѣйшую часть, вѣроятность для себя и для близкихъ попасть на мѣсто; если эти націи требуютъ ограниченія государственныхъ издержекъ, то это никогда не означаетъ чтобъ онѣ требовали уменьшенія числа мѣстъ: это значитъ только требованіе уменьшенія содержанія, присвоеннаго тѣмъ изъ должностей, которыя слишкомъ значительны, чтобы обыкновенный гражданинъ могъ надѣяться получить ихъ когда нибудь.

ГЛАВА V.

Истинное назначеніе представительныхъ Собраній.

Разсматривая представительное правленіе, необходимо имѣть въ виду разницу между его идеей или сущностью и тѣми частными формами, въ которыя облекалась первоначальная идея, вслѣдствіе историческихъ событій и понятій какого нибудь отдѣльнаго періода.

Сущность представительнаго правленія состоитъ въ томъ, что весь народъ, или значительная его доля, посредствомъ своихъ депутатовъ, избираемыхъ періодически, держитъ въ рукахъ высшую власть контроля, которая во всякомъ конституціонномъ устройствѣ должна принадлежать кому нибудь. Народные депутаты должны обладать этою властью во всей ея полнотѣ. Они должны быть распорядителями во всякое время, во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства. Нѣтъ нужды въ томъ, чтобы самъ конституціонный законъ давалъ имъ эту власть. Онъ не даетъ ее въ британской конституціи. Но то что онъ даетъ,—на практикѣ ведетъ къ тому же. Контролирующая власть, по своей сущности такая, же единая и особая въ смѣшанномъ и ограниченномъ правленіи, какъ и въ чистомъ самодержавіи или

демократіи. Есть много правды въ мнѣніи древнихъ, высказанномъ также и великими авторитетами нашего времени, что конституція, гдѣ бы уравновѣшивались всѣ стихіи правленія, невозможна. Нѣкоторое равновѣсіе существуетъ почти всегда, но стрѣлка вѣсовъ никогда не стоитъ на нулѣ. Какое именно начало перевѣшиваетъ, не всегда ясно видно на политическомъ поприщѣ. Въ британской конституціи каждое изъ трехъ правительственныхъ началъ обладаетъ такою силою, что, если бы оно захотѣло приложить ее вполнѣ, то могло бы совершенно остановить весь правительственный механизмъ. Значитъ, номинально каждое изъ нихъ обладаетъ равною съ другими властью, для того чтобы мѣшать и вредить двумъ остальнымъ и если одно изъ нихъ, посредствомъ имѣющейся въ его распоряженіи силы, могло бы надѣяться тѣмъ улучшить свое положеніе, то судя вообще по ходу человѣческихъ дѣлъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта сила была бы приложена къ дѣлу. Также не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что эта сила развернется вполнѣ для защиты себя противъ нападенія одного изъ остальныхъ двухъ или обоихъ вмѣстѣ. Что же мѣшаетъ этимъ силамъ дѣйствовать наступательно? Мѣшаютъ имъ неписанныя правила конституціи, другими словами, политическая нравственность страны; на эту политическую нравственность мы обязаны обращать особенное вниманіе, если хотимъ знать, гдѣ именно лежитъ высшая сила конституціи.

По смыслу конституціи, корона можетъ отказать въ своемъ согласіи на какое бы то ни-было предложеніе Парламента, можетъ также назначать и держать какого угодно министра, несмотря на представленія того же Парламента. Но конституціонная нравственность страны обращаетъ въ

ничто это право, и предупреждаетъ возможность приложенія этой власти на дѣлѣ. Конституціонная нравственность требуя, чтобы глава администраціи въ дѣйствительности назначался палатою депутатовъ, тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее настоящей верховной правительницей государства.

Эти неписанныя правила, которыя ограничиваютъ каждую, отдѣльно взятую законную власть, тогда только дѣйствительны и тогда только держатся на дѣлѣ, когда гармонируютъ съ дѣйствительнымъ распредѣленіемъ въ данный періодъ политическихъ силъ. Во всякой конституціи есть одна сильнѣйшая сторона, и еслибъ обыкновенныя конституціонныя сдѣлки перестали существовать и отдѣльные элементы вступили въ борьбу, то она бы постоянно одерживала верхъ. Конституціонныя правила примѣняются на практикѣ только до тѣхъ поръ, пока они даютъ перевѣсъ въ управленіи той изъ сторонъ, которая владѣетъ наибольшею дѣйствительною силой внѣ стѣнъ Парламента.

Въ Англіи—это народная власть. Поэтому, если бы законы британской конституціи, вмѣстѣ съ неписанными правилами, которыми на дѣлѣ управляются различныя государственныя власти, не доставляли народному началу того первенства въ каждой отрасли управленія, какое соотвѣтствуетъ его дѣйствительному вліянію въ странѣ, то конституція лишилась бы устойчивости, ее характеризующей: или законы, или неписанныя правила должны перемѣниться. Британское правленіе можно, такимъ образомъ, назвать представительнымъ въ прямомъ смыслѣ слова; власть, которую оно даетъ лицамъ не прямо отвѣтственнымъ предъ народомъ, можно разсматривать какъ предосторожность, принятую противъ собственныхъ ошибокъ. Такія предосторожности существовали во всѣхъ хорошо организованныхъ демократическихъ прав-

леніяхъ. Аѳинская конституція имѣла много подобныхъ учрежденій. Соединеные Штаты—тоже имѣютъ.

Но въ то время, какъ сущность представительнаго правленія требуетъ, чтобы дѣйствительный перевѣсъ въ дѣлахъ государства былъ въ рукахъ представителей народа — является другой вопросъ, въ чемъ должны заключаться дѣйствительныя занятія и какая именно часть государственнаго механизма должна быть непосредственно и лично отправляема представительнымъ Собраніемъ? Въ этомъ случаѣ самыя разнообразныя положенія совмѣстимы съ сущностью представительнаго правленія, если только за нимъ остается въ послѣднемъ результатѣ контроль надъ каждымъ дѣйствіемъ.

Между контролемъ надъ государственными дѣлами и веденіемъ государственныхъ дѣлъ есть коренное различіе. Одно какое нибудь лицо или одна какая нибудь корпорація могутъ быть способны контролировать всякое дѣло, но конечно не могутъ исполнить всякое дѣло, и во многихъ случаяхъ, чѣмъ менѣе они принимаютъ личнаго участія въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ ихъ контроль. Начальникъ арміи не могъ бы такъ успѣшно распоряжаться движеніями ея, еслибы самъ сражался въ рядахъ или лично велъ ее на приступъ. Тоже самое примѣнимо и къ обществу. Нѣкоторыя дѣла могутъ быть ведены только собраніемъ; другія, напротивъ, не могутъ быть ведены имъ успѣшно. Слѣдовательно предстоятъ два вопроса: какія именно дѣла должны подлежать контролю народнаго собранія, и какія оно само должно вести. Какъ мы уже видѣли, оно должно повѣрять всѣ дѣйствія правительства. Но чтобы опредѣлить какимъ путемъ долженъ производиться контроль чтобъ лучше выполнить свое назначеніе, и что

именно къ массѣ государственныхъ дѣлъ народное собраніе должно оставить въ своихъ рукахъ, необходимо разобрать какого рода дѣла могутъ быть отправляемы съ успѣхомъ многочисленнымъ собраніемъ. Собраніе должно принять на себя только то, что имъ можетъ быть хорошо выполнено. Все же остальное оно не должно брать на себя; вся его обязанность должна заключаться въ-томъ, чтобы принять мѣры къ хорошему исполненію ихъ другими.

Напримѣръ: признано, что ни одинъ родъ общественныхъ дѣйствій не относится такъ прямо къ обязанностямъ народныхъ представительныхъ корпорацій какъ наложеніе податей. Однакоже ни въ одной странѣ представительныя собранія не берутъ на себя и не поручаютъ своимъ уполномоченнымъ составленія самыхъ смѣтъ. Хотя суммы бюджета вотируются исключительно Палатою общинъ, хотя на распредѣленіе ихъ нужно утвержденіе той же Палаты, но неписанныя правила и установленный обычай требуютъ, чтобы эти суммы назначались только по предложенію Короны. Безъ сомнѣнія общество чувствовало, что истинной мѣры бюджетныхъ суммъ и заботливости въ ихъ частномъ распредѣленіи можно ожидать только въ томъ случаѣ, когда исполнительная власть, черезъ руки которой онѣ проходятъ, будетъ подлежать отвѣтственности за свои планы и разсчеты, на основаніи которыхъ взимаются денежные сборы. Отъ парламента не ждутъ, даже не позволяютъ ему, прямо принимать инициативу въ дѣлѣ раскладки податей и государственныхъ издержекъ. Въ этомъ случаѣ отъ него требуютъ только согласія, и вся его сила заключается въ правѣ отказа.

Принципы, признанные конституціонною доктриной, доведенные до крайнихъ предѣловъ, служатъ путеводителемъ

при опредѣленіи сущности и границъ общей дѣятельности представительныхъ собраній. Во всѣхъ странахъ, гдѣ представительная система понята практически, всѣ согласны въ томъ, что административная власть не должна быть въ рукахъ представительнаго Собранія. Мысль эта основывается не только на самыхъ существенныхъ началахъ хорошаго правительства, но также и на правилахъ, необходимыхъ для успѣшнаго хода какого бы то ни было дѣла. Общество людей, если оно не организовано и не состоитъ въ распоряженіи единицъ, не способно къ дѣйствію въ собственномъ смыслѣ слова. Даже небольшой отдѣлъ, состоящій изъ немногихъ избранныхъ членовъ, спеціально приготовленныхъ къ данному занятію, являетъ собою лишь слабое орудіе для дѣйствія, и дѣло всегда выиграетъ, если одинъ изъ нихъ будетъ назначенъ распорядителемъ, а остальные члены его подчиненными. Напротивъ того, каждое дѣло будетъ гораздо лучше разобрано обществомъ чѣмъ отдѣльнымъ лицомъ. Когда есть надобность знать различныя сталкивающіяся мнѣнія, то Собраніе съ правомъ обсужденія становится необходимо. Эти Собранія часто приносятъ пользу даже въ области чисто административной дѣятельности, но вообще только въ смыслѣ Совѣта; потому что по общему правилу самое дѣло гораздо лучше можетъ вести отдѣльное лицо подъ своею личною отвѣтственностью. Даже обыкновенное коммерческое общество на паяхъ имѣетъ всегда, если не по уставу, такъ на практикѣ, одного управляющаго. Хорошій или дурной ходъ дѣла общества зависитъ главнѣйше отъ личныхъ качествъ этого директора; другіе же, если и приносятъ пользу, то развѣ только тѣмъ, что имѣютъ возможность наблюдать за нимъ, давать совѣты, ограничивать клонящіяся ко вреду общества распоря-

женія, или удалить его отъ дѣла вовсе въ случаѣ недобросовѣстности. Если они по уставу пользуются одинаковымъ съ нимъ правомъ распоряженія въ дѣлѣ, то является скорѣе вредъ чѣмъ польза: такое положеніе значительно ослабляетъ въ умѣ управляющаго и другихъ лицъ сознаніе его личной и нераздѣльной отвѣтственности.

Но народное Собраніе еще менѣе способно участвовать въ административной дѣятельности или руководить въ подробностяхъ дѣйствіями тѣхъ лицъ, кому поручена эта область. Даже при честныхъ намѣреніяхъ вмѣшательство почти всегда бываетъ вредно. Всякая отрасль государственнаго управленія—есть сложный механизмъ, для котораго существуютъ свои законы и традиціонныя правила; изъ нихъ многія извѣстны только тѣмъ, на чьихъ рукахъ механизмъ побылъ нѣкоторое время, а людямъ, незнакомымъ съ ними практически, они кажутся непонятными. Я не хочу этимъ сказать, что веденіе государственныхъ дѣлъ заключаетъ въ себѣ какія нибудь таинства, доступныя только посвященнымъ. Его начала понятны каждому человѣку съ здравымъ смысломъ, у кого въ головѣ составилась вѣрная идея о тѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, при которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, но для этого необходимо знать эти обстоятельства, а знаніе приходитъ не по вдохновенію. Въ каждой отрасли государственной дѣятельности (какъ и частной) есть множество правилъ; причины которыхъ незнаетъ человѣкъ новый, не подозрѣваетъ даже самаго ихъ существованія, потому что онѣ существуютъ для предупрежденія опасностей и неудобствъ, которыя и въ умъ ему не приходятъ. Я зналъ государственныхъ людей, болѣе чѣмъ съ обыкновенными дарованіями, которые, поступивъ на новое для нихъ дѣло, возбуждали улыбку своихъ подчиненныхъ тѣмъ видомъ, съ

какимъ они возвѣщали объ открытіи ими какой нибудь заброшенной истины; между тѣмъ вѣроятно всякій, кто только касался прежде ихъ того же предмета, приходилъ къ той же мысли при первомъ взглядѣ на дѣло, и отступался отъ нея при второмъ. Правда, великимъ государственнымъ человѣкомъ можетъ назваться только тотъ, кто умѣетъ кстати держаться и отставать отъ преданій; но было бы страннымъ заблужденіемъ думать, что человѣкъ, незнающій преданій, можетъ сдѣлать это лучше. Кому незнакомъ вполнѣ порядокъ дѣйствій, освященный простымъ опытомъ, тотъ не можетъ ясно обсудить обстоятельствъ, при которыхъ надо отступить отъ заведеннаго порядка. Чтобы взвѣсить и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, интересы, связанные съ ходомъ государственныхъ дѣлъ, также послѣдствія, неминуемыя при каждой перемѣнѣ въ ихъ ходѣ, необходимы спеціальныя знанія, а еще болѣе испытанная способность обсужденія; способность эта встрѣчается между людьми выросшими не въ самой средѣ дѣла почти такъ же рѣдко, какъ и умѣнье преобразовывать законы между людьми, не изучавшими ихъ спеціально. Если представительное Собраніе берется рѣшать вопросы изъ чисто административной области, то можно полагать навѣрное, что оно не знаетъ всѣхъ предстоящихъ трудностей. Въ самомъ невинномъ случаѣ это будетъ неопытность, сидящая судьей надъ опытностью, невѣжество—надъ знаніемъ; невѣжество, которое не подозрѣвая существованія вещей, ему невѣдомыхъ, судитъ одинаково поверхностно и беззаботно, и при всемъ томъ, если и не сознаетъ на самомъ дѣлѣ, то выказываетъ претензію, что его понятіе о предметѣ выше понятій кого бы то нибыло. Такъ бываетъ, если сюда не примѣшиваются корыстныя побужденія; но когда есть и эти причины, то дѣло превращается

въ мошенничество болѣе дерзкое и безстыдное, чѣмъ самое страшное взяточничество, возможное въ какой либо общественной должности при гласномъ правительствѣ. Для этого не нужно, чтобы большинство было одушевлено корыстными побужденіями: въ частномъ случаѣ часто достаточно, если корысть руководитъ двумя, тремя членами. Эти двое или трое будутъ имѣть бо́льшій интересъ въ томъ, чтобы вести корпорацію по кривой дорогѣ, чѣмъ кто нибудъ изъ остальныхъ ея членовъ, чтобы вывести ее на прямую. Масса Собранія можетъ сохранить свои руки чистыми, но не можетъ внести строгаго взгляда и вынести яснаго сужденія о предметѣ, въ которомъ ничего не понимаетъ; безпечное большинство, какъ и безпечный человѣкъ, принадлежитъ тому, кто наиболѣе около него хлопочетъ. Неразумныя мѣры или несправедливыя приказанія министра могутъ быть остановлены Парламентомъ. Интересы министерства въ своей защитѣ, а оппозиціи въ нападеніи на министерство, даютъ сносное равновѣсіе. Но quis custodiet custodes (кто будетъ сторожить сторожей)? Кто будетъ наблюдать за Парламентомъ? Министръ, стоя во главѣ какой либо отрасли государственнаго управленія, сознаетъ, что находится подъ отвѣтственностью; напротивъ, Собраніе не знаетъ надъ собою ничего подобнаго. Развѣ былъ когда нибудь случай, чтобы членъ парламента потерялъ свое мѣсто за подачу голоса въ пользу какой нибудь административной мѣры? Для главы министерства важнѣе то́ мнѣніе, какое составится о его мѣрахъ спустя нѣкоторое время, чѣмъ то, какое составляется въ моментъ приведенія ихъ въ дѣйствіе. Другое дѣло съ Собраніемъ: если за него голосъ минуты, то, хотя бы онъ былъ возбужденъ преждевременно или искусственно, Собраніе считаетъ себя из-

бавленнымъ отъ отвѣтственности за принятыя рѣшенія, какъ бы не были грустны ихъ слѣдствія. Кромѣ того, Собраніе никогда не испытываетъ лично печальныхъ послѣдствій отъ принятыхъ имъ дурныхъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выростутъ до размѣровъ національнаго бѣдствія. Министры и управляющіе видятъ его приближеніе, и должны подвергнуться всѣмъ неудобствамъ и безпокойствамъ отысканія средствъ для предупрежденія его.

Истинное значеніе представительнаго собранія не въ томъ, чтобы обсуживать каждую административную мѣру, а въ томъ, чтобы назначать способныхъ къ тому людей. Даже и этого они не могутъ сдѣлать удачно, если будутъ назначать дѣятелей поименно. Едва ли есть что либо другое, чтобы такъ настоятельно требовало такой строгой личной отвѣтственности, какъ назначеніе лицъ на общественныя должности. Но опытъ показываетъ, что едва ли есть хоть одинъ актъ, въ которомъ бы обыкновенный человѣкъ менѣе справлялся съ своею совѣстью, едва ли есть случай, гдѣ бы менѣе обращали вниманія на личныя качества кандидата: причина та, что назначающій или не понимаетъ могущей быть разницы, или не заботится узнать ее. Когда министръ сдѣлалъ то, что называютъ честнымъ назначеніемъ, т. е. когда онъ далъ мѣсто не родственнику и не человѣку своей партіи, то непосвященный готовъ думать, что министръ изъ претендентовъ выбралъ даровитѣйшаго. На дѣлѣ не бываетъ ничего подобнаго. Обыкновенный министръ почитаетъ себя чудомъ добродѣтели, если замѣститъ вакансію человѣкомъ достойнымъ, или такимъ, который заслугами пріобрѣлъ себѣ право на вниманіе общества, хотя бы и заслуги и достоинства были совсѣмъ не того рода, какихъ требуетъ должность. Il fallait un calculateur, ce fut un

danseur qui l'obtint; въ наше время это встрѣчается едва ли рѣже, чѣмъ во времена Фигаро; и министръ, безъ сомнѣнія, почитаетъ себя не только правымъ, но даже вмѣняетъ себѣ въ заслугу, если счетчикъ танцуетъ хорошо. Люди съ качествами, необходимыми для извѣстной должности, могутъ быть оцѣнены по достоинству только тѣми, кто ихъ знаетъ лично, или кому извѣстны ихъ прежнія дѣйствія. Когда на эти обстоятельства обращаютъ такъ мало вниманія даже лица, подлежащія отвѣтственности за назначаемыхъ ими подчиненныхъ, то чего ожидать въ подобныхъ случаяхъ отъ Собраній, которыя ей не подлежатъ! Даже теперь, самыя неудачныя назначенія тѣ, которыя дѣлаются ради представительнаго Собранія съ цѣлію снискать поддержку съ его стороны или угомонить въ немъ оппозицію; а что бы было еслибъ назначеніе производилось самимъ Собраніемъ! Многочисленныя общества, въ подобномъ случаѣ, никогда не обращаютъ вниманія на качества лица: человѣкъ не попалъ на висѣлицу,—значитъ годится на какую либо общественную должность, и почти въ такой же мѣрѣ какъ и всякій другой кандидатъ. Если въ народномъ Собраніи выборъ рѣшенъ не сдѣлкою партій и не хитростью (что бываетъ почти всегда), то кандидатъ обыкновенно назначается или потому, что пользуется репутаціей (часто незаслуженною) человѣка съ дарованіями, или, и еще чаще потому, что пользуется популярностью.

Никто вообще не желаетъ, чтобъ Парламентъ былъ обязанъ назначать каждаго члена кабинета. Достаточно, если онъ назначитъ перваго министра, или двухъ, трехъ лицъ, изъ которыхъ первый министръ долженъ быть выбранъ. Поступая такимъ образомъ, Парламентъ признаетъ только тотъ фактъ, что такое-то лицо, съ такими-то политическими

убѣжденіями, есть кандидатъ, котораго будетъ поддерживать большинство. Въ сущности Парламентъ рѣшаетъ только слѣдующій вопросъ: которая изъ двухъ или много трехъ партій, должна дать странѣ дѣятелей исполнительной власти? Мнѣніе самой партіи рѣшитъ, кто именно изъ ея членовъ наиболѣе способенъ быть во главѣ этой дѣятельности. Въ британской конституціи на практикѣ этотъ порядокъ вещей оказывается въ такой мѣрѣ хорошъ, какъ только можетъ быть. Парламентъ не указываетъ, кто именно долженъ быть первымъ министромъ, но Корона назначаетъ его, сообразуясь съ желаніями и склонностями, выраженными Парламентомъ; другихъ министровъ она назначаетъ по представленію перваго министра, а эти, въ свою очередь, подъ своею нравственною отвѣтственностью, назначаютъ во всѣ непостоянныя административныя должности. Въ республикѣ необходимы еще другіе пріемы; но чѣмъ болѣе они будутъ подходить на дѣлѣ къ порядку, издавна уже существующему въ Англіи, тѣмъ лучшихъ надо ожидать результатовъ. Можетъ быть еще и такой порядокъ: или глава исполнительной власти избирается особымъ учрежденіемъ, совершенно независимымъ отъ Палаты народныхъ представителей, какъ то дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ, или же народные представители довольствуются назначеніемъ перваго министра, подчинивъ его отвѣтственности за выборъ своихъ сотоварищей и подвѣдомственныхъ лицъ. Всѣмъ этимъ соображеніямъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, я предсказываю всеобщее одобреніе; но на практикѣ все болѣе и болѣе замѣчается стремленіе представительныхъ обществъ вмѣшиваться въ подробности администраціи. Это происходитъ вслѣдствіе общаго закона, что сильнѣйшее начало въ какой либо средѣ человѣческой дѣятельности подвер-

гается искушенію къ чрезмѣрному приложенію своей силы. Это одна изъ практическихъ опасностей, которымъ подвержена будущность представительныхъ правленій. Большая корпорація, какъ мы видѣли, неспособна къ прямой административной дѣятельности: въ такой же мѣрѣ она неспособна и къ прямой законодательной. Это—истина, хотя она выяснялась медленно, и признана поздно. Едва ли есть какая нибудь другая умственная работа, которая бы требовала отъ исполнителей такъ много не только умственной опытности, но долгаго и труднаго изученія, какъ дѣло законодательства. Еслибъ не было другихъ причинъ, то этой одной достаточно для уразумѣнія: почему подобный трудъ можетъ быть успѣшно выполненъ только избраннымъ комитетомъ, составленнымъ изъ небольшаго числа лицъ. Есть еще другая не менѣе убѣдительная причина: каждая статья закона должна быть составлена съ умѣньемъ и съ самымъ точнымъ представленіемъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія она должна имѣть на слѣдующія статьи. Каждый вновь изданный законъ долженъ составлять съ предшествовавшими одно органическое цѣлое. Эти условія невыполнимы, если законы вотируются статья за статьею безъ всякой связи между собою. Нелѣпость подобнаго вотированія поразила бы всякаго, еслибъ нашъ сводъ законовъ не былъ и безъ того такимъ хаосомъ, что всякая новая прибавка, по видимому, не можетъ уже увеличить количества путаницы и противорѣчій въ общей массѣ. Но даже теперь негодность механизма нашихъ законовъ чувствуется каждый годъ все болѣе и болѣе. Недостатокъ самого времени для пересмотра всѣхъ постановленій по какому нибудь предмету, не дозволяетъ Парламенту выпускать новыя постановленія иначе какъ урывками и для чисто мѣстныхъ

случаевъ. Если въ биллѣ дѣло идетъ о законѣ въ его цѣлостности (а невозможно дѣлать частныя постановленія, не имѣя въ виду цѣлаго), то билль откладывается отъ одного засѣданія до другаго, просто по невозможности найти достаточно времени. Хотя бы билль и былъ составленъ учрежденіемъ, признаннымъ за наиболѣе состоятельное, или избранною коммиссіею, посвятившею года на изученіе предмета, билль все таки не пройдетъ безпрепятственно, потому что Палата Общинъ не откажется отъ драгоцѣнной привилегіи помять его въ своихъ жесткихъ рукахъ. Въ послѣднее время, нѣкоторый ходъ получило обыкновеніе, что когда сущность билля одобрена на второмъ чтеніи, то дальнѣйшій разборъ его подробностей предоставляется избранному комитету; но на дѣлѣ выигрышъ времени оказывается не великъ: билль долженъ еще пройти черезъ общій комитетъ отъ обѣихъ Палатъ: мнѣнія и придирки, побѣжденныя наукой, всегда ждутъ этого случая, чтобъ въ виду трибунала невѣжества еще разъ попробовать счастія. Новое обыкновеніе принято преимущественно Палатою Лордовъ, члены которой менѣе хлопочутъ о вмѣшательствѣ и менѣе ревнуютъ къ значенію своихъ личныхъ голосовъ, чѣмъ члены Нижней Палаты. И наконецъ когда многостатейный билль послѣ разбора и пересмотра въ комитетѣ, выйдетъ на свѣтъ, то кто изобразитъ его состояніе? Статьи необходимыя для приложимости послѣдующихъ выкинуты; другія вставлены безъ надобности, чтобъ только примирить частные интересы, или успокоить какого нибудь придирчиваго члена, угрожающаго биллю задержкой; другія, наконецъ, вставлены по предложенію какого нибудь дилетанта, желающаго выказать свои познанія, статьи, которыхъ послѣдствій въ тотъ моментъ не предвидѣли ни

авторъ, ни его сторонники, и которыя въ слѣдующее же засѣданіе потребуютъ перемѣнъ и ограниченій, чтобы исправить нанесенный ими вредъ. Нынѣшніе пріемы въ этомъ дѣлѣ имѣютъ тотъ недостатокъ, что человѣкъ, предложившій билль, едва ли когда нибудь имѣетъ возможность изъяснять и защищать его лично; по всей вѣроятности онъ не имѣетъ даже мѣста въ Палатѣ. Защита лежитъ на одномъ изъ министровъ или членовъ Парламента, для котораго билль этотъ чужое произведеніе и поэтому онъ будетъ задумываться надъ каждымъ доводомъ, кромѣ самыхъ очевидныхъ; который не знаетъ ни всей силы предлагаемаго имъ положенія, ни лучшихъ доводовъ для его защиты, и совершенно не въ состояніи отразить непредвидѣнныя возраженія. Этому злу еще можно отчасти помочь при обсужденіи правительственныхъ предложеній: въ нѣкоторыхъ представительныхъ правленіяхъ правительству дозволяется въ обѣихъ Палатахъ, имѣть своихъ представителей съ правомъ рѣчи, но безъ права голоса.

Еслибъ значительное большинство Палаты Общинъ, никогда не выказывающее желанія выразить свою мысль публичною рѣчью, а предоставляющее общественное дѣло дѣятельному меньшинству,—еслибъ оно пришло къ убѣжденію, что качества, необходимыя для законодателя, состоятъ не въ одномъ подвижномъ языкѣ и правѣ быть членомъ собранія, а что есть еще другія, болѣе важныя, которыя можно найти, если поискать вокругъ; еслибъ все это оно сознало, то и общество пришло бы къ мысли, что въ сферѣ законодательной и административной задача представительнаго Собранія состоитъ не въ томъ, чтобы самому быть дѣятелемъ, а въ томъ, чтобы служить побужденіемъ къ дѣятельности; оно должно опредѣлить только, кто имен-

но, или какой родъ дѣятелей, долженъ принять на себя общественный трудъ, давая ему силу или отвергая его голосомъ націи. Всякое правительство, годное для высокоцивилизованнаго народа, должно имѣть однимъ изъ основныхъ своихъ элементовъ небольшой комитетъ, числомъ членовъ не превосходящій состава обыкновеннаго кабинета, котораго цѣлью должно быть составленіе законовъ. Еслибъ законы нашей страны были пересмотрѣны и сведены въ одно связное цѣлое, что конечно скоро будетъ, то законодательная коммиссія могла бы продолжать свое существованіе какъ учрежденіе постоянное, съ цѣлію наблюдать за правильнымъ приложеніемъ законовъ, охранять ихъ отъ кривыхъ толкованій, или же вводить дальнѣйшія улучшенія. Никто бы не пожелалъ, чтобъ эта коммиссія имѣла право, по своему усмотрѣнію, издавать законы; въ составленіи ихъ она должна выразить собою только разумное начало; волю представлялъ бы парламентъ; никакая мѣра не могла бы стать закономъ прежде формальнаго утвержденія парламентомъ; а парламентъ или какая либо Палата отдѣльно имѣли бы право не только отвергнуть составленный законъ, но даже отправить его обратно въ коммиссію для перемѣнъ и исправленій. Обѣ Палаты могли бы оставить за собою право предложенія коммиссіи о составленіи закона по какому нибудь предмету. Коммиссія, конечно, не можетъ отказаться отъ составленія законовъ, требуемыхъ страною. Инструкція, данная отъ обѣихъ Палатъ, указывающая въ какомъ смыслѣ имѣетъ быть составленъ предлагаемый законъ, должна быть обязательна для коммиссіи, въ случаѣ же несогласія ея выполнить, члены ея должны подать въ отставку. Но составленный законъ Парламентъ не можетъ уже измѣнять, а долженъ только принять или отвергнуть, въ случаѣ же необходимости

какихъ либо частныхъ измѣненій, онъ отсылаетъ билль въ коммиссію для пересмотра. Члены коммиссіи назначались бы короною, но на какое нибудь опредѣленное время, положимъ на 5лѣтъ, смѣнять ихъ могли бы только или за недобросовѣстное, поведеніе, какъ относительно судей, или за отказъ въ составленіи закона по требованію Парламента; въ обоихъ случаяхъ не иначе, какъ на основаніи указа отъ обѣихъ Палатъ. По истеченіи пяти лѣтъ одинъ членъ коммиссіи долженъ оставлять свою должность, исключая случая вторичнаго избранія; это съ тою цѣлью чтобы приличнымъ образомъ удалять людей, оказавшихся ниже своего положенія, и чтобы постоянно прибавлять болѣе молодой и свѣжей крови въ это тѣло.

Необходимость подобнаго учрежденія чувствовалась еще въ аѳинской демократіи, гдѣ, даже въ періодъ своего величайшаго могущества, Экклезіа могла издавать только псефизмы, большею частью приказы, по вопросамъ чисто политическимъ; но собствено законы составлялись исключительно въ менѣе численномъ Собраніи Номофетовъ избираемыхъ ежегодно, которыхъ обязанностью было наблюдать за цѣлостностью законовъ и связью ихъ между собою. Въ англійскихъ учрежденіяхъ очень трудно ввести какое либо начало новое по сущности и формѣ, но сравнительно легче согласить на нововведенія, если они только облечены въ существующія уже формы и преданія. Въ этомъ случаѣ большую услугу можетъ оказать устройство Палаты Лордовъ. Коммиссія для составленія законовъ была бы нововведеніемъ лишь на столько, какъ и коммитетъ о вспоможеніи бѣднымъ и межевая коммисія. Еслибы, въ уваженіе той довѣренности, какою облекается членъ вновь предполагаемой коммиссіи, законъ давалъ ему

пожизненное перство, если онъ не былъ удаленъ Парламентомъ, то вѣроятно тотъ же здравый смыслъ и тактъ націи, который на практикѣ вручаетъ судебную власть лордамъ—юристамъ, предоставилъ бы законодательную дѣятельность, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ примѣшивается политика, законодателямъ по профессіи; билль, получившій начало въ верхней Палатѣ, былъ бы редактированъ ими; для отдѣльнаго члена Нижней Палаты было бы удобнѣе, вмѣсто того, чтобъ представлять свой проэктъ прямо въ Палаты, передавать его Законодательной Коммиссіи; если кто либо изъ членовъ Палаты будетъ въ состояніи составить проэктъ, удобный къ принятію, то Палата, вмѣсто краткой записки о сущности дѣла, могла бы передать въ коммиссію для подробнаго обсужденія самый проэктъ цѣликомъ. Безъ всякаго сомнѣнія Палата передавала бы въ коммиссію всякій подробный проэктъ, хотя бы онъ могъ служить только матеріаломъ или вспоможеніемъ. Палата передавала бы туда же всѣ возраженія и измѣненія, выраженныя письменно ея членами по выходѣ проэкта изъ рукъ коммиссіи. Перемѣны въ статьяхъ какого либо проэкта, дѣлаемыя теперь комитетомъ отъ обѣихъ Палатъ, прекратились бы не вслѣдствіе законнаго запрещенія, а просто потому, что въ нихъ не было бы нужды. Право осталось бы по закону за Палатой, но было бы сдано въ архивъ, вмѣстѣ съ королевскимъ veto, съ правомъ отказа въ субсидіяхъ и съ другими устарѣлыми орудіями политической борьбы, которыхъ приложенія къ дѣлу никто не хочетъ, но не хочетъ также и разстаться съ ними, потому что они могутъ еще понадобиться въ экстренныхъ случаяхъ. При такомъ учрежденіи законодательная дѣятельность будетъ въ рукахъ способныхъ и испытанныхъ въ дѣлѣ людей. А важ-

нѣйшій элементъ національной свободы—право народа управляться законами, которые признаны его представителями,—будетъ сохранено вполнѣ чистымъ, тогда какъ теперь онъ спутанъ серьезными и неизбѣжными формальностями невѣжественнаго и неосновательнаго законодательства.

Настоящее назначеніе представительнаго Собранія не управленіе государствомъ, къ чему оно совершенно не способно, а повѣрка этого управленія; оно обязано проливать на него свѣтъ гласности; давать ему возможность объясниться и оправдаться во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ; оно должно представлять свои замѣчанія въ случаѣ его ошибокъ; наконецъ, въ случаѣ, если лица, составляющія правительство, не заслуживаютъ довѣрія, или дѣйствія ихъ не совпадаютъ съ желаніями націи, оно обязано удалять эти лица отъ должностей, назначая, или указывая на ихъ мѣсто новыхъ дѣятелей. Въ этомъ кажется достаточно гарантій для свободы націи. Но Парламентъ имѣетъ еще и другое значеніе, не менѣе важное: онъ въ одно время есть Комитетъ національнаго недовольства и представитель національныхъ убѣжденій; онъ, арена гдѣ высказываются во всемъ свѣтѣ и могутъ выступить на борьбу не только общія мнѣнія націи, но даже каждой ея партіи и даже, на сколько возможно, каждой замѣчательной личности; гдѣ каждый гражданинъ можетъ найти человѣка, который высказываетъ его убѣжденія, какъ бы высказалъ ихъ онъ самъ, или даже лучше, и при томъ, не только въ кругу друзей и сторонниковъ, но въ лицо противника съ возможностью встрѣтить отпоръ; гдѣ каждый, чье мнѣніе отвергнуто, имѣетъ то утѣшеніе, что оно, по крайней мѣрѣ, было выслушано, и отвергнуто не вслѣдствіе каприза, а вслѣдствіе того, что большинство нашло противъ него болѣе сильные доводы;

гдѣ каждая партія можетъ сдѣлать перекличку своимъ сторонникамъ, и, если нужно, освободиться отъ всякихъ иллюзій на счетъ своей силы; гдѣ преобладающее мнѣніе сразу является правительству, и заставляетъ его уступить одной простой манифестаціи, не дожидаясь вмѣшательства дѣйствительной силы; на этой же аренѣ наконецъ, государственные люди лучше чѣмъ гдѣ нибудь могутъ видѣть какіе элементы національнаго могущества растутъ и какіе падаютъ, и могутъ принять свои мѣры, соображаясь не только съ настоящими требованіями, но и съ будущимъ положеніемъ страны. Противники называютъ Собранія представителей мѣстомъ пустословія и разговоровъ. Едва ли когда выходила болѣе неумѣстная шутка. Я не знаю, чѣмъ именно, какъ не разговорами представительное Собраніе можетъ принести наиболѣе пользы, когда предметъ разговоровъ великіе національные интересы, когда каждая рѣчь выражаетъ мнѣніе или значительной партіи, или лица, облеченнаго довѣріемъ значительной партіи. Учрежденіе, гдѣ каждая мысль, каждая тѣнь мнѣнія существующаго въ націи, могутъ заявлять себя предъ лицемъ правительства и представителей другихъ интересовъ и мнѣній; гдѣ онѣ могутъ заставить себя выслушать, заставить себя принять или могутъ вытребовать объясненія, почему ихъ не приняли; еслибъ подобное учрежденіе не вело ни къ чему больше, то достаточно сказаннаго теперь, чтобы почитать его какъ одно изъ первыхъ благъ свободнаго правленія. Подобные разговоры никогда не могутъ почитаться пустословіемъ, если только они не мѣшаютъ дѣлу; а этого не случится, если Собранія поймутъ, что ихъ настоящее дѣло—это сужденія и пренія, а самое дѣйствіе есть принадлежность не общества, значительнаго по числу членовъ, а небольшаго кружка дѣя-

телей, спеціально приготовленныхъ. Собраніе обязано наблюдать, чтобы самый выборъ былъ разуменъ и честенъ, и не касаться дѣла иначе, какъ посредствомъ неограниченнаго права совѣта, и чрезъ утвержденіе постановленій комитета національнымъ согласіемъ. Недостатокъ истиннаго пониманія своего назначенія причиной того, что Собраніе представителей берется не за свое, т. е. за законодательство и администрацію. Тó именно качество, которое дѣлаетъ Собраніе народныхъ представителей неспособнымъ къ роли составителя законовъ, даетъ ему особое значеніе для другихъ отправленій: депутаты, конечно, не суть избранные политическіе умы, но они представляютъ собою образчикъ всѣхъ степеней умственнаго развитія, существующаго въ націи. Ихъ назначеніе указывать нужды и требованія народа, обсуживать политическіе вопросы, крупные и мелкіе, подвергать контролю дѣйствія и общественныхъ дѣятелей, и того учрежденія, отъ котораго зависитъ ихъ назначеніе, отказывая имъ, въ случаѣ нужды, въ своемъ согласіи. Нужно только, чтобы сфера дѣятельности представительныхъ Собраній сократилась до величины своего естественнаго объема, и тогда нація будетъ пользоваться всѣми благодѣяніями народнаго контроля, и не менѣе важнымъ условіемъ государственнаго благосостоянія (которое дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ по мѣрѣ того, какъ увеличиваются размѣры и сложность государственнаго дѣла), хорошимъ законодательствомъ и администраціей. Эти условія государственнаго благосостоянія можно соединить тогда, когда различные роды дѣятельности, требующіе отъ исполнителей различныхъ качествъ, будутъ распредѣлены по разнымъ вѣдомствамъ; если повѣрка и разборъ дѣлъ будутъ отдѣлены отъ самаго веденія дѣлъ; если пер-

вое будетъ поручено представителямъ массы, а второе небольшому числу дѣятелей, спеціально къ тому приготовленныхъ.

Разсмотрѣвъ свойства и назначеніе верховнаго представительнаго Собранія, надо бы приступить къ изслѣдованію о назначеніи и свойствахъ частныхъ представительныхъ Собраній, которыя должны существовать для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ мѣстностей. Такое изслѣдованіе составляетъ существенную часть настоящей книги, но многія причины заставляютъ насъ отложить этотъ трудъ до другаго времени, когда мы разсмотримъ критически наиболѣе удобный составъ верховнаго представительнаго Собранія, предназначеннаго для повѣрки общихъ дѣйствій законодательной и административной государственной власти.

ГЛАВА VI.

Недостатки и опасности, связанные съ представительнымъ правленіемъ.

Недостатки какого либо образа правленія могутъ быть отрицательные и положительные. Отрицательный недостатокъ есть такой, когда образъ правленія не сосредоточиваетъ въ рукахъ общественныхъ властей достаточно силъ для того, чтобы онѣ могли выполнять необходимыя обязанности правительства, или, когда онѣ недостаточно развиваютъ способности и общественныя чувства въ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ этомъ мѣстѣ нашихъ изслѣдованій мы уже не имѣемъ нужды долго останавливаться надъ тѣмъ и другимъ видомъ.

Недостатокъ у правительства власти, достаточной для поддержанія порядка и для покровительства ходу цивилизаціи, свойственъ болѣе дикимъ племенамъ, чѣмъ обществамъ, получившимъ уже какую либо форму политическаго единства. Когда народъ еще слишкомъ привязанъ къ дикой независимости, чтобы помириться съ тѣмъ количествомъ власти, какая необходима для его собственной пользы и для возможности будущаго развитія, то значитъ, въ немъ еще не созрѣли начала для представительнаго правленія. Когда же

придетъ время для такого правленія, то Собраніе съ верховною властью навѣрно будетъ обладать достаточною силою для осуществленія всѣхъ необходимыхъ цѣлей; и если само Собраніе не дастъ исполнительной власти достаточно силы, то единственно вслѣдствіе ревниваго чувства къ своему собственному могуществу; подобное чувство кажется можетъ имѣть мѣсто лишь до той поры, пока не утвердится на прочномъ основаніи право Собранія удалять отъ должностей дѣятелей исполнительной власти. Гдѣ это право принято въ принципѣ и дѣйствуетъ на практикѣ, тамъ нечего бояться, что Собраніе не дастъ своимъ министрамъ достаточно власти для успѣшнаго отправленія ихъ должностей. Напротивъ, тутъ предстоитъ опасность другаго рода: какъ только Собраніе получитъ власть назначать и держать министровъ, то ихъ сила становится его силой, и тогда оно можетъ дать ее министру слишкомъ неразсчетливо и въ слишкомъ неопредѣленномъ размѣрѣ. Но можетъ быть и такъ, что Собраніе дастъ власть слишкомъ расточительно, а потомъ начнетъ вмѣшиваться въ самыя ея приложенія; дастъ ее оптомъ, а потомъ станетъ отнимать назадъ по мелочи, посредствомъ отдѣльныхъ актовъ вмѣшательства въ дѣла администраціи. Зло, происходящее вслѣдствіе того обстоятельства, что Собраніе вмѣшивается въ самое дѣло управленія, вмѣсто того чтобъ судить и сдерживать тѣхъ, кто ведетъ это дѣло, было объяснено въ предъидущей главѣ. Въ природѣ вещей нѣтъ никакого средства противъ подобнаго вмѣшательства, кромѣ общаго и глубокаго убѣжденія въ его несостоятельности.

Другой отрицательный недостатокъ, который можетъ быть присущъ правительству,—именно, что оно недовольно развиваетъ нравственныя, умственныя и активныя качества от-

дѣльныхъ лицъ, представленъ нами въ общихъ чертахъ при изложеніи золъ деспотизма. Если сравнивать двѣ народныя формы правленія, то преимущество въ этомъ отношеніи останется за тою, которая дастъ народу наибо́льшій просторъ для общественной дѣятельности, съ одной стороны, лишеніемъ возможно меньшаго числа права голоса при выборахъ, съ другой, открытіемъ гражданамъ всѣхъ состояній, на сколько это совмѣстимо съ другими условіями, самаго обширнаго участія въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ: посредствомъ судовъ присяжныхъ, допущенія къ муниципальнымъ должностямъ, а болѣе всего чрезъ расширеніе до возможныхъ предѣловъ гласности и свободы преній; при такомъ порядкѣ не одни только избранные, а весь народъ становится до извѣстной степени участникомъ въ управленіи, и какъ въ школѣ развиваетъ свои умственныя качества. Дальнѣйшія разъясненія этихъ благъ и тѣхъ ограниченій, съ которыми надобно къ нимъ стремиться, мы разсмотримъ тогда, когда коснемся подробностей администраціи.

Положительное зло и опасности представительнаго правленія, какъ и всякаго другаго, приводятся къ двумъ причинамъ: одна изъ нихъ общее невѣжество и неспособность, или, говоря болѣе умѣреннымъ языкомъ, недостаточность умственныхъ дарованій въ контролирующемъ Собраніи; другая, если корпорація находится подъ вліяніемъ интересовъ, несовмѣстимыхъ съ общимъ благомъ.

Первое изъ золъ, недостатокъ въ большихъ умственныхъ дарованіяхъ, какъ вообще думаютъ, присуще народному правленію въ большей степени чѣмъ всякому другому. Энергія монарха, твердость и благоразуміе аристократіи, какъ полагаютъ, съ бо́льшею выгодою выдерживаютъ сравненіе

съ нерѣшительностью и недальновидностью даже самой даровитой демократіи. Но эти предположенія далеко не такъ основательны, какъ кажутся съ перваго взгляда.

Государства, ознаменовавшія себя въ исторіи умомъ и умѣніемъ вести дѣло, были вообще аристократическія. Но всѣ они, безъ исключенія, были аристократіями должностныхъ чиновниковъ. Правящее сословіе было такъ невелико, что каждый его членъ, по крайней мѣрѣ вліятельный, могъ занять и дѣйствительно занималъ общественную должность; общественная дѣятельность составляла его профессію и наполняла почти всю жизнь. Единственныя аристократіи, заявившія высокія правительственныя дарованія и дѣйствовавшія въ теченіи многихъ поколѣній на основаніи твердыхъ политическихъ началъ, были Римская и Венеціянская. Но въ Венеціи, хотя привилегированное сословіе было многочисленно, настоящая общественная дѣятельность была строго сосредоточена въ рукахъ небольшой олигархіи въ олигархіи, которая всю свою жизнь посвящала на изученіе и отправленіе государственныхъ дѣлъ. Правленіе Рима по характеру болѣе приближалось къ открытой аристократіи подобно англійской. Но дѣйствительнымъ правительственнымъ мѣстомъ былъ сенатъ, исключительно составленный изъ лицъ, занимавшихъ государственныя должности, и лицъ занимающихъ, или готовящихся занять высшія государственныя должности, но какъ тѣ, такъ и другія, подъ страхомъ строгой отвѣтственности въ случаѣ неспособности или ошибки. Вступивъ въ сенатъ, они отдавали жизнь на общественное дѣло; имъ не позволялось даже оставлять Италію иначе какъ для выполненія государственныхъ порученій; если они не были удалены цензорами изъ сената за слабости въ поведеніи или характерѣ, то власть

и отвѣтственность оставались за ними во всю жизнь. Въ аристократіи, устроенной на этотъ ладъ, каждый членъ чувствовалъ, что его личное значеніе тѣсно связано съ достоинствомъ и славою республики, въ управленіи которой онъ участвуетъ и съ вліяніемъ его на общественныхъ совѣтахъ. Это достоинство и эта слава вовсе не выражали благосостоянія массы гражданъ, и часто были даже совершенно съ ними несовмѣстимы, но съ ними тѣсно были связаны внѣшніе успѣхи и увеличеніе государственной территоріи; поэтому, въ аристократіяхъ Рима и Венеціи, въ одномъ почти только преслѣдованіи этой цѣли проявилась мудрость ихъ коллективной политики и великіе административные таланты; въ этомъ исторія воздаетъ имъ справедливость по заслугамъ.

Такимъ образомъ, кажется, придемъ къ заключенію, что единственная изъ непредставительныхъ формъ правленія, гдѣ политическія дарованія не были исключеніемъ, — это правленіе бюрократическое, все равно монархіи ли, или аристократіи. Здѣсь дѣло правительства всегда было въ рукахъ правителей по профессіи; въ-этомъ состоитъ сущность и значеніе бюрократіи. Дѣло ведется ими, или потому что они къ нему пріучены, или они пріучены къ нему потому, что оно должно быть ведено ими; въ этомъ есть большая разница, но сущность правила отъ этого не измѣняется нисколько. Съ другой стороны, аристократіи, подобныя англійской, гдѣ сословіе, обладающее властью, получаетъ ее единственно вслѣдствіе своего общественнаго положенія, а не потому, чтобы спеціально приготовлялось къ общественной дѣятельности, или посвящало ей свою жизнь (почему оно проявляетъ свою власть не прямо, а посредствомъ представительныхъ учрежденій, осно-

ванныхъ на олигархическомъ началѣ),—такія аристократіи, по роду проявленія заключающихся въ нихъ средѣ дарованій, идутъ въ уровень съ демократіями: онѣ выступаютъ только въ періодъ временнаго вліянія какой нибудь сильной личности, соединившей популярные таланты съ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Ѳемистоклъ и Периклъ, Вашингтонъ и Джефферсонъ, были исключеніями не болѣе рѣдкими, и конечно болѣе блестящими въ своихъ демократіяхъ чѣмъ Чэтэмы и Пили представительной британской аристократіи, или даже чѣмъ Сюлли и Кольберы аристократической французской монархіи.

Слѣдовательно при сравненіи количества могущихъ явиться дарованій слѣдуетъ остановиться только на двухъ образахъ правленія: на представительной демократіи и бюрократіи; остальные можно не брать въ разсчетъ вовсе. Здѣсь надо замѣтить, что бюрократическое правленіе, во многихъ важныхъ отношеніяхъ, имѣетъ большее преимущество. Изъ поколѣнія въ поколѣніе оно пріобрѣтаетъ большую массу опыта, хорошо вывѣренныя и обсуженныя правила, и можетъ принять лучшія мѣры къ практическому воспитанію людей, которымъ поручена государственная дѣятельность. Но это правленіе далеко не въ такой степени благопріятствуетъ развитію умственной инициативы частныхъ лицъ. Болѣзнь, поражающая бюрократическія правленія, отъ которой онѣ обыкновенно и умираютъ,—это рутина. Онѣ умираютъ вслѣдствіе неподвижности своихъ принциповъ, и еще скорѣе, вслѣдствіе общаго закона, что всякое начало, сдѣлавшееся рутиной, теряетъ свою жизненность, а потерявъ ее, продолжаетъ движеніе механически, вращаясь вокругъ самаго себя, тогда какъ дѣло, которое оно должно совершить, остается не сдѣланнымъ.

Бюрократія всегда имѣетъ стремленіе превратиться въ педантократію. Когда бюрократія составляетъ дѣйствительное правительство, то духъ корпораціи (какъ напримѣръ у іезуитовъ) подавляетъ индивидуальныя качества его наиболѣе замѣчательныхъ личностей. Въ дѣлѣ управленія, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, большинство будетъ исполнять только то, чему училось; для того же, чтобъ оригинальная идея могла пробить себѣ дорогу сквозь массу опытной посредственности, необходимо народное правленіе. Только при народномъ правленіи (исключая случай, когда во главѣ государства стоитъ весьма даровитый деспотъ) могъ Раулэндъ Гилль одержать побѣду надъ почтовымъ вѣдомствомъ. Народное правительство помѣстило его въ почтовое вѣдомство, и заставило всѣ чины, не смотря на ихъ сопротивленіе, повиноваться этому чечеловѣку, который соединялъ въ себѣ спеціальныя знанія съ оригинальными дарованіями. Римская аристократія избѣжала характеристической болѣзни, присущей бюрократіи, потому что сама имѣла народныя начала. Всѣ высокія отдѣльныя должности, тѣ, которыя давали мѣсто въ сенатѣ, и тѣ, которыхъ искали сенаторы, давались по опредѣленію народа.

Во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ надобно приводить въ столкновеніе противоположныя начала, чтобы онѣ были всегда на сторожѣ; это имъ нужно даже въ томъ случаѣ, если онѣ должны дѣйствовать каждое въ своей собственной средѣ. Если добиваться исключительно одной какой нибудь доброй цѣли, не обращая вниманія на другія, которыя должны ее сопровождать, то опасность не въ томъ, что мы перейдемъ эту цѣль и упустимъ другія: нѣтъ, мы просто ничего не добъемся. Правительство, состоящее изъ опыт-

ныхъ чиновниковъ, не можетъ дать странѣ того, что дастъ ей свободное правительство; но можетъ быть нѣкоторые сочтутъ его способнымъ дать ей нѣчто такое, чего не дастъ свободное. Мы однако находимъ, что чуждый бюрократіи элементъ—свобода нужна ей для дѣйствительности и прочности ея работы; точно также и свобода не произведетъ лучшаго своего дѣйствія, и часто вовсе не будетъ достигать своей цѣли, если не найдемъ возможности поручить веденіе дѣлъ способнымъ и опытнымъ чиновникамъ. Въ обществѣ, хотя нѣсколько зрѣломъ, при выборѣ между представительнымъ правленіемъ и самою совершенною бюрократіей, не можетъ быть ни минуты колебанія. Но надо помнить, что одна изъ величайшихъ политическихъ задачъ состоитъ въ умѣньи занять у той и другой системы все, что у нихъ есть лучшаго, соединить лучшее двухъ разнородныхъ системъ насколько одно съ другимъ совмѣстимо; т. е. обезпечить веденіе дѣлъ опытными людьми, приготовляемыми къ нему, какъ къ будущему своему ремеслу, и между тѣмъ облечь властью общаго контроля собраніе представителей всего народа. Много могло бы быть сдѣлано въ этомъ направленіи, если принять ту раздѣльную черту, которую мы старались опредѣлить въ прошедшей главѣ между дѣятельностью собственно правительственною, для которой нужны спеціально приготовленные люди, и контролемъ надъ правителями, который надлежащимъ способомъ можетъ производиться не тѣми, кто управляетъ, а тѣми, кѣмъ управляютъ. Никакой прогрессъ не возможенъ въ демократіи, пока она не признаетъ правила, что государственное дѣло можетъ быть ведено успѣшно только способными къ нему людьми. На долю демократическаго правительства останется и безъ того много дѣла въ самомъ

пріисканіи достаточной суммы дарованій для исполненія ея дѣла надзора и сдерживанія.

Вопросъ, какимъ способомъ демократія можетъ обезпечить за собою такую сумму, мы разберемъ послѣ, при изслѣдованіяхъ о существѣ состава общества представителей. Чѣмъ болѣе будетъ дефицитъ въ требуемой суммѣ, тѣмъ болѣе представительное собраніе будетъ зарываться въ административную область посредствомъ частныхъ актовъ; оно будетъ низлагать хорошія, и возводить и поддерживать негодныя министерства; оно будетъ одобрять или смотрѣть сквозь пальцы на злоупотребленія министерства, или лишать его поддержки, какъ только оно вздумаетъ вести свое дѣло честно и независимо; оно можетъ навязать ему своекорыстную, капризную, близорукую и вредную политику, внутреннюю и внѣшнюю; отмѣнять хорошіе и вводить дурные законы; дозволять распространеніе новаго зла, или цѣпляться за старое; можетъ быть даже, подъ вліяніемъ минуты, оно само себѣ или своимъ исполнителямъ дозволитъ отложить законъ и вовсе въ сторону въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его безстрастная справедливость могла показаться непріятною народному чувству. Таковы опасности представительныхъ правленій, если въ средѣ представителей нѣтъ необходимаго количества способностей.

Теперь перейдемъ къ другому роду золъ, являющихся въ то время, когда вмѣшательство Собраній въ администрацію происходитъ подъ вліяніемъ зловѣщихъ интересовъ (ssinister по выраженію, введенному Бентамомъ), т. е. такихъ, которые болѣе или менѣе приходятъ въ столкновеніе съ общественнымъ благомъ.

Вообще думаютъ, что бо́льшая часть золъ, присущихъ представительной монархіи и аристократіи, проистекаютъ отъ этой

причины. Интересы исполнительной власти и интересы магнатовъ, коллективные, или личные каждаго члена особо, обусловливаются на дѣлѣ, или въ воображеніи вельможъ, образомъ дѣйствій противоположнымъ тому, какого требуетъ общее благо народа. Выгода правительства, напримѣръ, требуетъ налагать на народъ большія подати; выгода народа, напротивъ, платить какъ можно меньше, на сколько это возможно, чтобъ имѣть притомъ хорошее управленіе. Интересъ исполнительной власти и аристократіи требуетъ, чтобъ располагать народомъ съ неограниченною властью; чтобы народъ въ своей жизни сообразовался съ волею и склонностями правителей. Выгода народа, напротивъ, — допускать въ свою жизнь какъ можно менѣе вмѣшательства, именно столько, сколько дѣйствительно нужно для достиженія правительству его законныхъ цѣлей. Выгода явная или воображаемая исполнительной власти и вельможъ состоитъ въ томъ, чтобы не дозволять никакихъ сужденій на ихъ счетъ, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, которая можетъ показаться имъ опасною для ихъ власти или свободы ихъ дѣйствій. Интересъ народа, напротивъ, требуетъ полной свободы сужденій надъ каждымъ общественнымъ дѣятелемъ и надъ каждою общественною мѣрою. Интересъ господствующаго класса въ аристократіи или аристократической монархіи можетъ заключаться въ томъ, чтобъ присвоить себѣ какъ можно болѣе всякаго рода привилегій, съ цѣлію, или наполнить свои карманы народными деньгами, или просто, чтобъ только возвыситься надъ народомъ, или, что выходитъ тоже самое, унизить его передъ собою. Если народъ недоволенъ (а неудовольствіе при подобномъ образѣ правленія очень возможно), то исполнительной власти и аристократіи выгоднѣе держать его на низкой степени просвѣщенія, сѣять несогласія между

его отдѣльными партіями, и даже не допускать его до слишкомъ большаго матеріальнаго благосостоянія, чтобы, по правилу выраженному кардиналомъ Ришелье, въ его Testament Politique онъ не «разжирѣлъ и не сталъ брыкать». Все сказанное принадлежитъ къ категоріи чисто эгоистическихъ интересовъ исполнительной власти и аристократіи; на практикѣ примѣненіе этой системы ограничивается до извѣстной степени страхомъ вызвать противодѣйствіе. Все это бывало, и многое еще существуетъ и теперь,—тамъ именно, гдѣ могущество исполнительной власти и аристократіи поставили ихъ выше общественнаго суда; да при такихъ условіяхъ нѣтъ причины и думать, чтобъ господствующіе элементы добровольно пожелали дѣйствовать инымъ образомъ.

Подобная своекорыстная система дѣйствій слишкомъ очевидна въ представительныхъ монархіяхъ и аристократіяхъ, но напрасно нѣкоторые думаютъ, что демократія отъ нея должна непремѣнно быть изъята. Если мы будемъ подъ словомъ «демократія» разумѣть то, что обыкновенно разумѣютъ, то есть, правленіе численнаго большинства, то весьма можетъ случиться, что верховная власть будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ частныхъ или сословныхъ интересовъ, заставляющихъ принять образъ дѣйствій, несовмѣстный съ общими выгодами всѣхъ гражданъ. Предположимъ, что большинство составляетъ бѣлое племя, меньшинство черное, или на оборотъ; есть-ли вѣроятность думать, чтобы большинство дѣйствовало одинаково справедливо въ отношеніи къ тому и другому? Предположимъ еще, что большинство католики, меньшинство протестанты, или большинство Англичане, меньшинство Ирландцы, и на оборотъ; опасность, во всѣхъ этихъ случаяхъ, будетъ та же самая. Во всѣхъ странахъ есть большинство бѣдныхъ и меньшинство, которое, сравнительно,

можно назвать богатыми. Эти два класса во многихъ случаяхъ раздѣляетъ совершенная противоположность интересовъ. Мы предполагаемъ, что большинство достаточно развито чтобы понять, что нѣтъ никакой выгоды ослаблять безопасность собственности, и что ея идея ослабляется всякимъ актомъ произвольнаго захвата. Но не явится ли другая значительная опасность: не наложатъ ли представители большинства слишкомъ несоразмѣрной доли, а пожалуй и всей тяжести податей на владѣльцевъ такъ называемой наличной собственности и на получающихъ большіе доходы. А сдѣлавъ это, въ добавокъ къ безсовѣстной раскладкѣ налоговъ, не начнутъ ли еще и растрачивать доходовъ на то что, по ихъ мнѣнію, служитъ къ благу рабочаго класса? Предположимъ еще меньшинство изъ искусныхъ рабочихъ, большинство изъ неискусныхъ: опытъ многихъ рабочихъ ассоціацій, (если только ихъ не оклеветали жестокимъ образомъ) показалъ, что равномѣрность заработной платы можетъ быть сдѣлана обязательною, и что работа отъ штуки и тотъ родъ ремеслъ, который даетъ средства болѣе искусному работнику получать большую плату, можетъ быть уничтоженъ. Попытка законодательства ограничить предложеніе на работу, возвысить плату; наложеніе пошлинъ и стѣснительныхъ обязательствъ на машины и другія изобрѣтенія, которыя стремятся подорвать какого нибудь рода существующее уже ручное производство; можетъ быть даже покровительство своего производителя противъ чужестраннаго совмѣстничества,—все это весьма естественные (я не берусь рѣшить, въ такой ли мѣрѣ они вѣроятны) результаты сословныхъ интересовъ, если большинство націи состоитъ изъ людей, живущихъ ручной работой.

Мнѣ скажутъ, что ни одна изъ этихъ попытокъ не ведетъ къ «*дѣйствительнымъ*» выгодамъ большинства. На это я отвѣчу, что еслибъ всѣ люди въ своихъ дѣйствіяхъ имѣли въ виду только «*дѣйствительныя*» свои выгоды, то ни одинъ изъ образовъ правленія не былъ бы такимъ дурнымъ, какими они являются иногда на самомъ дѣлѣ; часто доказывали, и можно еще подтвердить сильными доводами ту мысль, что король и сенатъ находятся въ положеніи гораздо болѣе завидномъ, когда бдительно и по правдѣ управляютъ дѣятельнымъ, богатымъ, просвѣщеннымъ и характернымъ народомъ. Но короли рѣдко, а олигархіи едва ли и когда нибудь, принимали такой возвышенный взглядъ на свои собственныя выгоды, а почему же мы должны ожидать отъ рабочаго класса болѣе высокаго образа мыслей? Дѣло не въ томъ, что̀ составляетъ ихъ истинныя выгоды, а въ томъ, что̀ они считаютъ такими; съ этимъ они сообразуютъ свой образъ дѣйствій. Этого соображенія кажется совершенно достаточно для опроверженія всякой теоріи, которая принимаетъ, что правленіе большинства естественно дѣлаетъ то̀, чего не дѣлаетъ, и не можетъ сдѣлать никакая другая форма правленія — именно: что оно ведетъ всегда дѣло сообразно съ своимъ дѣйствительнымъ, хотя и болѣе далекимъ благомъ, въ противоположность своему кажущемуся и непосредственному. Никто, конечно, не усомнится въ томъ, что многія изъ показанныхъ выше вредныхъ мѣръ, послужатъ къ временному благу всей массы неискусныхъ работниковъ; очень можетъ быть благо это продлится на цѣлое поколѣніе. Упадокъ промышлинной дѣятельности и предпрiимчивости, и дальнѣйшее слѣдствіе, меньшая охота къ сбереженію ихъ— могутъ быть мало замѣтны для всего класса неискусныхъ

работниковъ въ теченіи обыкновеннаго періода человѣческой жизни. Первыя слѣдствія самыхъ гибельныхъ государственныхъ распоряженій иногда приносили явное непосредственное благо. Установленіе деспотизма цезарей было большимъ благодѣяніемъ для всего современнаго поколѣнія. Деспотизмъ прекратилъ междоусобныя войны, уменьшилъ въ значительной степени грабежи и тиранію преторовъ и проконсуловъ; смягчилъ нравы, ввелъ умственную обработку во всѣ отрасли дѣятельности, кромѣ политической; при немъ явились тѣ памятники литературнаго генія, которые поражаютъ воображеніе поверхностныхъ читателей исторіи; только эти господа не замѣчаютъ, что люди, которымъ деспотизмъ Августа, (какъ и деспотизмъ Лаврентія Медичи и Людовика XIV) одолженъ своимъ блескомъ,—всѣ образовались въ средѣ предшествовавшаго поколѣнія. Запасы богатствъ и умственной дѣятельности, накопленныя въ теченіи вѣковъ свободы, достались первому поколѣнію рабовъ. Но это было началомъ того управленія, которое рядомъ мѣръ мало по малу уничтожило пріобрѣтенную массу образованія; имперія, которая завоевала и держала въ своей рукѣ весь міръ, до такой степени утратила даже свое военное могущество, что внѣшніе враги, противъ которыхъ прежде достаточно было трехъ, четырехъ легіоновъ, наконецъ овладѣли почти всею ея территоріей. Свѣжая стихія христіанства явилась какъ разъ во время: она спасла науки и искусства отъ окончательной гибели и не допустила родъ человѣческій погрузиться снова во мракъ, можетъ быть вѣчный.

Когда мы говоримъ объ интересѣ какой либо корпораціи или даже отдѣльнаго человѣка, какъ о причинѣ, опредѣляющей ихъ дѣйствія,—личный интересъ, такой, какимъ

бы его понималъ безпристрастный человѣкъ, играетъ только самую незначительную роль въ вопросѣ. Кольриджъ замѣчаетъ, что не причина создаетъ человѣка, а человѣкъ причину. Побужденіе, вслѣдствіе котораго человѣкъ рѣшается или удерживается отъ чего нибудь, зависитъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ его внутреннихъ качествъ. Если вы хотите знать, какой именно интересъ владѣетъ человѣкомъ въ данномъ случаѣ, то вы должны знать образъ его мыслей и чувствъ въ обыкновенномъ состояніи. У каждаго человѣка есть два рода побужденій: одни онъ старается удовлетворить, о другихъ не заботится. Каждый человѣкъ имѣетъ и корыстныя и безкорыстныя побужденія; эгоистъ, сверхъ того, выросъ въ привычкѣ заботиться о своихъ личныхъ интересахъ и пренебрегать чужими. У каждаго есть ближайшіе и далекіе интересы, и недальновиднымъ человѣкомъ мы называемъ того, кто думаетъ только о близкихъ, пренебрегая далекими; нѣтъ нужды, что простой разсчетъ показываетъ ему важность послѣднихъ въ сравненіи съ первыми: если его умъ привыкъ исключительно останавливаться на томъ, что близко, то и рѣшеніе будетъ въ пользу близкаго. Если человѣкъ бьетъ свою жену и дѣтей, то напрасно мы будемъ убѣждать его въ томъ, что онъ будетъ счастливѣе, когда начнетъ жить въ любви съ ними. Онъ былъ бы счастливѣе, еслибъ былъ изъ рода тѣхъ людей, которые могли бы такъ жить: но онъ не изъ такихъ людей, и по всѣмъ вѣроятіямъ ему уже слишкомъ поздно сдѣлаться такимъ. Наслажденіе своеволіемъ, удовлетвореніе своимъ свирѣпымъ наклонностямъ, кажутся ему большимъ счастіемъ, чѣмъ любовь домашнихъ, которою онъ будетъ наслаждаться послѣ. Ихъ счастіе не его счастіе, и онъ не думаетъ объ ихъ

любви. Его сосѣдъ, который заботится объ этомъ, вѣроятно счастливѣе его; но еслибъ онъ и убѣдился въ этомъ, то, по всему вѣроятію, свирѣпствовалъ бы и ожесточался еще болѣе. Повидимому человѣкъ, который заботится о счастіи своихъ ближнихъ, своей страны, всего человѣческаго рода, счастливѣе того, кто объ этомъ не думаетъ; но какая польза проповѣдывать объ этомъ человѣку, пекущемуся только о своемъ покоѣ и о своемъ карманѣ. Онъ не могъ бы заботиться о другихъ, еслибъ и хотѣлъ. Это тоже, что расказывать гусеницѣ, ползущей въ травѣ, что для нея было бы лучше, еслибъ она родилась орломъ.

И то и другое зло, т. е. что человѣкъ свои личныя выгоды предпочитаетъ тѣмъ, которыя долженъ раздѣлить съ другими, и свои прямыя и близкія блага-непрямымъ и отдаленнымъ, какъ замѣчено по всюду, особенно рѣзко проявляются, когда человѣкъ принимаетъ участіе во власти: власть вызываетъ и питаетъ въ немъ эти свойства. Добившись ея, человѣкъ или сословіе людей, начинаетъ видѣть въ своихъ отдѣльныхъ интересахъ, личныхъ или сословныхъ, совершенно иную степень важности. Встрѣчая себѣ поклоненія отъ другихъ, они и сами становятся самопоклонниками, и начинаютъ видѣть въ себѣ значеніе во сто разъ бо́льшее, чѣмъ другія лица и другія сословія общества; возможность легко приводить въ исполненіе свои желанія притупляетъ въ нихъ способность видѣть послѣдствія, даже и въ тѣхъ случахъ, гдѣ дѣло касается ихъ лично. Этимъ и объясняется всеобщее убѣжденіе, основанное впрочемъ на всеобщемъ опытѣ, что власть портитъ людей. Всякій знаетъ, что было бы безумiемъ предполагать чтобы частный человѣкъ, котораго образъ мыслей и дѣйствій мы знаемъ, принявъ участіе во власти, остался

бы при томъ же образѣ мыслей и дѣйствій: въ частной жизни всѣ слабости человѣческой природы сдерживаются каждымъ изъ окружающихъ его лицъ, каждымъ обстоятельствомъ; напротивъ, при участи во власти онъ будетъ имѣть и обстоятельства и лица въ своемъ распоряженіи. Такимъ же безумiемъ было бы питать подобныя надежды и на какое нибудь отдѣльное сословіе, будь это демосъ, или другое. Какъ бы это сословіе ни было умѣренно и благоразумно въ виду сильнѣйшей стихіи, но мы должны ожидать совершенной перемѣны, какъ только ему достанется наиболѣе сильная власть.

Правительство должно быть таково, каковъ народъ, имъ управляемый, или какимъ онъ скоро будетъ. На всякой ступени умственнаго развитія, достигнутаго уже обществомъ или его отдѣльнымъ классомъ, или котораго они стремятся достигнуть, интересы, которыми они будутъ руководиться, думая исключительно о своей собственной пользѣ, будутъ почти всегда тѣ, которые наиболѣе очевидны съ перваго взгляда, и которые дѣйствуютъ въ настоящихъ условіяхъ. Только безкорыстная заботливость о пользахъ другихъ, особенно будущихъ поколѣній, о пользахъ страны или всего человѣчества, будетъ ли эта заботливость основана на безсознательномъ или сознательномъ чувствѣ, заставляютъ общество добиваться отдаленныхъ и пока еще скрытыхъ благъ; правительство, которое держится безусловно этихъ возвышенныхъ принциповъ, какъ верховныхъ руководителей въ управленіи обществомъ средней руки, нельзя назвать раціональнымъ. Можно смѣло разсчитывать на извѣстную степень сознанія и безкорыстныхъ стремленій въ обществѣ зрѣломъ для представительнаго правленія; но было бы смѣшно предполагать, чтобы онѣ устояли противъ

всякой благовидной лжи, стремящейся въ образѣ общаго блага и безусловной правды провести свои сословные интересы. Мы всѣ знаемъ, какіе благовидные предлоги можно придумать для прикрытія несправедливости, будто бы необходимой для блага массы. Мы знаемъ, что люди, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ неглупые и небезчестные, считали извинительнымъ отречься отъ національнаго долга. Мы знаемъ многихъ, людей съ умомъ и вліяніемъ, которые думаютъ, что все бремя общественныхъ податей, должно лежать на такъ называемой наличной собственности, т. е. на томъ капиталѣ, который образуется изъ личныхъ сбереженій; мыслители эти полагаютъ вѣроятно, что люди, которыхъ отцы и они сами проживали все получаемое ими, не должны ничего платить именно за такое прекрасное поведеніе. Мы знаемъ, какія сильныя доказательства, тѣмъ болѣе опасныя, что въ нихъ есть доля правды, можно привести противъ правъ наслѣдства, противъ права завѣщанія, противъ всякаго преимущества, какое, повидимому, получаетъ одинъ членъ общества предъ другимъ. Мы знаемъ, какъ легко доказать безполезность какой либо вѣтви знанія, къ совершенному удовольствію тѣхъ, кто ею не обладаетъ. Мы знаемъ, какъ много людей, не совсѣмъ глупыхъ, которые считаютъ научное языкознаніе ненужнымъ, изученіе древней литературы ненужнымъ, логику и метафизику ненужными, поэзію и изящныя искусства пустыми предметами, политическую экономію положительно вредною. Даже исторію нѣкоторые даровитые люди считали вредною. Только внѣшнее знакомство съ природой, знанія, пріобрѣтенныя эмпирически и служащія прямо къ произведенію предметовъ, необходимыхъ въ жизни или пріятныхъ чувствамъ, нашли бы кредитъ въ народѣ, еслибъ только по-

добное вѣрованіе получило хоть малѣйшее поощреніе. Послѣ того, что сказано о заблужденіяхъ сравнительно просвѣщенныхъ людей, можно ли допустить, чтобы массы имѣли болѣе ясное пониманіе, болѣе деликатную совѣсть особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ явныхъ выгодахъ; можно ли допустить чтобъ онѣ съумѣли выбрать прямой путь, когда ложь въ разныхъ видахъ будетъ набиваться къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и будетъ при томъ потакать всѣмъ ихъ эгоистическимъ склонностямъ, всѣмъ ихъ близорукимъ понятіямъ о собственномъ ихъ благѣ? Ясно, что имѣя власть въ своихъ рукахъ большинство принесетъ въ жертву своимъ выгодамъ и справедливость и благо меньшинства и благо будущихъ поколѣній.

Слѣдовательно, въ демократіи, какъ и въ другихъ формахъ правленія, наибольшія опасности кроются въ зловѣщихъ интересахъ сословія, держащаго высшую власть; эта опасность состоитъ въ томъ, что законодательство и управленіе будутъ стремиться къ осуществленію выгодъ господствующаго сословія въ ущербъ цѣлому обществу (достигнутъ ли цѣли или нѣтъ—это другое дѣло). Поэтому, при составленіи конституціи, первый вопросъ: какими средствами предупредить это зло?

Если подъ словомъ «классъ» въ политическомъ смыслѣ разумѣть извѣстное число лицъ, руководимыхъ одинакими зловѣщими побужденіями, т. е. такими, которыя заставляютъ ихъ принимать одинъ и тотъ же родъ эгоистическихъ мѣръ,—то надо бы желать, чтобъ ни одинъ классъ и ни одно сочетаніе сходныхъ классовъ, не могли взять перевѣса въ управленіи страною. Всякое современное общество, если только въ немъ нѣтъ сильныхъ антипатій языка, національныхъ и племенныхъ, раздѣляется на два клас-

са, которыхъ интересы, не смотря на частныя уклоненія, совершенно расходятся. Для краткости будемъ называть ихъ вообще классомъ рабочихъ и классомъ хозяевъ; подъ классомъ хозяевъ мы будемъ разумѣть не только заводчиковъ, земледѣльцевъ и другихъ, которые нанимаютъ рабочую силу, и капиталистовъ, удалившихся отъ дѣлъ, но и всѣхъ работниковъ, получающихъ высокую плату: обыкновенно воспитаніе и образъ жизни сближаютъ ихъ съ классомъ хозяевъ, а честолюбіе ихъ стремится къ тому, чтобъ войти въ этотъ классъ. Къ классу рабочихъ надо причислить и тѣхъ мелкихъ хозяевъ, которыхъ выгоды, привычки, воспитаніе, вкусы и желанія, одни съ этимъ классомъ; сюда же относится значительная масса мелкихъ купцовъ. Если представимъ себѣ идеально совершенное представительное правленіе, то при такомъ составѣ общества, обѣ категоріи должны имѣть одинаковое число голосовъ въ Парламентѣ. Тогда въ случаѣ сословнаго столкновенія, хотя большинство какой либо партіи и будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ своихъ сословныхъ интересовъ, но нѣкоторое меньшинство всегда останется на сторонѣ правды, здраваго смысла и общаго блага; это меньшинство, соединясь съ цѣлою противною партіею, обратится противъ своей, склонитъ рѣшеніе въ пользу праваго дѣла. Причина, почему, въ сколько нибудь сносной конституціи, справедливость и общее благо почти всегда одерживаютъ побѣду, заключается въ томъ, что частные и эгоистическіе интересы почти всегда раздѣлены; для однихъ выгода заключается въ томъ, что несправедливо само по себѣ, частная выгода другихъ напротивъ совпадаетъ съ правою стороною; тѣ же, которые руководятся высшими побужденіями, хотя и слишкомъ слабы числомъ, чтобъ могли сами по себѣ рѣшать дѣло, но, послѣ

предварительныхъ преній, становятся достаточно сильными, чтобъ дать перевѣсъ той изъ сторонъ, которой частныя выгоды одинаковы съ общими. Такой порядокъ долженъ поддерживаться въ представительномъ устройствѣ; ни одна изъ партій не должна быть такъ сильна, чтобъ могла рѣшать вопросы въ свою пользу на перекоръ правдѣ и соединеннымъ силамъ другихъ партій. Между ними должно быть такое равновѣсіе въ ихъ частныхъ выгодахъ, чтобы побѣда одной изъ нихъ постоянно зависѣла отъ того, чью сторону и въ какой мѣрѣ приметъ образованное меньшинство, руководимое и высшими побужденіями, и болѣе разумными и дальновидными разсчетами.

ГЛАВА VII.

Истинная и ложная демократія; представительство всѣхъ и представительство только большинства.

Мы уже видѣли, что опасности, кроющіяся въ представительной демократіи, бываютъ двухъ родовъ: во первыхъ, опасность низкой степени умственнаго развитія въ представительномъ Собраніи и въ мнѣніи народа, который его контролируетъ; и во вторыхъ, опасность сословнаго законодательства, если законы вотируются численнымъ большинствомъ, состоящимъ изъ людей, принадлежащихъ къ одному сословію. Теперь мы посмотримъ на сколько возможно устроить демократію такъ, чтобы не измѣняя своей идеѣ, и не лишаясь присущихъ ей благъ, она не представляла бы въ себѣ этихъ золъ, или по крайней мѣрѣ, представляла бы ихъ въ возможно меньшей степени.

Обыкновенно стараются достигнуть этого ограниченіемъ демократическаго характера представительства, т. е. съуживая болѣе или менѣе право голосованія. Но если предварительно сообразимъ дѣло, то увидимъ, что такое съуживаніе далеко не есть необходимость. Совершенное равноправіе въ демократіи, гдѣ большинство составляетъ какой нибудь одинъ классъ, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ золъ; зло

же значительно увеличивается тѣмъ, что въ нынѣшнихъ демократіяхъ не только нѣтъ общей равноправности, а напротивъ существуетъ систематическая неравноправность въ пользу господствующаго класса. Обыкновенно смѣшиваются въ понятіи о демократіи двѣ весьма различныя идеи. Чистая ея идея состоитъ въ томъ, что весь народъ управляется всѣмъ народомъ посредствомъ равномѣрнаго представительства. Но до сихъ поръ демократія, въ понятіи и на дѣлѣ, была правительствомъ, гдѣ цѣлый народъ управлялся представителями одного только большинства этого народа. Первая идея есть синонимъ равноправности всѣхъ гражданъ; вторая, смѣшиваемая съ нею, есть привилегія въ пользу численнаго большинства, которое одно владѣетъ голосомъ на дѣлѣ. Это есть неминуемое слѣдствіе того порядка голосованія, какой существуетъ теперь; меньшинство на практикѣ необходимо остается лишеннымъ участія въ управленіи.

Смѣшать эти двѣ идеи легко; но за то достаточно малѣйшаго указанія, что бы онѣ представились въ настоящемъ свѣтѣ человѣку съ самымъ обыкновеннымъ умомъ. Такъ бы и было, еслибъ не существовало силы привычки; благодаря ей, самая простая идея, если она только новая, такъ же трудно входитъ въ голову, какъ и значительно сложная. Люди привыкли думать, что меньшинство должно уступать большинству, меньшее число большему; усвоивъ себѣ это, они думаютъ, что далѣе и итти не слѣдуетъ; имъ не приходитъ въ голову, что есть еще среднее положеніе между предоставленіемъ меньшинству равной власти съ большинствомъ, и совершеннымъ исключеніемъ перваго. Въ представительномъ Собраніи, при разборѣ какого нибудь вопроса, меньшинство само собою должно проиграть. Въ равноправной

демократіи (предполагая, что народные представители выражаютъ собою мнѣнія своихъ партій), большинство народа, чрезъ своихъ представителей, должно одерживать верхъ надъ меньшинствомъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что меньшинство не должно имѣть своихъ представителей вовсе? Если большинство должно имѣть перевѣсъ надъ меньшинствомъ, значитъ ли это, что большинство должно имѣть всѣ голоса, а меньшинство ни одного? Значитъ ли это, что меньшинство не должно быть даже выслушано? Одна только долгая и закоренѣлая привычка можетъ примирить мыслящее существо съ безполезною несправедливостью. Въ равноправной демократіи всякая партія должна имѣть пропорціональное число своихъ представителей. Большинство избирателей должно имѣть и большинство представителей, но и меньшинство избирателей должно имѣть своихъ. Пропорціонально они должны имѣть такое же представительство какъ и большинство. Если же они его не имѣютъ, то равноправность не существуетъ, а есть неравноправность и привилегія: одна часть народа правитъ другою; у этой части отнята, принадлежащая ей по праву доля въ управленіи, что противно принципу всякаго справедливаго правительства, и особенно демократіи, которая объявляетъ равноправность своимъ краеугольнымъ камнемъ.

Несправедливость и неуваженіе принципа остаются тѣмъ же хотя бы отъ нихъ страдало только меньшинство; тамъ нѣтъ равноправности, гдѣ при подачѣ голосовъ одинъ членъ общества не значитъ столько же сколько и другой. Но въ этомъ случаѣ терпитъ не одно меньшинство. Демократія, имѣющая подобное устройство, не достигаетъ даже своей явной цѣли, т. е. она не даетъ власти, при всѣхъ обстоятельствахъ, численному большин-

ству. Здѣсь часто бываетъ противоположное, власть достается большинству большинства, а оно можетъ составлять и часто составляетъ только меньшинство цѣлаго. Лучшее средство испытать принципъ — это довести его до крайнихъ слѣдствій. Положимъ, что въ какой нибудь странѣ, всѣ граждане пользуются одинаковымъ правомъ голоса, и что въ каждой мѣстности выборы были спорны, и рѣшены незначительнымъ большинствомъ. Парламентъ въ такомъ случаѣ выразитъ не болѣе какъ незначительное большинство народа. Этотъ Парламентъ издаетъ законы и принимаетъ важныя мѣры опять на основаніи рѣшеній своего собственнаго, незначительнаго большинства. Кто поручится что эти рѣшенія согласуются съ желаніями большинства народа? Почти половина избирателей была лишена представительства, и не имѣла голоса при рѣшеніяхъ; между тѣмъ всѣ они могутъ быть, а значительная ихъ часть вѣроятно и есть, противъ мѣръ теперь утвержденныхъ, потому что они всѣ голосовали противъ нынѣшнихъ представителей. Изъ остальныхъ избирателей почти половина выслала представителей, которые также противъ настоящихъ мѣръ. Очень возможно, даже очень вѣроятно, что перевѣшивающее мнѣніе принадлежитъ только меньшинству націи, хотя и выражено большинствомъ того сословія, которое, въ силу существующихъ учрежденій, составляетъ господствующій классъ. Если подъ демократіей предполагать извѣстный перевѣсъ большинства, то обезпечить его можно только предоставленіемъ всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ права представлять равныя цифры. Если какая нибудь партія исключена, вслѣдствіе ли стачки или вслѣдствіе заведеннаго порядка, то власть достается не большинству, а той партіи,

которая составила бы меньшинство почти при всякомъ другомъ способѣ исчисленія.

На такое положеніе возможенъ только одинъ отвѣтъ: такъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ преобладаютъ различныя мнѣнія, то меньшинство въ одномъ мѣстѣ можетъ быть большинствомъ въ другомъ; въ цѣломъ же каждое мнѣніе выразится пропорціональнымъ числомъ представителей. Это вообще справедливо при настоящемъ порядкѣ вещей. Еслибъ было иначе, то разногласіе въ мнѣніяхъ Парламента и страны скоро стало бы очевиднымъ. Но подобный порядокъ тотчасъ нарушится, какъ скоро расширится въ значительной степени право голосованія, нарушится еще болѣе, если право голосованія распространится на все населеніе. Въ этомъ случаѣ большинство въ каждой мѣстности составится изъ рабочаго класса, и если встрѣтится какой либо вопросъ, въ разрѣшеніи котораго эти классы будутъ не согласны съ другими, то послѣдніе будутъ лишены всякой возможности гдѣ бы то ни было имѣть своего представителя. Даже теперь, развѣ это не великое зло; что многіе изъ избирателей, при всемъ желаніи имѣть представителей, не находятъ въ Парламентѣ ни одного члена, за котораго бы они подавали голосъ. Справедливо ли, что каждый избиратель изъ Мерилебона долженъ имѣть своими представителями двухъ церковниковъ, а изъ Ламбета и Финсбери (какъ вообще думаютъ) двухъ откупщиковъ? (*) Общества большихъ городовъ, къ которымъ принадлежитъ большая часть высоко образованныхъ и даровитыхъ

(*) Finsbury, Marylebone, Lambeth части Лондона. Примѣч. Переводчика.

личностей по большей части, или вовсе не имѣютъ представителей, или имѣютъ не тѣхъ, кого бы имъ хотѣлось. Избиратели, не принадлежащіе къ партіи мѣстнаго большинства, не имѣютъ представителей. Изъ лицъ, составляющихъ эту партію, многіе не имѣютъ настоящаго представительства: они принуждены принять такого кандидата, политическія убѣжденія котораго поддерживались наибольшимъ числомъ голосовъ, хотя бы они сами не соглашались съ нимъ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Такое положеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже хуже, чѣмъ еслибы меньшинство вовсе не имѣло голоса: тогда, по крайней мѣрѣ большинство могло бы свободно назначить кандидата, который бы наилучше представлялъ мнѣніе партіи; теперь же, изъ опасенія проиграть вслѣдствіе разъединенія силъ, партія останавливается на первомъ, кто явится съ ея девизомъ, или на лицѣ, поддерживаемомъ вождями мѣстныхъ партій; мѣстные же вожди, допустивъ даже, что ихъ намѣренія честны (такого мнѣнія они рѣдко заслуживаютъ), т. е. что они дѣйствуютъ не подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ, принуждены ради вѣрности дѣла выставить кандидата, который не встрѣтилъ бы сильнаго противодѣйствія въ партіи, т. е. на человѣкѣ безъ самобытности и безъ твердости въ убѣжденіяхъ,—не имѣющемъ ничего, кромѣ вывѣски партіи. Соединенные Штаты представляютъ поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи: при выборахъ президента сильнѣйшая партія никогда не рѣшается предложить кого нибудь изъ своихъ способнѣйшихъ кандидатовъ по той причинѣ, что такой человѣкъ долго былъ на виду у всѣхъ, и потому самому могъ возбудить противодѣйствіе въ нѣкоторой части партіи, и не могъ бы такъ вѣрно соединить всѣ голоса какъ человѣкъ, о кото-

ромъ до тѣхъ поръ пока его не выставили какъ кандидата, не было и слуху. Такимъ образомъ, избранный даже наибольшей партіей, можетъ быть въ дѣйствительности выражаетъ желанія только той ея доли, которою она превосходитъ другую. Всякая доля партіи, необходимая для успѣха дѣла, владѣетъ правомъ veto. Всякая доля, которая держится упорнѣе чѣмъ другія, можетъ навязать другимъ своего кандидата; и это упорство къ несчастію скорѣе можно найти въ той долѣ партіи, которая отстаиваетъ свои личные интересы, чѣмъ въ другихъ, отстаивающихъ общее благо. Вообще говоря, выборы рѣшаются тою частію большинства, которая заключаетъ въ себѣ людей самыхъ робкихъ, съ самымъ узкимъ взглядомъ и съ наибольшимъ запасомъ предра зсудковъ, или же тою, которая крѣпче держится за свои исключительные сословные интересы. Право выборовъ, оставляемое за меньшинствомъ, безполезное для него, служитъ только къ тому, чтобы принудить большинство къ принятію кандидата своей ничтожнѣйшей или наиболѣе безнравственной части.

Многіе признаютъ это зло, но считаютъ его неизбѣжнымъ возмездіемъ за свободу правленія; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: таково было мнѣніе всѣхъ друзей свободы до послѣдняго времени. Привычка считать это зло неизлечимымъ укоренилась до такой степени, что многіе перестали даже искать средствъ къ его исправленію. Отъ отчаянія въ возможности излеченія часто остается одинъ только шагъ къ отрицанію самой болѣзни, а потомъ и всякое средство противъ нея принимается съ неудовольствіемъ, а на предлагающаго смотрятъ какъ на врага, будто онъ создаетъ болѣзнь, а не предлагаетъ помощь. Люди привыкаютъ къ злу до такой степени, что считаютъ жа-

лобы неразумѣемъ, если не преступленіемъ. Излечимо ли зло или нѣтъ, но тотъ, кто не тяготится имъ, кто не радуется найденному средству,—тотъ плохой почитатель свободы. Теперь уже безспорная истина, — что дѣйствительное исключеніе меньшинства не есть необходимое и естественное послѣдствіе свободы правленія; что напротивъ, оно не только не связано съ принципомъ демократіи, котораго сущность—представительство пропорціональное числу избирателей, но даже діаметрально ему противоположно. Сущность демократіи—представительство всѣхъ партій. Безъ него нѣтъ настоящей демократіи, а есть только ея вывѣска.

Тѣ, которые поняли и почувствовали въ нѣкоторой степени силу этихъ соображеній, предлагали различныя мѣры къ исправленію зла. Лордъ Джонъ Россель въ одномъ изъ своихъ биллей о реформѣ поставилъ условіемъ, чтобы нѣкоторыя общества высылали трехъ членовъ, но чтобы избиратели въ нихъ голосовали каждый только за двоихъ. Мистеръ Д'Израэли, въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій, напомнивъ этотъ фактъ, упрекалъ Росселя: мистеръ Д'Израэли увѣренъ повидимому, что государственный человѣкъ консервативной партіи обязанъ разсматривать только средства, и долженъ съ презрѣніемъ отказывать въ своемъ сочувствіи всякому, кто хоть разъ измѣнилъ себѣ, подумавъ о цѣли (*). Другіе же предлагали, чтобы

(*) Заблужденіе мистера Д'Израэли (сэръ Джонъ Паккингтонъ вскорѣ за тѣмъ отдѣлился отъ него, что дѣлаетъ ему большую честь), представляетъ живой примѣръ между множествомъ другихъ, какъ мало консервативные вожди понимаютъ консервативныя начала. Мы не требуемъ, чтобы политическія партіи имѣли на столько доблести и пониманія, что-

каждый избиратель голосовалъ только за одного кандидата. Каждый изъ этихъ проэктовъ давалъ возможность меньшинству, равному или превосходящему одну треть общества, пользующагося правомъ голоса, если только оно нестремилось къ чему либо большему, выбирать одного члена изъ троихъ. Этотъ результатъ могъ бы быть достигнутъ еще лучше, еслибъ, какъ предложено въ умной брошюрѣ мистера Джемса Гарта Маршалла (Marshall), каждый избиратель владѣлъ тремя голосами, но могъ, по желанію, отдать ихъ всѣ три одному кандидату. Предложенія эти при всемъ томъ представляютъ не болѣе какъ палліативное средство, и весьма не совершенно достигаютъ цѣли, такъ какъ всякое меньшинство, не составляющее третьей доли, равно и всѣ партіи, какъ бы онѣ ни были многочисленны, если только онѣ разбросаны по разнымъ округамъ, останутся безъ представительства. Все таки жаль, что ни одинъ изъ этихъ проэктовъ не приведенъ въ исполненіе: можно было бы на дѣлѣ провѣрить справедливость принципа, и подготовить

бы могли обнять и знали когда приложить къ дѣлу принципы своихъ противниковъ; мы хотимъ только сказать, что было бы хорошо и то, еслибы каждая партія понимала и дѣйствовала на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ. Англія была бы очень рада еслибы консервативная партія твердо стояла за всѣ консервативныя мѣры, либеральная за либеральныя. Мы бы не ждали бы тогда такъ долго рѣшеній въ тѣхъ дѣлахъ, которыя, какъ настоящее, и многія другія касаются въ значительной мѣрѣ и того и другаго начала. Консервативная партія, которая по закону своего существованія, отличается болѣе тупымъ пониманіемъ, имѣетъ на себѣ и гораздо важнѣйшіе грѣхи въ подобномъ родѣ, за которые она должна отвѣчать. Печальная истина: если предлагается мѣра, чисто консервативнаго свойства, но основанная на широкихъ и прочныхъ началахъ, если даже и либералы согласятся ее принять, то масса консерваторовъ смѣло бросится на нее, и не допуститъ пройти.

путь къ полнѣйшему его примѣненію. Но истинная равноправность все еще не будетъ достигнута, пока всѣ разбросанные избиратели могущіе по своемъ соединеніи составить данную избирательную единицу, не будутъ пользоваться правомъ высылать своего представителя. Такая степень совершенства въ порядкѣ представительства казалась недостижимою, пока за дѣло не взялся даровитый человѣкъ, одинаково способный и понять мысль въ ея общности, и приложить ее на практикѣ въ подробностяхъ. Мистеръ Томасъ Гэръ (Hare) доказалъ возможность ея осуществленія въ проэктѣ парламентскаго акта. Этотъ проэктъ имѣетъ достоинства, до сихъ поръ почти неслыханныя: проводя великій государственный принципъ способомъ близкимъ къ идеальному совершенству, онъ въ тоже время достигаетъ нѣкоторыхъ побочныхъ цѣлей, по важности едва уступающихъ главной.

По его плану, единица представительства, т. е. извѣстное число избирателей, имѣющее право высылать одного представителя, опредѣляется за ранѣе обыкновеннымъ порядкомъ вывода средняго числа: число избирателей дѣлится на число мѣстъ въ Парламентѣ; частное выразитъ единицу представительства. Каждый кандидатъ, имѣющій за себя такую единицу голосовъ, изъ какихъ бы мѣстъ они ни набирались, почитается состоятельнымъ. Голоса подаются на мѣстѣ, какъ и теперь, но каждый избиратель имѣетъ право голосовать въ пользу какого хочетъ кандидата, гдѣ бы не жилъ этотъ кандидатъ. Слѣдовательно, всякій избиратель, который не желаетъ имѣть представителемъ мѣстныхъ кандидатовъ, можетъ найти себѣ представителя въ другомъ пунктѣ страны, и ему отдать свой голосъ, если только тотъ изъявитъ желаніе быть выбраннымъ.

Такимъ образомъ меньшинство будетъ пользоваться правами на дѣлѣ. Но важно дать возможность имѣть своихъ представителей не только тѣмъ, которые не принимаютъ мѣстныхъ кандидатовъ, но и тѣмъ, которые, принявъ одного изъ нихъ, были побѣждены на выборахъ; они тоже должны получить право искать себѣ представителя въ чужомъ округѣ, если не успѣли найти его въ своемъ. Съ этою цѣлію каждый избиратель пишетъ на своей табличкѣ имена не только перваго, но и другихъ своихъ кандидатовъ, которые, въ случаѣ нужды, могли бы замѣнить его мѣсто. Голосъ избирателя считается за одного кандидата; проигравъ при выборѣ перваго кандидата, избиратель можетъ быть счастливѣе при выборѣ втораго, на котораго онъ переноситъ свое право; если лица, стоящія во главѣ его списка, не могутъ вовсе получить, или получили и безъ него необходимое число голосовъ, то онъ можетъ приберечь свой голосъ въ пользу кого нибудь изъ тѣхъ, которые стоятъ ниже. Чтобы наполнить всѣ мѣста въ Парламентѣ и предупредить чрезмѣрное скопленіе голосовъ въ пользу не многихъ популярнѣйшихъ кандидатовъ, необходимо состоятельность кандидата обусловливать только единицею голосовъ; каждый голосъ, превышающій эту единицу, безполезный для перваго кандидата, будетъ присоединяться къ голосамъ за то лицо, которое стоитъ вторымъ въ спискахъ, и которое при помощи ихъ получитъ за себя полную единицу голосовъ. Предлагали нѣсколько способовъ для опредѣленія, какіе именно изъ всего количества поступившихъ голосовъ, должны остаться за первымъ кандидатомъ и какіе слѣдуетъ предоставить другимъ; но разсматривать мы ихъ не будемъ. Первому кандидату разумѣется принадлежатъ голоса всѣхъ тѣхъ лицъ,

которыя не желаютъ быть представляемы кѣмъ либо другимъ; другимъ же они распредѣляются по жребію. За не имѣніемъ лучшаго и этотъ способъ совершенно хорошъ. Таблички съ голосами отсылаются въ центральное учрежденіе, гдѣ голоса сосчитываются, опредѣляется число голосовъ перваго, втораго, третьяго и т. д. кандидатовъ и за тѣмъ составляются избирательныя единицы, пока не замѣстятся всѣ вакансіи въ Парламентѣ; первыя имена табличекъ предпочитаются вторымъ, вторыя третьимъ и т. д. Всѣ письменныя свѣденія относительно этого предмета, должны находиться въ мѣстѣ, доступномъ каждому кого касается дѣло, и если кто нибудь, имѣющій законную единицу голосовъ, не получитъ въ Парламентѣ мѣста, то ему легко будетъ доказать это.

Это главныя статьи проэкта. Кто же хочетъ ближе познакомиться съ его очень простымъ механизмомъ, тотъ пусть прочитаетъ Гэра: Treatise on the Election of Representative 1859 г. и брошюру Henry Fawcett подъ заглавіемъ «M. Hare's Reform Bill simplified and explained». Въ брошюрѣ ясно и точно изложены основанія проэкта; проэктъ этотъ приведенъ къ своему простѣйшему выраженію исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣръ Гэра, которыя, хотя и благодѣтельны сами по себѣ, но вредили простотѣ болѣе, чѣмъ могли бы принести практической пользы. Чѣмъ болѣе будутъ изучать этотъ проэктъ, тѣмъ болѣе, я это предсказываю, будутъ убѣждаться въ его совершенной практичности и въ другихъ его преимуществахъ.

Онъ представляетъ такія выгоды, что, по моему убѣжденію, его можно помѣстить наряду съ важнѣйшими улучшеніями, когда либо появлявшимися въ теоріи правленія и приложеніи ея на практикѣ.

Во первыхъ, онъ обезпечиваетъ пропорціональность представительства за всѣми партіями массы избирателей: не за двумя только большими партіями, или быть можетъ еще за значительными второстепенными въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но за всякимъ меньшинствомъ въ цѣлой странѣ, которое, на основаніи всеобщаго равноправія, можетъ составить представительную единицу.

Во вторыхъ, ни одинъ избиратель не будетъ представляемъ, какъ это случается теперь, тѣмъ изъ членовъ, котораго онъ не выбиралъ. Каждый членъ Парламента будетъ представителемъ какой нибудь однородной партіи. Онъ будетъ представлять тысячу, двѣ, три, или десять тысячъ избирателей, смотря потому какъ будетъ велика представительная единица, и каждый изъ нихъ не-только подалъ за него голосъ, но и избралъ его изъ всего населенія страны, а не между двумя, тремя, можетъ быть еще гнилыми апельсинами, которые составляли весь товаръ на мѣстномъ рынкѣ. При такихъ отношеніяхъ связь между избирателемъ и представителемъ получитъ до нынѣ еще незнаемую крѣпость. Каждый избиратель съ своимъ представителемъ и представитель съ своею избирательною единицей составятъ одно цѣлое. Каждый избиратель голосуетъ за своего представителя или потому, что онъ изъ всего списка кандидатовъ наиболѣе приближается къ его убѣжденіямъ, или потому, что избиратель наиболѣе уважаетъ его умственныя дарованія и характеръ, и его болѣе чѣмъ кого другаго, можетъ уполномочить думать за себя. Членъ Палаты будетъ представлять живыхъ людей, а не кирпичь и известку зданія; онъ будетъ представлять самихъ избирателей, а не нѣсколькихъ церковниковъ, или приходскихъ знаменитостей. При всемъ томъ все, что заслуживаетъ сохраненія въ сущности мѣстнаго представитель-

ства, будетъ сохранено. Хотя Парламентъ долженъ какъ можно менѣе вмѣшиваться въ дѣла чисто мѣстныя, но такъ какъ это на дѣлѣ бываетъ, то онъ и долженъ заключать въ себѣ членовъ обязанныхъ защищать интересы каждой значительной мѣстности; при новомъ порядкѣ такіе всегда найдутся. Во всякой мѣстности, заключающей въ себѣ число избирателей, превосходящее единицу представительства (а надо полагать, что это будетъ со всякою мѣстностью) большинство всегда предпочтетъ своего человѣка (если только найдется такой, который бы могъ удовлетворить требованіямъ кандидатуры) чужому, потому что онъ живетъ на мѣстѣ, и знаетъ мѣстные интересы. Однѣ только партіи меньшинства будутъ, главнымъ образомъ, искать себѣ такого представителя внѣ своего округа, который бы могъ, кромѣ ихъ голосовъ, найти себѣ поддержку и въ другихъ.

Изъ всѣхъ порядковъ народнаго представительства, этотъ наилучше обезпечиваетъ ту сумму умственныхъ дарованій, какая необходима въ представителяхъ. Теперь всѣми дознано, что человѣкъ, обладающій только дарованіями и характеромъ, встрѣчаетъ все болѣе и болѣе трудностей, къ достиженію мѣста въ Палатѣ общинъ. На успѣхъ могутъ расчитывать только тѣ лица, которыя или пользуются мѣстнымъ вліяніемъ, или истрачиваютъ большія деньги, или же тѣ, которыхъ высылаютъ лондонскіе клубы одной изъ двухъ большихъ партій, по приглашенію трехъ, четырехъ купцовъ, и на чей голосъ партія всегда можетъ расчитывать. По системѣ Гэра, тѣ которые не довѣряютъ мѣстному кандидату, могутъ отдать свои голоса людямъ, пользующимся доброю славою націи и съ которыми они сходятся въ общихъ убѣжденіяхъ. Поэтому почти всякій честный человѣкъ, извѣстный въ на-

ціи, хотя непользующійся мѣстнымъ вліяніемъ, и не дававшій присяги какой нибудь политической партіи, можетъ надѣяться на число голосовъ, достаточное для кандидатуры; а подобные люди при такомъ поощреніи выступятъ въ такомъ числѣ, о какомъ и не мечтали до сихъ поръ. Выступятъ сотни даровитыхъ личностей, съ независимою мыслью, которые теперь извѣстны не многимъ въ каждомъ округѣ по своимъ сочиненіямъ, или по своимъ дѣйствіямъ на поприщѣ общественной дѣятельности; въ своихъ округахъ эти личности не имѣютъ теперь ни какой возможности пробить себѣ дорогу; напротивъ, при новомъ порядкѣ, разбросанные по всей странѣ ихъ сторонники, соединивъ свои голоса, могутъ составить имъ полную избирательную единицу. Ни при какомъ другомъ порядкѣ такъ вѣрно не войдутъ въ составъ Парламента тѣ именно люди, которые дѣйствительно составляютъ лучшихъ людей націи.

Но умственный уровень Палаты Общинъ возвысится не вслѣдствіе одного только вступленія въ нее представителей меньшинства. Самое большинство принуждено будетъ искать себѣ представителей между людьми болѣе сильнаго калибра. Когда же отдѣльные члены большинства не будутъ болѣе принуждаемы къ Габсонову выбору, т. е. голосовать за члена, предлагаемаго мѣстными вождями или не голосовать вовсе; когда кандидатъ мѣстныхъ вождей долженъ будетъ выдерживать соперничество не только съ кандидатомъ меньшинства, но и со всякимъ даровитымъ человѣкомъ извѣстнымъ націи, изъявившимъ желаніе служить на политическомъ поприщѣ, тогда будетъ невозможно навязать избирателямъ перваго встрѣчнаго, который представится съ лозунгомъ партіи на языкѣ и съ тремя, четырьмя тысячами фунтовъ стерлинговъ въ карманѣ. Большинство избирательнаго округа будетъ искать

себѣ достойнаго представителя, и не находя его у себя дома, обратится въ другое мѣсто, и меньшинство можетъ взять верхъ. Рабская подчиненность партіи большинства своей наименѣе достойной уваженія части прекратится; впередъ выдвинутся по преимуществу лучшіе и наиболѣе способные изъ мѣстныхъ членовъ общества и по возможности такіе, которые извѣстны съ хорошей стороны внѣ предѣловъ своего округа, чтобы мѣстная ихъ партія могла быть усилена еще голосами собранными внѣ ихъ округа. Тогда между избирательными обществами явится соревнованіе въ выборѣ кандидатовъ: они другъ передъ другомъ будутъ стараться, чтобы ихъ кандидаты, извѣстные знаніемъ мѣстныхъ дѣлъ и связями, были возможно лучшими людьми и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Представительное правленіе, какъ и новѣйшая цивилизація, выказываетъ естественное стремленіе стать въ общій уровень посредственности. Это стремленіе усиливается еще всякимъ вводимымъ расширеніемъ или сокращеніемъ правъ голосованія, такъ какъ отъ этого власть переходитъ все болѣе и болѣе въ руки лицъ стоящихъ ниже уровня высшаго образованія. Конечно хотя высшіе умы и характеры и будутъ необходимо затерты массой, но большая разница: были ли они выслушаны, или нѣтъ. Въ ложной демократіи, гдѣ право представительства, вмѣсто того чтобъ принадлежать всѣмъ, принадлежитъ исключительно мѣстному большинству, голосъ просвѣщеннаго меньшинства можетъ вовсе не имѣть органовъ въ Собраніи. Извѣстно, что въ американской демократіи, которая построена по этому фальшивому образцу, просвѣщенныя члены общества не ищутъ себѣ мѣстъ ни въ Конгрессѣ, ни въ законодательныхъ Собраніяхъ штатовъ, до такой степени они увѣрены что ихъ не выберутъ; изъ этого правила исключаются только тѣ изъ

нихъ, которые соглашаются пожертвовать своими убѣжденіями и быть не болѣе какъ орудіемъ массы. Еслибъ идея Гэра пришла въ голову просвѣщеннымъ и безкорыстнымъ основателямъ американской республики, то въ настоящее время федеральное Собраніе и Собранія штатовъ заключали бы въ своей средѣ много способныхъ людей, и демократія избѣгла бы величайшаго упрека и была бы свободна отъ одного изъ своихъ величайшихъ золъ. Противъ этого зла система Гэра—почти специфическое средство. Меньшинство, состоящее изъ образованныхъ людей, теперь разсѣянное по всѣмъ мѣстнымъ избирательнымъ обществамъ, тогда бы соединилось и выставило пропорціональное своему численному составу число способнѣйшихъ во всей націи людей. Члены меньшинства имѣли бы сильныя побужденія избирать такихъ людей, потому что только этимъ средствомъ они и могли бы заявить достаточно сильно свои мнѣнія. Представительство большинства, не только само улучшилось бы вслѣдствіе этой системы, но и потеряло бы право исключительнаго владѣнія всѣмъ полемъ. Конечно его представители превосходили бы числомъ представителей меньшинства въ такой мѣрѣ, въ какой одинъ классъ избирателей превосходитъ другой: они одерживали бы верхъ постоянно, но за то должны бы были высказывать свои мысли и голоса въ присутствіи даровитаго меньшинства и предъ его судомъ. Въ случаѣ спора, они должны бы были выслушивать доводы образованныхъ людей и пріискивать имъ возраженія, хотя по виду въ такой же мѣрѣ убѣдительныя; предлагающій какія нибудь мѣры, предлагалъ бы ихъ людямъ не предубѣжденнымъ заранѣе въ ихъ совершенной справедливости и потому большинство легко могло бы иногда приходить къ заключенію, что оно заблуждается. Такъ какъ это будутъ люди съ благими намѣре-

ніями (этого конечно можно надѣяться при безпристрастномъ народномъ представительствѣ), то уровень убѣжденій всего собранія нечувствительно поднимется вслѣдствіе соприкосновенія и столкновенія посредственности съ высшими умами. Поборники непопулярныхъ ученій высказывали бы свои убѣжденія не въ однихъ только книгахъ и журналахъ, которые читаются только ихъ сторонниками; напротивъ, различныя партіи встрѣтились бы лицомъ къ лицу въ присутствіи всей націи и она была бы въ состояніи сравнить степень ихъ умственной силы. Тогда скоро бы открылось, точно ли мнѣніе, поддерживаемое большимъ числомъ голосовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшее. У толпы часто есть настоящій инстинктъ для оцѣнки способнаго человѣка, если только онъ имѣетъ возможность выказаться. Если такой человѣкъ не выступаетъ, то виноваты порядки и учрежденія страны, которыя держатъ его во мракѣ. Въ древнихъ демократіяхъ не было возможности скрыть способнаго человѣка: трибуна всегда была ему доступна, ему не надо было спрашивать ничьего позволенія, чтобъ быть общественнымъ совѣтникомъ. Въ представительномъ правленіи не такъ; величайшіе почитатели представительной демократіи вѣроятно задумаются прежде чѣмъ рѣшатся утверждать что Ѳемистоклъ и Демосѳенъ, которыхъ совѣты спасли націю, всегда получили бы мѣсто въ представительномъ Собраніи. Но довольно и того, если въ Собраніи будетъ нѣсколько людей съ высшими достоинствами, хотя бы остальная часть и не превосходила средняго уровня: вліяніе руководителей не замѣтно будетъ отражаться на всякомъ парламентскомъ разборѣ дѣла, хотя бы ихъ взглядъ на дѣло и не совпадалъ съ мнѣніями и чувствами массы народа. Я не знаю ни од-

ного плана, который бы такъ положительно обезпечивалъ подобнымъ умамъ доступъ въ Собраніе.

Эта часть собранія составляла бы органъ того великаго общественнаго элемента, котораго нѣтъ ни въ одной изъ существующихъ демократій, но безъ котораго не можетъ долго существовать ни одно представительное правительство, не подвергаясь упадку и вырожденію. Это элементъ противодѣйствія (антагонизмъ). Во всякомъ представительномъ правительствѣ есть начало болѣе сильное чѣмъ другія; а сильнѣйшее начало всегда стремится къ исключительному обладанію властью. Частью съ намѣреніемъ, частью безсознательно оно усиливается поработить всѣ другія, и не останавливается до тѣхъ поръ, пока хотя что нибудь ему можетъ противиться, или производить дѣйствіе несогласное съ его духомъ. Но если оно успѣетъ подавить въ странѣ всякое противодѣйствующее ему вліяніе, если успѣетъ все уподобить себѣ, то страна перестаетъ развиваться, и начинается ея упадокъ. Человѣческое совершенствованіе есть продуктъ многихъ дѣятелей, и ни одно начало не заключаетъ въ себѣ ихъ всѣхъ; самое благодѣтельное имѣетъ ихъ нѣсколько, которые и могутъ произвести извѣстную долю блага, но если страна продолжаетъ свое развитіе, то другія блага должны родиться изъ другихъ источниковъ. Ни одно общество не имѣло продолжительнаго прогрессивнаго хода безъ борьбы сильнѣйшаго начала съ другимъ соперничествующимъ: борьба свѣтской и духовной власти, борьба военнаго, промышленнаго и землевладѣльческаго класса; исполнительной власти съ законодательною; господствующей церкви и раскола. Когда одна изъ сторонъ одерживала надъ другою такую полную побѣду, что оставалась единственнымъ властелиномъ; когда при этомъ не являлось для борьбы новыхъ силъ, то въ странѣ начинался застой,

а потомъ и упадокъ. Преобладаніе численнаго большинства менѣе несправедливо, и вообще, менѣе вредно чѣмъ многія другія, но съ нимъ связаны тѣже опасности, и при томъ связаны еще тѣснѣй. Когда власть сосредоточена въ рукахъ одного или не многихъ, то масса существуетъ какъ противодѣйствующее начало; у ней можетъ не быть достаточно силъ чтобы контролировать власть, но за то ея мнѣнія и чувства даютъ нравственную и даже матеріальную опору всякому, кто, вслѣдствіе своихъ убѣжденій или противоположности интересовъ, готовъ противодѣйствовать стремленіямъ господствующей власти. Но когда демократія представляетъ высшую власть, то не можетъ быть ни единицъ, ни обществъ достаточно сильныхъ для того, чтобы на нихъ могли опереться всѣ тѣ, чьи убѣжденія не согласуются съ убѣжденіями массы, чьи интересы попраны или находятся въ опасности. Самая трудная задача демократій по видимому состоитъ въ томъ, чтобы найти въ демократическомъ обществѣ (что, благодаря обстоятельствамъ, найдено въ другихъ обществахъ идущихъ впереди), точку опоры для отдѣльныхъ личностей, еслибъ этимъ личностямъ пришлось итти наперекоръ господствующей власти; защиту, сборный пунктъ, гдѣ бы могли соединиться всѣ тѣ мнѣнія и интересы, на которыя господствующая власть смотритъ не благопріятно. По неимѣнію такой точки опоры древнія общества и, за исключеніемъ не многихъ, всѣ новыя, или подвергались разложенію, или же впадали въ застой (что означаетъ медленную порчу), и все по причинѣ исключительнаго преобладанія только одного рода тѣхъ условій, какія необходимы для гражданскаго и умственнаго благосостоянія страны.

Теперь этотъ важный недостатокъ можетъ быть исправ-

ленъ системою личнаго представительства самымъ совершеннымъ способомъ, какой только можетъ допустить конституціонное устройство общества. Единственный слабый пунктъ демократіи, который необходимо укрѣпить,—это отсутствіе въ сферѣ управленія представителей просвѣщеннаго меньшинства. Но при обыкновенномъ устройствѣ демократіи, меньшинство не имѣетъ органа; по плану мистера Гэра она обезпечена съ этой стороны. Тѣ люди, которые явятся въ Парламентъ какъ представители соединенныхъ партій меньшинства будутъ его совершеннѣйшимъ органомъ. Отдѣльная организація образованныхъ классовъ (предположивъ, что она исполнима), была бы ненавистна массѣ, и только въ томъ случаѣ не стремилась бы къ захвату, еслибы постоянно была лишена вліянія. Но еслибъ избранники этихъ классовъ представляли въ Парламентѣ то же самое число гражданъ, ту же самую дробь національной воли, какъ другіе классы, то ихъ присутствіе никого бы не безпокоило; между тѣмъ положеніе ихъ было бы самое выгодное для того, чтобы высказать свои мнѣнія и быть выслушанными, и вмѣстѣ, чтобъ принять дѣятельное участіе въ общественномъ дѣлѣ. Вѣроятно имъ выпала бы большая доля въ правительственной дѣятельности, чѣмъ бы слѣдовало думать, судя по ихъ числу. Аѳиняне, напримѣръ, не поручали отвѣтственныхъ публичныхъ должностей ни Гиперболу, ни Клеону (назначеніе Клеона въ Пилѣ и Амфиполисѣ было совершеннымъ исключеніемъ), но поручали ихъ Никію, Ѳерамену и Алкивіаду, хотя знали, что они болѣе сочувствуютъ олигархіи чѣмъ демократіи. Просвѣщенное меньшинство, въ рѣшеніи какого нибудь дѣла, при собираніи голосовъ, будетъ имѣть значеніе только какъ извѣстное число представителей; но какъ нравственная сила она

будетъ значить несравненно больше, и по своимъ знаніямъ и по тому вліянію, какое будетъ производить на остальныхъ. Едва ли человѣческій умъ можетъ придумать лучшее средство, чтобъ удерживать стремленія массы въ границахъ здраваго смысла и справедливости, и вмѣстѣ охранять демократію отъ тѣхъ разрушительныхъ вліяній, которыя вторгаются въ нее черезъ слабую ея сторону. Новая демократія восполнитъ недостатокъ, почти неизбѣжный во всякой другой демократіи,—недостатокъ вождей съ болѣе высокимъ характеромъ и умственнымъ развитіемъ чѣмъ масса народа. Новая демократія по временамъ будетъ производить своихъ Перикловъ, и постоянно будетъ имѣть кружокъ изъ способныхъ руководителей.

За новою системой много достоинствъ самаго положительнаго свойства; но нѣтъ ли чего нибудь и противъ нея? Ничего, что могло бы выдержать строгаго разбора, если только примутся за серьозное изслѣдованіе новой идеи. Разумѣется тѣ, (если только есть такіе), которые подъ предлогомъ равноправія, стремятся уничтожить преобладаніе богатыхъ классовъ, чтобы поставить на ихъ мѣсто классы бѣдные, тѣ конечно не дружелюбно будутъ смотрѣть на систему уравнивающую права тѣхъ и другихъ. Я не думаю чтобъ такія желанія существовали въ рабочихъ классахъ этой страны теперь, но не ручаюсь за послѣдствія, если случай и демагогическія доктрины произведутъ въ народѣ достаточное возбужденіе. Въ соединенныхъ штатахъ, гдѣ численное большинство уже давно обладаетъ коллективною деспотическою властью, рабочіе классы такъ же не охотно разстанутся съ нею, какъ и аристократія. Но я думаю, что англійская демократія въ настоящее время удовольствуется

общимъ покровительствомъ закона противъ сословныхъ привилегій, не требуя ихъ себѣ, въ свою очередь.

Между противниками Гэровой системы есть такіе, которые думаютъ, будто она непримѣнима на дѣлѣ; но это, какъ надо полагать, большею частію люди, которые объ ней или только слышали, или взглянули на нее поверхностно. Другіе опять, не могутъ помириться съ потерею того, что они называютъ мѣстнымъ характеромъ представительства. Они кажется думаютъ, что націю составляютъ не люди, а какія то искуственныя единицы, созданія географіи и статистики. Парламентъ, по ихъ мнѣнію, долженъ представлять города и провинціи, а не человѣческія существа. Но никто не ищетъ уничтоженія представительства городовъ и провинціи. Можно кажется быть увѣреннымъ, что они имѣютъ представительство, если его имѣютъ жители ихъ населяющіе. Мѣстные интересы и мѣстныя чувства существуютъ только тогда, когда кто нибудь чувствуетъ и интересуется ими. Если есть представительство всѣхъ чувствъ и интересовъ людей данной мѣстности, то значитъ въ общемъ числѣ представлены и ихъ мѣстные чувства и интересы. Я не вижу, почему только тѣ чувства и интересы, которые свели людей въ одно мѣсто, почему одни только они почитаются достойными представительства; или почему члены общества, для которыхъ другія личныя чувства и интересы имѣютъ болѣе значенія чѣмъ географическіе, должны ихъ подчинить послѣднимъ, какъ единственному виду политической классификаціи. Убѣжденіе, что Іоркширъ и Миддльсекъ имѣютъ права независимо отъ ихъ обитателей, и что Ливерпуль и Экзетеръ суть настоящіе предметы заботъ законодателя, въ противоположность

ихъ населенію, представляетъ любопытный образчикъ заблужденій, производимыхъ игрою словъ.

Но вообще противники системы заканчиваютъ свои возраженія увѣреніемъ, что англійскій народъ никогда ея не приметъ. Я не берусь сказать, что подумаетъ англійскій народъ о людяхъ, которые убѣждены что у него нѣтъ даже на столько смысла чтобъ обсудить дѣло прежде чѣмъ произнести рѣшеніе. Съ своей стороны, я не думаю, чтобъ можно было безъ всякаго испытанія считать англійскій народъ до такой степени непреодолимо предубѣжденнымъ противъ всего, что можетъ быть полезно ему или другимъ. Мнѣ также кажется, что если предразсудокъ держится упорно и долго, то въ этомъ случаѣ главная вина падаетъ на тѣхъ, кто въ оправданіе своей недѣятельности, провозглашаетъ его непреодолимымъ. Всякій предразсудокъ сдѣлается дѣйствительно непреодолимымъ, когда не раздѣляющіе его раболѣпствуютъ предъ нимъ, льстятъ, и принимаютъ его какъ законъ природы. Я однако полагаю, что здѣсь предразсудокъ существуетъ только на языкѣ тѣхъ людей, которые объ немъ говорятъ; вообще же, у всѣхъ кто имѣетъ понятіе объ этой системѣ, нѣтъ другаго непріязненнаго чувства, кромѣ естественнаго и здраваго недовѣрія, которое сопровождаетъ всякую новую идею, пока она не опредѣлится на столько, чтобъ выказать всѣ свои достоинства и недостатки. Одно только серьозное возраженіе и можетъ быть противъ проэкта: его необычайность; это дѣйствительно грозное возраженіе: воображеніе гораздо легче мирится съ большими измѣненіями въ существѣ дѣла, чѣмъ съ маленькими въ его имени и формѣ. Но необычайность—такой недостатокъ, который устраняется временемъ, если только въ самой идеѣ есть дѣйствительное дос-

тоинство. Настоящій же періодъ есть періодъ преній, сочувствія ко всѣмъ улучшеніямъ; что прежде было дѣломъ нѣсколькихъ столѣтій, то теперь совершается въ нѣсколько лѣтъ.

Послѣ перваго изданія этой книги сдѣлано много возраженій на проэктъ Гэра; эти возраженія по крайней мѣрѣ доказываютъ болѣе тщательное изученіе и болѣе разумное пониманіе предмета, чѣмъ тѣ, которыя были представлены прежде. Впрочемъ таковъ вообще естественный ходъ всѣхъ изслѣдованій о важныхъ общественныхъ улучшеніяхъ. На первый разъ ихъ обыкновенно встрѣчаетъ слѣпой предразсудокъ и такіе доводы, которые имѣютъ цѣну только въ глазахъ слѣпаго предразсудка. По мѣрѣ того какъ предразсудокъ слабѣетъ, онъ прибѣгаетъ къ доводамъ болѣе сильнымъ, пока наконецъ выяснятся вмѣстѣ съ достоинствами всѣ неизбѣжныя неудобства проекта и обстоятельства, которыя препятствуютъ немедленному осуществленію тѣхъ благъ, къ какимъ онъ можетъ повести. Но изъ всѣхъ возраженій, дошедшихъ до меня и имѣющихъ хотя тѣнь основанія, нѣтъ ни одного, которое бы не было предвидѣно, которое бы послѣ разбора и изслѣдованія сторонниками проэкта не было признано какъ недѣйствительное или какъ легко отвратимое.

Изъ всѣхъ возраженій самое серьезное на видъ, требуетъ самаго короткаго отвѣта;—именно, предполагаемая невозможность предохранить отъ обмана или подозрѣнія въ обманѣ, въ дѣйствіяхъ центральнаго учрежденія. Какъ средство противъ нихъ была предложена гласность и полная свобода повѣрки избирательныхъ документовъ послѣ выборовъ; но противники проэкта считаютъ это средство не дѣйствительнымъ, потому что голосователь, чтобъ до-

знаться, достигъ ли его голосъ своего назначенія, долженъ будетъ предпринять такой же трудъ, какой исполнялся до сихъ поръ цѣлымъ штатомъ чиновниковъ. Это дѣйствительно было бы полновѣсное возраженіе, еслибъ была какая либо нужда каждому избирателю слѣдить за каждымъ голосомъ. Все чего мы ожидаемъ отъ обыкновеннаго голосователя въ дѣлѣ повѣрки, такъ это чтобъ онъ прослѣдилъ за правильнымъ употребленіемъ своей собственной таблички; а для этого, надо чтобы спустя извѣстный срокъ каждая табличка возвращалась въ то мѣсто, откуда была прислана. Все чего не можетъ сдѣлать голосователь будетъ сдѣлано за него кандидатомъ, потерпѣвшимъ пораженіе, или его агентами. Тѣ изъ числа пораженныхъ, которые полагаютъ что они должны быть избранными, будутъ, по одиначкѣ или цѣлымъ обществомъ, держать агентовъ для изслѣдованія правильности всего порядка выборовъ; и если они найдутъ фальшъ, то представятъ документы въ комитетъ Нижней Палаты, который изслѣдуетъ и провѣритъ всю выборную дѣятельность націи и потребуетъ на это десятую долю того времени и тѣхъ издержекъ, какія при нынѣшней системѣ нужны для того чтобъ добиться у Избирательнаго Комитета свѣденій о ходѣ выборовъ какого либо одного члена.

Нѣкоторые, допуская приложимость проэкта, указывали на два обстоятельства, при которыхъ его благодѣтельное дѣйствіе можетъ быть парализовано и замѣнено вредными слѣдствіями. Говорятъ во первыхъ, что онъ дастъ не надлежащую власть кружкамъ и партіямъ, сектаторскимъ обществамъ, обществамъ съ какою либо спеціальною цѣлью, какъ напримѣръ Maine Law League, Ballot или Liberation Society, и всякому обществу соединенному единствомъ

интересовъ или вѣроисповѣданія. Во вторыхъ говорятъ, что система дастъ мѣсто дѣйствіямъ частныхъ интересовъ партій. Центральный органъ каждой политической партіи разошлетъ листы кандидатовъ по всей странѣ, чтобы всѣ члены этой партіи во всѣхъ избирательныхъ обществахъ голосовали за нихъ. Такимъ образомъ количество голосовъ каждаго изъ этихъ кандидатовъ далеко превзойдетъ то, какое можетъ получить независимый кандидатъ. «Билетная» система, утверждаютъ ея противники, послужитъ только на пользу большихъ организованныхъ партій, какъ въ Америкѣ: ея билеты будутъ приниматься слѣпо, во всей ихъ неприкосновенности, и едва ли какая либо партія будетъ въ состояніи одержать надъ ними верхъ, развѣ иногда религіозная секта, или партія людей, связанныхъ между собою единствомъ предразсудковъ, о которыхъ мы уже говорили.

На это можно дать, какъ мнѣ кажется, положительный отвѣтъ. Никто не думаетъ, чтобы при системѣ Гэра, какъ и при всякой другой, организація утратила свое хорошее значеніе. Разрозненные элементы всегда слабѣе организованнаго тѣла. Такъ какъ проэктъ Гэра не можетъ измѣнить природы вещей, то мы должны только ожидать, что всѣ партіи или кружки, большіе и малые, имѣющіе организацію, воспользуются всею суммою свойствъ проэкта для того чтобъ усилить свое вліяніе. Но при настоящемъ порядкѣ такія вліянія составляютъ все. Разсѣянные же элементы представляютъ совершенное ничто. Избиратели, не связанные съ одною изъ большихъ политическихъ партій или съ одною изъ малыхъ религіозныхъ сектъ лишены всякихъ средствъ употребить на что либо свой голосъ. Проэктъ Гэра даетъ имъ средство. Они

могутъ болѣе или менѣе ловко пользоваться имъ. Они могутъ добиться своей доли вліянія, или же доли значительно меньшей. Но чего бы они не добились,—это все таки будетъ чистая прибыль. И если думаютъ, что каждый мелкій интересъ, или комбинація съ какою либо мелкою цѣлью будутъ составлять организаціи, то почему же предполагать что большіе интересы, которые касаются цѣлой націи, одни останутся неорганизованными? Если будутъ листы общества умѣренности или общества школъ оборванцевъ (Ragged School), и т. п., то почему же какой либо высокій общественный дѣятель не можетъ пустить въ ходъ въ своемъ и въ сосѣднихъ избирательныхъ обществахъ листовъ «личнаго достоинства». А нѣсколько такихъ лицъ, сойдясь въ Лондонѣ, развѣ не могутъ выбрать изъ всего числа кандидатовъ наиболѣе достойныхъ людей, не взирая на нѣкоторую разницу въ мнѣніяхъ, и развѣ не могутъ опубликовать ихъ имена за ничтожную плату по всѣмъ избирательнымъ обществамъ страны? Надо помнить, что при настоящемъ порядкѣ, вліяніе двухъ большихъ партій неограниченно; при системѣ Гэра оно будетъ велико, но будетъ заключено въ надлежащихъ границахъ. Ни онѣ, ни которая либо изъ меньшихъ партій, не будутъ въ состояніи выбрать членовъ въ Парламентъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало пропорціонально ихъ численности. Билетная система въ Америкѣ дѣйствуетъ при условіяхъ, совершенно противоположныхъ. Въ Америкѣ избиратели подаютъ голоса за списки партіи потому, что выборы рѣшаются простымъ большинствомъ, и всякій голосъ за кандидата, который по всему вѣроятію не получитъ большинства, дѣлается даромъ брошеннымъ голосомъ. Но по плану Гэра всякій голосъ, поданный за человѣка извѣстнаго по своимъ достоинствамъ, имѣ-

етъ такую же надежду на успѣхъ, какъ и голосъ за кандидата партіи. Слѣдовательно можно надѣяться, что каждый либералъ или консерваторъ, который кромѣ того что либералъ или консерваторъ, имѣетъ еще какое либо другое значеніе, другія какія либо достоинства сверхъ мнѣній партіи, зачеркнетъ имена наиболѣе темныхъ и незначительныхъ кандидатовъ своей партіи, и вмѣсто ихъ напишетъ имена другихъ людей, которые составляютъ честь всей націи. И вѣроятность такого факта будетъ сильною побудительною причиною для составителей избирательныхъ списковъ неограничиваться одними присяжными кандидатами партій, но включать въ число кандидатовъ и вносить въ свои таблички, и тѣхъ изъ извѣстныхъ въ націи лицъ, которыя симпатизируютъ болѣе ихъ партіи чѣмъ противной.

Дѣйствительная трудность, (а она есть, скрывать нечего) заключается въ томъ, что независимые избиратели, которые пожелаютъ голосовать за достойныхъ, но не имѣющихъ ни какой протекціи, людей, будутъ въ состояніи внести въ свои списки не много такихъ именъ,— прочія же мѣста своихъ же табличекъ будутъ по неволѣ наполнять кандидатами партій, увеличивая такимъ образомъ число соперниковъ тѣхъ лицъ, которыхъ бы желали видѣть своими представителями. Противъ этого неудобства легко найти средство (если только будетъ необходимость прибѣгать къ нему),—именно: ограничить число второстепенныхъ или запасныхъ голосовъ. Ни одинъ изъ избирателей не будетъ имѣть одинаковаго предпочтенія ко всѣмъ 658 или хоть даже къ 100 кандидатамъ. Вѣроятно не многіе будутъ возражать, если число это ограничится двадцатью, пятидесятью или другимъ какимъ либо опредѣленнымъ

числомъ; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать какъ независимая личность, а не какъ рядовой извѣстной партіи. Но даже и безъ этого ограниченія зло пройдетъ само собою, какъ только система будетъ понята хорошо. Противодѣйствіемъ ему будетъ то вліяніе кружковъ и партій, противъ котораго теперь такъ кричатъ. Такъ какъ каждый изъ нихъ будетъ составлять меньшинство, то они вѣроятно примутъ такое правило: «каждый подавай голосъ только за *своихъ собственныхъ* кандидатовъ; или по крайней мѣрѣ ставь ихъ имена впереди всѣхъ, чтобы, на сколько это зависитъ отъ твоей численной силы, дать имъ полную возможность успѣха, для полученія кандидатуры посредствомъ первыхъ голосовъ въ спискѣ, или хоть не послѣднихъ въ немъ». Тѣ же изъ избирателей, которые не принадлежатъ ни къ какому кружку, вѣроятно воспользуются урокомъ.

Небольшіе кружки будутъ пользоваться именно тою долею власти, какую должны имѣть. Вліяніе, какое они будутъ имѣть, будетъ какъ разъ соотвѣтствовать числу ихъ избирателей, ни на каплю болѣе; для обезпеченія же себѣ даже этой доли, они должны будутъ выставлять такихъ кандидатовъ, которые представляя ихъ частные интересы, въ тоже время имѣли бы еще и другія качества, и тѣмъ доставляли поддержку внѣ кружка или секты. Любопытно наблюдать какіе скачки дѣлаетъ популярная сторона довода въ защиту нынѣшней системы, по мѣрѣ того какъ измѣняется родъ нападенія ея противниковъ. Не много лѣтъ тому назадъ любимый доводъ въ пользу существующей тогда системы представительства былъ тотъ, что она обезпечиваетъ представительство всѣхъ интересовъ или классовъ. Конечно всѣ классы или интересы, имѣющіе какую либо

важность должны имѣть своихъ представителей, т. е. должны имѣть въ Парламентѣ своихъ защитниковъ и ораторовъ. Отсюда вывели заключеніе, что надо поддерживать систему, которая частнымъ интересамъ даетъ не только адвокатовъ, но самый трибуналъ. Теперь посмотрите какая перемѣна. Система Гэра дѣлаетъ невозможнымъ для частныхъ интересовъ владычество надъ цѣлымъ трибуналомъ, а обезпечиваетъ за ними только адвокатовъ, и за это ее упрекаютъ. За то что она соединяетъ хорошія стороны сословнаго представительства и хорошія стороны численнаго представительства, на нее нападаютъ разомъ и та и другая сторона.

Но не эти возраженія и не подобные имъ составляютъ истинную трудность къ принятію этой системы; главное затрудненіе—это преувеличенное понятіе о ея сложности и слѣдовательно сомнѣніе въ возможности привести ее въ исполненіе. Полный отвѣтъ въ этомъ случаѣ возможенъ только одинъ—опытъ на самомъ дѣлѣ. Когда достоинства плана будутъ болѣе извѣстны, и получатъ болѣе сильную поддержку со стороны безпристрастныхъ мыслителей, надо будетъ постараться, чтобъ онъ былъ приведенъ въ дѣло въ ограниченномъ масштабѣ, какъ напримѣръ въ муниципальныхъ выборахъ какого нибудь большаго города. Одинъ случай уже потерянъ при раздѣленіи западнаго округа Іоркшира, съ цѣлію учредить тамъ четыре кандидатуры въ Парламентъ; вмѣсто того чтобы приложить новыя начала, избирательный округъ оставили нераздѣльнымъ и признали избраннымъ всякаго кандидата, получившаго четвертую часть всей суммы первыхъ или вторыхъ голосовъ.

Такіе опыты весьма не совершенно покажутъ всѣ достоинства плана, но они представили бы примѣръ его дѣй-

ствія; они дали бы обществу средство убѣдиться, что онъ неисполнимъ; познакомили бы общество съ его механизмомъ, и дали бы нѣкоторую возможность судить точно ли тѣ трудности, которыя кажутся страшными, существуютъ на дѣлѣ, или онѣ только воображаемыя. День, когда Парламентъ утвердитъ такой частный опытъ, я думаю, возвѣститъ новую эру въ парламентской реформѣ; эру, которая дастъ представительному правленію образъ приличный зрѣлому и торжествующему періоду, который долженъ наступить послѣ всѣхъ періодовъ борьбы, въ которыхъ до сихъ поръ только и видѣлъ міръ представительное правленіе.

ГЛАВА VIII.

О мѣрѣ распространенія права подачи голосовъ.

Представительная демократія, подобная только что описанной, гдѣ представительствомъ пользуются всѣ, а не одно только большинство; гдѣ интересы и мнѣнія меньшинства, хотя и должны уступать численному большинству, но тѣмъ не менѣе необходимо будутъ выслушаны; гдѣ представители меньшинства имѣютъ возможность силою своихъ характеровъ и разумностью аргументаціи пріобрѣсть то вліяніе, какого не могли бы имѣть по причинѣ своей малочисленности;—такая демократія, которая одна только и обусловливаетъ равенство, безпристрастіе и управленіе всѣхъ всѣми, что и составляетъ первообразъ истинной демократіи,—будетъ свободна отъ величайшихъ золъ, не разлучныхъ съ тѣмъ порядкомъ, который теперь ложно называютъ демократіей, который преобладаетъ въ настоящее время и служитъ единственнымъ основаніемъ ходячаго понятія о демократіи. Но даже и въ такой демократіи большинство могло бы присвоить абсолютную власть, если бы захотѣло пользоваться ею; а это большинство состояло бы исключительно изъ одного класса, однороднаго по наклонностямъ, предубѣжденіямъ и образу мыслей, и далеко не

самаго образованнаго, чтобы не сказать больше. Слѣдовательно конституція была бы все еще подвержена характеристическимъ недостаткамъ сословнаго управленія, конечно въ гораздо меньшей степени, нежели исключительное правленіе одного класса, присвоивающее нынѣ себѣ названіе демократіи,—но все таки не имѣла бы ни какихъ дѣйствительныхъ обезпеченій кромѣ здраваго смысла, умѣренности и терпимости господствующаго класса.

Если этихъ обезпеченій достаточно, то ученіе о конституціонномъ правленіи есть не болѣе какъ торжественное пустословіе. Все довѣріе къ конституціи основано на представляемыхъ ею гарантіяхъ, что лица, облеченныя властью не только не будутъ, но и не могутъ злоупотреблять ею. Демократія до тѣхъ поръ не будетъ идеально лучшею формою правленія, пока нельзя будетъ укрѣпить эту слабую ея сторону, и пока она не будетъ устроена такимъ образомъ, чтобы ни одинъ классъ, даже самый многочисленный, не былъ въ состояніи лишить всѣхъ, кромѣ самаго себя, всякаго политическаго значенія, и направлять ходъ законодательства и администраціи, согласно съ своимъ исключительнымъ сословнымъ интересомъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы найти средства къ устраненію этого злоупотребленія, не жертвуя характеристическими выгодами народнаго правленія.

Это двойное требованіе не достигается сокращеніемъ размѣровъ голосованія, чрезъ насильственное лишеніе одной части гражданъ права голоса въ представительствѣ. Главнѣйшее изъ благодѣяній свободнаго правленія состоитъ въ томъ, что образованіе ума и чувствъ, проникаетъ въ самые низшіе классы народа, когда они призываются къ принятію участія въ дѣйствіяхъ, непосредственно касающихъ-

ся великихъ интересовъ страны. Я уже такъ много говорилъ объ этомъ предметѣ, что возвращаюсь къ нему единственно потому только, что очень не многіе отдаютъ должную справедливость всей важности этого дѣйствія общественныхъ учрежденій. Многіе считаютъ мечтой ожидать такъ много отъ причины, по видимому такой не важной; имъ кажется страннымъ видѣть могущественное орудіе умственнаго развитія въ отправленіи общественныхъ должностей простыми рабочими. Но если дѣйствительное умственное развитіе въ массѣ человѣчества, не есть химера, то оно прійдетъ только этимъ путемъ. Если кто въ этомъ сомнѣвается, то я привожу въ свидѣтельство все содержаніе великаго творенія Токвиля, а въ особенности его разсужденіе объ американцахъ. Почти всѣмъ путешественникамъ бросается въ глаза тотъ фактъ, что всякій американецъ, въ извѣстномъ смыслѣ, вмѣстѣ патріотъ и человѣкъ умственно развитый. Токвиль доказалъ, какъ тѣсно связаны эти качества съ ихъ демократическими учрежденіями. Такого широкаго распространенія вкуса, идей и чувствъ, свойственныхъ образованнымъ людямъ, никогда еще не было видано, и даже не считалось возможнымъ. Но это еще ничто въ сравненіи съ тѣми результатами, которые мы бы могли получить отъ правленія въ такой же мѣрѣ демократическаго, по широкому основному принципу, но лучше организованнаго въ другихъ не менѣе важныхъ отношеніяхъ. Хотя въ дѣйствительности политическая жизнь въ Америкѣ и представляетъ отличную школу, но школу, изъ которой самые лучшіе учители исключены: первые умы въ странѣ, на дѣлѣ, такъ же вѣрно устранены отъ народнаго представительства и вообще занятія общественныхъ должностей, какъ будто

вслѣдствіе законной неправоспособности. Сверхъ того, такъ какъ демосъ составляетъ въ Америкѣ единственный источникъ власти, то къ нему тяготѣютъ всѣ своекорыстныя честолюбія. Народъ окруженъ лестью и ласкательствами; развращающее вліяніе народной власти идетъ рука въ руку съ ея благодѣтельнымъ и облагораживающимъ вліяніемъ. Если уже съ этимъ количествомъ лигатуры демократическія учрежденія даютъ такое замѣтное превосходство духовному развитію низшаго класса народа въ Америкѣ, сравнительно съ тѣмъ же классомъ въ Англіи и другихъ странахъ, то каково же было бы развитіе его, если бы возможно было оставить только благодѣтельную часть этого вліянія, исключивъ дурную? И это можетъ быть осуществлено до нѣкоторой степени, но не чрезъ лишеніе той части народа, которая имѣетъ наименѣе побудительныхъ причинъ къ развитію, права участвовать въ обсуживаніи тѣхъ обширныхъ и сложныхъ интересовъ, на которыя народъ необходимо долженъ обратить вниманіе при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ.

Посредствомъ политическихъ преній работникъ, котораго занятіе—рутина, который въ своей жизни не встрѣчаетъ разнообразія ни въ обстоятельствахъ, ни въ впечатлѣніяхъ, ни въ идеяхъ, научается понимать вліянія отдаленныхъ причинъ и далеко случившихся событій на его настоящіе личные интересы; политическими преніями и общею политическою дѣятельностью, человѣкъ, котораго интересы заключены въ тѣсный кружокъ его обиходныхъ занятій, научается сочувствовать своимъ согражданамъ, и онъ сознательно становится членомъ большой общины. Но когда одно сословіе не имѣетъ голоса и недобивается его, то политическія пренія остаются для него чуждыми. Разница меж-

ду его положеніемъ и положеніемъ избирателей такая же, какъ между положеніями слушателя въ судѣ и двѣнадцати лицъ, сидящихъ на скамьѣ присяжныхъ. Ищутъ не его одобрѣнія; не на его мнѣнія стараются сдѣлать впечатлѣніе; обращаются съ воззваніями и доводами къ другимъ, а не къ нему; ничто не зависитъ отъ заключенія, къ какому онъ придетъ, да ему вовсе и нѣтъ необходимости и остается весьма мало побужденій приходить къ какому нибудь заключенію. Во всякомъ народномъ правленіи каждый кто не имѣетъ голоса или надежды получить его, будетъ или постоянно недоволенъ, или будетъ питать такія же чувства, какія питаетъ человѣкъ, котораго общественныя дѣла не касаются, которому эти дѣла въ извѣстной мѣрѣ чужды, потому что должны отправляться другими; который видитъ въ законѣ только обязанность ему повиноваться и который въ отношеніи интересовъ и дѣлъ общества есть только простой зритель. На сколько онъ будетъ знать общественныя дѣла и заботиться объ нихъ можно отчасти понять, сравнивъ между собою степени знанія и заботъ объ этомъ предметѣ женщины средняго класса и ея мужа и братьевъ.

Независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній было бы личною несправедливостью отказывать въ представительномъ правленіи кому бы то ни было (исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ это необходимо для предотвращенія большихъ золъ), въ правѣ голоса въ рѣшеніи дѣлъ, въ которыхъ всѣ одинаково заинтересованы. Если представительное правительство обязываетъ платить подати, если оно можетъ заставить итти въ битву, если оно требуетъ безусловнаго повиновенія, то оно должно дать отчетъ почему все это должно дѣлатся; оно должно дать каждому право имѣть свое мнѣніе, которое стра-

на обязана спросить и принимать въ настоящей цѣнѣ, хотя и не выше того, что оно стоитъ.

Въ развитой и образованной націи не должно быть паріевъ; не должно быть людей, лишенныхъ правъ, развѣ только если они лишились ихъ по собственной винѣ. Достоинство всякаго человѣка остается уніежнымъ, въ представительномъ правленіи, — сознаетъ ли онъ это или нѣтъ, — если большинство, безъ его спроса, принимаетъ на себя неограниченную власть распоряжаться его судьбой. Предположивъ даже состояніе гораздо высшее того, котораго достигъ до сихъ поръ человѣческій разумъ, неестественно, чтобы съ тѣми, которыми такъ располагаютъ, поступали съ такою же справедливостью, какъ съ тѣми, которые имѣютъ голосъ. Представительное правительство по необходимости должно соображаться съ интересами и желаніями тѣхъ, которые имѣютъ право голоса, между тѣмъ какъ ничто его не обязываетъ поступать такъ относительно тѣхъ, которые лишены этого права; и какъ бы члены представительнаго правительства не были честны, они вообще слишкомъ заняты тѣмъ, что должны дѣлать по необходимости чтобы имѣть еще досугъ заниматься тѣмъ, чѣмъ можно безнаказанно пренебречь. Вотъ почему никакой порядокъ голосованія не можетъ быть удовлетворительнымъ на продолжительное время, если онъ положительно исключаетъ кого нибудь или цѣлый классъ людей, если не признаетъ избирательнаго права за всякимъ взрослымъ человѣкомъ, который желаетъ его получить.

Существуютъ однако извѣстныя исключенія, обусловленныя положительными причинами, которыя не противорѣчатъ этому принципу, и хотя эти исключенія сами по себѣ, составляютъ зло, но отъ нихъ нельзя избавиться до тѣхъ

поръ, пока будетъ существовать вызвавшій ихъ порядокъ вещей. Я считаю совершенно невозможнымъ допустить къ участію въ голосованіи человѣка, неумѣющаго ни читать, ни писать, и прибавлю еще, первыхъ правилъ ариѳметики. Справедливость требуетъ, (даже независимо голосованія), чтобы всѣмъ была предоставлена возможность пріобрѣсти эти элементарныя познанія даромъ или за плату, доступную самымъ бѣднымъ, даже тѣмъ которые зарабатываютъ себѣ только насущный хлѣбъ. Если бы это дѣйствительно имѣло мѣсто, то никому бы и не приходило въ голову дать право голоса человѣку неумѣющему читать, также какъ не приходитъ въ голову дать это право ребенку, не умѣющему говорить; тогда бы его лишало права не общество, а его собственная лѣность. Если не сдѣлавъ доступною эту степень образованія каждому, общество не исполнило своей обязанности то значитъ въ обществѣ существуетъ несправедливость; но какова бы она не была ее надо терпѣть. Если общество пренебрегло исполненіемъ двухъ обязанностей, то болѣе важная и основная изъ нихъ должна быть исполнена первая; всеобщее образованіе должно предшествовать всеобщему праву голосованія. Ни одинъ человѣкъ, у котораго только отвлеченная теорія не задавила здравый смыслъ, не станетъ утверждать, что надо дать власть надъ другими, власть надъ цѣлымъ обществомъ, людямъ, которые не пріобрѣли самыхъ обыкновенныхъ и существенныхъ условій для того, чтобы заботиться о самихъ себѣ, чтобы разумно управлять интересами собственными и лицъ, близко связанныхъ съ ними.

Этотъ доводъ можно бы, безъ всякаго сомнѣнія, распространить дальше и онъ могъ бы доказать гораздо больше. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы кро-

мѣ чтенія, письма и ариѳметики и другіе предметы были необходимымъ условіемъ для голосованія; чтобы требовались нѣкоторыя понятія объ образованіи земли, о ея естественномъ и политическомъ раздѣленіи, общей исторіи, исторіи и государственнаго устройства своей страны. Но эта степень знанія, необходимая для толковаго распоряженія своимъ правомъ голоса не всѣмъ доступна, какъ въ Англіи, такъ вѣроятно и во всѣхъ другихъ странахъ, кромѣ сѣверныхъ провинцій соединенныхъ штатовъ. Не существуетъ также надежнаго способа къ удостовѣренію, пріобрѣли ли избиратели эти свѣдѣнія или нѣтъ. Въ настоящее время попытка произвела бы пристрастіе, придирки и всякаго рода обманъ. Поэтому лучше дать право голосованія всѣмъ безъ всякаго различія, или даже отказать въ этомъ всѣмъ безъ исключенія, чѣмъ предоставить общественному чиновнику давать это право однимъ и лишать другихъ. Однако такой трудности не представляется при одномъ только чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ. Было бы весьма не трудно требовать, чтобы всякій, желающій быть внесеннымъ въ списокъ избирателей списалъ бы изъ книги какую нибудь фразу и рѣшилъ бы задачу изъ тройнаго правила; было бы также легко обезпечить опредѣленными правилами и полною гласностью, честное примѣненіе столь простаго испытанія. Это условіе должно быть слѣдовательно связано во всѣхъ случаяхъ съ общимъ голосованіемъ, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ исключенными были бы только тѣ, которые до такой степени мало интересуются своимъ правомъ, что ихъ голосъ, они если бы его и подали, не выражалъ бы въ дѣйствительности ни какого политическаго мнѣнія.

Такъ же важно, чтобы собраніе, которое вотируетъ об-

щіе и мѣстные налоги состояло бы изъ лицъ, избираемыхъ исключительно тѣми, кто участвуетъ въ платежѣ этихъ налоговъ. Тѣ, которые ничего не платятъ, распоряжаясь чрезъ посредство своего голоса чужими деньгами, имѣютъ всѣ причины быть расточительными и ни одной быть бережливыми. Въ денежныхъ дѣлахъ всякое право голоса, которымъ они пользуются, представляетъ нарушеніе основнаго начала свободнаго правленія и означаетъ разъединеніе въ контролѣ власти и желанія примѣнять ее къ дѣлу какъ слѣдуетъ. Это все равно что позволить запускать руки въ чужіе карманы, подъ всякимъ предлогомъ, который имъ заблагоразсудится назвать общественнымъ дѣломъ. Это, какъ извѣстно, было причиной того, что въ большихъ городахъ соединенныхъ штатовъ установлены такіе безпримѣрно тяжелые мѣстные налоги, вся тяжесть которыхъ падаетъ на зажиточнѣйшіе классы. Согласно съ теоріей англійскихъ учрежденій, представительство должно итти объ руку съ правомъ раскладки податей, не отставая и не обгоняя его. Но чтобы согласить это, надо принять существеннымъ условіемъ (которое будетъ благодѣтельно во многихъ отношеніяхъ), чтобы при всеобщемъ правѣ голосованія, налоги распространялись въ видимой формѣ и на бѣднѣйшіе классы народа. Въ нашей странѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, вѣроятно нѣтъ ни одного семейства работника, которое не участвовало бы въ платежѣ косвенныхъ налоговъ, чрезъ потребленіе чая, кофе, сахара, не говоря уже о табакѣ и спиртныхъ напиткахъ. Но при этомъ способѣ, платящій едва ли сознаетъ, что онъ участвуетъ въ общественныхъ издержкахъ: платящій подати, если это человѣкъ необразованный и не мыслящій, не видитъ такой связи между его личнымъ интересомъ и умѣренностію общественныхъ издержекъ,

какъ если бы деньги для издержекъ требовались отъ него прямо; предположивъ даже что это имѣетъ мѣсто, онъ безъ сомнѣнія будетъ заботиться о томъ, чтобы расходъ правительства, въ пользу котораго онъ подалъ голосъ, какъ бы не былъ чрезмѣренъ, не покрывался прибавочными налогами на потребляемые имъ предметы. Было бы гораздо лучше взимать прямую подать, въ видѣ подушнаго, со всякаго взрослаго члена общества, или же чтобы каждый взрослый получалъ право избирательства, заплативъ извѣстную чрезвычайную сумму, сверхъ положенной для всѣхъ подати, или же чтобы отъ всякаго, внесеннаго въ списокъ избирателей, требовался ежегодно небольшой взносъ, цифра котораго измѣнялась бы соразмѣрно общей суммѣ расходовъ страны, такъ чтобы каждый чувствовалъ, что въ деньгахъ, которыя онъ вотируетъ, находится и его часть, и чтобы онъ въ сбереженіи смѣтныхъ суммъ видѣлъ свой интересъ.

Но какъ бы то ни было, мнѣ кажется что пособіе отъ прихода должно безусловно вести получающаго это пособіе къ потерѣ избирательнаго права. Кто не можетъ содержать себя собственнымъ трудомъ, тотъ не имѣетъ права пользоваться деньгами другихъ. Какъ только онъ дошелъ до того, что обязанъ своимъ существованіемъ остальнымъ членамъ общества, то долженъ отказаться отъ одинаковыхъ съ ними правъ въ другихъ отношеніяхъ. Тѣ, которымъ онъ одолженъ самою возможностью своего существованія, могутъ по справедливости требовать себѣ исключительнаго права распоряженія общественными суммами, къ которымъ онъ не прибавляетъ ничего, или по крайней мѣрѣ меньше чѣмъ беретъ. Для полученія избирательнаго права слѣдовало бы, чтобы искатель его

не получалъ вспомоществованія отъ прихода въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ (положимъ пяти) до внесенія его въ избирательный списокъ.

Неосторожные и злостные банкроты и вообще тѣ, которые воспользовались покровительствомъ закона о несостоятельныхъ (Insolvent Act), должны быть лишены права голосованія, пока не заплатятъ своихъ долговъ, или по крайней мѣрѣ не докажутъ, что въ теченіи довольно продолжительнаго времени не пользовались общественнымъ подаяніемъ. Неплатежъ податей, если онъ продолжался такъ долго, что его нельзя приписать оплошности, долженъ также составлять причину лишенія права голоса. Эта система исключенія не можетъ быть сама по себѣ постоянна, она требуетъ только такихъ условій, которыя всякій въ состояніи, или если захочетъ то можетъ быть въ состояніи выполнить. Она дѣлаетъ доступнымъ право голосованія каждому, кто находится въ нормальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія; и если кто нибудь обходится безъ этого права, то это происходитъ или отъ того, что онъ для него не дѣлаетъ того, что долженъ дѣлать, или же, что онъ находится въ состояніи нравственнаго упадка и униженія, въ которомъ лишеніе права голоса, необходимое для безопасности другихъ, для него будетъ нечувствительно; по мѣрѣ же нравственнаго возвышенія лица, вмѣстѣ съ другими знаками его униженія исчезаетъ и это.

Такимъ образомъ можно ожидать (предполагая что нѣтъ другихъ ограничивающихъ условій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили), что съ теченіемъ времени будутъ обладать избирательнымъ правомъ всѣ, за исключеніемъ только живущихъ иждивеніемъ общины (число которыхъ, на-

до надѣяться, мало по малу будетъ уменьшаться), такъ что голосованіе, за этимъ незначительнымъ исключеніемъ, сдѣлается достояніемъ всѣхъ. Мы видѣли, что подобное обширное распространеніе права голосованія необходимо связано съ широкимъ и возвышеннымъ понятіемъ о сущности хорошаго правленія. Не смотря на то, при такомъ положеніи дѣлъ, въ большей части странъ, и особенно въ Англіи, большинство голосователей будетъ состоять изъ рабочихъ, и двойная опасность вслѣдствіе слишкомъ низкаго уровня политическаго развитія, и возможности сословнаго законодательства—будетъ еще существовать въ значительной степени. Намъ остается взглянутъ нѣтъ ли какихъ средствъ для устраненія этихъ золъ.

Ихъ можно устранить при искреннемъ желаніи, но не какими нибудь искуственными мѣрами, а слѣдуя естественному ходу человѣческихъ дѣлъ, который представляется вездѣ, гдѣ не надо бороться съ какой нибудь выгодой или укоренившимся по преданію понятіемъ. Во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ всякое прямо заинтересованное и не находящееся подъ прямою опекой лицо, имѣетъ право на голосъ, и ему нельзя, не нарушая справедливости, отказать въ этомъ правѣ, если только это не угрожаетъ общей безопасности. Но если всякій долженъ имѣть голосъ, то долженъ ли всякій имѣть одинаковый голосъ — это вопросъ другаго рода. Когда два лица, имѣющія общій интересъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, не сходятся въ мнѣніяхъ, то требуетъ ли справедливость чтобы оба мнѣнія имѣли одинаковый вѣсъ? Если при одинаковыхъ характерахъ одно лицо стоитъ выше другаго въ знаніяхъ и способностяхъ, или при одинаковыхъ познаніяхъ и способностяхъ одно изъ нихъ выше характеромъ, то мнѣніе лица, стоя-

щаго выше въ умственномъ или нравственномъ отношеніи, должно имѣть большій вѣсъ; и если учрежденія страны утверждаютъ, что достоинство этихъ двухъ мнѣній одинаково, то они утверждаютъ то, чего въ дѣйствительности не существуетъ. Одно изъ этихъ двухъ лицъ, умнѣйшее или лучшее, имѣетъ право на большее вліяніе. Трудность состоитъ только въ томъ, чтобы доказать, которое именно изъ двухъ умнѣйшее или лучшее; это вещь невозможная касательно отдѣльныхъ личностей, но удобоисполнимая съ достаточною точностью если брать общества и классы. Никто не потребуетъ приложенія этого ученія ко всякому случаю, который основательно можетъ быть разсматриваемъ какъ случай личнаго и частнаго права. Въ дѣлѣ, касающемся только одного изъ двухъ лицъ, это лицо имѣетъ право слѣдовать своему мнѣнію, какъ бы ни было предпочтительно мнѣніе другаго. Но мы говоримъ о дѣлахъ, одинаково касающихся обоихъ лицъ, мы говоримъ о томъ, долженъ ли болѣе умный человѣкъ уступить менѣе умному, если послѣдній не хочетъ подчиниться мнѣнію перваго. Который изъ двухъ способовъ болѣе выгоденъ для обоихъ заинтересованныхъ лицъ и болѣе сообразенъ съ истиннымъ пониманіемъ дѣла? Если считаютъ несправедливымъ, чтобы одинъ изъ двухъ уступилъ, то которая несправедливость больше: чтобы лучшее мнѣніе уступило худшему или худшее лучшему?

Дѣла націй совершенно похожи на это дѣло, съ тою только разницей, что ни отъ кого никогда не требуется совершеннаго пожертвованія своимъ мнѣніемъ. Это мнѣніе всегда можетъ входить въ разсчетъ, и занимать извѣстное мѣсто, хотя высшее мѣсто будетъ конечно принадлежать тѣмъ мнѣніямъ, которыя заслуживаютъ болѣе

уваженія. Въ этой системѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго для тѣхъ, которымъ досталась меньшая степень вліянія. Уступка другимъ болѣе значительнаго вліянія, по причинѣ ихъ лучшихъ способностей управлять общественными интересами совершенно другое дѣло, чѣмъ неимѣніе права голоса. Эти двѣ вещи не только различны, но ихъ даже нельзя и сравнивать. Всякій имѣетъ право оскорбиться, если его почитаютъ за ничто. Но только глупецъ, и при томъ глупецъ совершенно особаго рода, сочтетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что другіе признаютъ, что есть люди, которыхъ мнѣніе и даже желанія заслуживаютъ большаго уваженія, нежели его. Никто добровольно не подчинится тому, чтобы не имѣть голоса въ дѣлѣ, которое въ извѣстной мѣрѣ касается и его собственно; но если то, что частью касается его, касается также и другихъ; если онъ чувствуетъ, что другой лучше его понимаетъ дѣло, и видитъ, что мнѣніе того имѣетъ больше вѣсу, чѣмъ его собственное, то это ему должно казаться вполнѣ согласнымъ съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, какой существуетъ во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни. Необходимо только, чтобы это высшее вліяніе признавалось на основаніи причинъ, которыя онъ можетъ понять и справедливость которыхъ онъ былъ бы въ состояніи сознать.

Спѣшу сказать, что я считаю вовсе невозможнымъ, иначе какъ въ смыслѣ временной мѣры, предоставлять количество вліянія пропорціонально величинѣ собственности. Я не отвергаю, что богатство есть нѣкотораго рода критеріумъ. Хотя вовсе нельзя измѣрять образованность богатствомъ, однако во всѣхъ странахъ она обыкновенно выше въ болѣе богатой части общества чѣмъ въ другой; но этотъ критеріумъ такъ несовершенъ; случай такъ часто помогаетъ

болѣе чѣмъ достоинство возвышенію людей въ свѣтѣ, и человѣку, достигшему извѣстной степени образованія, такъ непреодолимо трудно обезпечить себѣ соотвѣтствующее положеніе въ обществѣ, что это основаніе выборнаго преимущества было и всегда будетъ несостоятельно въ высшей степени. Если поставили бы количество голосовъ въ зависимость отъ извѣстной величины капитала, то это не только само по себѣ подлежало бы возраженію, но и было бы вѣрнымъ средствомъ уронить принципъ и сдѣлать постоянное приложеніе его невозможнымъ. Демократія по крайней мѣрѣ въ нашей странѣ неревнуетъ въ настоящее время къ личному превосходству, но весьма естественно и справедливо ревнуетъ превосходству основанному единственно на богатствѣ. Только одна можетъ быть основательная причина считать голосъ одного человѣка болѣе чѣмъ за одинъ голосъ—это умственное превосходство этого лица, и, въ чемъ мы нуждаемся особенно, такъ это въ средствахъ, хотя приблизительно опредѣлять это превосходство. Если бы существовало что нибудь въ родѣ настоящаго національнаго воспитанія, или общая система экзаменовъ, заслуживающая полное довѣріе, то образованіе могло бы быть принято за настоящій критеріумъ. За неимѣніемъ этого, родъ занятій человѣка служитъ нѣкотораго рода свидѣтельствомъ. Мастеръ смышленнѣе работника, потому что долженъ работать не только руками, но и головой. Подмастерье обыкновенно смышленнѣе простаго работника, а работникъ въ такихъ ремеслахъ, которыя требуютъ болѣе ловкости, смышленнѣе того, который занимается простою работою. Банкиръ, купецъ, фабрикантъ вѣроятно окажутся смышленнѣе лавочника, потому что имъ приходится управлять оборотами болѣе обширными и сложными. Во всѣхъ подобныхъ слу-

чаяхъ достоинства доказываются не тѣмъ, что человѣкъ взялся за важное дѣло, а тѣмъ хорошо ли его ведетъ. По этому, и для того чтобы люди не принимались за важныя занятія только номинально, ради права голоса, было бы справедливо требовать, чтобы они имъ занимались уже въ теченіи извѣстнаго времени (положимъ три года). При подобныхъ условіяхъ можно бы дать право на два или на три голоса всякому лицу, занимающемуся высшими дѣлами. Свободныя искусства, если ими занимаются не номинально только, а дѣйствительно, требуютъ разумѣется еще высшей степени образованія. И во всѣхъ случаяхъ, гдѣ для вступленія на какое либо поприще требуется достаточное испытаніе или особенно строгія условія образованія, можно не задумываясь дать всѣмъ вступившимъ на это поприще, право на нѣсколько голосовъ.

Можно бы тоже самое правило примѣнить ко всѣмъ имѣющимъ университетскія ученыя степени и даже къ тѣмъ, которые могутъ доказать, что они съ успѣхомъ окончили курсъ наукъ въ какомъ нибудь изъ высшихъ учебныхъ заведеній, если только можно удостовѣриться, что ученіе было дѣйствительное, а не одинъ только видъ. Экзамены *мѣстные* или *средняго класса*, на степень *товарища* (associate), установленные Оксфордскимъ университетомъ съ такою похвальною общественною цѣлью, и всѣ подобные, которые могутъ быть установлены въ другихъ такихъ заведеніяхъ (съ условіемъ, чтобы заведенія были доступны всякому безъ различія), представляютъ основаніе, на которомъ право на множественность голосовъ съ большою выгодою можетъ быть присвоено тѣмъ, которые выдержали эти испытанія. Всѣ эти соображенія могутъ повести къ

большимъ преніямъ о подробностяхъ, и къ возраженіямъ, которыхъ теперь еще нѣтъ надобности упреждать. Время еще не пришло для приведенія подобныхъ проэктовъ къ практическую форму, и я не хотѣлъ бы себя связывать высказанными мною предложеніями. Но для меня очевидно, что идеалъ представительнаго правленія лежитъ въ этой сторонѣ, и что путь къ дѣйствительному политическому развитію — это стремленіе въ этомъ смыслѣ, и, приложеніе къ дѣлу всѣхъ лучшихъ средствъ какія только найдутся. Если спросятъ на сколько можно развить принципъ, или сколько голосовъ можетъ быть предоставлено одному лицу въ уваженіе его высшихъ достоинствъ, то я отвѣчу, что это дѣло само по себѣ большой важности не имѣетъ, если только отличія и степени учреждены не произвольно, а такъ, чтобы были поняты и приняты въ обществѣ совѣстью и смысломъ. Но есть одно необходимое условіе,—это не переходить границъ, предписанныхъ основнымъ принципомъ, изложеннымъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, которымъ обусловливается превосходство представительной системы.

Ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ распространять право множественности голосовъ до того, чтобы тѣ, которые имъ пользуются, или тотъ классъ, которому оно принадлежитъ по преимуществу, если есть такой классъ, могли посредствомъ этого права взять перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ. Преимущества, присвоенныя образованію, справедливыя сами по себѣ, еще сильнѣе говорятъ въ свою пользу тѣмъ, что ограждаютъ образованные классы, отъ сословнаго законодательства, которое могли бы установить классы необразованные. Но они съ своей стороны не должны давать возможности первымъ устанавливать такое законодательство въ свою пользу. Я

еще прибавлю, что совершенно необходимымъ условіемъ мистемы множественности голосовъ, я считаю то, чтобы и бѣднѣйшій членъ общества могъ требовать себѣ преимуществъ предоставляемыхъ ею,—если онъ можетъ доказать, что, не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, онъ по своему уму имѣетъ на это право. Надо бы учредить вольные экзамены, на которые могъ бы являться всякій кто хочетъ, и доказать, что онъ достигъ той степени познаній и развитія, которая признана достаточною, и поэтому имѣетъ право на нѣсколько голосовъ. Преимущество, доступное для всѣхъ, кто можетъ доказать, что осуществилъ условія, на которыхъ въ теоріи и на практикѣ оно основывается, не оскорбило бы ничьего чувства справедливости; напротивъ оно оскорбило бы его, еслибъ въ то время, какъ его даютъ на основаніи общихъ предположеній, не всегда непогрѣшимыхъ, въ немъ отказывали при прямомъ доказательствѣ.

Хотя право множественности голосовъ, существуетъ на дѣлѣ и прилагается какъ на приходскихъ выборахъ, такъ и при избраніи попечителей, на основаніи *закона о бѣдныхъ*, но это такая необыкновенная вещь при парламентскихъ выборахъ, что нѣтъ надежды, чтобы оно было принято скоро и охотно; но такъ какъ, безъ сомнѣнія, скоро придетъ время, когда не будетъ другаго исхода, кромѣ выбора между этимъ способомъ и общею, равноправною подачею голосовъ, то тѣмъ, которые не желаютъ общей подачи голосовъ, необходимо поспѣшить примириться съ этимъ способомъ. Между тѣмъ, хотя въ настоящее время такое изслѣдованіе и не можетъ имѣть большой практической пользы, но оно покажетъ лучшую сторону принципа, и дастъ возможность судить о важности всѣхъ

косвенныхъ способовъ (уже существующихъ или могущихъ быть принятыми), посредствомъ которыхъ, хотя и не въ такой совершенной степени, можно достигнуть той же цѣли.

Одно лицо сверхъ подачи двухъ голосовъ на однихъ и тѣхъ же сходкахъ (Hustings) можетъ имѣть два голоса еще и другимъ способомъ; оно можетъ имѣть два голоса въ двухъ разныхъ избирательныхъ собраніяхъ, и хотя это исключительное преимущество принадлежитъ въ настоящее время скорѣе превосходству богатства, чѣмъ превосходству ума, все же я быне хотѣлъ его уничтожать тамъ, гдѣ оно существуетъ; по тому что до тѣхъ поръ пока не примутъ лучшаго мѣрила для образованности, безразсудно бросать то, которое принято на основаніи денежныхъ условій, какъ бы оно ни было несовершенно. Можно бы найти средство распространить это право такъ, чтобы его связать тѣснѣе съ высшимъ образованіемъ. Для всякаго билля о реформѣ, уменьшающаго чувствительнымъ образомъ значеніе денежныхъ условій въ дѣлѣ выборовъ, было бы очень благоразумно предоставлять всѣмъ получившимъ ученыя степени въ университетахъ, всѣмъ посѣщавшимъ съ успѣхомъ высшія учебныя заведенія, всѣмъ занимающимся свободными искусствами и можетъ быть еще нѣкорымъ другимъ, записываться избирателями спеціально на этомъ основаніи, съ правомъ подавать голосъ въ той избирательной единицѣ, въ которой они пожелаютъ записаться, безъ ущерба ихъ праву подавать голосъ, въ смыслѣ обыкновеннаго гражданина, въ той мѣстности, гдѣ они живутъ.

Пока не найдутъ такого порядка выборовъ, который бы обезпечилъ за образованностью ту степень вліянія, которая

достаточна для уравновѣшенія числительной силы класса наименѣе образованнаго, и пока общественное мнѣніе не будетъ расположено принять такой порядокъ, до тѣхъ поръ благодѣянія всеобщаго голосованія всегда будутъ сопровождаться (какъ мнѣ кажется), зломъ болѣе чѣмъ равносильнымъ. Правда, возможно (и это можетъ быть одно изъ переходныхъ состояній, чрезъ которыя мы должны пройти въ нашемъ стремленіи къ дѣйствительно хорошей представительной системѣ) совершенно уничтожить препятствія, которыя стѣсняютъ голосованіе въ нѣкоторыхъ избирательныхъ собраніяхъ, и тѣмъ дать возможность рабочему классу выставлять преимущественно своихъ представителей. Въ другихъ мѣстахъ избирательное право осталось бы въ томъ видѣ какъ и теперь; въ случаѣ же необходимости перемѣнъ можно бы было расположить избирательныя собранія такимъ образомъ, чтобы не дозволить рабочему классу взять перевѣсъ въ парламентѣ. Такимъ соглашеніемъ существующія уже неправильности представительства не только сохранились бы въ цѣлости, но даже увеличились бы. Однако такое возраженіе недостаточно; потому что если страна не хочетъ стремиться къ истинной цѣли правильною, прямо къ ней ведущею системой, то должна довольствоваться, за неимѣніемъ лучшаго, неправильнымъ положеніемъ, потому что оно далеко предпочтительнѣе системы неимѣющей никакихъ неправильностей, но ведущей прямо къ дурному исходу или упускающей самыя необходимыя вещи. Гораздо важнѣе то возраженіе, что это устройство несовмѣстно съ взаимнымъ сочетаніемъ различныхъ избирательныхъ собраній, необходимымъ по плану г. Гэра; что при этомъ всякій избиратель остался бы заключеннымъ въ одномъ или нѣсколькихъ избирательныхъ общест-

вахъ, гдѣ его имя было бы записано; и, еслибъ онъ не пожелалъ имѣть представителемъ одного изъ мѣстныхъ кандидатовъ, то остался бы вовсе безъ представителя. Я приписываю столько важности эманципаціи тѣхъ, которые уже имѣютъ голоса, но которымъ эти голоса безполезны, потомучто они имѣютъ противъ себя большинство; я ожидаю столь много отъ естественнаго вліянія правды и разума, если бы можно было имъ найти доступъ къ слушателямъ и состоятельныхъ адвокатовъ, — что не отчаявался бы въ благотворномъ дѣйствіи и всенароднаго равноправнаго голосованія, еслибъ оно было сдѣлано дѣйствительнымъ чрезъ пропорціональное представительство каждаго меньшинства по принципу г. Гэра. Но если бы самыя блистательныя надежды, которыя могутъ родиться въ этомъ случаѣ были совершенно вѣрны, то я всебы стоялъ за принципъ множественности голосовъ. Я предлагаю множественность голосовъ, не какъ вещь, которая сама по себѣ не желательна, подобно лишенію права голосованія части общества, лишенію, которое можетъ быть только временно терпимо, для избѣжанія большихъ золъ. Я не считаю равноправность въ выборахъ за такую вещь, которая хороша сама по себѣ, если бы только можно было предохранить общество отъ ея неудобствъ. Напротивъ я смотрю на равноправность какъ на вещь, которая хороша только относительно, которая менѣе подлежитъ возраженію, чѣмъ неравенство правъ, основанное на случайныхъ или несостоятельныхъ причинахъ, — но по моему мнѣнію, это вещь ложная въ своихъ основаніяхъ, потому что она признаетъ ложный типъ и производитъ дурное вліяніе на умы избирателей.

Не полезно, а вредно, если конституція страны объявитъ невѣжество и знаніе равными въ правѣ управлять стра-

ною. Народныя учрежденія все, чего касаются, должны представлять гражданину въ такомъ свѣтѣ, чтобы онъ извлекалъ пользу для себя, изъ самаго взгляда на нихъ и, такъ какъ ему полезно думать, что онъ имѣетъ право на нѣкоторое вліяніе, но что лучшіе и болѣе умные имѣютъ право на большее вліяніе, чѣмъ другіе, то весьма важно, чтобы и государство имѣло бы это же убѣжденіе, и чтобы оно выражалось въ народныхъ учрежденіяхъ. Это то и составляетъ душу учрежденій страны, ту часть ихъ вліянія, на которую менѣе всего обращаютъ вниманія мыслители вообще, а англійскіе въ особенности, хотя учрежденія всякой страны, въ которой нѣтъ большаго прямаго гнета, производятъ болѣе вліянія духомъ своимъ, чѣмъ какимъ либо другимъ непосредственнымъ своимъ дѣйствіемъ, потому что именно ихъ духъ и образовываетъ характеръ народа. Американскія учрежденія глубоко укоренили въ умѣ американцевъ идею, что всякій человѣкъ (у кого бѣлая кожа) стоитъ столько же, сколько и другой, и замѣчено, что эта ложная вѣра тѣсно связана съ нѣкоторыми наиболѣе невыгодными чертами американскаго характера. Если такое вѣрованіе освящается конституціей страны, то оно становится большимъ зломъ; такая вѣра, исповѣдуется ли она гласно или про себя, почти столь же вредна для достоинства нравственнаго и умственнаго, какъ и гибельныя дѣйствія, которыя могутъ быть произведены большею частью другихъ формъ правленія.

Можетъ быть скажутъ, что конституція, которая каждому человѣку, наиболѣе и наименѣе образованному, даетъ одинаковое вліяніе, всетаки ведетъ къ прогрессу, потому что обращенія, дѣлаемыя постоянно къ классамъ менѣе образованнымъ, работа которая дается ихъ умственнымъ

способностямъ, и усилія, которыя болѣе образованные классы принуждены дѣлать, чтобы прояснить понятія прочихъ классовъ и разсѣять ихъ заблужденія и предразсудки, составляютъ сильныя побуждающія средства для развитія ихъ ума. Я уже горячо отстаивалъ мнѣніе, что это весьма желательное послѣдствіе дѣйствительно бываетъ при допущеніи менѣе образованныхъ классовъ къ общественнымъ занятіямъ, даже въ большихъ размѣрахъ. Но теорія и практика одинаково доказываютъ, что если эти классы овладѣваютъ всею властью, то дѣло идетъ на оборотъ. Тогда тѣ, которые имѣютъ высшую власть во всемъ, немногіе ли это, или многіе, неимѣютъ болѣе надобности въ силѣ доказательствъ разума; они могутъ дѣйствовать произвольно, а люди, которымъ нельзя противиться, обыкновенно такъ довольны собственнымъ образомъ мыслей, что вовсе не расположены его перемѣнять, или терпѣливо выслушивать кого бы то нибыло, кто доказываетъ что они не правы. Положеніе, которое даетъ самое сильное возбужденіе для развитія разума, это стремленіе къ достиженію власти, а не самая власть, и изъ всѣхъ затруднительныхъ положеній, то именно наиболѣе развиваетъ наши лучшія и возвышеннѣйшія качества, въ которомъ мы на столько сильны, чтобы держать верхъ посредствомъ нашихъ разумныхъ доказательствъ, и не настолько, чтобы могли держать верхъ надъ разумными доказательствами. Въ это положеніе, по началамъ нами изложеннымъ, должны быть, на сколько это возможно на дѣлѣ, поставлены богатые и бѣдные, образованные и неученые и всѣ прочіе классы, на которые дѣлится общество; соединяя это начало съ другимъ, справедливымъ въ другомъ смыслѣ, которое отдаетъ преимущество вліянію превосходства

умственныхъ качествъ, конституція могла бы осуществить тотъ родъ относительнаго совершенства, которое одно возможно при сложности дѣлъ человѣческихъ.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи въ пользу общаго, но неравномѣрнаго права голосованія, я вовсе не принималъ въ расчетъ различія половъ. Въ отношеніи политическихъ правъ я считаю это обстоятельство совершенно въ той же мѣрѣ ничтожнымъ, какъ и различіе въ ростѣ или цвѣтѣ волосъ у членовъ общества. Всякое человѣческое существо имѣетъ одинаковый интересъ имѣть хорошее управленіе. Это касается благосостоянія всѣхъ ихъ и всѣ одинаково нуждаются въ правѣ имѣть голосъ, чтобы обезпечить за собой свою долю его благъ. Если и есть какая разница, то женщины въ этомъ правѣ нуждаются болѣе мущинъ, потому что будучи слабѣе физически, онѣ болѣе нуждаются въ покровительствѣ закона и общества. Человѣчество давно покинуло тѣ единственно начала, на которыхъ основывалось заключеніе, что женщины не должны имѣть права голоса. Никто теперь не говоритъ, что женщины должны быть порабощены, что онѣ не должны имѣть ни другой мысли, ни другаго желанія, ни другаго занятія, какъ только быть домашними рабами своихъ мужей, отцевъ и братьевъ. Позволяютъ женщинамъ не замужнимъ и немного не достаетъ, чтобы позволить и замужнимъ имѣть собственное состояніе, имѣть денежныя дѣла, подобно мужчинамъ; находятъ сообразнымъ, чтобы женщины размышляли, писали и преподавали. Какъ скоро это все дозволено, политическая неспособность женщинъ лишается всякаго основанія.

Общественное мнѣніе настоящаго времени высказывается ежедневно съ возрастающею силою противъ права обще-

ства рѣшать, на что способно или не способно каждое отдѣльное лицо, и что ему позволить или непозволить. Если существующія начала политическія и политико-экономическія на что нибудь годны, такъ это только на то, чтобы доказать, что единственно отдѣльныя лица могуть дѣльно судить объ этихъ предметахъ, и что при полной свободѣ выбора, вездѣ гдѣ есть дѣйствительное разнообразіе способностей, большинство людей обратится къ тѣмъ занятіямъ, къ которымъ каждый изъ нихъ наиболѣе способенъ, между тѣмъ какъ одни только исключенія будутъ дѣйствовать иначе. Или направленіе соціальнаго прогресса новѣйшаго времени ложно, или же онъ долженъ довести общество до полнаго уничтоженія всякихъ исключеній и политическихъ неспособностей, которыя заграждаютъ человѣку путь къ какому либо честному занятію.

Но не стоитъ даже и доказывать далѣе, что женщины должны имѣть и право голоса. Если бы это и было въ такой же мѣрѣ справедливо, какъ оно на дѣлѣ несправедливо, что женщины составляютъ классъ зависимый, дѣятельность котораго ограничивается домашнимъ хозяйствомъ и который подчиненъ домашней власти, то все таки онѣ нуждались бы въ покровительствѣ права голоса, чтобы быть огражденными отъ злоупотребленій этой власти. Мужчины точно такъже какъ и женщины нуждаются въ политическихъ правахъ не для того чтобы управлять, но чтобы другіе немогли дурно управлять ими. Большинство мужескаго пола состоитъ и будетъ состоять, въ продолженіе всей своей жизни, изъ полевыхъ и фабричныхъ работниковъ; но это ни сколько не уменьшаетъ значенія права голоса для этого большинства; не дѣлаетъ его права

на голосъ менѣе неотъемлемымъ, если только это большинство не стремится употребить его во зло. Никто недумаетъ, что женщины будутъ злоупотреблять правомъ голоса. Самое худшее что говорятъ—это, что онѣ будутъ подавать голосъ какъ существа не самостоятельныя, по приказанію ихъ родственниковъ мужескаго пола. Если это должно быть, то пускай такъ и будетъ. Если онѣ будутъ размышлять сами, то это будетъ великое добро, если же нѣтъ, то отъ этого не будетъ ни какого зла. Для человѣка будетъ уже великое благодѣяніе, если съ него снимутъ оковы, хотя бы онъ и не желалъ ходить. Въ нравственномъ положеніи женщины было бы значительнымъ шагомъ впередъ уже и то, что законъ не считалъ бы ее неспособной имѣть мнѣніе и незаслуживающей права на участіе въ важнѣйшихъ изъ дѣлъ человѣчества. Для нихъ лично было бы важно имѣть что нибудь такое, чего ихъ родственники мужескаго пола не могли бы требовать у нихъ силой, и тѣмъ не менѣе желали бы получить. Не маловажно было бы также, что мужъ былъ бы принужденъ разсуждать о какомъ нибудь вопросѣ со своей женой, и что право голоса не принадлежало бы исключительно ему, а было бы общимъ достояніемъ. Люди не думаютъ достаточно о томъ, на сколько фактъ, что женщина имѣетъ на внѣшній міръ извѣстное вліяніе, независимое отъ мущинъ, возвышаетъ въ глазахъ простаго человѣка достоинство и значеніе женщины и внушаетъ ему уваженіе, которое онъ безъ этого никогда не питалъ бы къ личнымъ качествамъ существа, котораго общественное существованіе онъ можетъ себѣ совершенно присвоить.

Кромѣ того улучшилось бы качество самыхъ голосовъ. Мущина при подачѣ голоса былъ бы часто принужденъ

искать честныхъ причинъ, которыя могли бы привлечь подъ его знамя существо болѣе прямаго и безпристрастнаго характера. Часто благодаря вліянію женщины, онъ остался бы вѣренъ своему настоящему искреннему убѣжденію. Часто конечно это вліяніе женщины было бы употреблено и не для общественнаго блага, а въ пользу личныхъ интересовъ или свѣтскаго тщеславія семьи. Но зло такаго рода приносимое вліяніемъ женщины уже и теперь дѣйствуетъ во всей своей полнотѣ, и еще тѣмъ вѣрнѣе, что онѣ въ слѣдствіе настоящихъ законовъ и обычаевъ слишкомъ чужды политики, въ которой дѣло идетъ о какомъ либо принципѣ, чтобы видѣть въ ней дѣло чести: мы по большей части столь же мало сочувствуемъ дѣлу чести другихъ, если это дѣло не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наше, сколько вообще религіознымъ убѣжденіямъ тѣхъ, которые не исповѣдуютъ нашей религіи.

Дайте право голоса женщинѣ и она пойметъ это. Она научится смотрѣть на политику, какъ на вещь, о которой ей позволено имѣть мнѣніе и въ отношеніи которой всякій у кого есть убѣжденіе, долженъ ему и слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ; она пріобрѣтетъ чувство личной отвѣтственности въ извѣстномъ случаи, не будетъ думать, какъ теперь, что какъ бы ни было велико зло, произшедшее вслѣдствіе ея вліянія ей бытолько уговорить мущину, а дальше все будетъ хорошо, и его отвѣтственность все покроетъ. Только тогда перестанетъ она дѣйствовать какъ возмущающая сила на политическую совѣсть мущины, когда ее возбудятъ къ составленію собственнаго мнѣнія и когда она пойметъ тѣ основанія, которыя должны помочь ей устоять противъ искушеній личнаго и семейнаго интереса. Ея косвенная дѣятельность только тогда перестанетъ приносить политическій вредъ, когда обратится въ прямую. Я предположилъ, что право

голосованія основывается, какъ и слѣдовало бы по природѣ вещей, на личномъ достоинствѣ человѣка. Тамъ гдѣ оно основано на условіяхъ собственности, какъ въ Англіи и въ большей части другихъ странъ несообразность еще рѣзче. Мнѣ представляется болѣе чѣмъ нераціональнымъ то обстоятельство, что принципъ и система представительства, основанные на условіяхъ собственности, откладываются въ сторону относительно женщины, хотя бы она представляла въ себѣ всѣ условія, требуемыя отъ избирателя мущины, т. е. если имѣла независимое положеніе, владѣла домомъ, была главою семейства, платила подати и выполняла всѣ обязательства, налагаемыя правомъ голоса; для нея создается исключеніе съ единственною цѣлью лишить ее политическихъ правъ. Если къ этому прибавить, что страна, въ которой такъ поступаютъ, управляется женщиной, и славнѣйшій правитель, котораго когда либо имѣла эта страна, была женщина, то мы будемъ имѣть полную картину несообразностей и едва прикрытой лжи. Будемъ надѣяться, что нынѣ, когда разрушаются послѣдніе остатки шаткаго зданія монополіи и тиранніи, и это быстро исчезнетъ; будемъ надѣяться, что мнѣніе Бентама, Самуила Бэли, Гэра и многихъ другихъ знаменитыхъ политическихъ мыслителей нашего вѣка и нашей страны (не говоря уже о другихъ), произведетъ свое дѣйствіе на всѣ умы, не очерствѣвшіе отъ эгоизма или закоренѣлыхъ предразсудковъ; будемъ надѣяться, что прежде чѣмъ кончится слѣдующее поколѣніе, различіе пола, такъже какъ и различіе цвѣта кожи, не будетъ считаться достаточнымъ оправданіемъ для того, чтобы лишить человѣка одинаковаго покровительства закона и истинныхъ правъ гражданина.

ГЛАВА IX.

Должно ли быть двойное избирательство?

Въ нѣкоторыхъ представительныхъ правленіяхъ принятъ двойной порядокъ избранія членовъ представительнаго Собранія, именно: посредствомъ назначенія первыми избирателями вторыхъ избирателей, которые уже избираютъ членовъ парламента. Этимъ сложнымъ устройствомъ вѣроятно хотѣли поставить преграду разгулу народныхъ страстей; предоставляя право голоса и верховную власть массѣ, въ тоже время хотѣли заставить ее пользоваться ими посредствомъ сравнительно небольшаго числа лицъ, предполагая конечно что они будутъ менѣе увлекаться народными страстями чѣмъ самый демосъ. Такъ какъ можно ожидать, что вторые избиратели, составляющіе уже отборное общество будутъ, по способностямъ и характеру, стоять выше обыкновеннаго уровня первоначальныхъ избирателей, то и полагали, что ихъ выборъ будетъ болѣе разуменъ и остороженъ, и во всякомъ случаѣ совершенъ съ большимъ сознаніемъ отвѣтственности, чѣмъ выборъ массы.

Такой способъ *фильтрованія* народныхъ голосовъ при помощи посредствующаго собранія имѣетъ въ свою пользу сильные доводы. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому весьма справедливо, что для того, чтобы судить кто изъ нашихъ сосѣдей способнѣе выбрать члена парламента, не требуется столько образованія и способностей, сколько надо для того, чтобы судить, который способнѣе быть этимъ членомъ. Но если, съ одной стороны, и уменьшаются опасности, соединенныя съ народною властью, вслѣдствіе такого посредствующаго учрежденія, то съ другой стороны уменьшаются и ея блага; и послѣднее слѣдствіе такого учрежденія гораздо вѣроятнѣе чѣмъ первое.

Для того чтобы такая система дѣйствовала соотвѣтственно желаніямъ, надо чтобы она исполнялась въ томъ духѣ, въ какомъ была задумана; чтобы каждый избиратель пользовался правомъ голоса такъ, какъ того требуетъ теорія, т. е. чтобы онъ задавалъ себѣ только вопросъ о томъ, кому онъ охотнѣе можетъ предоставить за себя выборъ члена парламента, а не о томъ, кого избрать въ эти члены. Очевидно, что предполагаемыя преимущества посредственнаго избирательства предъ непосредственнымъ требуютъ подобнаго образа мыслей отъ голосователя и осуществятся только тогда, когда онъ серьозно начнетъ думать, что его единственная обязанность состоитъ въ выборѣ не члена парламента, а тѣхъ лицъ, которыя должны выбрать этого члена. Надо слѣдовательно предполагать, что избиратель не будетъ заботиться о политическихъ мнѣніяхъ, мѣрахъ и людяхъ, но будетъ руководствоваться только своимъ личнымъ уваженіемъ къ частному лицу, которому онъ даетъ полное право дѣйствовать за себя. Если первый избиратель будетъ такимъ образомъ понимать свои обязанности,

то одна изъ главныхъ выгодъ отъ предоставленія ему права голоса будетъ совершенно потеряна: политическая дѣятельность его не въ состояніи будетъ ни развить въ немъ общественнаго духа и политическихъ понятій, ни сдѣлать общественныя дѣла предметомъ его ближайшаго интереса, ни доставить работу его способностямъ. Въ этомъ предположеніи заключаются два условія, исключающія другъ друга: если избиратель не заботится нисколько объ окончательномъ результатѣ, то какъ ожидать, что онъ будетъ заботиться о способѣ, ведущемъ къ этому результату? Желаніе имѣть своимъ представителемъ въ парламентѣ извѣстное лицо возможно въ человѣкѣ самыхъ обыкновенныхъ способностей и достоинствъ, и потому желаніе его выбрать такого избирателя, который бы подалъ голосъ въ пользу этого лица, будетъ совершенно естественнымъ слѣдствіемъ перваго. Но заботиться о томъ, чтобы просто избрать лице, которое бъ было способнѣе другихъ избрать другого по собственному своему уразумѣнію, и не быть при этомъ заинтересованнымъ въ самомъ избраніи члена парламента, или по неволѣ отложить въ сторону эту заботу,—для этого необходима преданность тому, что хорошо въ отвлеченной теоріи, т. е. исполненію долга изъ любви къ долгу, — а это можетъ встрѣтиться только между людьми высоко развитыми, которые уже этимъ самымъ доказываютъ свою способность и право пользоваться политическою властью въ болѣе прямой формѣ. Изъ всѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя могутъ быть поручены бѣднѣйшимъ членамъ общества, эта всего менѣе можетъ воспламенить ихъ общественныя чувства; и она незаключаетъ въ себѣ другихъ причинъ къ ея выполненію кромѣ твердой рѣшимости въ гражданахъ честно исполнять свой

долгъ; и если бъ большинство избирателей на столько интересовалось общественными дѣлами, что стало бы придавать значеніе даже такой незначительной долѣ участія въ нихъ, то по всей вѣроятности оно не удовлетворилось бы такою малою долей.

Во вторыхъ, предположивъ даже что лицо, которое по своей неразвитости не можетъ судить о качествахъ, требуемыхъ отъ члена парламента, можетъ вѣрно судить о честности и общей способности того, кого оно выберетъ за себя для избранія этого члена, все таки должно замѣтить, что если голосователь и согласится на подобную оцѣнку своихъ способностей и дѣйствительно захочетъ поручить другому лицу, на которое онъ надѣется, выбрать за себя члена, то для этого не требуется вовсе какого либо особаго конституціоннаго учрежденія. Избиратель можетъ частнымъ образомъ спросить у этого довѣреннаго лица, кого ему лучше выбирать. Въ этомъ случаѣ оба вида избирательства сходятся въ своихъ результатахъ, и при непосредственномъ избирательствѣ получаются всѣ преимущества посредственнаго. Эти системы разнятся въ своихъ дѣйствіяхъ только тогда, когда мы предположимъ, что голосователь, при выборѣ представителя, предпочитаетъ руководствоваться своимъ собственнымъ сужденіемъ, и что онъ предоставляетъ другому выбирать за себя только по той причинѣ, что законъ не даетъ ему дѣйствовать болѣе прямымъ путемъ. Но если онъ такъ думаетъ, если его желанія неудовлетворяются тѣми границами, которыя положены закономъ, и если онъ захочетъ участвовать въ прямомъ выборѣ, то онъ можетъ это сдѣлать помимо закона. Ему, для этого, стоитъ только выбрать въ избиратели лицо, извѣстное своею преданностью къ кандидату, котораго онъ предпочитаетъ, или

лицо, которое само согласится подать голосъ въ пользу этого кандидата. Это слѣдствіе столь неизбѣжно при двойномъ избирательствѣ, что развѣ только въ странѣ, гдѣ существуетъ совершенное равнодушіе къ политикѣ, это учрежденіе можетъ дѣйствовать иначе. Это мы видимъ на дѣлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ при выборѣ президента. Номинально, избирательство посредственное; масса народа не выбираетъ президента; она назначаетъ только избирателей, которые выбираютъ президента. Но избиратели всегда выбираются съ условіемъ подать голосъ въ пользу названнаго кандидата, и ни одинъ гражданинъ не подастъ голоса въ пользу какого нибудь избирателя изъ личнаго предпочтенія къ нему: онъ подастъ голосъ въ пользу избирательнаго листка Брикенриджа или Линкольна. Надо помнить, что избиратели выбираются не для того, чтобы странствовать по странѣ и отыскивать человѣка, наиболѣе достойнаго быть президентомъ или членомъ парламента. Если бъ это было дѣйствительно такъ, то еще можно бъ было сказать что нибудь въ пользу этого обыкновенія; но этого нѣтъ, и до тѣхъ поръ не будетъ, пока, подобно Платону, человѣчество не убѣдится, что обладать властью достойнѣе всѣхъ тотъ, кто менѣе всѣхъ этого желаетъ. Избиратели должны выбрать одного изъ представившихся кандидатовъ, и тѣ, которые выбираютъ избирателей, знаютъ уже кто эти кандидаты. Если въ странѣ существуетъ какая нибудь политическая дѣятельность, то всѣ избиратели, которые хотя немного интересуются голосованіемъ, рѣшаютъ, котораго изъ кандидатовъ они желаютъ видѣть избраннымъ, и затѣмъ, при подачѣ голосовъ, руководствуются только этимъ соображеніемъ. Приверженцы каждаго кандидата имѣютъ уже готовый списокъ избира-

телей, которые согласны подать голосъ въ пользу этого лица, и за тѣмъ въ дѣйствительности первичному избирателю остается только разрѣшить вопросъ, который изъ этихъ списковъ онъ будетъ поддерживать.

Двойное избирательство хорошо только въ томъ случаѣ, когда избиратели выбираются не исключительно только для избранія, но и для исполненія другихъ важныхъ обязанностей, и такимъ образомъ перестаютъ быть простыми повѣренными для подачи голоса. Другое американское учрежденіе — Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, представляетъ примѣръ подобнаго соединенія обязанностей. Это собраніе, такъ сказать высшая Палата Конгресса, представляетъ не прямо народъ, но собственно Штаты,—и обязано быть хранителемъ той части ихъ верховныхъ правъ, которой они не передали конгрессу. Такъ какъ внутренняя верховная власть каждаго штата, по свойству равноправной федераціи, одинаково священна, какой бы величины и важности ни былъ штатъ, то каждый штатъ посылаетъ въ сенатъ одинаковое число членовъ (двухъ), какъ маленькій Делаверъ, такъ и «Державный штатъ» Нью-Іоркъ. Эти члены выбираются не народомъ, но законодательнымъ Собраніемъ Штатовъ, которое въ свою очередь избирается народомъ каждаго штата. Но такъ какъ обыкновенная обязанность законодательнаго собранія, — внутреннее законодательство и надзоръ за исполнительною властью, падаютъ на эти собранія, то они и избираются скорѣе для этихъ двухъ послѣднихъ цѣлей, чѣмъ для первой; избирая двухъ лицъ для представленія Штата въ Федеральномъ Сенатѣ, они по большей части слѣдуютъ собственному сужденію, принимая однако въ соображеніе общественное мнѣніе, насколько это необходимо во всякомъ демократиче-

скомъ правленіи. Это устройство выборовъ, оказалось въ высшей степени удачнымъ: они очевидно лучше всѣхъ другихъ выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ при этомъ сенатъ постоянно составленъ исключительно изъ людей болѣе всѣхъ другихъ отличившихся на общественномъ поприщѣ. Послѣ такого примѣра нельзя сказать, чтобы посредственное народное избирательство не было никогда полезно. При извѣстныхъ условіяхъ лучше этой системы ничего нельзя придумать. Но эти условія могутъ встрѣтиться развѣ только въ федеральномъ правленіи, каково правленіе Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ выборы могутъ быть поручены мѣстнымъ собраніямъ, прочія обязанности которыхъ касаются важнѣйшихъ дѣлъ народа. Въ Англіи единственныя учрежденія, поставленныя, или могущія быть поставленными въ такое положеніе, это муниципальныя учрежденія или другія учрежденія, созданныя или могущія быть созданными для подобныхъ мѣстныхъ же цѣлей. Однако весьма не многіе стали бы считать улучшеніемъ парламентскаго представительства, если бы члены парламента отъ лондонскаго Сити были избираемы Совѣтомъ альдерменовъ и муниципальнымъ совѣтомъ, а члены предмѣстья Мерилибонъ—открыто назначались Собраніями церковниковъ соединенныхъ приходовъ, какъ это уже дѣйствительно дѣлается теперь. Если бы даже эти собранія (если смотрѣть на нихъ просто какъ на мѣстныя учрежденія), и представляли меньше поводовъ къ возраженіямъ, чѣмъ они въ дѣйствительности представляютъ, то все же свойства, которыя дѣлаютъ ихъ способными для исполненія частныхъ и ограниченныхъ обязанностей муниципальнаго и приходскаго управленія, нисколько не гарантируютъ въ нихъ той особенной способности, которая необходима чтобъ судить объ относительныхъ досто-

инствахъ кандидатовъ для парламента. Они вѣроятно выполнили бы эту обязанность нисколько не лучше того, какъ ее выполнили бы сами жители посредствомъ прямаго избранія. Съ другой стороны, если бы при избраніи членовъ приходскихъ или городскихъ собраній слѣдовало принимать въ соображеніе и способность избирать членовъ парламента, то многіе изъ самыхъ способныхъ къ исполненію первой, болѣе ограниченной, обязанности, были бы исключены, развѣ только, если необходимость заставитъ избрать такихъ людей, которыхъ мнѣнія, въ отношеніи общей политики, согласовались бы съ мнѣніями вотирующихъ. Даже косвенное политическое вліяніе городскихъ совѣтовъ, сдѣлавъ изъ муниципальныхъ выборовъ дѣло партіи, уже значительно удалило ихъ отъ первоначально предположенной цѣли. Если бы къ числу обязанностей прикащика или дворецкаго былъ отнесенъ выборъ врача для ихъ хозяина, то врачь этотъ нисколько не былъ бы лучше того, котораго бы выбралъ самъ хозяинъ; но хозяинъ былъ бы стѣсненъ въ выборѣ прикащика или дворецкаго, тѣмъ что долженъ бы былъ выискивать для этой должности такого человѣка, который, безъ большаго вреда для его здоровья, могъ бы исполнять еще и другія обязанности.

Изъ всего этого ясно, что и при непосредственномъ избирательствѣ можно пользоваться всѣми выгодами избирательства посредственнаго; что же касается до тѣхъ выгодъ, которыхъ нельзя получить при прямомъ способѣ избирательства, то они точно также остаются недостижимыми и при посредственномъ способѣ, который сверхъ того сопровождается еще невыгодами, ему одному только свойственными. Простой фактъ, что это есть ничто иное какъ прибавочное

и лишнее колесо въ механизмѣ, составляетъ уже немаловажное неудобство. Мы уже говорили о его рѣшительной несостоятельности, какъ средства для развитія общественнаго духа и политическихъ способностей; и если бы оно дѣйствительно приводилось въ исполненіе, т. е. если бы первые избиратели совершенно предоставляли своимъ уполномоченнымъ выборъ своихъ представителей въ парламентѣ, то это воспрепятствовало бы имъ видѣть въ этомъ членѣ парламента своего человѣка и уменьшило бы въ послѣднемъ чувство отвѣтственности предъ лицами его уполномочившими. Кромѣ того, относительно небольшое число людей, отъ которыхъ въ концѣ будетъ зависѣть избраніе члена парламента, значительно облегчило бы доступъ интригѣ и всѣмъ видамъ подкупа, совмѣстнымъ съ общественнымъ положеніемъ избирателей. Избирательныя собранія, относительно удобствъ для дѣйствія подкупа, приняли бы видъ нынѣшнихъ маленькихъ мѣстечекъ. Чтобъ обезпечить себѣ выборъ, достаточно было бы пріобрѣсти расположеніе нѣсколькихъ лицъ. Если скажутъ, что избиратели подлежатъ отвѣтственности предъ тѣми, которые ихъ выбрали, то на это можно отвѣтить, что, такъ какъ они не занимаютъ никакой постоянной должности и никакого служебнаго мѣста, то подавая голосъ пристрастно, они рискуютъ только тѣмъ, что не будутъ выбраны въ другой разъ въ избиратели, о чемъ они мало заботятся. Главнымъ средствомъ противъ этого зла все таки останутся одни карательныя мѣры противъ подкупа, недѣйствительность которыхъ во всѣхъ маленькихъ избирательныхъ округахъ извѣстна всему свѣту. Зло было бы пропорціонально свободѣ, предоставленной выбраннымъ избирателямъ. Единственный случай, когда бы они побоялись воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ

голоса для собственныхъ личныхъ интересовъ это, если бы они избирались какъ простые повѣренные съ опредѣленнымъ обязательствомъ внести только голосъ своихъ довѣрителей. Какъ скоро двойное избирательство будетъ оказывать какое нибудь дѣйствіе, то это дѣйствіе будетъ непремѣнно дурное. И мы увидимъ, что это одинаково относится къ началу посредственнаго избирательства, въ какихъ бы видахъ оно ни прилагалось, исключая только обстоятельствъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ избираются сенаторы въ соединенныхъ штатахъ.

Нѣтъ необходимости говорить что либо болѣе противъ этой системы, которая, на сколько это касается Англіи, даже не имѣетъ никакого основанія въ народныхъ преданіяхъ; можетъ быть надо извиниться и въ томъ, что такъ много было сказано противъ политической мѣры, которая во всей странѣ не имѣетъ вѣроятно ни одного приверженца. Но понятіе, съ перваго взгляда столь основательное и имѣющее въ свою пользу исторію, могло бы пожалуй снова всплыть на поверхность изъ общаго хаоса политическихъ мнѣній, и проявиться кое гдѣ, прельстивши при благопріятныхъ обстоятельствахъ нѣкоторые умы; уже по одному этому, имѣя даже въ виду только англійскаго читателя, было бы непозволительно умолчать объ немъ.

ГЛАВА X.

О способѣ подачи голосовъ.

При сужденіи о способѣ подачи голосовъ самый важный вопросъ состоитъ въ томъ: должна ли подача голосовъ быть открытою или тайною? Этимъ мы теперь и займемся.

Было бы совершенно излишне останавливаться на разныхъ сантиментальностяхъ о робости и щекотливости. Во многихъ случаяхъ тайна можетъ быть оправдана, иногда она необходима, и нельзя назвать робостью исканіе честной защиты отъ зла, отъ котораго можно прилично избавиться. Нельзя также отрицать возможность такого случая, когда тайная подача голосовъ должна быть предпочтена открытой. Но я вынужденъ спорить и доказывать, что въ дѣлахъ, имѣющихъ политическій характеръ, такіе случаи должны составлять исключеніе, а не общее правило.

Разсматриваемый вопросъ принадлежитъ къ одному изъ тѣхъ многихъ, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, духъ учрежденій и впечатлѣніе, которое онѣ производятъ на гражданъ, составляютъ самую важную часть ихъ дѣйствій. При тайной подачѣ голосовъ избиратель будетъ видѣть въ

голосѣ не обязанность предъ обществомъ, а право данное ему для него самаго, для его выгодъ, для удовлетворенія его личныхъ нуждъ. Но если смотрѣть на подачу избирателемъ голоса, какъ на обязанность, если признавать за обществомъ право требовать отъ избирателя подачи голоса, то почему же общество не должно знать какъ онъ имъ распоряжается? Очень возможно, что такое вредное впечатлѣніе будетъ сдѣлано на массы, потому что таково было впечатлѣніе, произведенное на умы многихъ замѣчательныхъ защитниковъ тайной баллотировки, являвшихся въ послѣдніе годы. Ученіе это вовсе не такъ понималось первыми его проповѣдниками; но дѣйствіе какого либо ученія всегда болѣе отражается не на тѣхъ, кто его предлагаетъ, но на тѣхъ кто на немъ воспитанъ. Брайтъ и его школа демократовъ считаютъ дѣломъ совѣсти утверждать, что избирательная привилегія есть право, а не обязанность. Одна эта идея, начинающая теперь пускать корень въ обществѣ, причиняетъ такое зло, что оно перевѣшиваетъ все доброе, какое можетъ заключаться въ тайной баллотировкѣ, при всѣхъ благопріятныхъ ей обстоятельствахъ. Какъ бы ни опредѣляли, какъ бы ни понимали идею права, ни одно лицо не можетъ имѣть права (если не понимать этого слова въ чисто легальномъ смыслѣ) властвовать надъ другими; когда же эта власть надъ другими предоставляется кому либо, то она нравственно дѣлается обязанностію въ наиполнѣйшемъ значеніи этого слова. Отправленіе же какой нибудь общественной должности, въ качествѣ избирателя или представителя, есть уже власть надъ другими. Тѣ, которые утверждаютъ, что подача голоса есть право, а не должность, едва ли хорошо сознаютъ тѣ послѣдствія, къ которымъ ведетъ ихъ ученіе. Если голосъ

есть право, если онъ дается голосователю для собственныхъ его выгодъ, то на какомъ же основаніи мы можемъ порицать избирателя, если онъ продаетъ это право, или, если онъ изъ своекорыстныхъ видовъ, употребляетъ его для того, чтобы предъ кѣмъ нибудь выслужиться? Нельзя требовать, чтобы кто либо имѣлъ въ виду исключительно интересы общества въ дѣлахъ касающихся употребленія своего дома, своей трехъпроцентной облигаціи, или всего того, на что онъ имѣетъ неотъемлемое право. Въ самомъ дѣлѣ, всякій долженъ имѣть право голоса, между прочимъ для того, чтобы имѣть возможность защитить себя; но конечно защитить себя отъ такихъ только дѣйствій, отъ которыхъ онъ въ свою очередь обязанъ ограждать своихъ согражданъ, на сколько это будетъ зависѣть отъ его голоса. Голосованіе есть актъ, въ которомъ лице, подающее голосъ, не можетъ руководиться личными желаніями, точно такъ же, какъ не можетъ руководиться ими присяжный въ своемъ приговорѣ. Это есть въ строгомъ смыслѣ обязанность, въ исполненіи которой голосователь долженъ добросовѣстно руководствоваться своимъ наилучшимъ мнѣніемъ о благѣ общественномъ. Всякій, кто иначе думаетъ о подачѣ голосовъ не достоинъ имѣть голоса; право голосованія произведетъ на него развращающее а не возвышающее дѣйствіе. Вмѣсто того чтобы открыть его сердцу доступъ къ возвышенному патріотизму и къ сознанію общественныхъ обязанностей, оно вызоветъ и воспитаетъ въ немъ расположеніе пользоваться общественными должностями для своекорыстныхъ цѣлей, для своего удовольствія или каприза; это будутъ, въ меньшемъ только масштабѣ, тѣже чувства и цѣли, которыми руководятся деспоты и притѣснители. Обыкновенный гражданинъ, занимающій какое нибудь общественное

положеніе или отправляющій какую либо должность, конечно будетъ глядѣть на свои обязанности, вытекающія изъ его положенія, совершенно такъ, какъ повидимому глядѣло на нихъ самое общество, доставившее ему то положеніе, То, что общество повидимому ожидаетъ отъ него, будетъ служить ему образцомъ, ниже котораго онъ можетъ быть станетъ, но выше котораго конечно неподнимется. Относительно же того, какимъ образомъ онъ истолкуетъ себѣ тайную подачу голоса, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что онъ не будетъ считать себя обязаннымъ, при подачѣ голоса, согласоваться съ мнѣніемъ тѣхъ, которымъ не позволено знать его голоса; онъ будетъ считать себя въ правѣ располагать имъ по своему благоусмотрѣнію.

Это рѣшительная причина, почему доводы, основанные на примѣненіи тайной подачи голосовъ въ клубахъ и частныхъ обществахъ, не состоятельны относительно парламентскихъ выборовъ. Членъ клуба находится дѣйствительно въ такомъ положеніи, какое ложно приписываетъ себѣ избиратель, т. е. въ положеніи необязывающемъ его сообразоваться съ желаніями и интересами кого бы то ни было. Подавая голосъ, онъ ни чего другаго не заявляетъ, какъ только свое личное желаніе сойтись болѣе или менѣе тѣснымъ образомъ съ даннымъ частнымъ лицомъ. По общепринятому мнѣнію, это дѣло его личнаго желанія или расположенія: и если онъ можетъ рѣшить это дѣло, не рискуя съ кѣмъ либо поссориться, то такое рѣшеніе будетъ наилучшее для каждаго, не исключая и выключаемаго лица. Другая добавочная причина, которая въ этомъ случаѣ дѣлаетъ тайную баллотировку возможною, заключается въ томъ, что она не ведетъ, естественно и неминуемо, ко лжи.

Къ тому же заинтересованныя въ баллотировкѣ лица, всѣ принадлежатъ къ одному сословію или классу, и потому каждому изъ нихъ было бы весьма неловко стѣснять другаго вопросами о томъ, въ чью пользу онъ подалъ голосъ въ томъ или другомъ случаѣ. Совсѣмъ другой характеръ представляетъ тайная баллотировка при парламентскихъ выборахъ, и этотъ характеръ будетъ сохраняться, по всей вѣроятности, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать тѣ соціальныя отношенія, которыя заставляютъ желать тайной подачи голосовъ; до тѣхъ поръ, пока одно лицо будетъ стоять на столько выше другаго, что будетъ считать себя въ правѣ навязать ему свое мнѣніе. До тѣхъ поръ, пока такой порядокъ вещей не измѣнится, можно быть увѣреннымъ, что молчаніе или уклончивые отвѣты, будутъ считаться доказательствомъ того, что голосъ не былъ поданъ въ томъ видѣ, какъ бы это было желательно.

При всѣхъ политическихъ выборахъ, даже при всеобщей подачѣ голосовъ (и еще болѣе при ограниченномъ правѣ голосованія), вотирующій долженъ считать своею безусловною нравственною обязанностію руководствоваться не личными интересами, а выгодами общества; онъ долженъ подавать свой голосъ по наилучшему своему разумѣнію точно такъ, какъ если бы онъ былъ одинъ только избиратель, и выборы только отъ него одного и зависѣли. Прямымъ слѣдствіемъ этого положенія, если мы его допустимъ, представляется то, что эта, какъ и всякая другая общественная обязанность должна быть отправляема открыто и подъ надзоромъ и контролемъ общества, каждый членъ котораго, не только заинтересованъ отправленіемъ этой обязанности, но имѣетъ право считать себя оскорбленнымъ въ случаѣ нечестнаго и не-

радиваго ея исполненія. Конечно это правило политической нравственности, подобно другимъ, не можетъ считаться безусловно ненарушимымъ; оно можетъ подчиниться болѣе сильнымъ причинамъ, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ такое значеніе, что отступленія отъ него могутъ быть допущены только въ случаяхъ, очевидно совершенно исключительныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія можетъ случиться, что голосователь котораго мы посредствомъ гласности, постараемся сдѣлать въ отношеніи подачи голоса отвѣтственнымъ предъ обществомъ, въ дѣйствительности будетъ отвѣтственнымъ предъ какимъ либо сильнымъ лицомъ, интересъ котораго болѣе расходится съ интересомъ общества, чѣмъ бы разошелся интересъ самаго голосователя, если бы онъ, сохраненіемъ тайны при подачѣ голоса, былъ избавленъ отъ всякой отвѣтственности. Когда такое положеніе значительной части вотирующихъ дойдетъ до замѣтной степени, то тайная баллотировка принесетъ меньше зла. Когда голосователи рабы, то можно терпѣть все, что даетъ имъ возможность освободиться отъ ярма. Сильнѣйшая причина для тайной баллотировки является тогда, когда незначительное меньшинство пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вредную власть надъ массой. Причина тайной подачи голосовъ была неопровержима во время упадка Римской республики. Тамъ олигархія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе богатѣла и дѣлалась деспотичнѣе, народъ же, напротивъ того, все бѣднѣлъ и становился зависимѣе; тамъ было необходимо ставить сильнѣйшія и сильнѣйшія преграды злоупотребленіямъ права голосованія, которое, будучи въ рукахъ значительныхъ и безнравственныхъ людей было однимъ орудіемъ бо-

лѣе для исполненія ихъ цѣлей. Нельзя также сомнѣваться, что тайная подача голосовъ, конечно на сколько она существовала, принесла много пользы афинской конституціи. Даже въ наиболѣе стойкихъ греческихъ республикахъ, свобода на нѣкоторое время могла быть разрушена посредствомъ нечестно пріобрѣтеннаго народнаго голоса; и хотя афинскій голосователь былъ на столько независимъ, что его нельзя было къ чему либо принудить, но онъ могъ быть подкупленъ или запуганъ гнусными оскорбленіями какого нибудь кружка, какіе не были необыкновеннымъ явленіемъ между знатною и богатою афинскою молодежью. Въ этомъ случаѣ тайная подача голосовъ была драгоцѣннымъ залогомъ порядка, и повела Афины къ тѣмъ хорошимъ учрежденіямъ, которыми отличалась эта республика отъ прочихъ.

Но въ болѣе развитыхъ, новыхъ европейскихъ государствахъ, и преимущественно въ Англіи, возможность принужденія голосователей уменьшилась и продолжаетъ уменьшаться; теперь дурнаго распоряженія голосомъ надо опасаться не столько вслѣдствіе причинъ, дѣлающихъ голосователя орудіемъ въ рукахъ другаго, сколько вслѣдствіе тѣхъ своекорыстныхъ чувствъ и побужденій, которыя присущи голосователю лично, или ему, какъ члену извѣстнаго класса. Предохранять голосователя отъ перваго зла и отнять всѣ преграды отъ втораго—значитъ мѣнять меньшее зло, и при томъ уменьшающееся, на большее и возрастающее. Въ брошюрѣ, написанной мною о парламентской реформѣ, я разбиралъ этотъ случай и весь вопросъ вообще, насколько онъ касался современной Англіи, и потому приведу оттуда подлинныя слова, такъ какъ не чувствую себя въ состояніи сказать что либо новое: «Тридцать лѣтъ

тому назадъ было еще справедливо, что при избраніи членовъ въ парламентъ, главное зло, противъ котораго надо было принимать мѣры, было такое, которое могло быть устранено тайною баллотировкою, — именно власть землевладѣльцевъ, хозяевъ и значительныхъ покупателей. Теперь же я полагаю что главный источникъ зла—эгоизмъ и эгоистическія стремленія избирателя. Теперь я убѣжденъ, что всякій недобросовѣстный голосъ является скорѣе вслѣдствіе личныхъ побужденій избирателя или интересовъ его сословія, нежели въ слѣдствіе посторонняго принужденія или страха. При тайной баллотировкѣ, голосователь, свободный отъ всякаго стыда и отвѣтственности, можетъ отдаться этимъ низкимъ наклонностямъ. Еще недавно правительственная власть была въ рукахъ богатыхъ и высшихъ классовъ-общества. Владычество ихъ было наибольшимъ зломъ страны. Привычка подавать голосъ по предложенію землевладѣльцевъ или хозяевъ такъ прочно вкоренилась въ обществѣ, что для того чтобы ее поколебать, нуженъ былъ такой взрывъ народнаго энтузіазма, который почти всегда вызывается только ради какого нибудь добраго дѣла. Поэтому каждый голосъ, поданный противъ этихъ вліяній былъ вообще голосомъ честнымъ и полнымъ гражданскаго чувства. Во всякомъ случаѣ, какая бы ни была побудительная причина этого голоса, онъ почти на вѣрное былъ хорошимъ голосомъ, потому что былъ направленъ противъ главнаго чудовища—господствующаго вліянія олигархіи. Если бы въ то время голосователь могъ свободно, съ безопасностью для себя, располагать своимъ правомъ—то хотя бы голосъ его и не выражалъ совершенно честнаго и просвѣщеннаго убѣжденія, все таки это былъ бы большой выйгрышъ: надо было сломить иго преобладающей власти, которая создала и поддерживаетъ все дурное въ учрежденіи-

яхъ и въ администраціи,—власти землевладѣльцевъ и богатыхъ горожанъ. Тайная подача голосовъ не была принята; но жизнь продолжала, и мало по малу продолжаетъ, въ этомъ отношеніи, дѣло тайной баллотировки. Политическое и соціальное состояніе страны въ этомъ вопросѣ значительно измѣнилось, и измѣняется съ каждымъ днемъ. Высшіе классы теперь не господствуютъ надъ страной. Надо быть слѣпымъ къ знаменіямъ времени, чтобы считать въ настоящее время средній классъ зависимымъ отъ высшаго, и работниковъ зависимыми отъ высшаго и средняго классовъ, какъ это было двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Событія послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ не только научили каждый классъ общества сознавать свою коллективную силу, но и поставили членовъ низшаго класса въ возможность смотрѣть болѣе независимымъ взглядомъ на высшихъ. Въ большей части случаевъ голосъ избирателей, согласный или несогласный съ желаніями высшихъ, не будетъ слѣдствіемъ принужденія, котораго высшіе не въ состояніи и дѣлать по недостаточности средствъ, но будетъ выраженіемъ ихъ личнаго или политическаго предпочтенія.

«Самые пороки, вызываемые настоящею избирательною системой, служатъ тому доказательствомъ. Увеличивающаяся подкупность, на которую такъ много жалуются, но которая тѣмъ неменѣе распространяется и тамъ, гдѣ прежде ея не было, показываетъ, что мѣстныя вліянія уже не главная сила; избиратель подаетъ голосъ сообразно съ своими личными желаніями, а не желаніями другихъ. Конечно въ нѣкоторыхъ графствахъ и маленькихъ мѣстечкахъ еще довольно сильна рабская покорность высшимъ; но духъ времени враждебенъ этому вліянію, и ходъ событій стремится его уменьшить. Хорошій арендаторъ теперь можетъ

чувствовать, что онъ такъже выгоденъ своему землевладѣльцу, какъ послѣдній ему. Благоденствующій купецъ можетъ чувствовать себя уже независимымъ отъ какого нибудь покупателя. При каждомъ новомъ избираніи голоса все болѣе и болѣе становятся собственностью голосователя. Теперь надо обратить вниманіе гораздо болѣе на развитіе ихъ ума, чѣмъ на освобожденіе ихъ отъ окружающихъ обстоятельствъ. Избиратели уже болѣе не пассивныя орудія чужой воли, уже не служатъ простымъ средствомъ передачи власти въ руки контролирующей олигархіи; они сами сдѣлались олигархіей.

«Положеніе избирателя, свободно подающаго голосъ по собственному убѣжденію. а не по приказанію другаго, имѣетъ сходство съ положеніемъ члена Парламента, и это сходство тѣмъ больше, чѣмъ согласнѣе голосъ избирателя съ его убѣжденіемъ; гласность въ этомъ случаѣ необходима. До тѣхъ поръ пока какая либо часть общества будетъ лишена представительства, до тѣхъ поръ доводы чартистовъ противъ тайной баллотировки, соединенной съ ограниченною подачею голосовъ, неопровержимы. Настоящіе избиратели и большая часть тѣхъ, которые предстоящими реформами вѣроятно будутъ причислены къ числу ихъ, принадлежатъ къ среднему классу и имѣютъ свой сословный интересъ, отличающійся, какъ и интересы землевладѣльцевъ и большихъ фабрикантовъ, отъ интереса работниковъ. Если бы право голоса распространилось на искусныхъ работниковъ, то и они бы имѣли или могли имѣть свой особенный интересъ, отличающійся отъ интереса чернорабочихъ. Положимъ наконецъ, что право голоса предоставлено всѣмъ мужчинамъ, положимъ что то, что прежде неправильно называли всеобщею подачею голосовъ, а теперь извѣстно подъ

безтолковымъ названіемъ мужской подачи голосовъ (manhood suffrage), обратилось бы въ законъ, и тогда голосователи имѣлибы свой сословный интересъ, отличный отъ интереса женщинъ. Представимъ далѣе, что въ законодательномъ собраніи возбужденъ какой нибудь вопросъ, относящійся исключительно до женщинъ, напримѣръ вопросъ о томъ, могутъ ли женщины быть допускаемы въ университетъ для пріобрѣтенія ученыхъ степеней; или другой вопросъ, не слѣдуетъ ли нѣжныя наказанія, которымъ подвергаются теперь негодяи, колотящіе каждый день своихъ женъ чуть не до полусмерти, замѣнить чѣмъ нибудь болѣе существеннымъ; наконецъ, еслибъ кто предложилъ въ англійскомъ парламентѣ мѣру, которую принимаютъ въ Америкѣ одинъ штатъ за другимъ, и принимаютъ не въ видѣ простаго закона, а въ видѣ особой статьи ихъ пересмотрѣнныхъ конституцій, именно, чтобы замужнимъ женщинамъ предоставлено было право на собственное ихъ имущество,—спрашивается: развѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ жена или дочь не въ правѣ знать о томъ, за кого подастъ голосъ ихъ супругъ или отецъ, за или противъ кандидата поддерживающаго эти предложенія? Конечно могутъ возразить, что эти доводы пріобрѣли свою силу въ слѣдствіе дурнаго устройства выборовъ; что если мнѣніе неизбирателей способно заставить избирателя вотировать болѣе честно, чѣмъ бы онъ вотировалъ самъ по себѣ, независимо отъ такого вліянія, то эти неизбиратели оказываются достойнѣе избирателя, и слѣдовательно должны бы имѣть сами право голоса; что тотъ, кто можетъ вліять на избирателей, можетъ самъ быть избирателемъ; что всѣ тѣ, передъ кѣмъ вотирующіе должны бъ быть отвѣтственными сами могутъ быть избирателями, и будучи таковыми, пользоваться

покровительствомъ тайной баллотировки, противъ незаконнаго вліянія могущественнаго лица или класса, передъ которыми избиратель не долженъ быть отвѣтственнымъ.

«Эти доводы благовидны; прежде я считалъ ихъ неопровержимыми; теперь же нахожу ихъ обманчивыми. Тѣ, которые способны имѣть вліяніе на избирателей, въ слѣдствіе одного этого еще не могутъ быть признаны способными сами быть избирателями. Послѣдняя обязанность несравненно важнѣе первой; способные къ отправленію меньшей изъ обязанностей, могутъ оказаться несостоятельными въ исполненіи высшей. Мнѣнія и желанія бѣднѣйшаго и наименѣе развитаго класса рабочихъ могутъ оказывать, между прочими вліяніями, весьма полезное вліяніе на умы избирателей и часто и на самое законодательство. Но предоставить имъ, при теперешнемъ ихъ нравственномъ и умственномъ развитіи, возможность вполнѣ пользоваться правомъ выбора, и тѣмъ дать имъ преобладающее вліяніе, было бы весьма вредно для страны. Это косвенное вліяніе на избирателей лицъ не имѣющихъ права голоса, постоянно развиваясь, смягчаетъ переходъ къ каждому новому расширенію права, и даетъ средства мирно осуществить всеобщую подачу голосовъ, когда придетъ удобное къ тому время. Но есть еще другое соображеніе, болѣе глубокое, которое никогда не должно быть оставляемо безъ вниманія, въ политическихъ разсужденіяхъ. Мнѣніе что, гласность и чувство отвѣтственности предъ обществомъ не принесутъ ни какой пользы, если общество не способно вывести здраваго сужденія, вовсе неосновательно. Надо имѣть слишкомъ поверхностныя понятія о пользѣ общественнаго мнѣнія, чтобы считать его полезнымъ только тогда когда оно заставляетъ всѣхъ рабски подчиняться себѣ. Быть на глазахъ у другихъ,

быть всегда готовымъ защищаться передъ другими, ни для кого такъне важно какъ для тѣхъ, которые дѣйствуютъ вопреки мнѣніямъ этихъ другихъ, потому что это обязываетъ ихъ имѣть твердыя основанія для своихъ мнѣній. Ничто не производитъ такого укрѣпляющаго дѣйствія какъ работа противъ давленія. Никто не сдѣлаетъ ничего такого, за что можетъ ожидать сильнаго порицанія, если самъ ненаходится въ припадкѣ страстнаго возбужденія, безъ того, что не будетъ имѣть на то вѣрно и ясно сознанной цѣли; а это уже показываетъ вдумчивый и разсудительный характеръ, и, за исключеніемъ испорченныхъ въ корнѣ людей, обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ чистосердечныхъ и глубокихъ личныхъ убѣжденій. Даже тотъ простой фактъ, что придется отдать отчетъ въ своемъ поведеніи, есть довольно сильная побудительная причина, чтобы вести себя, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы можно было отдать въ томъ приличный отчетъ. Если кто думаетъ, что одна необходимость соблюдать правила, требуемыя приличіемъ, не составляетъ сильнаго препятствія къ злоупотребленію власти, тотъ никогда не обращалъ вниманія на поведеніе тѣхъ, которые не считаютъ нужнымъ обращать на нихъ какое либо вниманіе. Гласность неоцѣнима даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она только предупреждаетъ то, чего нѣтъ благовиднаго основанія запретить, заставляя размышлять, и побуждая каждаго предварительно сообразить, что онъ будетъ отвѣчать, если отъ него потребуютъ объясненія въ его дѣйствіяхъ.

«Но (могутъ сказать), если не теперь, то въ послѣдствіи, когда всѣ будутъ способны пользоваться правомъ подачи голоса, и когда вслѣдствіе того, всѣ мужчины и женщины будутъ допущены къ голосованію, по праву своей къ тому способности,—*тогда* нечего уже будетъ опасаться

сословнаго законодательства. Тогда избиратели, составляя цѣлую націю, не будутъ имѣть интересовъ отдѣльныхъ отъ общаго; даже если бы и нашлись избиратели, подающіе голосъ вслѣдствіе личныхъ или сословныхъ побужденій, то большинство все таки будетъ свободно отъ нихъ; и такъ какъ тогда небудетъ болѣе неизбирателей, предъ которыми пришлось бы отвѣчать, то тайная подача голосовъ, устраняя только вредныя вліянія, будетъ вполнѣ благодѣтельною. Даже и съ этимъ я не согласенъ. Я не могу думать чтобы можно было желать тайной баллотировки, даже и тогда, когда народъ сдѣлается способенъ и добьется общаго права подачи голосовъ; во первыхъ потому, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя предположить, чтобы тайная баллотировка была нужна. Въ самомъ дѣлѣ взглянемъ только на тотъ порядокъ вещей, какой предполагаетъ эта гипотеза: народъ повсюду образованный, и всякій взрослый имѣетъ право голоса. Даже теперь, когда самая малая часть народа имѣетъ право голоса, а большая часть его почти безъ образованія, общественное мнѣніе, какъ это каждый можетъ видѣть, въ концѣ концовъ представляетъ собою господствующую власть. Предположеніе, что какой либо землевладѣлецъ или вообще богатый гражданинъ можетъ пріобрѣсти вліяніе надъ общиной, въ которой каждый членъ умѣетъ читать и имѣетъ голосъ, вопреки ея стремленію, и такъ чтобы она не могла изъ подъ него выйти, есть чистая химера. Но если въ этомъ случаѣ тайная баллотировка оказывается ненужною, то контроль гласности будетъ такъ же нуженъ, какъ всегда. Если справедливо, что простой фактъ принадлежности къ обществу и общественное положеніе, котораго интересы не въ разладѣ съ общими, достаточно гарантируютъ добросовѣстное отправ-

леніе обязанностей, безъ всякихъ побужденій и ограниченій со стороны общественнаго мнѣнія, — то значитъ всѣ наблюденія надъ человѣческимъ родомъ были совершенно ошибочны. Доля участія одного лица въ общественномъ интересѣ, вообще, не можетъ служить достаточною побудительною причиною къ должному исполненію имъ своей обязанности предъ обществомъ, и въ томъ даже случаѣ, когда личный интересъ не отвлекаетъ его въ другую сторону; необходимы еще другія внѣшнія побужденія. Точно также нельзя предположить, чтобы при всеобщемъ правѣ подачи голосовъ, всѣ голосовали одинаково честно, какъ при открытой, такъ и при тайной баллотировкѣ. Выраженіе, что избиратели, когда они составляютъ цѣлое общество, не могутъ уже имѣть интересовъ противныхъ обществу, заключаетъ въ себѣ болѣе благозвучія чѣмъ смысла.—Хотя общество, какъ одно цѣлое, и не можетъ имѣть другаго интереса кромѣ своего коллективнаго интереса (какъ это показываетъ самое слово), но каждое отдѣльное лице можетъ.—Интересъ каждаго лица заключается въ томъ, чѣмъ оно интересуется. Каждый имѣетъ столько различныхъ интересовъ, сколько въ немъ чувствъ, симпатій или антипатій, эгоистическихъ ли, или другаго, лучшаго рода. Нельзя утверждать, чтобы каждое изъ этихъ чувствъ, взятое отдѣльно, выражало «его интересъ». Человѣкъ называется дурнымъ или хорошимъ смотря потому, какой родъ своихъ интересовъ онъ предпочитаетъ. — Тиранъ у себя дома, будетъ симпатизировать тираніи (если только она не примѣняется въ обращеніи съ нимъ), и вѣрно не будетъ симпатизировать противодѣйствію тираніи. Завистливый подастъ голосъ противъ Аристида, потому что его называютъ справедливымъ. Эгоистъ скорѣе будетъ стоять

за свой личный интересъ, хотя бы даже незначительный, чѣмъ за ту долю блага, которая придется ему изъ общаго блага страны, вытекающаго изъ хорошихъ законовъ, потому что его разсудокъ привыкъ цѣнить и уважать только личные интересы. Значительное число избирателей имѣютъ два рода стремленій: одни, основанныя на частныхъ, другія на общественныхъ соображеніяхъ; только въ послѣднихъ избиратель охотно сознается. Люди всегда стараются выказывать только лучшую сторону своего характера, даже предъ тѣми, кто не лучше ихъ самихъ. При тайной баллотировкѣ многіе гораздо легче будутъ подавать нечестные голоса (по скупости, по злобѣ, изъ мести, по личному соперничеству, даже по предразсудкамъ сословнымъ или сектаторскимъ), нежели при открытой. Бываютъ случаи, и число ихъ можетъ увеличиться, когда единственною преградою, сдерживающею большинство плутовъ, является невольное уваженіе ихъ къ мнѣнію честнаго меньшинства.—Въ случаѣ, подобномъ бывшему въ несостоятельныхъ штатахъ сѣверной Америки, не будетъ ли уздою для недобросовѣстнаго голосователя то, что ему придется смотрѣть въ лице честному человѣку?

«Такъ какъ всѣ эти выгоды исчезнутъ при тайной баллотировкѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, то для оправданія подобной системы нужны причины болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствуютъ нынѣ, и которыя становятся все слабѣе и слабѣе (*)».

Что же касается до другихъ спорныхъ вопросовъ относительно баллотировки, то для ихъ рѣшенія не стоитъ

(*) Thoughts on Parliamentary Reform. 2 d. ed. p. 32—36.
Мысли о парламентской реформѣ 2 изд. стр. 32—36.

тратить много словъ. Въ системѣ личнаго представительства, какъ она была составлена Гэромъ, необходимо употреблять таблички. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы подпись избирателя была сдѣлана въ томъ общественномъ мѣстѣ, гдѣ производятся выборы, а если тамъ неудобно, то въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, доступномъ для всѣхъ, и въ присутствіи отвѣтственнаго чиновника.—Я признаю гибельнымъ предложеніе, чтобы дозволить избирателямъ писать голоса на табличкахъ въ мѣстахъ ихъ жительства, и посылать потомъ по почтѣ, или отдавать чиновнику. Такимъ образомъ все дѣло происходило бы внѣ всѣхъ благотворныхъ вліяній и въ присутствіи всѣхъ вредныхъ. Подкупающій, подъ покровомъ тайны, могъ бы видѣть своими глазами результатъ своего торга; встрѣтившій угрозы тотчасъ же долженъ бы былъ подчиняться. Между тѣмъ благодѣтельное вліяніе, производимое присутствіемъ лицъ, знающихъ чувства избирателя, и укрѣпляющее дѣйствіе симпатіи лицъ одинаковыхъ убѣжденій, были бы совершенно потеряны (*).

(*) Этотъ способъ очень много хвалили, какъ потому, что онъ сберегаетъ издержки, такъ и потому еще, что посредствомъ его можно собрать голоса тѣхъ избирателей, которые иначе не подали бы голоса, и которыхъ защитники этого способа, считаютъ самою желанною частью всѣхъ избирателей. — Онъ былъ съ успѣхомъ употребленъ при избраніи попечителей вслѣдствіе закона, о бѣдныхъ (poor-law-guardians), и потому, для поддержанія примѣненія его къ болѣе важному предмету, къ выбору членовъ законодательнаго собранія, ссылаются на этотъ успѣхъ; но эти два случая мнѣ кажутся различными по существу дѣла, отъ котораго зависятъ выгоды способа. При мѣстныхъ выборахъ, для отправленія какой нибудь спеціальной административной должности, состоящей преимущественно въ распредѣленіи общественныхъ капиталовъ, надо предупредить, чтобы выборъ не попалъ исключительно въ руки лицъ, которыя особенно объ этомъ хлопочутъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ общест-

Слѣдовало бы устроить столько мѣстъ для подачи голосовъ, сколько необходимо для того, чтобы онѣ были доступны каждому избирателю, и издержки по переѣзду ни подъ какимъ предлогомъ не должны быть относимы на счетъ кандидата. Только слабые, да и тѣ только на основаніи медицинскаго свидѣтельства, могли бы быть привозимы въ экипажахъ на счетъ государства или своего мѣстнаго общества. Предварительныя сходки, платы въ сборныхъ пунктахъ и весь необходимый механизмъ при выборахъ должны быть

венный интересъ вообще ограниченъ, и большею частью довольно слабъ, то расположеніе заниматься дѣломъ встрѣчается только между людьми, которые надѣются обратить свою дѣятельность для личной пользы; и потому, очень желательно было бы сдѣлать вмѣшательство другихъ, постороннихъ, лицъ сколь возможно менѣе обременительнымъ для нихъ, хотя бы только для того, чтобъ не дать ходу этимъ интересамъ. Но когда рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ народнаго управленія, которымъ долженъ интересоваться всякій, кто не погруженъ исключительно въ личные интересы, и даже занятой исключительно личными дѣлами но занятой со смысломъ, то лучше, лицъ совершенно равнодушныхъ къ общественному дѣлу недопускать вовсе до подачи голосовъ, чѣмъ побуждать ихъ къ тому такими средствами, которыя не пробуждаютъ ихъ спящаго ума.

Человѣкъ, незаботящійся о выборахъ настолько, чтобъ пойти къ сборному мѣсту, есть именно тотъ человѣкъ, который еслибъ только могъ подавать голосъ безъ этого маленькаго неудобства, отдалъ бы свой голосъ первому встрѣчному, который только его у него попроситъ; или бы подалъ по самому пустому и легкомысленному побужденію. Человѣкъ, для котораго право голоса не имѣетъ никакого значенія, не станетъ заботиться и о способѣ подачи голоса; и потому онъ не долженъ имѣть никакого нравственнаго права быть избирателемъ, такъ какъ поданный имъ голосъ, невыражающій никакого убѣжденія, имѣетъ такое же значеніе при рѣшеніи дѣлъ, какъ и голосъ, служащій выраженіемъ мыслей и цѣлей цѣлой жизни. (Мысли о Парламентской реформѣ стр. 39).

содержимы на общественный счетъ. Не только не должно требовать отъ кандидата издержекъ при его избраніи, но ему нельзя даже позволить дѣлать издержки, кромѣ весьма незначительныхъ. Гэръ считаетъ достаточнымъ брать съ каждаго помѣстившаго себя въ списокъ кандидатовъ 50 фунт. стерлинговъ; онъ считаетъ это необходимымъ для того, чтобы воспрепятствовать записываться въ кандидаты лицамъ, которыя не имѣютъ никакого вѣроятія на успѣхъ и никакого серьезнаго намѣренія настаивать на своемъ желаніи; которыя выступаютъ кандидатами только по легкомыслію, или изъ желанія сдѣлаться извѣстными, или, быть можетъ, чтобы отвлечь нѣсколько голосовъ, которые были бы нужны для успѣха болѣе достойнаго кандидата. Но есть такія издержки, которыхъ не могутъ избѣгнуть кандидаты или ихъ приверженцы; требовать, чтобъ общество оплачивало ихъ за всѣхъ тѣхъ, которые того пожелаютъ, невозможно; это именно издержки на заявленіе избирателямъ правъ кандидата посредствомъ объявленій, афишъ, циркуляровъ. Для всѣхъ такихъ необходимыхъ издержекъ 50 фунт. предложенные Гэромъ были бы совершенно достаточны, если бъ дозволяемо было употреблять ихъ только для этой цѣли (въ случаѣ нужды можно увеличить эту цифру до 100 фунт.). Конечно, если друзья кандидата захотятъ тратиться на совѣщанія, на происки и т. д., то нѣтъ возможности предупредить это; но такіе расходы, дѣлаемые кандидатомъ, и вообще всякіе расходы превышающіе 50 или 100 фунтовъ, должны считаться противозаконными и подлежащими наказанію. Еслибъ было какое нибудь вѣроятіе полагать, что общественное мнѣніе не будетъ покрывать обмана, то можнобъ потребовать отъ всякаго члена, который вступаетъ на свое мѣсто, удостовѣренія присягою или честнымъ словомъ въ томъ, что онъ

для своего избранія не истратилъ ничего свыше 50 фунт., и не будетъ тратить, ни деньгами, ни какими другими цѣнностями, ни прямо ни косвенно; и если бы оказалось, что данное членомъ удостовѣреніе ложно, или что данное имъ обѣщаніе не сдержано, то виновный долженъ быть подвергнутъ наказанію за клятвопреступленіе. Очень вѣроятно, что эти наказанія показали бы, что законодательство серьезно смотритъ на это дѣло, и тѣмъ заставили бы общественное мнѣніе смотрѣть на него такъ же строго, и отучили бы публику считать извинительнымъ грѣшкомъ (какъ это было до сего времени) столь важное преступленіе противъ общества. Когда будетъ произведено такое впечатлѣніе на общество, то, безъ всякаго сомнѣнія, каждый будетъ считать для себя обязательнымъ заявленіе, данное имъ подъ присягою или подъ честнымъ словомъ (*). Общественное

(*) Многіе изъ свидѣтелей, призванныхъ въ комитетъ палаты общинъ въ 1860 г., и изъ нихъ многіе весьма опытные въ дѣлѣ выборовъ, при обсужденіи акта противъ подкуповъ (Corrupt Practices Prevention Act) высказались благопріятно (нѣкоторые безусловно, а нѣкоторые въ смыслѣ крайняго средства), въ пользу требованія такаго заявленія отъ членовъ парламента, и были того мнѣнія, что правило это, будучи поддержано наказаніями, сдѣлается весьма дѣйствительнымъ (доказательства, стр. 46, 54—7, 67, 123, 198—202, 208). Главный слѣдователь въ уэкфилдскомъ изслѣдованіи (Wakefield Inquiry) говоритъ, конечно относительно другаго предложенія: „если увидятъ, что законодательство смотритъ серьезно на дѣло, механизмъ будетъ дѣйствовать... Я совершенно увѣренъ, что если бы доказанный подкупъ клеймилъ виновное лицо, то направленіе общественнаго мнѣнія измѣнилось бы (стр. 26 и 32). Одинъ изъ замѣчательныхъ членовъ этого комитета кажется считалъ несправедливымъ наказанія, опредѣленныя за утвердительную клятву, прилагать за нарушеніе отличной отъ нея клятвы обѣщательной; но ему напомнили, что клятва, данная свидѣтелемъ въ судѣ, есть также обѣщательная клятва, и возраженіе, что обѣщаніе свидѣтеля относится къ имѣющему совершиться одиночному акту, между

мнѣніе терпитъ клятвопреступника тогда, когда терпитъ то обстоятельство, по поводу котораго учинено клятвопреступленіе. Это правило становится совершенно очевиднымъ, когда дѣло идетъ о подкупѣ при выборахъ. До сихъ поръ между государственными людьми Англіи не было дѣйствительнаго и серьезнаго желанія воспрепятствовать подкупу; это потому, что не было до сихъ поръ дѣйствительнаго желанія, чтобъ выборы обходились не дорого. Большія издержки при выборахъ доставляютъ преимущество тѣмъ, которые въ состо-

---

тѣмъ, какъ обѣщаніе члена относится до всего будущаго времени, могло бы имѣть какое либо значеніе только въ такомъ случаѣ, если бъ можно было предположить, что давшій клятву можетъ забыть обязательство, взятое имъ на себя, или нарушить его нечаянно; о такихъ случайностяхъ въ дѣлахъ подобныхъ настоящему не можетъ быть и рѣчи.

Но болѣе дѣйствительное затрудненіе заключается въ томъ, что издержки на выборы являются иногда въ видѣ подписки съ мѣстною благотворительною цѣлью, или на другія мѣстныя потребности; и было бы слишкомъ сильною мѣрою воспрещать избираемому какимъ нибудь мѣстомъ члену дѣлать тамъ пожертвованія съ благотворительною цѣлью. Когда подобныя подписки дѣлаются bona fide, то популярность, которая этимъ достигается, составляетъ преимущество, въ которомъ едвали можно отказать людямъ богатымъ. Но зло состоитъ въ томъ, что эти деньги употребляютъ на подкупъ, подъ благозвучнымъ именемъ поддержки интересовъ избираемаго лица. Чтобы воспрепятствовать такому злоупотребленію, необходимо включить въ даваемое избираемымъ клятвенное обѣщаніе слѣдующіе пункты: чтобы всѣ суммы, которыя избранный членъ истратитъ для избирающей его мѣстности, или на какой нибудь предметъ относящійся къ этой мѣстности, или на обитателя оной, (за исключеніемъ можетъ быть собственныхъ домашнихъ его расходовъ), переходили черезъ руки секретаря выборовъ (election auditor); чтобы деньги эти употреблялись по назначенію секретаремъ (а не самимъ членомъ или его пріятелями). Правило, по которому законныя издержки, для выборовъ относятся на счетъ избирательной мѣстности, а не кандидатовъ, было поддерживаемо двумя самыми замѣчательными изъ присутствующихъ очевидцевъ (ст. 20, 65—70, 277).

яніи дѣлать такія издержки, и исключаютъ множество другихъ соискателей; а все то, что ограничиваетъ доступъ въ Парламентъ кому бы то ни было кромѣ людей богатыхъ, какъ бы оно ни было вредно, поддерживается, какъ имѣющее консервативную тенденцію. Это закоренѣлое чувство между законодателями обѣихъ политическихъ партій составляетъ почти единственный пунктъ, гдѣ они являются, какъ думаю, дѣйствительно неблагонамѣренными. Они сравнительно мало заботятся о томъ кто подаетъ голосъ, пока они убѣждены, что можно подавать голосъ только въ пользу лица, принадлежащаго къ ихъ сословію. Они знаютъ, что могутъ расчитывать на товарищескія чувства лицъ, принадлежащихъ къ тому же классу какъ и они; что могутъ еще вѣрнѣе расчитывать на услужливость богатыхъ выскочекъ, которые лезутъ въ аристократію, и что нельзя ожидать ничего враждебнаго ихъ сословнымъ интересамъ и чувствамъ богачей, даже при самомъ демократическомъ способѣ подачи голосовъ, пока демократамъ можно закрыть доступъ въ Парламентъ. Но и съ ихъ точки зрѣнія, та политика плоха, которая уравновѣшиваетъ зло зломъ, вмѣсто того чтобы соединять добро съ добромъ. Желаемою цѣлью должно быть соединеніе лучшихъ членовъ обоихъ классовъ подъ такими условіями, чтобъ они, оставивъ въ сторонѣ сословныя предубѣжденія, вмѣстѣ шли по пути къ общему благу; а вмѣсто того, у насъ, даютъ сословнымъ чувствамъ массы разыгрываться на полной свободѣ въ избирательныхъ обществахъ, а потомъ ихъ же стѣсняютъ, заставляя эти чувства выражаться въ дѣйствіяхъ лицъ, проникнутыхъ сословными чувствами исключительнаго меньшинства.

Едва ли когда политическія учрежденія бываютъ нравственно болѣе вредны, едвали когда приносятъ болѣе зла

своимъ духомъ, какъ въ то время, когда предоставляютъ политическія должности въ видѣ милости, въ видѣ вещи, которой человѣку надо испрашивать, какъ желательной собственно для него, и даже платить за нее такъ, какъ будто бы она имѣетъ цѣлію доставлять ему денежныя выгоды. Нѣтъ такихъ людей, которые бы охотно согласились дорого платить за позволеніе отправлять трудную должность. Платонъ имѣлъ болѣе вѣрный взглядъ на условія хорошаго правительства когда утверждалъ, что надо поручать управленіе тѣмъ, которые выказываютъ наиболѣе отвращенія къ нему, и что единственное основаніе, которое должно побуждать лучшихъ людей служить,—это боязнь быть подъ управленіемъ худшихъ. Что долженъ думать избиратель, при видѣ трехъ или четырехъ джентельменовъ, до того времени вовсе не отличавшихся щедрою, искреннею благотворительностію, соперничествующихъ въ томъ, кто болѣе издержитъ денегъ, чтобъ получить право написать на своихъ карточкахъ M. P. (Member of Parliament членъ Парламента)? Неужели же онъ повѣритъ, что всѣ эти расходы дѣлались для него? И если избиратель составитъ себѣ вѣрное понятіе объ ихъ побужденіяхъ, какую онъ почувствуетъ нравственную обязанность? Политическіе дѣятели съ особеннымъ удовольствіемъ называютъ мечтою энтузіастовъ возможность существованія неподкупнаго избирательнаго собранія; это конечно будетъ справедливо до тѣхъ поръ, пока они сами не захотятъ быть безукоризненными; потому что въ нравственномъ отношеніи вѣдь кандидаты даютъ тонъ избирателямъ. До тѣхъ поръ, пока избранный членъ платитъ за свое мѣсто, тѣмъ или другимъ образомъ, изъ выборовъ не удастся сдѣлать ничего, кромѣ рынка для всѣхъ партій. До тѣхъ поръ,

пока кандидатъ и обычаи будутъ смотрѣть на должность члена парламента, менѣе какъ на обязанность, которую слѣдуетъ выполнить, чѣмъ какъ на милость, которой надо искать, до тѣхъ поръ ни какими усиліями не втолковать ни одному обыкновенному избирателю что выборъ члена въ парламентъ есть его обязанность, и что онъ не въ правѣ располагать своимъ голосомъ по своему желанію, но долженъ имѣть въ виду исключительно однѣ личныя способности кандидата.

Изъ того же самаго принципа, который требуетъ, чтобы какія либо издержки для выборовъ не только не требовались отъ кандидата, но даже, чтобъ эти издержки не были ему дозволяемы, вытекаетъ другое положеніе, по видимому съ противнымъ стремленіемъ, но въ дѣйствительности ведущее къ той же цѣли. Этотъ принципъ отвергаетъ то, что часто предлагали какъ средство сдѣлать парламентъ доступнымъ для каждаго, именно плату членамъ парламента. Если бы, какъ это было въ нѣкоторыхъ изъ англійскихъ колоній, не было способныхъ лицъ, которыя могли бы взяться за занятіе, не приносящее дохода, то плата отпускаемая имъ была бы вознагражденіемъ за потерю времени или денегъ, но не была бы жалованьемъ. Болѣе широкій выборъ, открывающійся посредствомъ платежа жалованья представляетъ въ себѣ обманчивыя выгоды. Каково бы ни было вознагражденіе за исправленіе должности, оно не будетъ приманкою для тѣхъ, которые заняты дѣломъ, доставляющимъ бо́льшія выгоды съ надеждой еще на большій успѣхъ. Слѣдовательно, занятіе члена парламента сдѣлалось бы само по себѣ занятіемъ, исполняемымъ только ради денежныхъ выгодъ, и подверглось бы всѣмъ деморализующимъ вліяніямъ чисто случайнаго занятія; оно сдѣлалось бы предметомъ искательствъ для

авантюристовъ низшаго разряда. Шестьсотъ пятьдесятъ восемь лицъ занимающихъ постъ, и тѣ, которые надѣялись бы достичь его, число которыхъ въ 10 или 20 разъ больше, употребляли бы постоянно всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть или сохранить за собою голоса избирателей, давая имъ всякаго рода обѣщанія, честныя или безчестныя, возможныя или невозможныя; они старались бы перещеголять другъ друга, льстя самымъ низкимъ чувствамъ и невѣжественнѣйшимъ предразсудкамъ самой грубой части толпы. Аукціонъ между Клеономъ и продавцемъ сосисекъ въ комедіи Аристофана—вотъ вѣрная каррикатура того, что происходило бы каждый день. Подобное учрежденіе было бы вѣчною язвою на самой слабой сторонѣ человѣческой природы; оно равнялось бы назначенію шести сотъ пятидесяти восьми призовъ самымъ счастливымъ льстецамъ, самымъ ловкимъ обманщикамъ извѣстной части своихъ согражданъ. Ни при какомъ деспотическомъ правленіи не было лучшей системы для образованія самаго порочнаго интриганства (*).

(*) Г. Лоримеръ замѣчаетъ, что создать денежныя выгоды для привлеченія лицъ низшаго класса къ занятію общественными дѣлами, значило бы признать оффиціально профессію демагоговъ. Необходимо всегда избѣгать, насколько это возможно, такой комбинаціи, при которой бы частный интересъ дѣйствующей группы людей заключался въ томъ, чтобы направить форму правленія сообразно ихъ природнымъ дурнымъ стремленіямъ. Масса людей, или одно лице, предоставленныя ихъ собственнымъ слабостямъ, даютъ только слабое понятіе о томъ, до чего дошли бъ эти слабости, еслибъ онѣ были возбуждаемы тысячью льстецовъ.

Еслибъ было 658 мѣстъ съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ, хотя и незначительнымъ, жалованьемъ, и еслибъ можно было ихъ получить убѣ-

Но если бы захотѣли избрать въ члены парламента извѣстное лице вслѣдствіе особенныхъ его достоинствъ (какъ это иногда случается), для того, чтобы оно выполнило то, чего никто другой не въ состояніи такъ хорошо выполнить, и если бы это лице не имѣло средствъ, по недостатку ли собственности, или по невозможности заниматься торговлею или промысломъ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ общественной подпискѣ; лице это могло бы, какъ Андрей Марвель, пока находится въ парламентѣ, существовать пожертвованіями своихъ избирателей. Противъ этого возражать нельзя, потому что такой чести не сдѣлаютъ простой услужливости: массамъ нѣтъ дѣла до различія, которое существуетъ между однимъ льстецомъ и другимъ, имъ нѣтъ надобности дѣлать какіе либо расходы для того, чтобы содержать опредѣленное лице, въ должности льстеца. Такого рода расходы онѣ примутъ на себя только въ пользу необыкновенныхъ бросающихся въ глаза качествъ, хотя и не доказывающихъ еще безусловной способности лица быть національнымъ представителемъ, но все же заставляющихъ предполагать, и во всякомъ случаѣ служащихъ нѣкоторымъ ручательствомъ, что лице это обладаетъ независимыми характеромъ и убѣжденіями.

дивъ публику что невѣжество такъ же хорошо, какъ и знаніе, даже лучше, то,—страшно подумать,—она бы повѣрила, и стала бы дѣйствовать на основаніи этого ученія (статья въ Fraser's Magazin за Апрѣль 1859 г. озаглавленная Recent writers on Reform)".

ГЛАВА XI.

Продолжительность парламентовъ.

Чрезъ сколько времени должны производиться новые выборы членовъ парламента? Здѣсь принципы очевидны; трудность состоитъ только въ примѣненіи ихъ. Съ одной стороны, членъ не долженъ занимать свое мѣсто такъ долго, чтобъ онъ могъ позабыть свою отвѣтственность, чтобы не сталъ легкомысленно смотрѣть на свою обязанность, чтобы не сталъ исполнять ее съ точки зрѣнія личнаго интереса или пренебрегать тѣми свободными и гласными совѣщаніями съ своими избирателями, которыя, будутъ ли избиратели согласны или несогласны съ нимъ, составляютъ преимущества представительнаго правленія. Съ другой стороны необходимо, чтобы членъ парламента былъ обезпеченъ въ сохраненіи занимаемаго имъ мѣста такое время, которое нужно для того, чтобы его можно было судить не по одному какому нибудь отдѣльному акту, но по всей его дѣятельности. Надо еще, чтобъ онъ имѣлъ самую широкую свободу мысли и дѣятельности, на-

сколько только это совмѣстимо съ народнымъ контролемъ, составляющимъ существенную сторону свободнаго правленія. Для этого необходимо, (и во всякомъ случаѣ лучше) контролировать лишь тогда, когда подлежащій контролю имѣлъ достаточно времени чтобы выказать всѣ свои достоинства и доказать своимъ избирателямъ, что онъ, не будучи только послушнымъ истолкователемъ мнѣній избирателей, можетъ быть достойнымъ и заслуживающимъ полнаго довѣрія представителемъ. Опредѣлить общими чертами границы, опредѣляемыя этими двумя условіями, невозможно. Когда демократическая власть въ управленіи слаба, слишкомъ пассивна и требуетъ понужденія; когда представитель, оставивъ своихъ избирателей, вступаетъ въ придворную или аристократическую среду, гдѣ всѣ вліянія стремятся къ тому, чтобы совратить его съ народнаго направленія, ослабить въ немъ всѣ народныя чувства, и заставить его позабыть и пренебречь желаніями и интересами тѣхъ, которые его избрали: тогда, чтобы поддержать въ немъ чувства и характеръ на желаемой высотѣ, надо чаще возвращать его для возобновленія полномочій. Въ такомъ случаѣ три года уже составляютъ едвали не слишкомъ долгій срокъ; болѣе же продолжительнаго срока допустить невозможно.

Если же напротивъ демократическое направленіе преобладаетъ и еще стремится усилиться; если надо его скорѣе умѣрять чѣмъ поощрять; если безграничная гласность и постоянный надзоръ прессы убѣдятъ представителя, что каждый его шагъ будетъ тотчасъ же извѣстенъ и обсуженъ избирателями, и что онъ постоянно то теряетъ, то выигрываетъ въ ихъ уваженіи, и если въ тоже время, тѣмъ же путемъ, вліяніе ихъ чувствъ и всѣ другія де-

мократическія вліянія живо поддерживаются въ умѣ избирателей: — тогда необходимъ періодъ по крайней мѣрѣ пяти лѣтъ чтобы предупредить робкую угодливость. Перемѣна, которая произошла во всѣхъ отношеніяхъ въ англійской политикѣ, объясняетъ, почему въ настоящее время такъ мало заботятся и говорятъ о годичныхъ Парламентахъ, которые 40 лѣтъ тому назадъ составляли такую важную часть ученія самыхъ передовыхъ реформаторовъ. Есть одно обстоятельство на которое необходимо обращать вниманіе: что какъ бы ни былъ длиненъ срокъ парламента, въ послѣдній годъ члены его будутъ находиться въ такомъ положеніи, въ какомъ они были бы постоянно, еслибы парламенты были годичные; такъ, что если бъ сроки въ парламентахъ были очень короткіе, то можно принять, что были бы въ продолженіи значительнаго времени, годичные парламенты. При настоящемъ положеніи дѣлъ не стоитъ измѣнять семилѣтняго періода, хотя продолжительность его совершенно безполезна. Не стоитъ измѣнять въ особенности потому, что постоянно угрожающая возможность скорѣйшаго распущенія, заставляетъ членовъ парламента быть всегда въ согласіи съ своими избирателями. Во всякомъ случаѣ совершенно естественно, чтобы, какъ бы продолжителенъ не былъ срокъ полномочій, члены парламента оставляли свои мѣста по истеченіи срока, считая его со дня ихъ избранія, и чтобы не было возможнымъ возобновленіе Палаты въ полномъ прежнемъ ея составѣ. Можно было бы многое сказать въ пользу этой системы, если бы, предлагая ее, имѣли какую нибудь практическую цѣль. Но она осуждена на основаніи причинъ, несравненно болѣе серьозныхъ, чѣмъ тѣ, на основаніи которыхъ ее поддерживали. Первая при-

чина та, что нельзя бы было скоро освободиться отъ большинства, преслѣдующаго цѣли вредныя націи. Неизбѣжность общихъ выборовъ послѣ опредѣленнаго и короткаго періода, и возможность возобновленія ихъ по желанію министра ради его цѣлей, или для того чтобъ сдѣлаться популярнымъ, предупреждаютъ тотъ разладъ въ мнѣніяхъ собранія и ихъ довѣрителей, который существовалъ бы постоянно, еслибъ большинство Палаты имѣло всегда впереди нѣсколько лѣтъ, и только по каплѣ получало новыя приращенія, которыя конечно скорѣе подчинятся вліянію собранія, чѣмъ сами будутъ имѣть на него вліяніе. Точно такъ же, какъ необходимо чтобы общія убѣжденія Палаты были вообще согласны съ чувствами націи, такъ необходимо и то, чтобы извѣстныя личности могли, не теряя своего мѣста, выражать свободно свои самыя непопулярныя убѣжденія. Есть еще другой сильный доводъ противъ постепеннаго обновленія представительнаго собранія. Это именно польза общей и періодической переклички противуположныхъ силъ, чтобы тѣмъ опредѣлить состояніе общественнаго духа, и чтобы вѣрно судить объ относительной силѣ различныхъ партій и различныхъ мнѣній. Этого нельзя достигнуть вполнѣ при частныхъ возобновленіяхъ, хотя бы даже разомъ измѣнялась цѣлая-значительная часть палаты, пятая или третья часть, какъ это было въ нѣкоторыхъ изъ французскихъ конституцій. Доводы въ пользу предоставленія исполнительной власти права распущенія Парламента будутъ разобраны въ главѣ, относящейся до опредѣленія сущности и обязанностей исполнительной власти въ представительномъ правленіи.

ГЛАВА XII.

Должны ли члены парламента давать обязательства своимъ избирательнымъ обществамъ?

Обязанъ ли членъ законодательства подчиняться инструкціямъ своихъ избирателей? долженъ ли онъ быть органомъ *ихъ* убѣжденій, или своихъ собственныхъ? посланникъ ли онъ ихъ на конгрессѣ, или же настоящій агентъ, уполномоченный не только дѣйствовать за нихъ, но и судить за нихъ о томъ, что должно быть сдѣлано? Эти двѣ теоріи обязанностей законодателя въ представительномъ правленіи, имѣютъ каждая своихъ приверженцевъ и составляютъ признанное ученіе въ нѣкоторыхъ представительныхъ правленіяхъ.

Въ Голландіи члены генеральныхъ штатовъ были простыми повѣренными; и это ученіе было доведено до того, что всякій разъ, когда возбуждался какой либо важный вопросъ, непредвидѣнный въ инструкціяхъ, члены генеральныхъ штатовъ должны были сноситься съ своими избирателями, подобно тому какъ посланникъ сносится съ правительствомъ, отъ котораго онъ аккредитованъ. Въ Англіи и въ большей части другихъ странъ, обладающихъ предста-

вительною конституціею, законъ и обычай предоставляютъ члену парламента соглашаться съ тѣмъ, что по его мнѣнію справедливо, хотя бы это и не было согласно съ мнѣніемъ его избирателей. Но существуетъ и другое, противоположное этому понятіе, практическое дѣйствіе котораго обнаруживается на многихъ, и даже на членахъ парламента; это понятіе дѣлаетъ то, что часто члены парламента, независимо отъ желанія популярности или вторичнаго избранія, считаютъ себя обязанными совѣстью въ вопросахъ, о которыхъ избиратели имѣютъ опредѣленное мнѣніе, сообразовать свое поведеніе скорѣе съ мнѣніемъ избирателей, чѣмъ со своимъ. Оставляя въ сторонѣ положительные законы и историческія преданія какого бы то нибыло народа, спрашивается, которое изъ этихъ двухъ понятій объ обязанностяхъ представителя правильнѣе? Этотъ вопросъ, въ отличіе отъ вопросовъ, которые мы до сихъ поръ разсматривали, не составляетъ вопроса конституціоннаго законодательства, но того, что приличнѣе можетъ быть названо конституціонною нравственностью, этикою представительнаго правленія. Онъ не столько касается учрежденій, сколько духа въ которомъ должны были бы дѣйствовать избиратели, идей которыя должны преобладать въ понятіи о нравственномъ долгѣ избирателей, потому что какова бы ни была система представительства, избиратели могутъ, если только имъ вздумается, обратить ее въ простую систему уполномоченія.

До тѣхъ поръ пока избиратели будутъ совершенно свободны подавать голосъ такъ какъ хотятъ, или вовсе не подавать его, до тѣхъ поръ никто не можетъ имъ помѣшать предлагать избираемому условія, какія они найдутъ для себя нужными. Отказывая въ выборѣ тѣмъ, которые не захотятъ

всегда соглашаться со всѣми ихъ мнѣніями, и даже, по ихъ желанію, совѣтоваться съ ними по всѣмъ предметамъ важнымъ и непредвидѣннымъ, они могутъ обратить своихъ представителей въ простыхъ повѣренныхъ или обязать ихъ честью тотчасъ же подать въ отставку, какъ только имъ это положеніе не понравится. И такъ какъ они имѣютъ силу это исполнить, то теорія конституціи должна предполагать, что они захотятъ это сдѣлать, потому что основной принципъ конституціоннаго правленія требуетъ предположенія, что обладающіе политическою властью злоупотребятъ ею въ свою личную пользу; не потому что это всегда такъ бываетъ, а потому что это естественное стремленіе вещей, которое и должны сдерживать свободныя учрежденія. Вотъ почему, какъ бы не было несправедливо и нелѣпо со стороны избирателей превращать своихъ представителей въ простыхъ уполномоченныхъ, это извращеніе избирательнаго права совершенно естественно и вѣроятно, а потому и слѣдовало бы противъ него принимать мѣры, такъ какъ бы оно уже существовало. Мы можемъ надѣяться, что избиратели не будутъ такъ распоряжаться своимъ правомъ голоса; но представительное правленіе должно быть такъ организовано, что еслибы они и захотѣли такъ дѣйствовать, то чтобы не могли сдѣлать того, чего не должно быть во власти никакаго отдѣльнаго класса, т. е. установить сословнаго законодательства въ свою пользу.

Когда говорятъ что вопросъ касается только политической нравственности, то этимъ нисколько не уменьшаютъ его значенія. Вопросы конституціонной нравственности имѣютъ не менѣе практической важности, какъ и вопросы относящіеся до самой конституціи. Самое сущест-

вованіе нѣкоторыхъ правительствъ, и все, что дѣлаетъ другія правительства сносными, основывается на практическомъ соблюденіи правилъ конституціонной нравственности, на историческихъ понятіяхъ о значеніи различныхъ установленныхъ учрежденій, совершенно измѣняющихъ приложеніе ихъ власти, которое безъ нихъ могло бъ быть совершенно иное. Въ неуравновѣшенныхъ правительствахъ—чистой монархіи, чистой аристократіи, чистой демократіи — такія правила составляютъ единственное препятствіе, стѣсняющее правительство въ крайнемъ приложеніи своего отличительнаго стремленія. Когда въ правительствахъ не вполнѣ уравновѣшенныхъ захотятъ противопоставить конституціонныя границы вліянію сильнѣйшей власти, достаточно сильной однако чтобы нарушать ихъ хотя до поры безнаказанно, то развѣ только правила конституціонной нравственности, признанныя и поддерживаемыя мнѣніемъ, заставятъ нѣсколько уважать конституціонныя ограниченія. Въ правительствахъ хорошо уравновѣшенныхъ, въ которыхъ верховная власть раздѣлена, гдѣ каждый участникъ управленія огражденъ отъ вмѣшательства другаго единственно возможнымъ способомъ, именно когда каждый имѣетъ такое же сильное оружіе для своей защиты какъ и его противникъ для нападенія — тамъ правительство можетъ быть прочно только тогда, когда всѣ его стороны воздерживаются отъ крайняго приложенія своей власти, если только ихъ не вызовутъ на то крайнія дѣйствія какого либо другаго участника во власти; и въ этомъ случаѣ, мы можемъ сказать по справедливости, что только уваженіе къ правиламъ конституціонной нравственности поддерживаетъ существованіе конституціи. Вопросъ объ уполномоченіи не относится къ

числу тѣхъ, которые жизненно относятся къ существованію представительнаго правленія, но тѣмъ не менѣе онъ тѣсно связанъ съ его благотворнымъ дѣйствіемъ. Законы не могутъ, конечно, указывать избирателямъ принциповъ, которыми они должны руководствоваться при выборахъ; но принципы, которые по мнѣнію ихъ должны управлять выборами, имѣютъ огромное практическое значеніе; — вся сущность этого важнаго вопроса состоитъ въ разрѣшеніи, должно-ли поставлять представителю условіемъ принятіе опредѣленныхъ убѣжденій, составленныхъ для него его избирателями?

Прочитавшіе все вышесказанное относительно этого вопроса, не могутъ сомнѣваться въ заключеніи, которое вытекаетъ само собою изъ общихъ принциповъ изложенныхъ нами. Мы установили съ самого начала и постоянно имѣли въ виду два главныя и одинаково важныя условія для правительства: 1-е отвѣтственность передъ тѣми, въ чью пользу государственная власть, (какъ это она всегда сама объявляетъ) должна дѣйствовать; и 2-е обезпеченіе въ возможно большей степени для исполненія обязанностей правленія, выгодъ участія высшихъ умовъ, подготовленныхъ долгимъ размышленіемъ и практическимъ навыкомъ къ этому спеціальному дѣлу.

Если это второе условіе стоитъ того чтобъ его добиваться, то необходимо и давать ему его цѣну. Высшій умъ и глубокое изученіе не служили бы ни къ чему, еслибъ не приводили иногда человѣка къ заключеніямъ отличнымъ отъ тѣхъ, которыя составляются безъ изученія обыкновенными умственными способностями; и потому, желая имѣть представителями людей превосходящихъ въ умственномъ отношеніи общій уровень избирателей, необходимо впе-

редъ разсчитывать, что представители въ своихъ мнѣніяхъ иногда будутъ расходиться съ мнѣніемъ большинства своихъ избирателей, и что въ подобныхъ случаяхъ большею частью ихъ мнѣніе будетъ лучшимъ изъ двухъ. Изъ этого слѣдуетъ, что избиратели будутъ поступать неблагоразумно, если будутъ требовать — какъ условія для сохраненія права быть представителемъ—безусловнаго сообразованія съ съ ихъ мнѣніемъ со стороны ихъ представителя.

До сихъ поръ принципъ ясенъ; но существуютъ дѣйствительныя трудности въ его примѣненіи, и потому мы начнемъ съ того, что постараемся указать ихъ въ наибольшей ихъ силѣ. Если важно то, чтобы избиратели выбирали въ представители человѣка болѣе образованнаго чѣмъ они сами, то не менѣе необходимо и то чтобы этотъ представитель подлежалъ предъ ними отвѣтственности; другими словами, избиратели должны быть судьями дѣйствій своего представителя; но могутъ ли они его судить иначе какъ не на основаніи собственныхъ понятій? и могутъ ли они даже выбрать его въ первоначальномъ случаѣ на другомъ основаніи? однако не слѣдуетъ выбирать человѣка за чисто внѣшній блескъ, и за то, что онъ обладаетъ нѣкоторыми показными талантами. Основанія же, по которымъ обыкновенный человѣкъ можетъ судить заранѣе о способностяхъ, другихъ далеко неудовлетворительны; таковы, какъ они есть, они относятся почти исключительно къ искуству хорошо выражаться и мало или совсѣмъ не касаются внутренняго достоинства того что, выражается. Послѣднее не можетъ быть признано по первому, и потому, если избиратели должны оставлять въ сторонѣ свои убѣжденія, то какой критеріумъ остается для способности человѣка хорошо управлять? Даже въ томъ случаѣ, когда бы избиратели безо-

шибочно могли найти человѣка способнѣйшаго, онине должны предоставлять ему полной свободы судить за нихъ безъ всякаго отношенія къ ихъ собственному взгляду. Самый способнѣйшій кандидатъ можетъ быть тори, а избиратели либералы, или на оборотъ, они могутъ быть тори кандидата либераломъ. Политическими вопросами дня могутъ быть вопросы церковные; онъ можетъ принадлежать къ числу послѣдователей господствующей церкви или раціонализма, въ то время, какъ избиратели будутъ диссентерами или принадлежащими къ евангелическому исповѣданію, или же *на оборотъ*. Въ подобныхъ случаяхъ способности представителя только помогутъ ему идти далѣе и дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ на томъ пути, который его избиратели считаютъ по совѣсти неправильнымъ; и они могутъ дойти въ своихъ искреннихъ убѣжденіяхъ, до того, что найдутъ гораздо важнѣе имѣть представителемъ человѣка раздѣляющаго ихъ взглядъ на извѣстные вопросы по чувству долга, нежели человѣка доровитаго. Они будетъ принимать въ соображее не только то какъ они могутъ быть наулучшеніе представлены, но и то какъ будутъ представлены ихъ частное нравственное положеніе и взглядъ ихъ на вещи.

Вліяніе всякаго взгляда, раздѣляемаго какимъ либо числомъ гражданъ, должно отражаться въ законодательствѣ. Предполагая, что конституція съ своей стороны приняла всѣ мѣры предосторожности, чтобы обезпечить общее представительство всѣхъ различныхъ и противоположныхъ взглядовъ, избиратели съ своей стороны главнымъ образомъ должны заботиться, при всякомъ особенномъ случаѣ, обезпечить какъ можно лучше собственное свое представительство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ также необходимо, чтобы представитель оставался сложа руки, для того чтобъ

остаться вѣрнымъ интересамъ избирателей, или лучше интересамъ общества, какъ они ихъ понимаютъ. Это не было бы необходимо при существованіи системы, которая предоставляетъ избирателямъ неограниченное право выбора кандидатовъ изъ числа людей честныхъ и безъ предразсудковъ. Но кто же станетъ утверждать, что избиратели должны вполнѣ полагаться на представителя, когда, при настоящей системѣ, вслѣдствіе издержекъ сопряженныхъ съ избирательствомъ, и вообще вслѣдствіе общественнаго устройства, избиратели, почти всегда бываютъ принуждены выбирать себѣ представителя изъ лицъ, положеніе и сословные интересы которыхъ значительно разнятся отъ ихъ собственныхъ. Можно ли обвинять избирателя изъ бѣднаго класса, для котораго выборъ представляется только изъ двухъ или трехъ богачей, за то, что онъ будетъ требовать отъ того, въ чью пользу онъ подаетъ свой голосъ поруки, что тотъ отрекся отъ сословныхъ интересовъ богатаго класса. Сверхъ того всегда будетъ случаться такъ, что нѣкоторые изъ членовъ избирательнаго собранія, не смотря на свое нежеланіе, должны будутъ принять представителя избраннаго, большинствомъ ихъ собственной партіи. Но ежели кандидатъ, выбранный ими, и не будетъ имѣть успѣха, то ихъ голоса все таки могутъ быть необходимы для успѣха того, который будетъ выбранъ для нихъ; въ этомъ случаѣ, единственное средство для того чтобы обезпечить себѣ нѣкоторое вліяніе на его будущую дѣятельность состоитъ въ томъ, чтобы въ замѣнъ доставленной ему поддержки, обязать его извѣстными условіями.

Эти и противныя имъ разсужденія чрезвычайно тѣсно связаны между собою. Необходимо чтобы избиратели вы-

бирали представителя изъ лицъ умнѣе себя, и соглашались подчиняться его высшему уму, но въ то же время невозможно, чтобы согласіе съ ихъ убѣжденіями (если только они ихъ имѣютъ) не имѣло большаго вліянія на рѣшеніе, кто изъ кандидатовъ обладаетъ бо́льшимъ умомъ и наиболѣе доказалъ это своимъ поведеніемъ. Поэтому, нѣтъ никакой возможности установить какія либо положительныя правила объ обязанностяхъ избирателя. Результатъ будетъ менѣе зависѣть отъ установленныхъ правилъ или отъ уважаемыхъ ученій о политической нравственности, чѣмъ отъ общаго расположенія умовъ избирательнаго Собранія относительно столь важнаго условія какъ подчиненіе умственному превосходству. Народы и отдѣльныя личности, которые очень тонко понимаютъ цѣну высшаго разума, надо полагать, всегда узнаютъ его тамъ, гдѣ онъ существуетъ, и узнаютъ не потому, что такой то думаетъ такъ какъ они, но и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, и даже не смотря на значительную разницу въ убѣжденіяхъ: а какъ только они признаютъ его, то у нихъ явится желаніе приманить его на свою сторону, и желаніе слишкомъ сильное для того чтобы еще навязывать ему свои убѣжденія. Съ другой стороны есть характеры, которые ни къ кому не чувствуютъ особеннаго уваженія; которые полагаютъ что нѣтъ людей много умнѣе ихъ, или умнѣе какой либо сотни или тысячи лицъ, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія. Если избиратели имѣютъ подобный взглядъ, то ясно что они выберутъ своимъ представителемъ только человѣка имѣющаго, или по крайней мѣрѣ проповѣдывающаго, одинакія съ ними убѣжденія, и только до тѣхъ поръ они не смѣнятъ его, пока эти убѣжденія будутъ отражаться въ его поведеніи. Всѣ добивающіеся политическихъ почестей будутъ стараться, какъ говоритъ Платонъ устами своего Горгіаса

образовать себя по модели Демоса, и на сколько возможно уподобиться ему. Нельзя отвергать того, что полная демократія имѣетъ сильное стремленіе вылить въ такую форму чувства избирателей. Демократія не благопріятствуетъ духу почтительности. Что она разрушаетъ почтительность къ простому факту общественнаго положенія — это должно отнести къ числу хорошихъ, а не дурныхъ ея сторонъ, хотя дѣйствуя такимъ образомъ она закрываетъ школу почтительности, которая существуетъ въ обществѣ. Но такъ какъ демократія, по самому своему существу, заботится гораздо болѣе о тѣхъ вещахъ, гдѣ всѣ представляются совершенно равными, чѣмъ о тѣхъ, гдѣ одному лицу должно предоставить бо́льшія права на уваженіе чѣмъ другому, то уваженіе, даже къ чисто личному превосходству, будетъ вѣроятно менѣе чѣмъ бы это слѣдовало. Вотъ почему, между другими причинами, я считаю столь важнымъ, чтобы учрежденія страны предоставляли большее вліяніе мнѣніямъ образованныхъ классовъ предъ необразованными. Кромѣ того я требую предоставленія бо́льшаго числа голосовъ доказанному превосходству образованія, хотя бы только для того, чтобы вліять на общественныя чувства, помимо даже какихъ либо прямыхъ политическихъ соображеній.

Если избирательное общество достаточно будетъ сознавать громадное различіе въ достоинствахъ между однимъ и другимъ лицомъ, то оно конечно не будетъ имѣть недостатка въ признакахъ, по которымъ ему можно будетъ отличить человѣка, наиболѣе соотвѣтствующаго его цѣлямъ. Дѣйствительныя услуги оказанныя обществу естественно могли бы служить первымъ признакомъ; такъ напримѣръ: занятіе высокаго общественнаго поста и совершенныя на немъ

важныя дѣла, результатъ которыхъ доказывалъ бы высшій умъ; принятіе такихъ мѣръ, изъ полезнаго дѣйствія которыхъ можно заключить, что они были умно задуманы; предсказанія по большей части оправдывавшіяся фактами, и никогда или очень рѣдко ошибочныя; совѣты которые будучи приняты давали добрыя послѣдствія, если же ихъ отвергали, то наступали дурныя послѣдствія. Конечно въ этихъ признакахъ ума есть много неопредѣленнаго, но мы ищемъ главнымъ образомъ такихъ, которыми могутъ пользоваться люди съ обыкновенною способностью сужденія. Они хорошо сдѣлаютъ, когда не будутъ полагаться на какой либо одинъ признакъ, если онъ не поддерживается другими. При оцѣнкѣ успѣховъ или достоинствъ какого либо практическаго дѣйствія, они должны обращать большое вниманіе на общее мнѣніе безпристрастныхъ лицъ знающихъ это дѣло. Признаки, о которыхъ я говорилъ, должны относиться только къ людямъ уже испытаннымъ, къ числу которыхъ должны быть отнесены и тѣ, которые, хотя и не были испытаны на практикѣ, доказали однакожъ свои способности въ теоретическихъ разсужденіяхъ, которые, разбирая общественныя дѣла въ своихъ рѣчахъ или сочиненіяхъ, показали ясно серьезное знаніе дѣла. Подобные люди, въ качествѣ простыхъ политическихъ мыслителей, могутъ имѣть такія же права на общественное довѣріе какъ и тѣ, которые доказали свои достоинства будучи государственными людьми.

Когда необходимо избирать людей вовсе не испытанныхъ, то при этомъ лучшею мѣрою можетъ служить репутація, какою они пользуются между людьми ихъ знающими, довѣріе и поддержка лицъ уже пользующихся уваженіемъ. Съ помощью такихъ признаковъ избирательныя собранія, которыя дорожатъ умственными достоинствами

и заботливо ищутъ ихъ, говоря вообще найдутъ себѣ людей выше посредственности и очень часто людей такихъ, которымъ можетъ быть предоставлено право вести общественное дѣло согласно съ ихъ нескованымъ сужденіемъ и отъ которыхъ нельзя было бы требовать, не нанося имъ обиды, чтобы они отказывались отъ своихъ убѣжденій въ пользу мнѣній, выраженныхъ людьми обладающими меньшими чѣмъ они знаніями. Когда при добросовѣстномъ отъискиваніи нельзя найти подобныхъ личностей, то конечно избирателей можно оправдать если они принимаютъ и другія мѣры предосторожности: такъ какъ естественно что они согласятся оставить въ сторонѣ свои убѣжденія не иначе, какъ только обезпечивъ себѣ услуги лица, стоящаго по своимъ знаніямъ выше ихъ. Они хорошо бы сдѣлали, если бъ даже и въ этомъ случаѣ помнили, что избранный представитель, посвятившій себя своей обязанности, имѣетъ гораздо болѣе возможности исправить ложное первоначальное сужденіе чѣмъ большинство его избирателей. Это соображеніе вообще препятствовало бы имъ, (исключая случай, когда имъ пришлось бы по необходимости избрать лице, на безпристрастіе котораго они положиться не могутъ) требовать отъ своихъ представителей обѣщанія не мѣнять мнѣній, или въ противномъ случаѣ отказаться отъ своего мѣста. Но когда назначаютъ лицо въ первый разъ и совершенно неизвѣстное, о которомъ никакой значительный авторитетъ не даетъ положительнаго отзыва, тогда нельзя ожидать чтобы избиратели не поставили первымъ условіемъ, что бы лицо это дѣйствовало согласно съ ихъ мнѣніями. Довольно и того, если они не будутъ считать достаточною причиною къ лишенію его довѣрія послѣдующія измѣненія въ его убѣжденіяхъ, когда имъ будутъ представлены откровенно побудительныя къ тому причины.

Но, предполагая даже представителя съ самыми испытанными способностями и возвышеннымъ характеромъ, и тогда нельзя оставлять совсѣмъ въ сторонѣ личнаго мнѣнія избирателя. Уступчивость его передъ умственнымъ превосходствомъ представителя не должна доходить до самоуничтоженія, до отреченія отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Но когда различіе мнѣній не касается главныхъ основаній политики, то; какъ бы ни былъ твердъ избиратель въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ долженъ помнить, что если способный человѣкъ, несогласенъ съ нимъ, то есть по крайней мѣрѣ большая вѣроятность что онъ самъ неправъ; если же это и не такъ, то ему можно отказаться отъ своего взгляда на вещи, не представляющія ничего существеннаго, чтобы пріобрѣсть себѣ неоцѣненное преимущество имѣть на своей сторонѣ человѣка способнаго дѣйствовать за него во многихъ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ самъ онъ даже не могъ бы составить и мнѣнія. Въ подобныхъ случаяхъ избиратель пробуетъ согласить противорѣчія, стараясь убѣдить способнаго человѣка пожертвовать своими мнѣніями въ спорныхъ вопросахъ; но со стороны способнаго кандидата принятіе такой сдѣлки равнялось бы измѣнѣ своему спеціальному назначенію, и сначало бы отреченіе отъ тѣхъ особенныхъ обязанностей, которыя налагаетъ на него его умственное превосходство; а изъ нихъ едва ли не самая священная состоитъ въ томъ, чтобы не отступать отъ защищаемаго дѣла, противъ котораго слышатся крики, и помогать своимъ участіемъ тѣмъ мнѣніямъ которыя наиболѣе въ томъ нуждаются.

Человѣкъ добросовѣстный и извѣстный своими способностями долженъ требовать полной свободы дѣйствовать

по своимъ убѣжденіямъ, и не соглашаться ни на какія другія условія. Но избиратели имѣютъ право знать какъ онъ намѣренъ дѣйствовать; они имѣютъ право знать какихъ мнѣній онъ будетъ держаться въ исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей. Если избиратели не могутъ согласиться съ нѣкоторыми изъ его мнѣній, его дѣло доказать имъ, что не смотря на это небольшое различіе въ мнѣніяхъ, онъ все таки достоинъ быть ихъ представителемъ; и если только они разумны, то въ уваженіе его общихъ достоинствъ, они снисходительно будутъ смотрѣть на многія и важныя различія между ихъ и его убѣжденіями. Впрочемъ есть такого рода несогласія, на которыя они едвали посмотрятъ снисходительно. Всякій человѣкъ, интересующійся управленіемъ своей страны на столько, на сколько долженъ интересоваться этимъ всякій свободный гражданинъ, имѣетъ извѣстныя убѣжденія относительно національныхъ дѣлъ, вошедшія въ его плоть и кровь. Его увѣренность въ правотѣ и важности своего убѣжденія запрещаетъ ему всякую сдѣлку, всякую уступку мнѣнію другаго лица, на сколько бы оно ни было выше его. Если такія убѣжденія существуютъ въ народѣ, или по крайней мѣрѣ въ замѣтной его части, то онѣ имѣютъ право на вліяніе уже вслѣдствіе того факта, что онѣ существуютъ, независимо отъ большей или меньшей вѣроятности ихъ справедливости.

Народъ не можетъ быть хорошо управляемъ, если правительство идетъ наперекоръ его основымъ понятіямъ о справедливости, даже, если бы эти понятія были въ нѣкоторомъ отношеніи ошибочны. Правильное пониманіе отношеній, которыя должны существовать между правителями и управляемыми вовсе не требуетъ, чтобъ избиратели соглашались имѣть представителемъ лицо, имѣющее намѣреніе

управлять ими противно ихъ кореннымъ убѣжденіямъ Хотя избиратели и пользуются талантами своихъ представителей до тѣхъ поръ, пока нѣтъ вѣроятности предполагать, что дѣло коснется тѣхъ самыхъ предметовъ, въ которыхъ они несогласны съ представителемъ, тѣмъ не менѣе, коль скоро дѣло коснется этихъ предметовъ, и они не убѣждены въ томъ, что большинство на ихъ сторонѣ, такъ что несогласный съ ними голосъ представителя не будетъ имѣть значенія, они имѣютъ право смѣнить его немедленно.

Такъ, (для лучшаго объясненія моей мысли я приведу нѣкоторыя собственныя имена, безъ всякаго съ моей стороны личнаго намѣренія) мнѣнія Кобдена и Брайта, противившихся наступательной политикѣ во время Крымской кампаніи, могли быть совершенно отброшены, потому что тогда національное чувство увлекало большинство въ противоположную сторону; между тѣмъ, эти же самыя мнѣнія могли быть причиною ихъ неуспѣха на выборахъ во время споровъ съ Китаемъ (такъ какъ вопросъ былъ самъ по себѣ болѣе сомнителенъ), потому что тогда въ общественномъ мнѣніи было нѣкоторое колебаніе, и даже можно было предполагать что ихъ мнѣніе возметъ верхъ.

Изъ всего предъидущаго можно вывести слѣдующее: 1-ое, связывать представителей формальными обязательствами слѣдуетъ только въ случаяхъ, когда, вслѣдствіе неблагопріятныхъ общественныхъ обстоятельствъ или ошибочныхъ постановленій, избиратели до такой степени ограничены въ своемъ выборѣ, что принуждены выбирать лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ партіи имѣющей враждебные имъ интересы; 2-ое, избиратели имѣютъ право основательно разузнать политическія чувства и убѣжденія кандидата, и не только имѣютъ право, но иногда бываютъ

даже обязаны отказывать въ выборѣ кандидату, не согласному съ ними въ нѣкоторыхъ пунктахъ, составляющихъ основу ихъ политическихъ вѣрованій; 3-е, избиратели должны, насколько они довѣряютъ умственному превосходству кандидата, предоставить ему говорить и дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, хотя бы и несогласнымъ съ ихъ мнѣніями, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается основныхъ пунктовъ ихъ вѣрованія; 4-ое, избиратели должны неутомимо искать такого представителя, которому бы они могли предоставить полную свободу дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ; 5-ое, избиратели должны считать своею обязанностью относительно своихъ согражданъ, употреблять всѣ усилія чтобы законодательство предоставить людямъ съ такими достоинствами; и наконецъ они должны понять, что гораздо важнѣе для нихъ имѣть подобнаго представителя, нежели такого, который бы въ большей части случаевъ соглашался съ ихъ мнѣніемъ: потому что въ первомъ случаѣ они могутъ быть увѣрены что извлекутъ выгоды изъ его способностей, тогда какъ предположеніе что онъ не правъ, а они правы въ спорномъ вопросѣ, еще весьма сомнительно.

Я разбиралъ этотъ вопросъ въ предположеніи, что избирательная система, на сколько это зависитъ отъ существующихъ учрежденій, соотвѣтствуетъ тѣмъ началамъ, которыя были изложены мною въ предшествующихъ главахъ. Но и при этой гипотезѣ, теорія представительства посредствомъ обязательныхъ инструкцій мнѣ представляется ложною и вредною по своимъ послѣдствіямъ, хотя зло въ подобныхъ случаяхъ будетъ заключено въ извѣстныхъ границахъ. — Но если гарантіи, которыми я старался обставить представительный принципъ, не приз-

наются конституціей; если не приняты мѣры для доставленія представительства меньшинству, и не дѣлается никакого различія въ численномъ количествѣ голосовъ, сообразно какой нибудь мѣркѣ, свидѣтельствующей о степени образованности избирателей, — въ такихъ случаяхъ никакими словами нельзя изобразить важности принципа предоставленія представителю полной свободы; потому что при всеобщей подачѣ голосовъ, только въ этомъ случаѣ и можно надѣяться услышать въ Парламентѣ мнѣнія, отличныя отъ мнѣній большинства. Въ такой, ошибочно называемой демократіи, которая въ сущности есть ничто иное какъ исключительное управленіе рабочихъ классовъ, всѣ остальные классы остаются не представленными и не выслушанными; въ этомъ случаѣ единственная возможность избѣжать самаго узкаго сословнаго законодательства и политическаго невѣжества въ самой опасной ихъ формѣ можетъ заключаться лишь въ томъ, что у необразованныхъ избирателей можетъ явиться расположеніе выбирать себѣ образованныхъ представителей и сдаваться на ихъ мнѣнія. — Конечно, можно предполагать нѣкоторую долю такой доброй воли, и потому надо употреблять всѣ старанія чтобы ее развить до возможно высшей степени. — Но если рабочіе классы, облеченные политическимъ всемогуществомъ, добровольно наложатъ, тѣмъ или другимъ путемъ, значительныя ограниченія своей волѣ и своимъ мнѣніямъ, то они выкажутъ себя гораздо разумнѣе чѣмъ какой либо классъ изъ когда либо обладавшихъ абсолютною властью, или даже, мы рискнемъ сказать это, разумнѣе чѣмъ какой либо изъ другихъ классовъ, который когда либо будетъ находиться подъ этимъ развращающимъ вліяніемъ.

ГЛАВА XIII.

Должно ли быть двѣ палаты.

Изъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ теоріи представительнаго правленія, ни одинъ не возбуждалъ такъ много споровъ, и особенно на континентѣ, какъ такъ называемый вопросъ о двухъ палатахъ. Онъ занималъ вниманіе мыслителей гораздо болѣе, чѣмъ вопросы въ десять разъ важнѣйшіе; на него смотрѣли какъ на пробный камень для распознанія приверженцевъ ограниченной демократіи отъ приверженцевъ неограниченной. Что же касается меня, то я не придаю большаго значенія тѣмъ ограниченіямъ, которыя можетъ поставить вторая палата демократіи, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ не стѣсненной; я готовъ думать, что при правильномъ разрѣшеніи всѣхъ другихъ конституціонныхъ вопросовъ, вопросъ о томъ, будетъ ли парламентъ состоять изъ двухъ палатъ, или изъ одной, сравнительно, не имѣетъ большой важности.

Если парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ, то по-

слѣднія могутъ имѣть одинаковый или неодинаковый составъ. Если составъ одинаковъ, то обѣ палаты подвержены однимъ и тѣмъ же вліяніямъ, и все, что будетъ имѣть большинство голосовъ въ одной изъ нихъ, вѣроятно будетъ имѣть и въ другой. Правда, при проведеніи какой нибудь мѣры, необходимость получить согласіе обѣихъ палатъ, иногда можетъ служить матерьяльнымъ препятствіемъ къ улучшеніямъ; потому что, предполагая обѣ палаты представительными и равными по числу голосовъ, число не много превосходящее четвертую часть всѣхъ представителей, можетъ воспрепятствовать биллю пройти; а если бы существовала только одна палата представителей, билль могъ бы пройти при обыкновенномъ большинствѣ голосовъ. Но подобный случай скорѣе можн одопустить въ теоріи, нежели встрѣтить въ дѣйствительности. Не часто можетъ случиться, чтобъ изъ двухъ представительныхъ собраній, одинаковымъ образомъ составленныхъ, одно постановило бы почти единогласное рѣшеніе, а другое, по тому же вопросу, раздѣлилось бы на двѣ приблизительно равныя части: если въ одномъ собраніи большинство отвергаетъ какую нибудь мѣру, то, говоря вообще, и въ другомъ собраніи выскажется противъ этой мѣры многочисленное меньшинство. Слѣдовательно только такія прогрессивныя мѣры встрѣчали бы подобныя препятствія, которыя, во всякое другое время, имѣли бы за себя лишь простое большинство цѣлаго собранія. Самымъ дурнымъ послѣдствіемъ такого положенія было бы то, что, или пришлось бы отсрочить на короткое время принятіе какой нибудь мѣры, или же, надо бы было обратиться къ новому созванію избирателей, съ цѣлію удостовѣриться, соотвѣтствуетъ ли незначительное большинство въ парламентѣ зна-

чительному большинству въ странѣ. Невыгоды отсрочки и выгоды обращенія къ націи могутъ быть разсматриваемы, въ этомъ случаѣ, какъ почти взаимно уравновѣшивающіяся.

Я не придаю большаго значенія и тому доводу, который часто приводится въ защиту необходимости имѣть двѣ палаты, и который состоитъ въ томъ, что этимъ учрежденіемъ предупреждается поспѣшность и, вынуждается вторичное обсужденіе вопроса; потому что, то представительное собраніе, въ которомъ, по установленнымъ формамъ, не требуется болѣе двухъ разборовъ вопроса, я считаю очень дурно устроеннымъ. Соображеніе, которое по моему мнѣнію болѣе всего говоритъ въ пользу двухъ палатъ (и въ этомъ я вижу нѣкоторую важность) заключается въ дурномъ вліяніи, которому подвергается каждый, обладающій властью,— будетъ ли это лицо или собраніе, — если сознаетъ, что онъ не долженъ совѣтоваться ни съ кѣмъ, какъ только съ самимъ собою. Важно также то, чтобы ни одно собраніе людей, даже временно, не могло пользоваться своимъ sic volo, не спросивши предварительно согласія у кого нибудь другаго. Если большинство въ какомъ нибудь собраніи приняло постоянный характеръ, если оно составлено постоянно изъ однихъ и тѣхъ же, обыкновенно за одно дѣйствующихъ лицъ, и если оно въ своемъ собраніи всегда увѣрено въ побѣдѣ, то сознавая себя свободнымъ отъ необходимости имѣть въ виду поддержку со стороны другой конституціонной власти, оно легко дѣлается деспотическимъ и самоувѣреннымъ. Тѣ же самыя причины, которыя заставляли Римлянъ держать двухъ консуловъ, заставляютъ желать двухъ палатъ, для того, чтобы ни одна изъ нихъ не подвергалась вліянію нераздѣльной власти, хоть бы даже только въ теченіи одного года.

Для завѣдыванія общественными дѣлами, въ особенности для направленія дѣятельности свободныхъ учрежденій, болѣе всего необходимы слѣдующія качества: способность къ соглашенію, готовность на полюбовную сдѣлку, на уступку чего нибудь противнику, и умѣніе формулировать хорошія мѣры такъ, чтобы притомъ было сколь возможно менѣе оскорбленій для лицъ противуположнаго взгляда на вещи; — изъ этого благодѣтельнаго обыкновенія вытекаютъ взаимные заемъ и отдача (какъ ихъ называютъ), между двумя палатами;—эта постоянная школа приноситъ пользу даже въ настоящее время, но польза отъ нея вѣроятно почувствуется еще сильнѣе, при болѣе демократическомъ устройствѣ законодательства.

Но нѣтъ надобности чтобъ обѣ палаты имѣли одинаковый составъ; онѣ могутъ быть устроены съ цѣлію удерживать одна другую. Если одна палата будетъ демократическою, то другая естественно будетъ составлена съ тою цѣлію, чтобы нѣсколько ограничивать демократію. Но въ этомъ отношеніи значеніе ея будетъ вполнѣ зависѣть отъ общественной поддержки, которую она будетъ имѣть внѣ парламента. Власть, которая не опирается на какой нибудь сильный элементъ въ странѣ, будетъ недѣйствительною противъ той, которая имѣетъ такую опору. Палата аристократовъ можетъ быть могущественна только въ аристократическомъ обществѣ. Палата лордовъ была нѣкогда сильнѣйшею властію въ англійскомъ правительствѣ, а палата общинъ только сдерживающею силой, но это было тогда, когда бароны представляли почти единственную силу внѣ стѣнъ парламента. Я не могу повѣрить, чтобы въ дѣйствительно демократическомъ обществѣ палата лордовъ имѣла хоть какое нибудь практическое значеніе, въ качествѣ учрежденія умѣ-

ряющаго демократію. Когда одна изъ сторонъ слабѣе сравнительно съ другою, то, для того чтобы дать слабѣйшей сторонѣ какое либо значеніе, не надо выводить ихъ въ открытое поле и доводить до боя. Подобная тактика повела бы къ окончательному пораженію слабѣйшей стороны. Она можетъ дѣйствовать съ наибольшею выгодой не тогда, когда будетъ стоять въ сторонѣ и вынуждать каждаго агента высказываться за или противъ нея; но когда займетъ положеніе скорѣе среди толпы, нежели противъ нея, привлечетъ къ себѣ элементы, наиболѣе способные сойтись съ нею въ чемъ либо, и не выставляя себя открытымъ бойцомъ въ этой борьбѣ, чтобы не вызвать противъ себя всеобщаго ополченія, будетъ дѣйствовать какъ элементъ въ смѣшанной массѣ, производя броженіе и давая, посредствомъ своего вліянія, перевѣсъ той изъ сторонъ, которая иначе осталась бы слабѣйшею. Въ демократической конституціи, власть дѣйствительно умѣряющая демократію, должна помѣщаться въ самой средѣ демократическаго собранія и дѣйствовать посредствомъ него.

Во всякомъ государственномъ устройствѣ долженъ быть центръ сопротивленія противъ преобладающаго начала; слѣдовательно, въ демократическомъ правленіи нужна сторона противодѣйствующая демократіи—объ этомъ я уже говорилъ прежде, и смотрю на это какъ на основное начало правленія. Если какой либо народъ, имѣющій демократическое представительство, вслѣдствіе своей исторіи болѣе склоненъ терпѣть такой центръ сопротивленія въ видѣ второй палаты или палаты лордовъ, чѣмъ въ какой нибудь другой формѣ, то и слѣдуетъ дать учрежденію именно это устройство. Но такая форма учрежденія не кажется мнѣ лучшею въ своемъ родѣ, и ни какъ не самою дѣйствительною для дости-

женія цѣли. Когда существуютъ двѣ палаты, изъ которыхъ одна представляетъ народъ, другая же представляетъ одинъ классъ его, или даже не составляетъ вовсе представительнаго собранія, то я не думаю чтобы тамъ, гдѣ демократія есть господствующее начало въ обществѣ, чтобы тамъ вторая палата дѣйствительно была въ состояніи противодѣйствовать даже простымъ ошибкамъ первой. Вторая палата, въ этомъ случаѣ, была бы терпима лишь изъ снисхожденія къ привычкѣ сообщества, но никакъ не въ смыслѣ дѣйствительно противодѣйствующаго начала. Еслибъ она захотѣла дѣйствовать независимо, то могла бы такъ дѣйствовать только держась вообще того самаго направленія, какого держится и другая палата; она должна бъ была сдѣлаться такою же демократическою какъ и эта послѣдняя, и довольствоваться только поправками случайныхъ промаховъ другой, болѣе народной стороны законодательнаго собранія, или же соперничать съ нею въ проведеніи популярныхъ мѣръ.

Итакъ возможность осуществленія какого нибудь обуздывающаго средства противъ преобладанія большинства, зависитъ отъ распредѣленія силъ въ наиболѣе популярной вѣтви правительственной корпораціи; и я уже указалъ лучшій, по моему мнѣнію, способъ уравновѣшенія силъ. Я указалъ также, что если количественное большинство и будетъ пользоваться совершеннымъ преобладаніемъ посредствомъ соотвѣтствующаго большинства въ парламентѣ; но если, въ то же время, согласно чисто демократическому принципу, меньшинству дозволено будетъ пользоваться подобнымъ же правомъ, въ силу котораго оно можетъ имѣть соразмѣрное число своихъ представителей,—то такая мѣра будетъ служить достаточнымъ ручательствомъ того, что въ палатѣ постоянно будетъ находиться (на основаніи

тѣхъ же народныхъ правъ) такое количество первоклассныхъ дарованій, что, не составляя отдѣльнаго класса и не пользуясь никакими ненавистными привилегіями, эта часть національнаго представительства будетъ имѣть значенія гораздо больше, чѣмъ бы это слѣдовало по ея числительному составу, и представитъ искомый нравственный центръ сопротивленія, въ наиболѣе дѣйствительной его формѣ.

Слѣдовательно для достиженія этой цѣли нѣтъ надобности учреждать вторую палату; она не только не поведетъ къ ней, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще будетъ служить тому препятствіемъ. Если, однакожъ, по другимъ причинамъ, объясненнымъ выше, нашли бы нужнымъ учредить вторую палату, то желательно, чтобъ она была составлена изъ элементовъ, которые, не находясь подъ вліяніемъ интересовъ враждебныхъ большинству, были бы склонны противиться сословнымъ интересамъ большинства и способны съ достаточнымъ авторитетомъ возставать противъ его заблужденій и слабостей. Этихъ условій очевидно нельзя найти въ собраніи организованномъ на подобіе нашей палаты лордовъ. Съ тѣхъ поръ какъ высокое званіе и личное богатство перестали внушать почтеніе въ демократіи, палата лордовъ потеряла свое значеніе.

Изъ всѣхъ принциповъ, на которыхъ можно основать разумное консервативное собраніе, съ цѣлію умѣрять и регулировать преобладаніе демократіи, наилучшимъ мнѣ кажется тотъ, на которомъ основывалось устройство римскаго сената, наиболѣе разумной и проницательной изъ корпорацій, когда либо управлявшихъ общественными дѣлами. Недостатки демократическаго собранія, которое представляетъ собою все общество, суть недостатки самаго общества, — отсутствіе спеціальнаго навыка въ общественныхъ

дѣлахъ и раціональныхъ познаній. Чтобъ устранить это, надо присоединить къ нему другое собраніе, характеристическія черты котораго были бы знаніе и спеціальная подготовка. Если одна палата представляетъ собою народныя чувства, то другая должна представлять личное достоинство, испытанное и гарантированное дѣйствительною общественною службой, и подкрѣпленное практическою опытностію. Если одна палата будетъ народною, то другая должна быть палатою государственныхъ людей, Совѣтомъ составленнымъ изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые занимали важныя общественныя должности. Эта Палата была бы нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ собраніе только умѣряющее. Она не служила бы только уздою, но была бы и двигающею силой. Власть, сдерживающая народъ, находилась бы въ рукахъ у людей наиболѣе способныхъ и наиболѣе склонныхъ къ тому, чтобы вести этотъ народъ по истинному пути. Такой Совѣтъ, которому будетъ ввѣрена обязанность исправлять народныя заблужденія, не представитъ собою классъ, интересы котораго считаются противуположными народнымъ, но будетъ состоять изъ естественныхъ вождей народа на пути прогресса. Никакой другой способъ устройства палаты не въ состояніи дать столько значенія и вѣса ея умѣряющему вліянію. Такое учрежденіе, всегда передовое на пути прогресса, уже нельзя будетъ называть мѣшающею палатой, какому бы количеству зла она не помѣшала.

Еслибъ въ Англіи было мѣсто для подобнаго сената (мнѣ едва ли нужно оговариваться, что это чистая гипотеза), то въ составъ его должны бъ войти слѣдующіе элементы: всѣ тѣ лица которыя или состоятъ, или были членами законодательной комиссіи, описанной въ одной изъ предше-

ствующихъ главъ, и на которую я смотрю какъ на необходимый элементъ во всякомъ благоустроенномъ народномъ правительствѣ; всѣ тѣ, которые, или суть, или были главными судьями (Chief justices), или президентами какого нибудь изъ высшихъ судовъ; всѣ тѣ, которые въ продолженіи пяти лѣтъ, были младшими судьями (puisne judge); всѣ тѣ, которые въ продолженіи двухъ лѣтъ были членами кабинета: эти послѣдніе могли бы быть выбираемы въ палату общинъ, но на время пребыванія въ послѣдней не должны пользоваться званіемъ пера или сенатора. Условіе времени необходимо, чтобъ воспрепятствовать производству въ министры лицъ, для того только, чтобъ дать имъ мѣсто въ сенатѣ; двухълѣтній срокъ, дающій имъ право на пенсіонъ, могъ бы имъ давать право и на сенаторское званіе. Всѣ тѣ, которые исполняли должность главнокомандующаго, или командуя арміею или флотомъ, получали благодарность парламента за военно-сухопутные или морскіе подвиги; всѣ тѣ, которые въ продолженіе десяти лѣтъ занимали какой нибудь первоклассный дипломатическій постъ; всѣ тѣ, которые были генералъ губернаторами Индіи или британской Америки, или въ продолженіи десяти лѣтъ были начальниками какихъ нибудь колоній. Долговременная гражданская служба должна также имѣть свое представительство. Званіе сенатора получали бы всѣ тѣ, которые исполняли въ продолженіи десяти лѣтъ важную должность помощника секретаря казначейства, или постояннаго помощника государственнаго секретаря, или другія высокія и отвѣтственныя должности. Сенаторское званіе должно быть даваемо лишь тѣмъ лицамъ, которыя отправляли политическія, военныя и флотскія должности. Достоинства ученыя и литературныя слишкомъ неопредѣ-

ленны и спорны: для оцѣнки ихъ необходима большая разборчивость, между тѣмъ какъ другія качества и заслуги говорятъ сами за себя. Если труды писателя, которые составили ему репутацію, не касаются политики, то они не доказываютъ чтобъ онъ имѣлъ требуемыя спеціальныя качества; если же, на оборотъ, это произведенія по части политики, то онѣ каждому послѣдовательному министерству дадутъ возможность наводнять палату орудіями различныхъ партій.

По историческимъ преданіямъ Англіи можно заключить, что, безъ насильственнаго ниспроверженія (которое невѣроятно) англійской конституціи, едва ли вторая палата можетъ быть основана иначе, какъ не на основаніяхъ палаты лордовъ. Не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи нынѣшней палаты лордовъ и о замѣнѣ ея такимъ сенатомъ, который я очертилъ, или какимъ либо другимъ учрежденіемъ; но вѣроятно такихъ трудностей не представится для подмѣси къ существующему собранію, въ качествѣ пожизненныхъ перовъ, тѣхъ классовъ и категорій, о которыхъ выше было сказано. Дальнѣйшею мѣрою, и можетъ быть необходимою при этомъ предположеніи, должно быть то, чтобы наслѣдственное перство имѣло представителей въ палатѣ, а не само лично въ ней засѣдало: практика уже ввела этотъ обычай для шотландскихъ и ирландскихъ перовъ, и такая мѣра, вслѣдствіе одного только размноженія сословія, сдѣлается черезъ нѣкоторое время неизбѣжною. Примѣненіе плана Гэра предупредитъ представительство въ парламентѣ исключительно одного большинства перовъ. Еслибъ былъ допущенъ одинъ представитель отъ десяти перовъ, тогда каждая группа изъ десяти могла бы выбрать своего представителя, и перы могли бы для этой

цѣли групироваться какъ имъ угодно. Вотъ какъ бы можно было поступить при выборахъ: всѣ перы, которые могли бы быть кандидатами для представленія своего класса, должны объявить о своемъ желаніи и внести свое имя въ списокъ. Потомъ оставалось бы назначить день и мѣсто, куда перы, желающіе выбрать представителей, должны собраться лично, или, слѣдуя парламентскому обыкновенію, выслать своихъ довѣренныхъ. Каждый вотирующій долженъ будетъ подать голосъ только за одного кандидата, и кандидатъ, который получитъ десять голосовъ, долженъ считаться выбраннымъ. Еслибъ онъ получилъ болѣе десяти голосовъ, то всѣ избиратели, кромѣ десяти, должны взять назадъ свои голоса, рѣшая жребіемъ, или иначе, кто эти десять. Эти десять человѣкъ составили бы его избирательную единицу, а оставшіяся за тѣмъ лица моглибъ вотировать за кого нибудь другаго. Этотъ процессъ надо повторять до тѣхъ поръ, пока (на сколько это возможно), каждый перъ присутствующій или лично, или черезъ довѣреннаго, не будетъ имѣть своего представителя. Въ случаѣ, если останется менѣе десяти перовъ неподавшихъ голоса, то, если ихъ болѣе пяти, можно признать за ними право избранія еще одного представителя; если же ихъ менѣе пяти, то ихъ голоса должны считаться потерянными, или можно имъ дозволить приписать свои имена въ пользу того или другаго изъ избранныхъ. За этимъ незначительнымъ исключеніемъ, каждый представитель—перъ будетъ представлять десять членовъ перства, изъ которыхъ каждый не только вотировалъ за этого члена, но выбралъ его изъ всѣхъ кандидатовъ, какъ лицо, которое онъ наиболѣе желалъ имѣть своимъ представителемъ. Въ видѣ вознагражденія перамъ, которые не были бы выбра-

ны представителями своего класса, можно имъ предоставить право быть избираемыми въ палату общинъ; въ этомъ справедливомъ правѣ отказано теперь перамъ Шотландіи и Ирландіи, въ ихъ собственныхъ странахъ, между тѣмъ какъ за исключеніемъ одного только самого многочисленнаго большинства перства, въ правѣ представительства отказано и тѣмъ и другимъ. Такой способъ составленія сената, который былъ здѣсь представленъ, не только кажется лучшимъ въ своемъ родѣ, но имѣетъ за собою историческія прецеденты; дѣйствительную его успѣшность можно доказать многими доводами. Однако это не единственный проэктъ, который можно предложить. Другой возможный способъ составленія второй палаты, состоитъ въ выборѣ членовъ ея членами первой съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы послѣдніе не выбирали никого изъ среды себя. Такое собраніе, созданное какъ и американскій сенатъ, народнымъ голосомъ, только однажды выраженнымъ и потомъ удаленнымъ, не было бъ разсматриваемо какъ противное демократическимъ учрежденіямъ, и вѣротно пріобрѣло бы значительное вліяніе въ народѣ. По роду своего происхожденія, палата эта, особенно не способна возбудить къ себѣ ревность въ народной палатѣ, или вызвать враждебное столкновеніе съ нею. Кромѣ того, почти навѣрно (если предосторожности для представительства меньшинства будутъ приняты), составъ второй палаты будетъ всегда хорошъ; такая палата будетъ заключать въ себѣ многихъ изъ самыхъ способныхъ лицъ, которыя, или случайно, или по недостатку показныхъ качествъ, не желали искать, или не могли получить голоса избирательнаго народнаго общества.

Лучшее устройство второй палаты выразится тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ наибольшее количество эле-

ментовъ, свободныхъ отъ сословныхъ интересовъ и предразсудковъ большинства, но въ то же время не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбляющаго демократическія чувства. Но, повторяю, что никакимъ образомъ нельзя положиться на вторую Палату, какова бы она ни была, какъ на главный элементъ умѣряющій преобладаніе демократіи. Характеръ представительнаго правленія опредѣляется устройствомъ народной Палаты. Въ сравненіи съ этимъ, всѣ прочіе вопросы относительно формы правленія маловажны.

ГЛАВА XIV.

Исполнительная власть въ представительномъ правленіи.

Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, на какія вѣтви должна быть подраздѣлена исполнительная часть управленія. Въ этомъ отношеніи потребности различныхъ правительствъ различны; нѣтъ также особенаго основанія предполагать большія ошибки въ распредѣленіи занятій, когда люди имѣютъ готовность начать съ начала, и не считаютъ нужнымъ стѣснять себя рядомъ случайностей, которыя въ старомъ правительствѣ, какъ англійское, произвели настоящее раздѣленіе общественныхъ занятій. Достаточно сказать, что классификація общественныхъ дѣятелей должна соотвѣтствовать классификаціи предметовъ ихъ занятій, и что не должно существовать нѣсколькихъ учрежденій, независимыхъ другъ отъ друга, имѣющихъ цѣлію наблюдать за отдѣльными частями одного естествен-

наго цѣлаго, какъ это было еще очень недавно и теперь еще встрѣчается, хотя въ меньшей степени, въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ. Когда дѣло касается какого либо одного предмета (какъ напримѣръ устройства способной къ дѣйствію арміи), то и власть, которой оно поручено, должна быть одна.

Совокупность средствъ направленныхъ къ одной цѣли, должна подлежать одному и тому же контролю, и одной и той же отвѣтственности. Если же они раздѣлены между отдѣльными независимыми вѣдомствами, то для каждаго изъ этихъ вѣдомствъ средства обращаются въ цѣли, и ни одно изъ нихъ, кромѣ главы правленія (по всей вѣроятности лишеннаго необходимой практической опытности въ веденіи частей), не заботится о достиженіи настоящей цѣли. Въ этомъ случаѣ различные роды средствъ не соединены между собою, и не приспособлены другъ къ другу общею руководящею идеею; и тогда какъ каждое отдѣльное вѣдомство выставляетъ свои собственныя требованія, нисколько не заботясь о требованіяхъ другихъ, цѣль всей работы постоянно приносится въ жертву самой работѣ.

Въ принципѣ, всякая исполнительная должность, высшая или низшая, должна быть опредѣленною обязанностію какого либо отдѣльнаго лица. Тогда бы всѣмъ было извѣстно кто что дѣлаетъ, и что, по чьей винѣ, остается не сдѣланнымъ. Коль скоро неизвѣстно кто долженъ отвѣчать, то нѣтъ и отвѣтственности; если же она и существуетъ, то не можетъ быть раздѣлена безъ ослабленія. Чтобы удержать ее на возможной высотѣ, необходимо, чтобъ одно лице пользовалось всѣми почестями за сдѣланное хорошее, и подвергалось всѣмъ послѣдствіямъ за дурное. Впрочемъ есть два способа раздѣлять отвѣтственность: одинъ

ее только ослабляетъ, а другой совершенно уничтожаетъ. Она ослабляется, когда какой либо актъ исполняется при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ. Каждое изъ нихъ въ этомъ случаѣ подлежитъ еще дѣйствительной отвѣтственности; если дѣло исполнено дурно, никто изъ нихъ не можетъ сказать что онъ его не дѣлалъ: онъ участвовалъ въ немъ совершенно такъже, какъ сообщникъ участвуетъ въ преступленіи; если законъ признаетъ въ ихъ дѣйствіи преступленіе, всѣ могутъ быть законно наказаны, и наказаніе ихъ вовсе не должно быть меньше, чѣмъ если бы было одно виновное лице. Но это самое нельзя примѣнить къ общественному мнѣнію: его похвала или порицаніе всегда уменьшаются если ихъ надо дѣлить между нѣсколькими лицами. Если нѣтъ ни закономъ опредѣленнаго преступленія, ни подкупа, ни злоупотребленія, а только ошибки или неблагоразуміе, или то что можетъ быть сочтено такимъ, то всякій участвовавшій въ этомъ, находитъ себѣ извиненіе какъ въ своихъ глазахъ такъ и въ глазахъ свѣта, именно потому, что и другія лица дѣйствовали подобно ему. Почти все, даже нечестность въ денежныхъ дѣлахъ, находитъ себѣ оправданіе, если только тѣ, которые обязаны были противиться или предостерегать, не исполнили этого, а тѣмъ болѣе, если дали прямое согласіе.

Въ этомъ случаѣ, отвѣтственность, хотя и ослабляется, но все таки еще существуетъ; каждый изъ участвовавшихъ согласился и содѣйствовалъ акту сообразно съ своимъ личнымъ значеніемъ. Но гораздо хуже, когда дѣйствіе есть произведеніе большинства закрытаго коллегіальнаго учрежденія, такъ что никто не знаетъ и, кромѣ рѣдкихъ случавъ, едва ли и узнаетъ, кто изъ членовъ былъ за или противъ дѣйствія. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность

существуетъ только по имени. По счастливому выраженію Бентама, «коллегіи — ширмы». Дѣйствія коллегіальнаго учрежденія не составляютъ дѣйствій какого либо отдѣльнаго лица, и потому отдѣльныя лица не могутъ отвѣчать за нихъ; самая репутація коллегіальнаго учрежденія страдаетъ только въ его собирательномъ значеніи; членъ его сочувствуетъ ей только настолько, насколько онъ самъ расположенъ соединять свое личное достоинство съ достоинствомъ того учрежденія; чувство это бываетъ очень сильно въ учрежденіяхъ съ несмѣняемымъ составомъ, гдѣ личность члена на вѣки связана со всѣмъ ихъ хорошимъ и худымъ; но движеніе современной служебной карьеры не даетъ времени образоваться такому esprit de corps; и если еще онъ существуетъ, то только въ темныхъ рядахъ низшихъ чиновниковъ, занимающихъ постоянныя мѣста. Слѣдовательно коллегіальныя учрежденія не представляютъ хорошаго орудія исполнительной власти, и могутъ быть допущены только въ такихъ случаяхъ, когда, по какимъ либо другимъ причинамъ, ввѣрить полную власть одному дѣятелю было бы еще хуже.

Съ другой стороны есть правило заимствованное изъ опыта, что мудрость—во множествѣ совѣтниковъ, и что одинъ человѣкъ, когда онъ предоставленъ собственнымъ свѣдѣніямъ, или свѣдѣніямъ какого либо одного совѣтника, рѣдко хорошо судитъ даже о своихъ собственныхъ дѣлахъ, и еще хуже о дѣлахъ общественныхъ. Нельзя считать эти два правила совершенно несовмѣстимыми. Можно возложить полную власть и отвѣтственность на одно лицо, давъ ему, на случай надобности, совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый долженъ быть отвѣтственъ только за поданное имъ мнѣніе.

Человѣкъ, стоящій во главѣ исполнительной власти, вообще бываетъ не болѣе какъ политикъ. Онъ можетъ быть въ одно время и хорошимъ политикомъ и человѣкомъ вообще съ достоинствами, и гдѣ это не встрѣчается обыкновенно, тамъ правительство бываетъ дурно. Но эта его общая способность и познанія, которыя онъ долженъ имѣть въ общихъ интересахъ страны, не сопровождаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, равносильными, такъ называемыми спеціальными свѣденіями въ управленіи тою частью, которой онъ назначенъ начальникомъ. Поэтому, ему необходимо дать совѣтниковъ, обладающихъ такими свѣденіями. Когда для дѣла достаточно только простой опытности и обыкновенныхъ способностей, когда качества, требуемыя отъ совѣтника спеціалиста, могутъ соединяться въ одномъ удачно выбранномъ лицѣ, (какъ это можетъ встрѣтиться въ юристѣ), тогда довольно одного такого лица для главнаго управленія дѣломъ, и извѣстнаго числа исполнителей, опытныхъ въ веденіи подробностей. Но большею частью недостаточно министру совѣтываться съ кѣмъ либо изъ знающихъ людей, и въ случаѣ своего незнанія дѣла, точно слѣдовать его совѣтамъ. Часто необходимо, чтобы онъ, не при случаѣ только, а постоянно выслушивалъ разнообразныя мнѣнія, и посредствомъ преній совѣта, разъяснялъ свое мнѣніе. Это напримѣръ крайне необходимо въ дѣлахъ военныхъ и морскихъ. Поэтому какъ военный, такъ и морской министръ, а вѣроятно и многіе другіе, должны имѣть при себѣ, (по крайней мѣрѣ первые два), совѣтъ, составленный изъ людей способныхъ и обладающихъ большою опытностью въ спеціальномъ ихъ дѣлѣ. Для того чтобъ имѣть, при всѣхъ перемѣнахъ управленія, людей наиболѣе способныхъ, члены совѣтовъ должны быть по-

стоянными (permanent). Этимъ я хочу сказать, чтобы они не были, подобно лордамъ адмиралтейства, увольняемы отъ должностей вмѣстѣ съ министерствомъ, ихъ назначившимъ. Я нахожу хорошимъ обыкновеніе, чтобы всѣ тѣ, которые опредѣляются на высокія должности за отличіе, а не по обыкновенному порядку служебнаго производства, занимали должность только опредѣленное время, если не будетъ вторичнаго назначенія; это правило соблюдается нынѣ при назначеніяхъ въ штабѣ англійской арміи. Такой способъ даетъ меньше мѣста интригѣ, такъ какъ должности не пожизненныя; въ то же время онъ представляетъ средство отдѣлаться отъ тѣхъ, кто менѣе достоинъ своего званія, и возвести младшихъ по службѣ, которые никогда не могли бы получить такого мѣста, еслибъ были принуждены дожидаться смерти или добровольнаго выхода старыхъ.

Совѣты должны быть чисто совѣщательные, въ томъ смыслѣ, что окончательное рѣшеніе исключительно принадлежитъ самому министру; но они не должны считать себя, и не должны быть почитаемы за нули, или быть способны сдѣлаться такими по прихоти министра. Совѣтники сильнаго и можетъ быть своевластнаго лица, должны быть поставлены въ такія условія, чтобы имъ безъ потери честнаго имени, было невозможно, не высказывать своего мнѣнія, а ему не выслушивать и не разсматривать ихъ представленій, приметъ или онъ ихъ или нѣтъ. Образцомъ отношеній, которыя должны быть между начальникомъ и такого рода совѣтниками, можетъ служить устройство совѣта генералъ губернатора и совѣтовъ президенствъ въ Индіи. Совѣты эти составлены изъ лицъ, по своимъ занятіямъ, спеціально знакомыхъ съ дѣлами Индіи, чего обыкновенно недостаетъ генералъ губернаторамъ и президентамъ, и чего

отъ нихъ не слѣдовало бы и требовать. Отъ каждаго члена совѣта требуется чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе, которое разумѣется, часто бываетъ не болѣе какъ простое согласіе; въ случаѣ же разногласія, каждый изъ членовъ можетъ требовать (что постоянно и дѣлается) чтобы основанія его мнѣній были занесены въ протоколъ; такъ же поступаютъ и генералъ губернаторы и президенты. Въ обыкновенныхъ случаяхъ рѣшеніе бываетъ большею частью согласно съ мнѣніемъ большинства; и слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ, совѣтъ принимаетъ дѣйствительное участіе въ управленіи. Но если генералъ-губернаторъ или губернаторъ считаетъ нужнымъ, то можетъ оставить въ сторонѣ даже единогласное заключеніе совѣта, изложивъ только въ протоколѣ свои основанія. Изъ этого слѣдуетъ, что начальникъ лично и дѣйствительно долженъ отвѣчать за всѣ дѣйствія въ управленіи. Члены совѣта отвѣчаютъ только какъ совѣтники. Но, во всякомъ случаѣ, изъ документовъ, которые могутъ быть представлены и которые всегда предъявляются по требованію парламента или общественнаго мнѣнія, всегда можетъ быть извѣстно, что каждый совѣтовалъ, и на чемъ основывалъ свое мнѣніе; въ то же время, благодаря своему высокому положенію и значительному участію во всѣхъ распоряженіяхъ управленія, совѣтники имѣютъ почти столь же сильныя побудительныя причины серьезно работать для общественнаго дѣла и заботиться о правильности и обдуманности своихъ мнѣній по всѣмъ предметамъ управленія, какъ если бы они несли на себѣ за нихъ всю отвѣтственность.

Этотъ способъ веденія высшихъ административныхъ дѣлъ представляетъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ примѣровъ приспособленія средствъ къ цѣлямъ; политическая

исторія, до сихъ поръ не слишкомъ изобиловавшая умными и практическими учрежденіями, представляетъ немного такихъ примѣровъ. Это одно изъ тѣхъ пріобрѣтеній которыми опытность въ управленіи Остъ-Индской компаніи обогатила политическое искусство. И подобно большей части другихъ мудрыхъ учрежденій компаніи, сохранившихъ Англіи Индію, и показавшихъ удивительное искусство управленія при бывшихъ обстоятельствахъ и средствахъ, ему также суждено погибнуть на общемъ кострѣ, которому кажется обречены всѣ постановленія индѣйскаго правительства съ тѣхъ поръ, какъ онѣ отданы въ распоряженіе общественнаго невѣжества и надменнаго тщеславія государственныхъ людей. Уже слышатся крики требующіе уничтоженія Совѣтовъ, какъ лишнихъ и дорогихъ тормазовъ въ механизмѣ государственнаго управленія; уже давно предъявляется требованіе, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ кредита въ высшихъ сферахъ, объ уничтоженіи спеціальныхъ гражданскихъ должностей, которыя подготовляютъ дѣятелей для Совѣтовъ, и которыхъ существованіе есть единственная гарантія въ томъ, что Совѣты будутъ имѣть какое либо значеніе.

Очень важное условіе для хорошаго управленія при народномъ правительствѣ заключается въ томъ, чтобы лица, которымъ поручается исполнительная власть, не назначались по народному избранію, ни самимъ народомъ, ни чрезъ его представителей. Все дѣло управленія есть ремесло для котораго нужны особыя способности; качества, требуемыя имъ, принадлежатъ къ особому роду, и могутъ быть оцѣнены какъ слѣдуетъ только людьми, которые сами обладаютъ извѣстною долею ихъ, или имѣютъ извѣстную долю практическаго навыка въ этомъ дѣлѣ.

Найти людей, наиболѣе способныхъ къ занятію общественныхъ должностей, выбирая для этого лучшихъ дѣятелей не только изъ числа представляющихся, но лучшихъ въ безусловномъ смыслѣ этого слова, замѣчая всѣхъ встрѣчающихся способныхъ людей, чтобъ ихъ можно было всегда найти въ случаѣ надобности,—задача весьма трудная, и требуетъ тонкой разборчивости со стороны отъискивающаго. И такъ какъ нѣтъ другой общественной обязанности исполняемой хуже, то нѣтъ и дѣла, котораго исполнители должны бъ быть подвержены большей практической отвѣтственности; поэтому оно должно составлять особенную обязанность высшихъ властей въ разныхъ отрасляхъ управленія. Всѣ тѣ низшія должностныя лица, которыя назначаются не по какому либо публичному испытанію, должны быть назначаемы тѣми министрами, въ вѣдомствѣ которыхъ они служатъ, подъ личною ихъ отвѣтственностью. Всѣ министры естественно выбираются главою министерства, а глава министерства, хотя на дѣлѣ выбираемый парламентомъ, въ королевскихъ правленіяхъ оффиціально, назначается отъ короны. Лице назначающее только одно и должно имѣть право отставлять тѣхъ изъ подчиненныхъ которые могутъ быть смѣняемы; но большая часть изъ нихъ должны быть несмѣняемы, иначе какъ за личную недобросовѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ждать, чтобъ лица, которыя занимаются подробностями веденія общественныхъ дѣлъ, и которыхъ особыя качества гораздо важнѣе для общества, чѣмъ самъ министръ, чтобъ они посвятили себя этому занятію и пріобрѣтенію необходимыхъ знаній и навыка, отъ которыхъ министръ часто совершенно зависитъ, — и все для того, чтобъ быть уволенными отъ должности безъ другой причины, кромѣ прихоти министра,

или его желанія замѣнить ихъ кѣмъ либо другимъ, болѣе способнымъ содѣйствовать его политическимъ интересамъ.

Если принципъ осуждаетъ назначеніе народомъ дѣятелей исполнительной власти, то слѣдуетъ ли, чтобы глава ея составлялъ исключеніе въ республиканскомъ правительствѣ? Хорошо ли правило въ американской конституціи, которое требуетъ, чтобъ президентъ назначался каждые четыре года по народному избранію? Вопросъ не безъ трудностей. Въ такой странѣ какъ Америка, гдѣ нечего опасаться coup d'etat, безспорно есть нѣкоторыя выгоды въ томъ, чтобы сдѣлать главу исполнительной власти *конституціонно* независимымъ отъ законодательнаго собранія, и такимъ образомъ двѣ главныя вѣтви правленія, одинаково народныя какъ по своему происхожденію, такъ и по отвѣтственности, сдѣлать взаимно сдерживающими другъ друга силами. Планъ этотъ соотвѣтствуетъ тому ревностному старанію избѣгать сосредоточенія сильной власти въ однѣхъ рукахъ, которое составляетъ характеристическую черту американской федеральной конституціи. Но въ этомъ случаѣ выгода покупается цѣною превосходящею всякій разумный разсчетъ. Кажется гораздо лучше, чтобы лице, на которое возлагается высшая власть въ республикѣ, назначалось прямо представительнымъ собраніемъ, подобно тому, какъ глава министерства назначается на дѣлѣ въ конституціонныхъ монархіяхъ. Тутъ прежде всего можно быть увѣреннымъ, что выборъ будетъ сдѣланъ лучше. Партія, имѣющая большинство въ парламентѣ, назначала бы обыкновенно своего предводителя, которыйвсегда бываетъ однимъ изъ передовыхъ, и часто дѣйствительно самый передовой, между политическими людьми, тогда какъ президенты Сѣверо-американскихъ Штатовъ, съ тѣхъ поръ какъ послѣд-

ній изъ основателей республики сошелъ со сцены, все люди темные, или хотя и имѣющіе репутацію, но пріобрѣвшіе ее совсѣмъ на другомъ поприщѣ, а не на государственномъ. И это, какъ я уже замѣтилъ, не есть какой либо случай, а естественное слѣдствіе существующаго порядка. Замѣчательные люди какой либо партіи, никогда не могутъ быть успѣшными ея кандидатами на выборахъ, въ которыхъ участвуетъ вся страна. Всякій замѣчательный человѣкъ имѣетъ личныхъ враговъ, или потому что сдѣлалъ что либо, или потому что высказалъ мнѣніе, ненравящееся мѣстному обществу, или значительной его части, и это ему почти всегда невыгодно отзовется на выборахъ; тогда какъ человѣкъ безъ репутаціи, ничѣмъ другимъ не извѣстный кромѣ того, что исповѣдуетъ вѣру партіи, легко пріобрѣтаетъ себѣ голоса всей партіи. Другое важное неудобство, это — непрерывное заискиваніе голосовъ (electioneering). Когда высшая власть въ государствѣ назначается по народному избранію, возобновляемому чрезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, то все промежуточное время проходитъ собственно говоря въ происках. Президентъ, министръ, предводители партіи и ихъ послѣдователи, всѣ становятся искателями голосовъ (electioneerers): во всемъ обществѣ возбуждается напряженное вниманіе исключительно къ однимъ политическимъ личностямъ, и когда предстанетъ какой либо общественный вопросъ, то при обсужденіи и рѣшеніи его, имѣютъ въ виду гораздо менѣе его сущность, чѣмъ то значеніе какое онъ будетъ имѣть на предстоящихъ выборахъ президента. Еслибъ предстояла задача, сдѣлать духъ партіи господствующимъ принципомъ въ каждомъ общественномъ дѣлѣ, и создать склонность, не только къ превращенію каждаго

вопроса въ вопросъ партіи, но и къ возбужденію вопросовъ съ цѣлію пріискать для нихъ партію, то труднобъ было найти что либо лучше удовлетворяющее этой цѣли.

Я не стану утверждать, что было бы во всякое время и во всякомъ мѣстѣ хорошо, чтобы глава исполнительной власти состоялъ въ такой полной зависимости отъ голоса представительнаго собранія, въ какой состоитъ первый министръ Англіи; въ нашемъ случаѣ это впрочемъ не мѣшаетъ дѣлу. Еслибъ общество захотѣло избѣгнуть этого неудобства, то можно бы, предоставивъ парламенту право назначать главу исполнительной власти, назначать вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленный срокъ, въ теченіи котораго этотъ глава могъ бы занимать свое мѣсто, уже независимо отъ выраженій воли парламента. Вышла бы американская система минусъ народное избраніе и сопровождающее ее зло. Есть еще и другой способъ сдѣлать главу администраціи независимымъ отъ законодательнаго собранія, не трогая при этомъ сущности свободнаго правленія. Если глава, подобно британскому первому министру, владѣетъ на дѣлѣ правомъ распустить парламентъ и обратиться къ народу; или, если вмѣсто того, чтобъ быть отставленнымъ отъ должности враждебнымъ голосомъ, онъ будетъ только вынужденъ рѣшиться на одно изъ двухъ, т. е. или самому удалиться, или удалить парламентъ,—то онъ никогда не будетъ зависимъ въ излишней степени. Я думаю, что было бы хорошо, еслибъ онъ обладалъ правомъ распускать парламентъ даже и въ томъ случаѣ, когда самъ обезпеченъ въ сохраненіи своего мѣста въ теченіи опредѣленнаго срока. Въ политикѣ не должно быть тѣхъ петель, которыя могутъ встрѣтиться во время разрыва между парламентомъ и президентомъ, когда въ теченіи долгаго періода, можетъ

быть нѣсколькихъ лѣтъ, ни тотъ ни другой не имѣютъ никакихъ законныхъ средствъ покончить другъ съ другомъ. Выйти изъ этого положенія, безъ попытокъ coup d'état съ чьей нибудь изъ враждующихъ сторонъ, или съ обѣихъ, можно только при такомъ сочетаніи любви къ свободѣ и привычки къ самовосдержанію, какое заявили весьма немногія изъ націй. Если наконецъ и минуетъ эта крайность, то все же нельзя ждать, чтобы эти двѣ силы не стали парализовать другъ друга; иначе надо допустить, что политическою жизнью страны всегда будетъ владѣть духъ взаимнаго снисхожденія и уступокъ, невозмущаемый страстями и возбужденіями даже во время самыхъ жаркихъ столкновеній между партіями. Такой духъ можетъ существовать въ странѣ, но если онъ и существуетъ, то было бы неблагоразумно подвергать его столь сильному испытанію.

Есть и другія причины желать, чтобы какая либо власть въ государствѣ (а это можетъ быть только власть исполнительная) имѣла право во всякое время, по своему желанію, сзывать новый парламентъ. Если явится сомнѣніе, которая изъ борющихся сторонъ имѣетъ болѣе послѣдователей, то весьма важно имѣть конституціонное средство дознать это на дѣлѣ, и установить окончательно. Ни одна политическая мѣра не будетъ разобрана какъ слѣдуетъ, пока вопросъ останется не рѣшеннымъ, и этотъ интервалъ будетъ почти всегда между царствіемъ въ дѣлѣ законодательныхъ и административныхъ улучшеній: ни одна изъ партій не будетъ имѣть достаточно увѣренности въ своей силѣ, чтобы предложить мѣру, которая бы могла вызвать оппозицію въ какомъ либо агентѣ, имѣющемъ прямое или непрямое вліяніе въ этой борьбѣ.

Я не бралъ въ разсчетъ тотъ случай, когда обширная власть, сосредоточенная въ рукахъ главы администраціи, и недостаточная привязанность массы къ свободнымъ учрежденіямъ, даютъ ему возможность успѣха въ попыткѣ опрокинуть конституцію и захватить верховную власть. Тамъ, гдѣ существуетъ опасность этого рода, въ головѣ правленія можно ставить только такое лицо, которое парламентъ однимъ выраженіемъ своей воли можетъ обратить въ частнаго гражданина. Если существующій порядокъ въ какой либо странѣ поощряетъ къ такому подвигу вѣроломства, то даже и эта полная конституціонная зависимость представляетъ лишь слабую преграду.

Если гдѣ назначеніе народомъ должностныхъ лицъ оказывается несостоятельнымъ, такъ это при назначеніи ихъ въ судебныя должности. Нѣтъ такой дѣятельности, которой требованія народъ былъ способенъ цѣнить менѣе, и между тѣмъ нѣтъ такой, которая бы требовала отъ исполнителей столь совершеннаго безпристрастія и свободы отъ всякихъ связей съ политиками и политическими партіями. Нѣкоторые мыслители, въ томъ числѣ и Бентамъ, были того мнѣнія, что хотя назначеніе судей можетъ состояться лучше помимо народнаго избранія, но что народъ судебнаго округа, тѣмъ не менѣе, долженъ владѣть правомъ, по достаточномъ испытаніи, удалять ихъ отъ должности. Нельзя отрицать, что несмѣняемость человѣка, которому ввѣрены столь важныя интересы, есть сама по себѣ зло. Нельзя не жалѣть, что нѣтъ средствъ удалить дурнаго и несостоятельнаго судью иначе, какъ за такіе его поступки, за которые онъ долженъ отвѣчать въ уголовномъ судѣ; и что человѣкъ, отъ котораго зависитъ столь многое, чувствуетъ себя свободнымъ отъ всякой отвѣтственности, кромѣ какъ

передъ общественнымъ мнѣніемъ и собственною совѣстью. Вопросъ однакожь стоитъ такъ: въ исключительномъ положеніи судьи, — предполагая что всѣ предосторожности взяты для того чтобъ назначеніе было честное, — будетъ ли его безотвѣтственность (исключая отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ и собственною совѣстью) говоря вообще, имѣть меньше развращающаго вліянія на его поведеніе, чѣмъ отвѣтственность передъ исполнительною властью или народомъ? Опытъ давно уже далъ положительный отвѣтъ по отношенію къ исполнительной власти; совершенно то же самое можно сказать и въ томъ случаѣ, когда отвѣтственность должна быть приносима избирателямъ. Между добрыми качествами народнаго собранія нечего искать безпристрастія и спокойствія, — качествъ необходимыхъ въ судьѣ. Къ счастію, эти качества въ тѣхъ видахъ вмѣшательства народнаго голоса въ общественное дѣло, которые существенно нужны для охраненія свободы, не составляютъ необходимости. Чувство справедливости, хотя необходимое для каждаго человѣческаго существа, а слѣдовательно и для избирателя, не играетъ роли въ судьбѣ народныхъ выборовъ. Справедливость и безпристрастіе такъ же мало требуются при избраніи члена въ парламентъ, какъ и во всякомъ другомъ людскомъ дѣлѣ. Избирателямъ не зачѣмъ рѣшать, имѣетъ ли такой то кандидатъ право быть избраннымъ, или обсуживать общія достоинства различныхъ кандидатовъ: ихъ дѣло заявить только, который изъ нихъ пользуется у нихъ наибольшимъ довѣріемъ, или наилучше выражаетъ ихъ политическія убѣжденія. Судья обязанъ смотрѣть на своихъ политическихъ друзей и близкихъ такъ же точно, какъ онъ смотритъ и на остальной народъ; но подобный взглядъ у избирателя равносиленъ

неустойкѣ, и былъ бы нелѣпостью. Никакихъ доводовъ нельзя строить на основаніи благодѣтельнаго дѣйствія, оказываемаго на судей и другихъ общественныхъ дѣятелей, приговоромъ общественнаго мнѣнія; въ этомъ случаѣ, единственный полезный контроль надъ дѣйствіями судьи, если онъ способенъ къ своему званію, можетъ оказывать не мнѣніе мѣстнаго общества, (исключая нѣкоторые политическіе случаи), но та среда, которая одна только въ состояніи оцѣнить его качества и его поведеніе, т. е. адвокатура его района. Пусть не думаютъ, что я этимъ хочу сказать будто участіе всего народа въ судебной дѣятельности не имѣетъ никакого значенія; напротивъ, значеніе громадное, но какъ онъ долженъ участвовать? Онъ долженъ участвовать принимая на себя нѣкоторую долю судебныхъ обязанностей, въ качествѣ присяжныхъ. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ въ политикѣ, когда народу лучше дѣйствовать прямо и лично самому, нежели посредствомъ представителей; это можетъ быть единственный случай, гдѣ обществу легче переносить ошибки должностнаго лица, чѣмъ послѣдствія его отвѣтственности за эти ошибки. Если бы судья могъ быть удаляемъ отъ должности по желанію народа, то лица, желающія занять его мѣсто, могли бы воспользоваться для своей цѣли каждымъ его судебнымъ приговоромъ. Каждый такой приговоръ былъ бы, на сколько это могло считаться выгоднымъ, въ неправильномъ толкованіи предаваемъ на судъ обществу, совершенно несостоятельному въ этомъ случаѣ, потому что оно или не слышало самаго дѣла, или, если и узнало, то не беретъ въ разсчетъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя осторожно и безпристрастно разобраны и взвѣшены въ судебномъ изслѣдованіи. Претенденты на мѣсто судьи постара-

лись бы затронуть народныя страсти и предразсудки тамъ, гдѣ они уже существуютъ, и вызвать ихъ тамъ, гдѣ они еще спятъ. При этомъ, если случай интересный, и они взялись за дѣло съ должнымъ стараніемъ, то могутъ разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ, если только судья и его друзья не выйдутъ на арену сами, и не начнутъ въ такой же мѣрѣ работать съ другой стороны. Судьи наконецъ почувствовали бы, что они рискуютъ своимъ мѣстомъ при каждомъ случаѣ, гдѣ возбуждается общій интересъ, и что для нихъ выгоднѣе ставить не такіе приговоры, которые справедливы, а такіе, которые должны наиболѣе понравиться обществу, или такіе по крайней мѣрѣ, которые наименѣе допускаютъ толкованія въ кривую сторону. Статья, введенная въ нѣкоторыя новыя или пересмотрѣнныя провинціальныя конституціи Соединенныхъ Штатовъ, по которой судебные дѣятели подлежатъ періодическому народному переизбранію, окажется, я опасаюсь, одною изъ самыхъ опасныхъ ошибокъ, какія когда либо были сдѣланы демократіей; и еслибъ практическій смыслъ, никогда не оставляющій совершенно народа Соединенныхъ Штатовъ, не началъ, какъ говорятъ, производить реакціи, которая вѣроятно поведетъ къ исправленію ошибки, то эту статью можно бы по справедливости разсматривать, какъ первый шагъ къ вырожденію новѣйшей демократіи (*).

(*) Я узналъ, однако, что въ тѣхъ штатахъ, гдѣ судьи избирательны, выборы дѣлаетъ не народъ, а предводители избирательныхъ партій; никто изъ избирателей никогда и не думаетъ подавать голосъ за кого либо, кромѣ кандидата своей партіи; слѣдовательно, въ обыкновенномъ случаѣ, выбранное лицо будетъ то самое, которое было бы назначено президентомъ или министромъ юстиціи. Такимъ образомъ, одно дурное

Относительно той обширной и полной значенія корпораціи, которая составляетъ постоянную силу въ общественномъ служебномъ механизмѣ, можно сказать, что тѣ дѣятели, которые не перемѣняются съ перемѣнами политическими, но остаются на своихъ мѣстахъ для того чтобъ помогать каждому министру своею опытностью и знаніемъ дѣла, и вести это дѣло въ его подробностяхъ, подъ общимъ контролемъ министра; тѣ дѣятели, наконецъ, которые по профессіи суть слуги общества, вступающіе на свое поприще, какъ и другіе, въ молодыхъ лѣтахъ, въ надеждѣ подняться со временемъ до высшихъ ступеней,— очевидно не должны подвергаться изгнанію, а слѣдовательно и лишенію всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими прежнею службою выгодъ, иначе какъ за положительно доказанные, серьозные грѣхи; не за тѣ грѣхи разумѣется, за которые ихъ можно только позвать къ суду, но за тѣ, которые не совмѣстны съ цѣлью самой должности, какъ напр. пренебреженіе своими обязанностями, недобросовѣстный образъ дѣйствій. Но если, исключая случая личной вины, нѣтъ средствъ избавиться отъ нихъ иначе, какъ помѣстивъ ихъ пансіонерами въ общество, то слѣдовательно хорошее первоначальное назначеніе дѣятеля становится дѣломъ первой важности. Остается разсмотрѣть, какой способъ назначеній лучше всего можетъ удовлетворить этой цѣли.

обыкновеніе ограничиваетъ и исправляетъ другое: на дѣлѣ, обыкновеніе голосовать цѣлою массою подъ знаменемъ партіи, которое повело бы къ такому злу во всѣхъ случаяхъ, гдѣ право голосованія принадлежитъ всему народу, стремится ограничить еще большее зло, въ томъ случаѣ, когда приходится назначать должностное лицо, которое *должно* быть выбрано не народомъ, а для народа.

При назначеніи лицъ на низшія мѣста нѣтъ причинъ опасаться, что тѣ, отъ кого зависитъ самое назначеніе, не будутъ обладать достаточною для этого суммою способностей и спеціальныхъ знаній; но надо опасаться ихъ пристрастія и вліянія частныхъ или политическихъ интересовъ. Должности обыкновенно замѣщаются людьми, которые только что возмужали; имъ даютъ мѣсто не какъ людямъ, уже изучившимъ свое ремесло, а чтобъ они могли его изучить; слѣдовательно, единственный способъ отличить лучшихъ между соискателями—это сравнить ихъ успѣхи по всѣмъ обыкновеннымъ отраслямъ общаго образованія, а это не трудно сдѣлать при должномъ стараніи и безпристрастіи со стороны тѣхъ, кому поручено это дѣло. Но ни того ни другаго мы не въ правѣ ждать отъ министра; онъ долженъ будетъ совершенно полагаться на рекомендаціи, и какъ бы ни были честны его личныя желанія, но онъ не будетъ въ силахъ устоять противъ просьбъ людей, которые могутъ вліять на его собственное положеніе, или состоятъ въ политической связи съ его министерствомъ. Эти соображенія вызвали обыкновеніе, подвергать кандидатовъ на первоначальныя мѣста публичному испытанію, которое ведется людьми, незамѣшанными въ политику, и принадлежащими къ тому же классу какъ и экзаменаторы, производящіе испытанія на степень въ нашихъ университетахъ. Этотъ планъ вѣроятно будетъ лучшимъ при какой бы то ни было системѣ; а при нашемъ парламентарномъ правленіи онъ одинъ только и дастъ возможность,—я не скажу, честныхъ назначеній, — но хоть такихъ, которыя бы не были очевидно скверны.

Также рѣшительно необходимо, чтобъ испытаніе было соискательное, и чтобъ мѣста отдавались тѣмъ, кто луч-

ше его выдержитъ. Простой пріемный экзаменъ вообще исключаетъ однихъ только невѣждъ, — не болѣе. Когда экзаменатору представляется одно изъ двухъ: или закрыть будущую карьеру экзаменующемуся, или исполнить свой долгъ къ обществу, который, въ частномъ случаѣ, рѣдко представляется дѣломъ первой важности; когда онъ увѣренъ, что его горько упрекнутъ за первое, тогда какъ, говоря вообще, никто не узнаетъ и не захочетъ узнать, исполнилъ ли онъ второе, то,—если только онъ человѣкъ не особеннаго закала,—онъ всегда склонится на сторону благодушія. Когда же онъ сдѣлалъ послабленіе въ одномъ случаѣ, то у него потребуютъ и въ другомъ, и каждый новый такой случай дѣлаетъ сопротивленіе болѣе и болѣе труднымъ; каждый такой случай прикладывается къ прежнему ряду какъ новый прецедентъ, пока наконецъ требуемая норма познаній не сдѣлается чѣмъ то почти смѣшнымъ. Экзамены на степень въ нашихъ двухъ главныхъ университетахъ были почти всегда такъ же невзыскательны въ своихъ требованіяхъ, какъ напротивъ экзамены на званіе строги и серьозны. Когда нѣтъ никакихъ побужденій переходить извѣстный минимумъ, онъ обращается въ максимумъ: является всеобщее обыкновеніе не стремиться за его предѣлы, и такъ какъ вездѣ есть люди, которые никогда не достигаютъ цѣли, къ которой стремятся, то какую бы низкую норму мы ни назначили, кто нибудь все-таки потерпитъ неудачу. Напротивъ, когда мѣста раздаются тѣмъ изъ соискателей, которые наиболѣе отличились, и когда счастливые заносятся въ списокъ сообразно съ выказанными успѣхами, то не только каждый изъ соискателей постарается сдѣлать все возможное, но это вліяніе отразится на всемъ воспитаніи страны. Получе-

ніе ученикомъ по экзамену высокаго мѣста будетъ служить предметомъ честолюбія и средствомъ къ возвышенію для каждаго школьнаго учителя; для государства едва ли есть другое такое средство возвысить качество воспитательныхъ учрежденій страны. Хотя принципъ соискательныхъ экзаменовъ введенъ такъ еще недавно, и приложенъ такъ несовершенно, (индѣйская служба представляетъ едва ли не единственный случай гдѣ онъ принятъ вполнѣ), но онъ замѣтно начинаетъ вліять на воспитательныя заведенія средняго класса; и это не смотря на тѣ трудности, которыя онъ встрѣтилъ, благодаря плачевному состоянію воспитанія страны, которое эти самые конкурсы и выставили въ настоящемъ свѣтѣ. Уровень образованія между молодежью, получавшею отъ министра право явиться на соисканіе въ качествѣ кандидатовъ, былъ такъ ничтоженъ, что самый конкурсъ между ними давалъ результатъ едва ли не болѣе жалкій, чѣмъ какого можно бы ожидать отъ пріемнаго экзамена: никто бы не думалъ ставить такія ничтожныя условія для пріемнаго экзамена, какія теперь, послѣ конкурса, давали юношѣ возможность стать выше своихъ сотоварищей. Говорятъ, что запасъ представляемыхъ молодежью знаній уменьшается съ каждымъ экзаменомъ: нашли что къ первымъ экзаменамъ потрачено было трудовъ болѣе, чѣмъ сколько было нужно для достиженія цѣли. Благодаря, частію меньшему приложенію труда, и частію тому обстоятельству, (даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуется предварительное испрашиваніе права явиться на экзаменъ), что совѣстливое невѣжество само скрывается,— соискателей на мѣста является какая нибудь горсть. Хотя всегда были случаи блестящаго образованія, но за то нижняя часть списка счастливыхъ кандидатовъ представляетъ

очень умѣренную сумму познаній; и мы знаемъ со словъ самой коммиссіи, что почти всѣ тѣ, кто потерпѣлъ неудачу, обязаны своимъ несчастіемъ незнанію не высшихъ наукъ, но очень скромныхъ элементовъ—чтенія и ариѳметики.

Крики, которые еще продолжаются противъ этихъ экзаменовъ въ нѣкоторыхъ органахъ общественнаго мнѣнія, часто не дѣлаютъ чести, — я къ сожаленію долженъ сказать это,—ни добросовѣстности, ни здравому смыслу недовольныхъ. Они проистекаютъ отчасти по причинѣ невѣрнаго представленія о тѣхъ вопросахъ, какіе даются обыкновенно на экзаменѣ, и которые будто бы могутъ повести соискателя къ неудачѣ, если онъ отвѣтитъ неудовлетворительно. Недовольные напираютъ на самые исключительные (*) и изысканные вопросы, которые задавались когда либо, и говорятъ, что обстоятельный отвѣтъ на нихъ требовался какъ условіе успѣха sine quâ non. Но было уже повторяемо до приторности, что эти вопросы даются не съ тѣмъ, что на нихъ долженъ отвѣчать каждый, но съ тою цѣлію, что если найдется такой, то чтобъ дать ему возможность воспользоваться и этою долею свѣденій. Эти вопросы предлагаются, не съ цѣлію исключить кандидата, а какъ добавочное средство для его успѣха. Насъ спрашиваютъ, можетъ ли родъ знаній, къ которому относится тотъ, другой или третій вопросъ, какъ нибудь пригодиться кандидату, послѣ того, какъ онъ достигъ цѣли.

(*) Не всегда впрочемъ самые исключительные: послѣдній челобитчикъ имѣлъ наивность представить палатѣ общинъ цѣлый рядъ чуть не элементарныхъ вопросовъ изъ алгебры, исторіи и географіи, какъ доказательство чрезмѣрной суммы высшихъ знаній, которую экзаменаторы, въ своей дикости, требовали отъ соискателей.

Люди очень различны въ мнѣніяхъ относительно того, на что̀ годятся науки. Есть еще люди, и послѣдній секретарь иностранныхъ дѣлъ изъ ихъ числа, которые думаютъ, что англійская грамота есть безполезное украшеніе дипломатическаго attaché, или клерка въ правительственной канцеляріи. Противники конкурса сходятся, по видимому, только въ одномъ, именно, что общее образованіе не нужно для этихъ должностей, хотя другое и могло бы быть полезно. Но если, (какъ я смѣю думать), оно нужно, или если нужно какое бы то ни было образованіе, оно должно быть испытано такими испытаніями, которыя бы наилучше могли показать, имѣетъ ли его кандидатъ или нѣтъ. Для того чтобъ удостовѣриться, хорошо ли было его воспитаніе, надо его спросить о такихъ предметахъ, которые онъ долженъ бы знать, если былъ хорошо воспитанъ, хотя бы они и не относились прямо къ тому дѣлу, для котораго онъ назначается. Противники экзаменовъ нападаютъ на то, что въ странѣ, гдѣ только классики и математика преподаются правильно, кандидатамъ даютъ вопросы изъ классиковъ и математики; такъ изъ чего же ихъ должно спрашивать, скажутъ ли они намъ?Кажется впрочемъ, что возраженія были бы одинаковы, будутъ ли спрашивать изъ классиковъ и математики, или изъ чего бы то ни было *кромѣ* ихъ. Если экзаменаторы, — горячо желая отворить входную дверь тѣмъ, кто не прошелъ сквозь рутину среднихъ школъ (grammar school), или, кто къ недостаточнымъ школьнымъ знаніямъ прибавилъ еще что нибудь, — если они выказываютъ сочувствіе кандидату, обладающему какими либо полезными свѣденіями, — ихъ опять упрекаютъ. Ничто не удовлетворитъ противниковъ, кромѣ свободнаго допущенія совершеннаго невѣжества.

Намъ торжественно возражаютъ, что ни Клайвъ, ни Веллингтонъ, не выдержали бы испытанія, какое предписано инженерному юнкеру. Но, если Клайвъ и Веллингтонъ не дѣлали того, чего отъ нихъ не требовали, то будто бы они не могли сдѣлать, еслибъ того потребовали? Если же этимъ хотятъ сказать, что можно быть великимъ полководцемъ, не зная этихъ предметовъ, то я отвѣчу, что можно также быть великимъ полководцемъ, не зная многихъ другихъ предметовъ, которые, тѣмъ не менѣе, для него были бы очень полезны. Александръ Великій никогда и не слыхалъ о системѣ Вобана; Цезарь не говорилъ по французски. Далѣе, насъ увѣряютъ, что книжные черви (терминъ, прилагаемый ко всякому, въ комъ можно примѣтить хоть малѣйшее знакомство съ книгами), не годятся для физической дѣятельности и также не могутъ обладать манерми джентльмена. Эти выраженія весьма обыкновенны на языкѣ невѣждъ знатнаго рода; но чтобы ни думали невѣжды, монополія джентльменскихъ манеръ и физической дѣятельности, не присвоена исключительно имъ. Тамъ гдѣ онѣ нужны, пусть ихъ ищутъ но съ условіемъ, чтобы онѣ принимались только какъ придача къ умственнымъ дарованіямъ, а не исключали ихъ. А между тѣмъ, я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что въ военной академіи въ Вулвичѣ кадеты, поступившіе въ заведеніе по конкурсу во всѣхъ отношеніяхъ далеко развитѣе тѣхъ, которые поступили на основаніи старинныхъ правилъ; даже фронтовыя правила они выучиваютъ скорѣе: этого можно было ожидать, потому что развитый человѣкъ все постигаетъ скорѣе чѣмъ не развитый; относительно поведенія разница такъ велика, что мѣстныя власти ждутъ не дождутся дня, когда исчезнетъ изъ заведенія послѣдній остатокъ старой

закваски. Если это такъ (а въ этомъ легко удостовѣриться), то мы можемъ надѣяться, что слышали въ послѣдній разъ толки, будто невѣжество есть качество лучшее чѣмъ знаніе, для военной службы, и á fortiori для всякой другой профессіи; или что всякое хорошее качество, какъ бы оно повидимому ни было слабо связано съ умственнымъ образованіемъ, должно быть цѣнимо выше, если встрѣчается безъ него.

Хотя первое назначеніе на общественную должность должно рѣшаться посредствомъ соискательныхъ экзаменовъ, но для большей части случаевъ невозможно, чтобы слѣдующія за тѣмъ повышенія зависѣли отъ нихъ же; кажется остается только признать правила обыкновенной въ настоящее время смѣшанной системы, т. е. старшинство и отличіе. Тѣ, чьи обязанности имѣютъ рутинный характеръ, должны быть повышаемы на основаніи старшинства до самыхъ высокихъ должностей, какія только носятъ этотъ характеръ; тѣ же, которые исправляютъ должности, требующія особыхъ способностей, должны быть назначаемы по желанію начальника вѣдомства. Такой выборъ съ его стороны, будетъ вообще честенъ, если только первоначальное поступленіе имѣло мѣсто вслѣдствіе конкурса; это потому, что при такой системѣ, въ его вѣдомствѣ будутъ состоять лица, которымъ онъ, за исключеніемъ оффиціальныхъ отношеній, будетъ посторонній. Если между ними находятся такіе, въ которыхъ онъ, или его политическіе друзья и сторонники, могутъ принять участіе, то это будетъ рѣдко, и при томъ лишь въ такомъ случаѣ, когда, кромѣ личной связи съ сильнымъ человѣкомъ, они обладаютъ по крайней мѣрѣ одинаковыми съ другими лицами достоинствами, на сколько въ этомъ можетъ завѣрить вступительный экза-

менъ. Для министра всегда будутъ сильныя причины выбирать изъ нѣсколькихъ человѣкъ способнѣйшаго, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда явится еще болѣе сильное побужденіе къ интригѣ. Способнѣйшій человѣкъ можетъ оказать ему наибольшую помощь, избавить его отъ наибольшаго количества хлопотъ, и наиболѣе поможетъ ему составить себѣ репутацію хорошаго дѣльца, которая всегда и по справедливости достается министру, какъ бы много въ этомъ случаѣ ни приходилось на долю его подчиненныхъ.

ГЛАВА XV.

Мѣстныя представительныя собранія.

Центральное правительство страны можетъ хорошо отправлять, или безопасно приниматься, только за весьма немногія изъ общественныхъ дѣлъ; даже въ нашемъ правительствѣ, наименѣе центральномъ изъ всѣхъ европейскихъ, та часть собранія, по крайней мѣрѣ, которая представляетъ власть законодательную, слишкомъ уже много хлопочетъ около мѣстныхъ интересовъ: она употребляетъ верховную власть государства на то, чтобъ разрубать разные маленькіе узелки, тогда какъ могутъ быть другія хорошія средства ихъ развязывать. Огромное количество частныхъ дѣлъ, которое отнимаетъ и время и мысль у парламента, отвлекая его отъ прямой его обязанности быть думою націи, признано всѣми мыслителями и наблюдателями какъ серьозное зло, и, что еще хуже, это зло возрастаетъ.

Въ нашей книгѣ, при ея ограниченной цѣли, не мѣсто

подробно разбирать великій вопросъ, касающійся не одного только представительнаго правленія, вопросъ о настоящихъ границахъ правительственной дѣятельности. Я высказалъ въ другомъ мѣстѣ то, что мнѣ казалось существеннымъ въ принципахъ, которыми должны опредѣляться ея размѣры (*). Но исключивъ изъ обязанностей, отправляемыхъ большею частью европейскихъ правительствъ, всѣ тѣ, которыхъ вовсе могли бы не принимать на себя общественныя власти, все таки останется слишкомъ большая сумма слишкомъ разнообразныхъ обязанностей, чтобы, хоть на основаніи начала раздѣленія работъ, подѣлить ее между центральною и мѣстными властями. Для мѣстныхъ дѣлъ необходимы не одни только отдѣльные чиновники исполнительной власти (такой мѣры отдѣльность существуетъ во всякаго рода правительствахъ); но и самый народный контроль надъ ними можетъ быть веденъ успѣшно только особымъ органомъ. Право перваго ихъ назначенія, власть наблюдательная и сдерживающая ихъ, равно какъ и власть выдавать или невыдавать денежныя суммы, необходимыя для ихъ дѣйствій, должны находиться не у національнаго парламента и не у національной исполнительной власти, а у мѣстнаго населенія. Конечно нельзя допустить, чтобы самъ народъ лично и прямо исполнялъ всю эту работу. Администрація непосредственно въ рукахъ народа есть остатокъ варварства и совершенно противна духу современной жизни; но въ развитіи англійскихъ учрежденій случай игралъ такую значительную роль, что

(*) „On Liberty“, послѣдняя глава, и болѣе подробно, въ послѣдней главѣ книги Principles of Political Economy.

этотъ первобытный порядокъ мѣстнаго управленія оставался до настоящаго поколѣнія какъ общее правило во всѣхъ дѣлахъ приходовъ; и такъ какъ онъ не былъ никогда отмѣненъ закономъ, то вѣроятно существуетъ безъ измѣненій во многихъ сельскихъ приходахъ даже и теперь. Въ этомъ лежитъ зачатокъ представительныхъ подъ-парламентовъ для отправленія мѣстнаго дѣла; а ихъ надо разсматривать какъ одно изъ основныхъ учрежденій свободнаго правленія. Они существуютъ въ Англіи, хотя въ весьма несовершенномъ видѣ и съ большими неправильностями и недостатками въ системѣ; въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ правленіе гораздо менѣе народное, они устроены гораздо раціональнѣе. Въ Англіи всегда было болѣе свободы при худшей организаціи, тогда какъ въ другихъ странахъ была лучшая организація при меньшей свободѣ. Итакъ необходимо чтобы сверхъ національнаго представительства было еще представительство муниципальное и провинціальное, и намъ предстоитъ рѣшить два вопроса: во первыхъ, каковъ долженъ быть составъ мѣстныхъ представительныхъ собраній, во вторыхъ, какъ великъ долженъ быть кругъ ихъ дѣйствій.

При разборѣ этихъ вопросовъ мы должны обращать одинаковое вниманіе на два обстоятельства: мы должны сообразить какой способъ будетъ лучшимъ въ отправленіи мѣстныхъ дѣлъ, и какъ долженъ быть устроенъ самый порядокъ веденія дѣлъ, чтобы онъ былъ наиболѣе дѣйствителенъ въ воспитаніи общественнаго духа и умственномъ развитіи страны. Въ прежнихъ главахъ этой книги я сильно настаивалъ — едва ли есть выраженія достаточныя для того чтобъ изобразить всю силу моихъ убѣжденій — на важности, какую имѣетъ тотъ родъ дѣйствія

свободныхъ учрежденій, который можетъ быть названъ общественнымъ воспитываніемъ гражданъ. Мѣстныя же административныя учрежденія составляютъ въ этомъ отношеніи самый дѣйствительный органъ. Люди массы, исключая тѣ случаи, когда они являются въ судѣ какъ присяжные, рѣдко имѣютъ возможность лично участвовать въ веденіи дѣлъ, касающихся цѣлаго общества. Чтеніе газетъ, и можетъ еще газетная корреспонденція, публичные митинги, прошенія разныхъ сортовъ посылаемыя политическимъ властямъ,—вотъ и вся доля участія, какую имѣетъ частный гражданинъ въ общей политикѣ страны, въ промежутокъ между однимъ парламентскимъ выборомъ и другимъ. Хотя всѣмъ этимъ явленіямъ свободы нѣтъ и цѣны, потому что онѣ представляютъ залогъ свободы вообще, и средство для общаго гражданскаго образованія,—но онѣ даютъ работу только мыслительной способности человѣка, а не его дѣятельности: а мышленіе безъ дѣла и безъ отвѣтственности за дѣло, для большей части людей, значитъ тоже самое, что пассивное принятіе чужой мысли. Напротивъ, при мѣстномъ представительствѣ, кромѣ участія въ избраніи представителей, многіе изъ гражданъ могутъ быть избраны въ представители и сами, а многіе могутъ, по выбору или по очереди, занимать ту или другую изъ многочисленныхъ мѣстныхъ административныхъ должностей. Въ такомъ положеніи они должны будутъ работать для интересовъ общества, думать объ нихъ и говорить, а въ этомъ случаѣ не все можно поручить за себя другому. Можно еще прибавить, что мѣстныя должности, вообще не привлекая высшихъ сословій, а между тѣмъ составляя средство политическаго образованія, проводятъ его въ нижніе слои общества. Умственное развитіе общества составляетъ

такимъ образомъ, черту, болѣе характеристическую въ мѣстныхъ чѣмъ національныхъ учрежденіяхъ; при томъ же хорошая администрація въ мѣстныхъ дѣлахъ не составляетъ такого жизненнаго вопроса, какъ въ дѣлахъ цѣлой націи, а потому и слѣдуетъ давать главное мѣсто второму изъ нашихъ, представленныхъ выше соображеній, и первое изъ нихъ, въ этомъ случаѣ, гораздо чаще можетъ быть ему подчинено, чѣмъ въ дѣлѣ общаго законодательства и государственной администраціи.

При составленіи мѣстныхъ представительныхъ собраній не представляется большихъ трудностей. Тѣ самыя начала, на которыхъ должны быть составлены собранія національныя, совершенно прикладываются и къ мѣстнымъ. Та же необходимость избирательности членовъ существуетъ и въ томъ и другомъ случаѣ; тѣ же причины и тамъ и здѣсь, но въ мѣстныхъ представительствахъ еще съ большею силою, заставляютъ желать, чтобъ эти собранія имѣли широко — демократическое основаніе: опасности здѣсь меньше, а выгодъ въ смыслѣ воспитанія и образованія народа, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже больше. Такъ какъ главная обязанность мѣстныхъ Собраній состоитъ въ раскладкѣ податей, и въ распредѣленіи доходовъ, то избирательнымъ правомъ должны пользоваться всѣ, кто участвуетъ въ платежѣ мѣстныхъ налоговъ; всѣ же, кто ихъ не платитъ должны быть исключены. Я беру положеніе когда не существуетъ ни косвенныхъ налоговъ, ни особыхъ (octroi) пошлинъ на какія либо статьи, или если они и существуютъ, то только въ видѣ добавочнаго налога, и тѣ, кто ихъ платитъ, платитъ также и прямой. Представительство меньшинства должно быть обезпечено такъ же какъ и въ національномъ собраніи, и въ этоѣ смъ случаю-

ществуютъ такія же сильныя причины въ пользу множественности голосовъ; только здѣсь, въ низшей сферѣ, не можетъ быть такого рѣшительнаго возраженія противъ зависимости числа голосовъ отъ величины собственности (такъ и заведено въ Англіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстнаго избирательства); это потому, что честное и бережливое распоряженіе деньгами составляетъ такую важную статью въ дѣлахъ мѣстныхъ въ сравненіи съ соотвѣтствующею статьей въ дѣлахъ націи, что можно признать болѣе справедливымъ и болѣе раціональнымъ относительно бо́льшее вліяніе въ мѣстныхъ дѣлахъ за тѣми, у которыхъ на ставкѣ значительнѣйшіе денежные интересы.

Въ новѣйшемъ изъ англійскихъ мѣстныхъ представительныхъ учрежденій,—совѣтѣ попечителей (Board of Guardians), окружные мировые судьи ex officio засѣдаютъ вмѣстѣ съ выборными членами, въ числѣ опредѣленномъ закономъ и составляющемъ не болѣе третьей доли всѣхъ членовъ. Имѣя въ виду особенность состава англійскаго общества, я не сомнѣваюсь въ благодѣтельномъ дѣйствіи такого учрежденія. Оно обезпечиваетъ въ совѣтѣ присутствіе лицъ изъ образованнаго класса, которыхъ едва ли можно бъ было завлечь туда какимъ либо другимъ образомъ; и въ то время, какъ ограниченіе числа членовъ ex officio, не даетъ имъ преобладанія посредствомъ одной численности, они, представляя въ дѣйствительности иной классъ, а слѣдовательно имѣя иногда иные интересы, являются противодѣйствіемъ сословнымъ интересамъ фермеровъ и мелкихъ лавочниковъ, составляющихъ большинство выборныхъ попечителей. Такой похвалы нельзя приложить къ единственному роду провинціальныхъ совѣтовъ, какой

мы имѣемъ, т. е. къ четвертнымъ засѣданіямъ (Quarter Sessions), гдѣ въ составъ входятъ одни мировые судьи, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе не только судебныхъ дѣлъ, но и большей части вопросовъ, касающихся дѣлъ мѣстной администраціи. Способъ образованія этихъ корпорацій странenъ въ высшей степени: ихъ членовъ никто не выбираетъ, и даже никто не назначаетъ въ собственномъ смыслѣ слова; но они получаютъ свои важныя должности, подобно феодальнымъ лордамъ, которымъ они наслѣдовали, по праву числа своихъ акровъ. Право назначенія принадлежитъ коронѣ, (или, говоря какъ оно существуетъ на дѣлѣ, одному изъ ихъ собратовъ — лорду-лейтенанту), и прилагается къ дѣлу только тогда, когда надо исключить кого либо изъ кандидатовъ, кто могъ бы дискредитовать совѣтъ, или, по временамъ, кто принадлежитъ не къ той политической партіи, къ какой бы слѣдовало. По принципу это учрежденіе — самое аристократическое изъ всѣхъ существующихъ въ Англіи; гораздо болѣе аристократическое чѣмъ палата лордовъ, потому что оно располагаетъ общественными деньгами и общественными интересами не въ совокупности съ народнымъ собраніемъ, а своею одною властью. За него держатся съ надлежащимъ упорствомъ наши аристократическіе классы, но очевидно, что это учрежденіе въ разладѣ съ тѣми началами, которыя составляютъ основаніе представительнаго правленія. Для совѣтовъ графствъ (County Board) не существуетъ того оправданія, какое имѣетъ совѣтъ попечителей, даже если дѣло идетъ только объ одной примѣси членовъ ex officio къ выборнымъ; потому что дѣла поступающія въ вѣденіе этого совѣта достаточно большаго масштаба, чтобъ заинтересовать и привлечь туда сельскихъ джентльменовъ, и они вѣроятно ис-

кали бы мѣстъ въ совѣтѣ, такъ же охотно какъ теперь ихъ ищутъ въ парламентѣ.

О составѣ избирательной единицы для мѣстнаго представительства можно сказать, что тотъ самый принципъ, который былъ бы вреденъ, еслибъ исключительно и неизмѣнно прилагался къ общимъ парламентскимъ выборамъ,—именно общность мѣстныхъ интересовъ,—въ этомъ случаѣ одинъ только и будетъ справедливъ и практиченъ. Самая цѣль мѣстнаго представительства состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ какіе либо общіе интересы, которыхъ съ ними не раздѣляетъ нація, распоряжаться этими интересами какъ сами знаютъ; слѣдовательно, цѣль мѣстнаго представительства не будетъ достигнута вовсе, если представительныя единицы не будутъ выражать общественныхъ группъ, имѣющихъ однородные интересы. Есть особые интересы у каждаго города, большаго или малаго, общіе для всѣхъ его обитателей; по этому, каждый городъ, независимо отъ своей величины, долженъ имѣть свой муниципальный совѣтъ. Очевидно также, что каждый городъ долженъ имѣть только одинъ такой совѣтъ. Различные кварталы одного города рѣдко или никогда существенно не различаются по своимъ мѣстнымъ матеріальнымъ интересамъ: ихъ требованія, нужды и издержки обыкновенно бываютъ одинаковы; и кромѣ церквей, которыя, какъ кажется, слѣдовало бы оставить подъ управленіемъ приходовъ, одинъ и тотъ же рядъ мѣръ можетъ служить одинаково для всѣхъ частей города. Мощеніе улицъ, освѣщеніе, снабженіе водою, осушеніе грунта, постановленія рыночныя и портовыя, не могутъ безъ большихъ неудобствъ и потерь, различаться отъ квартала къ кварталу въ одномъ и томъ же го-

родѣ. Раздѣленіе Лондона на шесть или семь независимыхъ округовъ, каждый съ своимъ особымъ порядкомъ учрежденій (нѣкоторые изъ нихъ даже безъ единства въ своей внутренней администраціи) не допускаетъ введенія послѣдовательныхъ и правильныхъ мѣръ въ устройствѣ общаго дѣла, не дозволяетъ введенія однороднаго принципа въ исполненіи мѣстныхъ обязанностей, принуждаетъ центральное правительство принимать на себя дѣла, которыя было бы гораздо лучше оставить мѣстнымъ учрежденіямъ, еслибъ таковыя имѣли силу на всемъ пространствѣ столицы, и не соотвѣтствуетъ никакой другой цѣли, кромѣ поддержки фантастическаго зданія изъ новѣйшаго плутовства и старинной безтолочи, именуемаго лондонскимъ городскимъ обществомъ (Corporation of the City of London).

Другое не менѣе важное условіе — это, чтобы въ каждомъ мѣстномъ избирательномъ округѣ было одно только выборное общество для всякаго мѣстнаго дѣла, а не отдѣльныя общества для различныхъ частей дѣла. Раздѣлить работу не значитъ разорвать каждое дѣло на мелкія доли; это значитъ соединить вмѣстѣ всѣ тѣ операціи, которыя съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ быть произведены однимъ человѣкомъ, и раздѣлить тѣ, которыя могутъ производиться лучше различными работниками. Мѣстныя исполнительныя должности, требуютъ распредѣленія по отдѣламъ по тѣмъ же причинамъ какъ должности власти центральной,—именно потому, что онѣ разнятся по родамъ, а каждый ихъ родъ требуетъ спеціальныхъ знаній, и для успѣшнаго отправленія дѣла необходимо, чтобы каждый дѣятель посвящалъ ему безраздѣльно все свое вниманіе. Но тѣ самыя причины раздѣленія, которыя прикладываются къ учрежденіямъ области исполнительной, вовсе не прикла-

дываются къ учрежденіямъ контроля. Обязанность собранія выборныхъ заключается не въ томъ чтобы производить работу, а въ наблюденіи, чтобъ она шла какъ слѣдуетъ, и чтобы не оставалось чего нужнаго не сдѣланнымъ. Эта обязанность можетъ быть выполнена надъ всѣми департаментами однимъ и тѣмъ же наблюдательнымъ собраніемъ, и при томъ, гораздо лучше, если собраніе будетъ смотрѣть на дѣло въ его общности, а не вглядываться во всѣ его микроскопическія подробности. Въ общественномъ дѣлѣ было бы такъ же нелѣпо, какъ и въ частномъ, приставлять особаго надсмотрщика ко всякому работнику. Центральное правительство состоитъ изъ многихъ отдѣловъ; для каждаго рода дѣлъ есть особый министръ: но не для каждаго жь министра есть особый парламентъ, чтобы держать его въ границахъ его обязанностей. Мѣстный парламентъ, какъ и національный, долженъ смотрѣть на интересы данной мѣстности какъ на одно цѣлое, составленное изъ частей, которыя взаимно прилажены одна къ другой, и которыя требуютъ заботъ пропорціонально своей важности. Есть еще другая очень сильная причина къ сосредоточенію контроля надъ всѣми мѣстными дѣлами въ рукахъ одного собранія. Величайшее изъ несовершенствъ мѣстныхъ народныхъ учрежденій, и главная причина, почему онѣ такъ часто бываютъ несостоятельны,—это низкая степень развитія тѣхъ людей, которые являются исполнителями въ этихъ учрежденіяхъ. Собранія должны быть очень смѣшаннаго характера,—это одно изъ условій ихъ полезности; это обстоятельство главнымъ образомъ и дѣлаетъ ихъ школою, гдѣ развиваются политическія и другія способности. Но школа предполагаетъ не однихъ учениковъ, но и учителей: полезность ея объусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, въ какой мѣ-

рѣ она приводитъ низшіе умы въ соприкосновеніе съ высшими; соприкосновеніе, которое въ обыкновенной жизни встрѣчается только какъ чистое исключеніе, и недостатокъ котораго способствуетъ болѣе чѣмъ что либо другое массѣ человѣческаго рода держаться на ступени самодовольнаго невѣжества. Сверхъ того, школа будетъ негодна, и скорѣе будетъ школою зла чѣмъ добра, если по недостатку присмотра за нею, или вслѣдствіе отсутствія въ ней самой личностей высшаго порядка, дѣятельность ея членовъ (что и случается такъ часто) вырождается въ безсовѣстное и безсмысленное преслѣдованіе ихъ личныхъ цѣлей. Теперь совершенно нѣтъ надежды завлечь кого либо изъ людей высшаго класса (въ смыслѣ общественномъ или нравственномъ) принять участіе въ мѣстной администраціи, гдѣ набудь въ глуши, въ должности члена совѣта о мощеніи улицъ или осушенія грунта. Вся масса мѣстныхъ дѣлъ какого либо провинціальнаго города будетъ только что достаточнымъ предметомъ честолюбія для людей, которые имѣютъ влеченіе и по своимъ знаніямъ способны, вести народное дѣло, и которые, сдѣлавшись членами мѣстнаго собранія должны посвятить и время и труды лишь для того, чтобъ ихъ присутствіе было нѣчто болѣе чѣмъ простыя ширмы, за которыми, подъ ихъ отвѣтственностью могли бы прятаться плутни низшихъ должностныхъ лицъ. Совѣтъ о работахъ (Board of Works) хотя его дѣятельность обнимаетъ всю столицу, по всей вѣроятности составляется изъ того же разбора людей какъ и лондонскіе совѣты. Невозможно, даже и не желательно, чтобы большинство составлялось изъ другаго класса; но было бы очень важно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ для разумнаго и честнаго веденія каждаго особаго дѣла, такъ и для политическаго воспитанія націи,

чтобы каждое мѣстное собраніе заключало въ своей средѣ извѣстную часть лучшихъ умовъ своего края; эти люди находились бы въ постоянномъ соприкосновеніи самаго полезнаго свойства съ людьми низшаго уровня, принимая отъ нихъ все, что тѣ могутъ сообщить о мѣстныхъ спеціальныхъ дѣлахъ, и въ замѣнъ знакомя ихъ съ болѣе высокими идеями и съ болѣе просвѣщенными цѣлями.

Простая деревня не можетъ требовать себѣ особаго муниципальнаго представительства. Подъ словомъ деревня я разумѣю мѣсто, гдѣ обитатели ни по роду занятій, ни по отношеніямъ къ обществу, не отдѣляются замѣтно отъ обитателей сосѣднихъ сельскихъ округовъ, и гдѣ ихъ нужды могутъ быть удовлетворены чрезъ посредство общихъ для всей мѣстности учрежденій. Такіе незначительные пункты рѣдко когда заключаютъ въ себѣ населеніе, достаточное для того чтобы составить сносный муниципальный совѣтъ: если въ средѣ ихъ населенія явятся знанія и способности къ общественнымъ занятіямъ, то обыкновенно онѣ сосредоточиваются въ одномъ человѣкѣ, который такимъ образомъ можетъ сдѣлаться властителемъ въ своемъ уголкѣ. Лучше, если такія мѣста исчезнутъ въ болѣе обширной общественной единицѣ. Мѣстное представительство сельскихъ округовъ естественно опредѣлится географическими соображеніями; но надо имѣть должное уваженіе къ тѣмъ симпатіямъ, которыя составляютъ такую сильную причину къ соглашенію людей на общее дѣло; эти симпатіи между людьми могутъ явиться или вслѣдствіе долгаго пребыванія въ однѣхъ историческихъ границахъ, какъ напримѣръ въ графствахъ или провинціяхъ, или вслѣдствіе общности интересовъ и занятій, какъ въ округахъ земледѣльческихъ, приморскихъ, мануфактурныхъ, гор-

нозаводскихъ. Смотря по роду мѣстныхъ дѣлъ величина единицы представительства должна измѣняться. Волости составленныя изъ соединенія приходовъ (Unions of parishes) признаны лучшею единицею пространства для удобства дѣйствія учрежденій, имѣющихъ цѣлью вспомоществованіе бѣднымъ, тогда какъ для удобнаго наблюденія за исправностью большихъ дорогъ, тюремъ, полиціи, пространства гораздо болѣе значительныя, подобныя графству средней руки, только что достаточны. Слѣдовательно, въ этихъ обширныхъ округахъ, принципъ, по которому собраніе выборныхъ данной мѣстности должно наблюдать за всѣми дѣлами этой мѣстности, объусловливается другимъ принципомъ и не менѣе важнымъ соображеніемъ — именно замѣщеніемъ мѣстныхъ должностей людьми возможно высшихъ качествъ. Напримѣръ, если нужно (какъ я въ этомъ убѣжденъ) для надлежащаго порядка въ администраціи закона о бѣдныхъ (poor laws), чтобы кругъ дѣйствій учрежденія распространялся на площадь, не превосходящую величиной большей части нынѣшнихъ волостей (Unions); если при этомъ, принципъ требуетъ, чтобы для каждой волости былъ особый совѣтъ попечителей (Board of Guardians), то по всему вѣроятію въ его средѣ не можеть быть такой суммы дарованій какъ напримѣръ въ совѣтѣ графства (County Board), и потому, слѣдовало бы передавать въ вѣденіе этого совѣта важнѣйшія изъ мѣстныхъ дѣлъ, которыя иначе могли бы удобно отправляться и въ границахъ каждой волости.

Кромѣ совѣта съ властью контроля, или мѣстнаго подъпарламента, мѣстныя дѣла требуютъ еще учрежденій исполнительныхъ. Въ отношеніи къ нимъ должны являться тѣже вопросы какъ и въ отношеніи учрежденій власти испол-

нительной центральной, и, въ большей части случаевъ, могутъ быть представлены такіе же точно отвѣты. Принципы, прилагаемые ко всѣмъ общественнымъ должностямъ въ сущности одни и тѣ же. Во первыхъ для каждаго отдѣла исполнительной области долженъ быть свой особый дѣятель, подлежащій особой отвѣтственности за исправность всей ввѣренной ему части. Потомъ, онъ долженъ быть назначаемъ, а не избираемъ на свою должность. Смѣшно въ самомъ дѣлѣ, еслибъ какой нибудь смотритель, или чиновникъ комитета здравія, или хоть даже сборщикъ податей должны были подвергаться народному избранію. Народный выборъ обыкновенно рѣшается стачкой между немногими мѣстными вождями, которые, какъ не имѣющіе по закону права назначать должностныхъ лицъ, не подлежатъ и отвѣтственности за свои дѣйствія; или же онъ рѣшается симпатіей къ кому либо изъ согражданъ, основанной на томъ, что у него двѣнадцать человѣкъ дѣтей, или что онъ, въ этомъ приходѣ, платилъ подати въ теченіи тридцати лѣтъ. Если, въ подобныхъ случаяхъ, народное избраніе есть фарсъ, то и назначеніе посредствомъ мѣстнаго представительнаго собранія подлежитъ возраженію почти въ такой же мѣрѣ. Эти собранія имѣютъ вѣчное стремленіе сдѣлаться акціонерною компаніей съ цѣлію приводить въ дѣйствіе спекуляціи своихъ отдѣльныхъ членовъ. Назначенія должны дѣлаться предсѣдателемъ собранія, будетъ ли онъ называться м-ромъ, предсѣдателемъ четвертныхъ засѣданій (Quarter Sessions), или еще иначе. Въ своемъ округѣ онъ занимаетъ мѣсто сходное съ мѣстомъ перваго министра въ государствѣ, и, при хорошо устроенной системѣ, назначеніе и наблюденіе за мѣстными исполнителями будетъ одною изъ важнѣйшихъ его обязанностей; самъ

онъ долженъ быть назначаемъ совѣтомъ изъ числа членовъ, и долженъ ежегодно или подвергаться переизбранію, или же удаляться по приговору совѣта.

Отъ состава мѣстныхъ собраній я перехожу къ предмету не менѣе важному и болѣе трудному — къ истинному роду ихъ дѣятельности. Этотъ вопросъ самъ собою распадается на двѣ части: во первыхъ, въ чемъ должны заключаться обязанности мѣстныхъ собраній?, и во вторыхъ должны ли онѣ пользоваться полною властью въ сферѣ своихъ обязанностей, или подлежать вѣденію центральнаго правительства, какимъ образомъ и въ мѣрѣ какой.

Очевидно, что всѣ дѣла чисто мѣстныя—все, что касается исключительно одной какой либо мѣстности—должно совершенно находиться въ рукахъ мѣстныхъ властей. Мощеніе, освѣщеніе и очистка улицъ какого либо города, и, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, очищеніе домовъ не имѣютъ большой важности ни для кого кромѣ его обитателей. Нація въ цѣломъ заинтересована въ нихъ въ томъ лишь смыслѣ, въ какомъ она интересуется личнымъ благосостояніемъ кого либо изъ своихъ гражданъ. Но между обязанностями, по роду принадлежащими къ мѣстнымъ, или которыя отправляются мѣстными исполнителями, есть многія, которыя съ одинаковою справедливостью можно назвать національными: онѣ составляютъ приходящуюся на долю извѣстной мѣстности часть той вѣтви администраціи, въ дѣйствительности которой заинтересована цѣлая нація; сюда принадлежатъ тюрьмы, большая часть которыхъ въ нашей странѣ состоитъ въ вѣденіи совѣтовъ графствъ; мѣстная полиція; мѣстное судопроизводство, которое во многихъ мѣстахъ, особенно въ соединенныхъ городахъ (corporate towns), ведется выбранными мѣстнымъ обществомъ

чиновниками, получающими содержаніе изъ мѣстныхъ фондовъ. Ни объ одномъ изъ этихъ предметовъ нельзя сказать, что онъ имѣетъ чисто мѣстное, отдѣльное отъ національнаго, значеніе. Если, благодаря неисправности мѣстной полиціи какой нибудь уголъ сдѣлается разбойничьимъ гнѣздомъ, или фокусомъ безнравственности, то нельзя сказать чтобы это было дѣломъ совершенно безразличнымъ для всего остальнаго края; то же самое, если вслѣдствіе дурныхъ тюремныхъ законоположеній, мѣстные суды будутъ приговаривать виновныхъ, которые попали сюда изъ другихъ мѣстъ, или совершили преступленіе въ другихъ округахъ, къ наказанію двойному противъ другихъ судовъ, или ослаблять наказаніе до степени дѣйствительной безнаказанности. Сверхъ того, условія хорошаго производства этихъ дѣлъ вездѣ одинаковы; нѣтъ разумныхъ причинъ, почему бы полиція, тюрьмы, судопроизводство, въ различныхъ частяхъ страны должны быть устроены различно; между тѣмъ есть большая вѣроятность, что если дѣла столь важныя, которыя только что по силамъ наиболѣе развитымъ умамъ страны, достанутся въ руки людей средняго уровня, на которыхъ лишь и можетъ разсчитывать мѣстная служба, то они могутъ надѣлать такихъ громадныхъ ошибокъ, что это сдѣлается серьознымъ пятномъ для цѣлой администраціи страны. Безопасность собственности и безопасность личная, равенство предъ судомъ суть первыя потребности общества и первая цѣль правительства; если эти вещи могутъ быть оставлены внѣ самой высшей отвѣтственности, то значитъ центральное правительство ни для чего болѣе не нужно кромѣ войны и трактатовъ. Каковъ бы ни былъ рядъ учрежденій для лучшаго обезпеченія этихъ первыхъ потребностей, онъ

долженъ быть обязателенъ для всей страны, и для большей дѣйствительности долженъ находиться подъ вѣденіемъ центральнаго правительства. Часто бываетъ полезно, а въ нашей странѣ, по рѣдкости въ провинціяхъ чиновъ общаго правительства, даже необходимо, ввѣрять исполненіе обязанностей, предписываемыхъ центральною властью, должностнымъ лицамъ, назначаемымъ мѣстнымъ обществомъ. Но ежедневный опытъ болѣе и болѣе приводитъ общество къ убѣжденію, въ необходимости держать со стороны общаго правительства, хоть инспекторовъ, которые бы наблюдали, исполняютъ ли мѣстные чиновники свои обязанности. Если тюрьмы состоятъ въ мѣстномъ управленіи, то центральная власть должна назначать инспекторовъ тюремъ, чтобы они смотрѣли за соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ парламентомъ, и если состояніе тюремъ того требуетъ, руководили мѣстныхъ дѣятелей въ приложеніи парламентскихъ актовъ, подобно тому, какъ инспекторы факторій и школъ наблюдаютъ за исполненіемъ актовъ въ факторіяхъ и за исполненіемъ въ школахъ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ правительство даетъ имъ свои вспомоществованія.

Но если судопроизводство, вмѣстѣ съ устройствомъ полиціи и тюремъ, въ такой мѣрѣ касается цѣлой націи, и въ такой мѣрѣ составляетъ предметъ общей науки, независимой отъ мѣстныхъ особенностей, что можетъ и должно быть устроено однообразно во всей странѣ; если ихъ устройство требуетъ рукъ болѣе искусныхъ, чѣмъ какія можно найти между мѣстными властями, то съ другой стороны есть дѣла, какъ напримѣръ вспоможеніе бѣднымъ, распоряженія о народномъ здравіи, и другія, которыя, хотя и касаются цѣлой страны, но не могутъ, не измѣняя

самой цѣли мѣстнаго управленія, быть ни въ чьемъ распоряженіи, кромѣ мѣстнаго общества. Здѣсь является вопросъ, въ какой мѣрѣ мѣстныя общества должны пользоваться властью, свободною отъ всякаго надзора и контроля государства?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо разсмотрѣть сравнительное положеніе центральныхъ и мѣстныхъ властей относительно способности ихъ къ производству работы, также относительно возможности обезпечить общество отъ небрежности или злоупотребленій съ ихъ стороны. Мы видимъ во первыхъ, что мѣстныя представительныя собранія и ихъ агенты почти всегда должны имѣть уровень умственный и уровень знаній значительно ниже чѣмъ тотъ, какой найдемъ въ парламентѣ и дѣятеляхъ центральной исполнительной власти. Во вторыхъ, стоя ниже по своимъ качествамъ, эти собранія подлежатъ надзору и обязаны отчетностью предъ общественнымъ мнѣніемъ также низшимъ по развитію. Общество, въ глазахъ котораго онѣ дѣйствуютъ и суду котораго подлежатъ, менѣе многочисленно, и говоря вообще, далеко менѣе просвѣщенно, чѣмъ то, которое въ столицѣ окружаетъ и даетъ совѣты высшимъ властямъ; и еще въ добавокъ сравнительная незначительность интересовъ не возбуждаетъ въ обществѣ такого напряженнаго вниманія. Печать и общественныя пренія гораздо менѣе касаются дѣлъ, и то, что онѣ высказываютъ можетъ быть пренебрежено съ большею безопасностью въ дѣлахъ мѣстныхъ мѣстными властями, чѣмъ въ дѣлахъ націи національными. До сихъ поръ преимущество на сторонѣ веденія дѣлъ посредствомъ центральнаго правительства. Но если мы начнемъ вглядываться въ предметъ ближе, то увидимъ, что эти причины превосход-

ства вполнѣ уравновѣшиваются другими условіями столь же существенными. Если мѣстныя власти и мѣстное общество ниже національныхъ по знанію принциповъ администраціи, то въ замѣнъ ея результаты касаются ихъ гораздо ближе. У хозяина есть сосѣдъ или управляющій: можетъ быть они гораздо лучше знаютъ его дѣло чѣмъ онъ самъ; можетъ быть его благосостояніе не совсѣмъ имъ чуждо, но при всемъ томъ дѣло пойдетъ гораздо лучше въ его рукахъ, чѣмъ въ ихъ. Надо еще припомнить, что хотя бы центральное правительство управляло и чрезъ своихъ агентовъ, но его агенты все таки дѣйствовали бы не въ центрѣ, а въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ; и на сколько бы мѣстное общество ни было ниже центральнаго, но все же оно одно имѣетъ возможность надзора за дѣйствіями чиновниковъ исполнительной власти, и одно только мѣстное общественное мнѣніе можетъ дѣйствовать прямо на ихъ поведеніе, или привлекать вниманіе центральнаго правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно его вмѣшательство. Только въ самыхъ рѣдкихъ крайностяхъ общее мнѣніе страны направляется на различныя подробности мѣстной администраціи, и еще рѣже оно бываетъ въ состояніи правильно оцѣнить всѣ обстоятельства дѣла. Мѣстное же мнѣніе необходимо дѣйствуетъ несравненно сильнѣе на администраторовъ чисто мѣстныхъ. Обыкновенно, они имѣютъ постоянное пребываніе, и не ждутъ перемѣщенія съ мѣста своихъ дѣйствій, послѣ того какъ придется сложить власть; самая ихъ власть, по нашему предположенію, зависитъ отъ воли мѣстнаго населенія. Я не буду говорить о недостаточности знанія центральнаго правительства въ подробностяхъ мѣстныхъ порядковъ, о его незнаніи лицъ отдаленнаго общества, о невозможности

для него пріобрѣсть то количество мѣстныхъ свѣденій, какое необходимо для рѣшенія однихъ только жалобъ и о невозможности для него держать подъ надлежащею отвѣтственностью такое множество мѣстныхъ агентовъ. Слѣдовательно въ подробностяхъ управленія мѣстныя собранія вообще будутъ имѣть преимущество предъ центральною властью; за то въ пониманіи началъ, даже чисто мѣстнаго управленія, превосходство центральнаго правительства, если оно образовано правильно, должно быть громадное, и не потому только что въ его составъ войдутъ по всему вѣроятію люди съ высшими дарованіями, и что цѣлая толпа мыслителей и публицистовъ, занятыхъ разработкою идей, будутъ дѣйствовать на нихъ посредствомъ своихъ твореній; но и по той также причинѣ, что знаніе и опытность мѣстнаго дѣятеля есть только мѣстное знаніе и опытность, не выходящія изъ границъ его округа, и примѣнимыя только въ немъ, между тѣмъ какъ центральное правительство имѣетъ средства знать все что изучено и испытано во всей странѣ, съ прибавленіемъ сюда опыта другихъ государствъ.

Отсюда легко вывести практическое заключеніе. Та власть, которая имѣетъ лучшее понятіе о принципахъ должна руководить въ принципахъ; та же, которая болѣе состоятельна въ подробностяхъ должна и имѣть ихъ въ своемъ вѣденіи. Главное занятіе центральной власти—давать начала, а мѣстныхъ властей—прилагать ихъ къ дѣлу. Сила должна быть распредѣлена по мѣстамъ, но знаніе, для лучшаго своего дѣйствія, должно быть сосредоточено; надо чтобы гдѣ нибудь былъ фокусъ, куда бы сбирались всѣ разсѣянные въ пространствѣ лучи; чтобы тѣ изъ нихъ, которые придутъ окрашенными или преломленными, могли

соединиться съ своими дополненіями, и выйти изъ фокуса возстановленными. Для каждой вѣтви мѣстной администраціи, которая имѣетъ тѣсную связь съ общими интересами страны, долженъ быть соотвѣтствующій органъ въ центральномъ правительствѣ, самъ ли министръ, или одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ,—даже въ томъ случаѣ, еслибъ этому агенту ничего не оставалось дѣлать, какъ только собирать свѣденія со всѣхъ концовъ страны, и различные опыты отдѣльныхъ мѣстностей проводить туда, гдѣ въ нихъ есть нужда. Но для центральной власти есть еще одно дѣло. Она должна поддерживать постоянныя сношенія съ мѣстными учрежденіями, принимая къ свѣдѣнію ихъ опыты, и сообщая имъ свои; съ охотою давая совѣты если у нея ихъ спрашиваютъ, и даже предупреждая спросъ, если видитъ что въ нихъ будетъ нужда; она должна обязывать мѣстныя учрежденія къ гласному производству дѣлъ и къ записыванію всѣхъ ихъ обстоятельствъ, и, въ случаѣ надобности, принуждая къ повиновенію каждому общему закону, который центральное законодательство признаетъ полезнымъ для всѣхъ мѣстностей вообще. хотя бы онъ касался только мѣстныхъ дѣлъ. Вѣроятно не многіе станутъ отрицать необходимость такихъ законовъ. Мѣстныя общества могутъ, если имъ это угодно, вести свои дѣла дурно, но не должны вести ихъ въ ущербъ другимъ, не должны нарушать законовъ правды въ отношеніяхъ между однимъ лицомъ и другимъ; въ этомъ случаѣ центральная власть обязана поддерживать строгую справедливость. Если большинство вздумаетъ тѣснить меньшинство, или одинъ классъ тѣснить другой, то обязанность государства вступиться. Напримѣръ: всѣ мѣстные налоги должны вотироваться исключительно мѣстнымъ пред-

ставительнымъ собраніемъ; но это собраніе, хотя его члены и избираются исключительно тѣми, кто платитъ подати, можетъ взимать ихъ такимъ способомъ, или учреждать такого рода налоги, что чрезмѣрная доля тяжести упадетъ на бѣдныхъ, богатыхъ, или на какой либо отдѣльный классъ населенія. Поэтому обязанность центральнаго законодательства, оставивъ общую сумму мѣстныхъ налоговъ на произволъ мѣстнаго собранія, опредѣлить закономъ какъ родъ налоговъ, такъ и способъ ихъ взиманія, которые одни только и должны быть приняты мѣстными обществами. Въ администраціи общественной благотворительности, дѣятельность и нравственность всего рабочаго класса зависятъ въ весьма значительной степени отъ тѣхъ началъ, какія положены въ ея основаніе. Хотя, конечно, мѣстные дѣятели, а не кто другой должны опредѣлять, кто именно изъ нуждающихся имѣетъ, на основаніи извѣстныхъ правилъ, право на вспомоществованіе, но одинъ національный парламентъ можетъ дать эти основныя правила; и если онъ, въ столь важномъ національномъ дѣлѣ, не установилъ этихъ правилъ и не принялъ мѣръ къ отвращенію уклоненій, то онъ пренебрегъ своею существеннѣйшею обязанностью. Какъ велико должно быть его право вмѣшательства въ дѣла мѣстныя, для того чтобъ поддерживать дѣйствительность законовъ,—это вопросъ частный, и вдаваться въ его разборъ было бы безполезно. Естественно сами законы опредѣлятъ взысканія и способъ ихъ наложенія. Въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть потребуется, чтобы центральное правительство имѣло право распускать представительные совѣты, но оно не должно обладать правомъ назначать на ихъ мѣсто новые, или останавливать дѣятельность мѣстныхъ учрежденій. Если парла-

ментъ не вмѣшался въ какое либо дѣло, то и никакое вѣдомство исполнительной области не должно въ него вмѣшиваться въ качествѣ власть имѣющаго; но исполнительная власть въ смыслѣ совѣтника, критика, проводника закона и докладчика парламенту или мѣстнымъ собраніямъ о замѣченныхъ гдѣ либо предосудительныхъ дѣйствіяхъ, является драгоцѣннымъ агентомъ.

Иные думаютъ, что какъ бы центральныя учрежденія ни превосходили мѣстныя понятіями о принципахъ администраціи, но великая цѣль политическихъ учрежденій, на которой и мы такъ сильно настаивали—политическое и общественное воспитаніе гражданъ—требуетъ, чтобы они вели свое дѣло собственными, хотя бы и несовершенными средствами. На это можно отвѣчать, что цѣль политическихъ учрежденій — не одно только воспитаніе гражданъ; какъ бы важно оно ни было, но правительство существуетъ не для него одного. Самое же возраженіе показываетъ, что эти мыслители имѣютъ очень несовершенныя понятія о воспитательномъ значеніи народныхъ учрежденій. Хорошо должно быть ученье, когда невѣжество сводятъ съ невѣжествомъ, и оставляютъ ихъ искать ощупью науки, если онѣ думаютъ о ней; а если нѣтъ, то обходиться и безъ нея. Въ чемъ именно нуждается общество,—такъ это въ средствахъ втолковать невѣжеству, что оно должно остерегаться самаго себя; въ средствахъ научить его пользоваться наукой; въ средствахъ пріучить умы, которые знаютъ пока одну рутину, дѣйствовать на основаніи принциповъ и понимать имъ цѣну; въ средствахъ научить умы умѣнью сравнивать между собою различные образы дѣйствій и собственнымъ размышленіемъ доискиваться лучшаго. Если мы хотимъ устроить хорошую школу, то

не выгоняемъ учителя. Старинная поговорка: «каковъ учитель таковы будутъ и школьники» такъ же вѣрно примѣняется къ косвенному воспитанію взрослаго человѣка чрезъ посредство общественныхъ учрежденій, какъ и къ прямому воспитанію молодежи въ академіяхъ и коллегіяхъ. Правительство, которое хочетъ само все дѣлать, сравнивается очень удачно г. Шарлемъ Ремюза съ школьнымъ учителемъ, который самъ приготовляетъ всѣ уроки школьниковъ: онъ можетъ быть очень популяренъ между учениками, но конечно научитъ ихъ немногому. Съ другой стороны, правительство, которое ни само не дѣлаетъ ничего такого, что по всему вѣроятію можетъ быть сдѣлано кѣмъ либо другимъ, и которое не указываетъ другимъ какъ сдѣлать то, въ чемъ общество нуждается, походитъ на школу, гдѣ нѣтъ настоящаго учителя, а его мѣсто замѣняютъ ученики, которые сами никогда ничему не учились.

ГЛАВА XVI.

О національности въ ея связи съ представительнымъ правленіемъ.

Извѣстную долю человѣческаго рода можно назвать національностью, если люди ее составляющіе связаны между собой общими симпатіями, какія не существуютъ между ими и другою долею людей; если, по причинѣ этихъ симпатій, они дѣйствуютъ съобща между собою охотнѣе, чѣмъ съ другимъ народомъ; если они имѣютъ желаніе быть подъ однимъ правленіемъ, и при томъ такимъ, которое бы состояло исключительно изъ ихъ самихъ, или изъ части ихъ самихъ. Это чувство національной особности можетъ родиться вслѣдствіе различныхъ причинъ. Иногда оно есть слѣдствіе единства племени и происхожденія. Единство языка и вѣры много ему способствуютъ. Географическія границы также составляютъ одну изъ причинъ. Но сильнѣйшая изъ всѣхъ—это единство предшествовавшихъ политическихъ событій, единство исторіи, и слѣдо-

вательно единство воспоминаній; общее торжество и общее униженіе, радости и горе, связанныя съ событіями прошедшей жизни народа. Впрочемъ ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не составляетъ необходимаго условія, также какъ ни одно не достаточно само по себѣ, для образованія чувства національности. Въ Швейцаріи мы встрѣчаемъ сильное національное чувство, хотя ея кантоны различаются между собою языкомъ, племеннымъ происхожденіемъ и религіей. Сицилія до сихъ поръ чувствовала себя совершенно отдѣльною отъ Неаполя національностью, не смотря на тождество религіи, на почти совершенное тождество языка и на значительную степень общности предшествовавшихъ историческихъ событій. Фламандскія и валонскія населенія Бельгіи, не смотря на различіе племенное и различіе языка, питаютъ гораздо сильнѣйшее чувство національнаго единства, и считаютъ себя ближе другъ къ другу, чѣмъ первыя къ Голландіи, а послѣднія къ Франціи. Но говоря вообще, чувство національности слабѣетъ по мѣрѣ того какъ не стаетъ одной изъ причинъ къ его образованію. Единство языка, литературы, и, до нѣкоторой степени, единство племени и воспоминаній, поддерживали въ значительной мѣрѣ чувство національности во многихъ частяхъ Германіи, хотя эти части, на дѣлѣ, никогда не были соединены подъ однимъ правленіемъ; но это чувство никогда не доходило до такой степени, чтобы заставить различныя отдѣльныя государства пожертвовать своею автономіей. Въ Италіи единство, хотя далеко не полное, языка и литературы, въ сочетаніи съ географическимъ положеніемъ ея, рѣзко отдѣльнымъ отъ другихъ странъ, и, (быть можетъ болѣе чѣмъ по какой либо другой причинѣ), единствомъ имени, которое дѣлаетъ всѣхъ, кто носитъ это

имя, участниками въ славѣ великихъ прошедшихъ дѣлъ въ области искусствъ, политики, воинскихъ подвиговъ, религіозномъ первенствѣ, въ области наукъ и литературы— все это породило въ народѣ національное чувство, которое, хотя все еще несовершенно, но было уже достаточно для того, чтобъ произвести великія событія, проходящія теперь передъ нами; и все это не смотря на большое смѣшеніе племенъ, и на то, что ни въ прежнее ни въ новое время она никогда не была подъ однимъ правительствомъ, кромѣ того періода, когда это правительство распространяло, или стремилось распространить, свою власть надъ большею частью извѣстнаго тогда міра.

Въ странѣ, гдѣ въ извѣстной мѣрѣ существуетъ національное чувство, сама собою является потребность къ соединенію отдѣльныхъ членовъ національности подъ одно управленіе, и при томъ подъ управленіе особое, ихъ собственное. Это равносильно тому, что вопросъ о правительствѣ долженъ быть рѣшенъ тѣми, кѣмъ управляютъ. Въ чемъ же и состоитъ необходимѣйшая принадлежность свободы какого либо общества, какъ не въ правѣ выбора между другими обществами себѣ товарищей, съ которыми бы оно хотѣло соединиться? Но когда народъ созрѣлъ для свободныхъ учрежденій, то представляются соображенія еще болѣе важныя. Свободныя учрежденія почти невозможны въ государствѣ, составленномъ изъ разныхъ національностей. Если между народностями нѣтъ взаимныхъ симпатій, особенно если онѣ читаютъ и пишутъ на разныхъ языкахъ, то не можетъ существовать и единства общественнаго мнѣнія, необходимаго условія для дѣйствительности представительнаго правленія. Въ этомъ случаѣ тѣ вліянія, которыя образуютъ политическія мнѣнія и вызываютъ какой либо

правительственный актъ, въ различныхъ частяхъ государства, дѣйствуютъ различно. Кружки общественныхъ вождей, пользующихся довѣріемъ той и другой части общества, будутъ совсѣмъ разные. Книги, журналы, рѣчи, не будутъ одинаковы для тѣхъ и другихъ. Одинъ отдѣлъ общества не будетъ и знать, какія мнѣнія и какія побужденія обращаются въ другомъ. Однѣ и тѣ же событія, одни и тѣ же акты, одна и та же правительственная система отзываются на нихъ различно, и каждый изъ нихъ боится отъ другаго обиды болѣе, чѣмъ отъ общаго ихъ владыки государства. Ихъ національныя антипатіи вообще бываютъ сильнѣе чѣмъ нелюбовь къ правительству. Если политика общаго владыки оскорбляетъ кого либо изъ нихъ, то этого одного достаточно, чтобъ другой поддерживалъ эту политику. Если и всѣ оскорблены, то никто не вѣритъ, чтобы можно было положиться на другаго для общаго сопротивленія; ни одинъ не имѣетъ достаточно силъ, чтобы могъ сопротивляться самъ, и потому считаетъ за лучшее искать у правительства милости для себя, въ ущербъ прочимъ. Но сверхъ всего, главное и единственное надежное условіе гражданской свободы — сочувствіе между арміей и народомъ, въ этомъ случаѣ, не существуетъ. Изъ всѣхъ сословій общества, военное есть именно то, въ которомъ понятіе о различіи между соотечественникомъ и иностранцемъ проявляется наисильнѣе и наирѣзче. Для другихъ сословій иностранецъ есть только чужой человѣкъ, для солдата—это человѣкъ, съ которымъ онъ, можетъ быть черезъ недѣлю, будетъ биться на жизнь и смерть. Для него разница между соотечественникомъ и чужестранцемъ такая же, какъ между другомъ и врагомъ—я бы сказалъ почти такая же какъ между человѣкомъ и животнымъ; въ

его глазахъ для враговъ одинъ законъ—сила, и для него только одна причина щадить ихъ, та же, которая заставляетъ его щадить иногда и животныхъ—простая жалость. Если даже половина или три четверти подданныхъ какой либо страны, будутъ чужестранцами въ понятіи арміи, то она перебьетъ ихъ такъ же безраскаянно, и такъ же будетъ спокойна на счетъ причинъ, какъ еслибы они были явными врагами. Армія, составленная изъ людей разныхъ національностей не имѣетъ другаго патріотизма, кромѣ преданности знамени. Такія арміи были палачами свободы въ теченіи всей новой исторіи. Единственная связь, держащая солдатъ вмѣстѣ въ такихъ арміяхъ—это ихъ офицеры и правительство, которому они служатъ, и единственная ихъ идея (если только у нихъ есть какая нибудь) о гражданскихъ обязанностяхъ заключается въ повиновеніи приказаніямъ. Правительство, которое держитъ свои венгерскіе полки въ Италіи и итальянскіе въ Венгріи, можетъ долго править обѣими странами какъ бы желѣзнымъ жезломъ чуждаго завоевателя.

Если скажутъ, что такое рѣзкое разграниченіе между обязанностями къ соотечественникамъ и обязанностями къ человѣку вообще достойны болѣе дикихъ чѣмъ цивилизованныхъ обществъ, и что съ такимъ предразсудкомъ надо бороться всѣми силами, то никто не согласенъ съ этимъ болѣе чѣмъ я. Но такое убѣжденіе, хотя одинъ изъ достойнѣйшихъ предметовъ для проведенія въ общество, еслибъ оно и привилось, то все таки никогда не дало бы равной силы всѣмъ различнымъ національностямъ, соединеннымъ подъ однимъ правительствомъ. При варварскомъ состояніи общества иногда бываетъ иначе. Правительство можетъ находить интересъ въ томъ, чтобы смягчать племенныя антипатіи, и тѣмъ поддерживать миръ для большаго удобства

управленія. Но если въ различныхъ народахъ есть свободныя учрежденія, или желаніе ихъ, то интересъ общаго правительства будетъ лежать совсѣмъ въ другомъ направленіи. Оно тогда должно поддерживать и разжигать взаимныя антипатіи національностей, чтобы предупредить возможность коалиціи съ ихъ стороны, и чтобы самому имѣть возможность употреблять нѣкоторыя изъ нихъ на порабощеніе остальныхъ. Австрійскій дворъ въ теченіи цѣлаго поколѣнія держался этой тактики какъ главнаго средства въуправленіи своими народами, и съ какимъ печальнымъ успѣхомъ— мы всѣ это видѣли во время вѣнскаго возстанія и венгерской войны. Къ счастію теперь есть признаки, что общественное развитіе зашло слишкомъ далеко, чтобы подобная политика могла продолжаться съ успѣхомъ.

По этимъ причинамъ, говоря вообще, необходимымъ условіемъ для свободныхъ учрежденій, должно быть совпаденіе государственныхъ границъ, на сколько это возможно, съ границами національности. Но на дѣлѣ многія обстоятельства обусловливаютъ общій принципъ. Его приложеніе во первыхъ, часто встрѣчаетъ географическія препятствія. Въ самой Европѣ есть страны, гдѣ различныя національности до такой степени перемѣшаны между собою, что для нихъ было бы непрактично создавать для себя отдѣльныя правительства. Населеніе Венгріи состоитъ изъ Маджаровъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Румыновъ, и въ нѣкоторыхъ округахъ изъ Германцевъ; для нихъ нѣтъ другаго исхода какъ «быть добродѣтельными по необходимости», и жить вмѣстѣ, подъ одними законами, примирясь съ всеобщимъ равенствомъ правъ. Общее ихъ порабощеніе, которое началось только съ паденія венгерской независимости, въ 1849 г., кажется воспитаю въ нихъ расположеніе къ

соединенію, основанному на всеобщемъ равноправіи. Германскія провинціи Восточной Пруссіи отрѣзаны отъ остальной Германіи частью бывшей Польши, и будучи слишкомъ слабы чтобъ поддерживать свою отдѣльную независимость, должны, если необходима географическая государственная непрерывность, войти въ составъ не германскаго государства, или же раздѣляющая часть польской территоріи должна войти въ составъ германскаго. Другой обширный край, гдѣ преобладающій элементъ германскій, провинціи Курляндія, Эстляндія, и Лифляндія, по своему географическому положенію, осужденъ войти въ составъ славянскаго государства. Въ самой Восточной Германіи есть значительныя скопленія славянскихъ племенъ. Богемія главнымъ образомъ, Силезія и другія провинціи отчасти земли славянскія. Наиболѣе однородное изъ государствъ Европы,—Франція, имѣетъ населеніе далеко не однородное: не считая уже осколковъ чуждыхъ національностей на ея крайнихъ границахъ, она состоитъ, какъ доказываетъ исторія и языкъ, изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна занята почти исключительно галло-романскимъ племенемъ, тогда какъ въ другой франкское, бургундское и другіе тевтонскіе элементы составляютъ сильную примѣсь.

Но за удовлетвореніемъ географическихъ требованій сами собою представляются другія, которыя болѣе касаются стороны моральной и общественной. Опытъ показываетъ что извѣстная національность можетъ войти вполнѣ въ другую національность и поглотиться ею и если ее составлялъ народъ отъ природы менѣе одаренный и менѣе развитый, то такое поглощеніе будетъ для нея весьма выгодно. Никто не думаетъ, чтобы для Бретонца или Баска французской Наварры не было благодѣяніемъ войти въ токъ идей и чувствъ высоко цивилизованнаго народа,—быть членами французской на-

ціональности, наслаждаться, наравнѣ со всѣми, правами и преимуществами французскаго гражданина, участвовать въ выгодахъ французскаго покровительства, въ почестяхъ и prestige, воздаваемыхъ французскому могуществу, вмѣсто того чтобъ копошиться на своихъ скалахъ, и думать о своихъ крошечныхъ интересахъ, не принимая участія въ общемъ движеніи міра. Это же самое можно сказать и о Валійцѣ или шотландскомъ горцѣ по отношенію ихъ къ британской націи.

Все, что дѣйствительно способствуетъ скрещиванію различныхъ національностей и сліянію ихъ характеристическихъ особенностей въ новомъ поколѣніи, все это составляетъ благо для человѣчества. Не потому что исчезнутъ первобытные типы: ихъ всегда останется довольно, но потому что округлятся и выполнятся ихъ крайнія формы. Смѣшанныя племена, подобно скрещеннымъ породамъ животныхъ (но еще въ большей степени, потому что, въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ не одни физическія, но и моральныя вліянія), наслѣдуютъ особенности, которыя составляли превосходство предковъ, и между тѣмъ скрещиваніе недопускаетъ эти качества выродиться въ сосѣдніе имъ пороки. Но для возможности смѣшенія необходимы нѣкоторыя особыя условія. Сочетанія такихъ условій и вліяніе ихъ на результаты бываютъ различны.

Націи, входящія въ составъ одного государства могутъ быть или почти равны по численности и силѣ, или очень не равны. Если онѣ не равны, то менѣе численная можетъ стоять по развитію выше или ниже. Предположивъ, что она выше, она вслѣдствіе своего развитія можетъ взять верхъ надъ другою, или же можетъ уступить и покориться животной силѣ. Этотъ послѣдній случай представляетъ

прямой вредъ для человѣчества, и всѣ цивилизованные народы обязаны предупреждать его всѣми силами. Поглощеніе Греціи Македоніей было однимъ изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества.

Если менѣе численная національность стоитъ на высшей степени цивилизаціи и бываетъ въ состояніи покорить болѣе численную, какъ Македоняне, подкрѣпленные Греками покорили Азію и Англичане Индію, то цивилизація часто бываетъ въ выигрышѣ, но завоеватели и завоеванные, въ этомъ случаѣ, не могутъ наслаждаться одними и тѣми же свободными учрежденіями. Поглощеніе завоевателей покореннымъ менѣе цивилизованнымъ народомъ было бы зломъ: онъ долженъ быть управляемъ какъ подвластный, и такой порядокъ будетъ или благо или бѣдствіе, смотря по тому, достигъ ли покоренный народъ той степени развитія, когда быть не подъ свободнымъ правленіемъ становится для него уже оскорбленіемъ, а также, по тому прилагаютъ ли или не прилагаютъ завоеватели своего превосходства къ дѣлу, съ цѣлію вести завоеванныхъ къ высшей степени развитія. Объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить отдѣльно, въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Если побѣдившая нація есть въ то же время и болѣе многочисленная и болѣе просвѣщенная, и особенно, если національность покоренная безсильна и не имѣетъ надежды на возвращеніе своей независимости, если при этомъ ею управляютъ съ достаточною справедливостью, и члены покорившей націи не сдѣлались ненавистны побѣжденному народу своими исключительными привилегіями,—то меньшая національность мало по малу мирится съ своимъ положеніемъ, и наконецъ сливается съ болѣе многочисленною. Бретонцы Нижней Бретани, ни даже уроженецъ Альзаса,

въ настоящее время, не имѣютъ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи. Если не всѣ Ирландцы пришли къ тому же расположенію относительно Англіи, то это происходитъ отчасти потому, что Ирландія сама по себѣ достаточно сильна для того, чтобъ составить почтенную націю, главнымъ же образомъ потому что до послѣдняго времени ею такъ ужасно управляли, что лучшія качества Ирландцевъ сливались съ ихъ худшими качествами въ одной ненависти къ саксонскому владычеству. Эта ненависть къ Англіи, и бѣдствія всего государства происшедшія отсюда, надо сказать правду, могли кончиться еще почти за цѣлое поколѣніе. Теперь нѣтъ ни одного Ирландца который бы былъ менѣе свободенъ чѣмъ Англо-Саксонъ или который бы пользовался меньшею долею всякаго блага, относительно своей страны или себя лично, чѣмъ кто бы то ни было родившійся въ другомъ мѣстѣ британскихъ владѣній. Единственный резонный видъ недовольства Ирландцевъ относительно постановленій, касающихся государственной религіи, есть тотъ же, который раздѣляетъ съ ними половина или почти половина населенія большаго острова. Теперь, за исключеніемъ воспоминаній о прошедшемъ, и различій въ вѣрѣ, почти не осталось причинъ къ разъединенію двухъ племенъ, которыя можетъ быть болѣе чѣмъ какія либо другія изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ способны быть дополненіемъ одно другому. Сознаніе что имъ оказывается наконецъ не только одинаковое правосудіе, но и одинаковое уваженіе,—это сознаніе такъ быстро распространяется между Ирландцами, что уничтожаетъ всѣ чувства, дѣлавшія ихъ равнодушными къ тѣмъ благамъ, какія менѣе численный и менѣе богатый народъ, необходимо извлекаетъ, становясь согражданиномъ, а не чужимъ дру-

гому народу, который не только его ближайшій сосѣдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ богатѣйшую, одну изъ свободнѣйшихъ, цивилизованнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ.

Случаи, представляющія наибольшія практическія препятствія къ сліянію національностей являются тогда, когда національности, связанныя одна съ другою, почти равняются между собою своею численностью и другими элементами могущества. При такомъ положеніи, каждая національность, надѣясь на свою силу, и чувствуя себя въ состояніи выдерживать борьбу со всякою другою силою, не захочетъ исчезнуть въ общемъ сплавѣ; каждая изъ нихъ съ упорствомъ партизана будетъ воспитывать свои національныя особенности; устарѣлыя обыкновенія и даже исчезающіе языки вызываются къ жизни, чтобы усилить различіе; каждая изъ нихъ жалуется на тиранію, если какая либо власть въ ея границахъ достанется человѣку соперничествующаго племени; и если одна изъ враждующихъ націй получаетъ что нибудь, то другая смотритъ на это что нибудь какъ на отнятіе у всѣхъ остальныхъ. Когда націи, разъединенныя такимъ образомъ, находятся подъ деспотическимъ правительствомъ, которое имъ всѣмъ одинаково чуждо, или которое, хотя и исходитъ отъ одной изъ нихъ, но считая для себя выгоднѣе свое собственное могущество чѣмъ симпатіи націй, не отдаетъ предпочтенія ни которой изъ нихъ и безразлично изъ всѣхъ выбираетъ себѣ исполнителей,—въ такихъ случаяхъ одинаковость положенія порождаетъ гармонію чувствъ, и различныя племена начинаютъ чувствовать себя соотечественниками, особенно если онѣ разсѣяны на однородной мѣстности. Но если пора стремленій къ свободному правленію наступила прежде

чѣмъ совершилось сліяніе племенъ, то возможность такого сліянія уже упущена. Съ этого времени, если непріязненныя національности раздѣлены географически, въ особенности если ихъ географическое положеніе таково, что для нихъ нѣтъ естественныхъ выгодъ быть подъ однимъ правленіемъ (какъ напримѣръ для итальянской провинціи подъ игомъ французскимъ или германскимъ), — въ такомъ случаѣ, если только имѣть въ виду согласіе и свободу, имъ слѣдуетъ, даже необходимо нужно, совершенно разорвать связь между собою. Могутъ быть случаи, когда провинціи послѣ раздѣла съ выгодою для себя сохранятъ федеративную связь; но вообще случается такъ, что если онѣ желаютъ, сохраняя полную независимость, быть членами федераціи, то каждая изъ нихъ находитъ другихъ сосѣдей, съ которыми охотнѣе вступитъ въ связь, имѣя болѣе общихъ симпатій, если не большую общность интересовъ.

ГЛАВА XVII.

Федеральное правительственное правленіе.

Извѣстныя доли человѣческаго общества, который не въ состояніи или не расположены жить вмѣстѣ, подъ однимъ внутреннимъ управленіемъ, часто, въ виду сношеній съ иностранными державами, могутъ съ большою выгодою для себя соединиться федеративною связью; она можетъ быть имъ полезна во первыхъ въ томъ отношеніи, что не будетъ допускать войны между ними, и во вторыхъ въ томъ, что дастъ имъ болѣе надежную защиту, на случай нападенія сильнаго врага.

Для того чтобы федеративная связь была дѣйствительною надо много условій. Первое изъ нихъ, — достаточное количество симпатій между народами. Федерація обязываетъ ихъ сражаться всегда подъ однимъ знаменемъ; если же они питаютъ другъ къ другу такія чувства, или такъ разнятся между собою въ чувствахъ къ сосѣднимъ націямъ, что вообще предпочли бы сражаться въ противныхъ ря-

дахъ, то федеральная связь не будетъ продолжительна, и во всякомъ случаѣ не будетъ соблюдаться какъ слѣдуетъ. Симпатіи, помогающія федеративной цѣли, являются вслѣдствіе сходства языковъ, племени, вѣры, и особенно политическихъ учрежденій, которыя болѣе всего другаго ведутъ къ сознанію единства политическихъ интересовъ. Когда нѣскольско свободныхъ народовъ окружены со всѣхъ сторонъ военными или феодальными властителями, которые ненавидятъ и презираютъ свободу даже въ сосѣдѣ, то этимъ народамъ для сохраненія своей свободы и ея благъ, ничего неостается дѣлать, какъ соединиться въ федерацію. Эта общая опасность дала такую крѣпость швейцарской федераціи, что она въ теченіи столѣтій выдерживаетъ не только различіе религій,—въ тѣ періоды когда религія была еще обильнымъ источникомъ непримиримой политической вражды во всей Европѣ,—но даже и значительные недостатки въ устройствѣ самой федераціи. Въ Америкѣ всѣ условія федераціи существуютъ въ самой высокой степени; но единственное различіе въ учрежденіяхъ, внесенное статьею о рабствѣ, до такой степени разъединило чувства двухъ отдѣловъ Союза, что они, въ настоящее время, разрываютъ связь. которая для обоихъ должна имѣть такую огромную цѣну.

Другое условіе для прочности федеральнаго правленія заключается въ томъ, чтобы отдѣльныя націи не были столь сильны, чтобы, въ случаѣ нападенія чужестранца, могли разсчитывать исключительно на собственныя свои оборонительныя средства. Если онѣ могутъ питать подобныя разсчеты, то могутъ придти и къ тому заключенію, что связь ихъ съ другими, не даетъ имъ выгодъ, равносильныхъ лишенію свободы дѣйствій, принесенной ими въ жертву фе-

дераціи; а потому, всякій разъ, какъ только политика Союза, въ дѣлахъ подлежащихъ его вѣденію, начинаетъ расходиться съ тою, которую бы преслѣдовалъ одинъ изъ его членовъ отдѣльно, внутренняя и частная борьба враждующихъ сторонъ, по недостатку въ членахъ достаточно страстнаго желанія отстаивать цѣлость Союза, можетъ повести къ его распаденію.

Третье условіе не менѣе важное чѣмъ и два первыя,— это, чтобы не было значительной разности силъ между различными штатами. Разумѣется они не могутъ быть всѣ одинаково сильны: во всякой федераціи будетъ рядъ различныхъ степеней: одни штаты будутъ болѣе населены, болѣе богаты и цивилизованы чѣмъ другіе. Есть большая разница въ величинѣ населенія и богатства между Нью-Іоркомъ и Родъ—Айлэндомъ, между Берномъ и Цугомъ или Гларисомъ. Существенно важно только то, чтобы не было штата столь могущественнаго, который бы могъ соперничать со многими взятыми вмѣстѣ. Если въ Союзѣ существуетъ одинъ, хоть только одинъ такой штатъ, онъ будетъ усиливаться присвоить себѣ права верховнаго распорядителя на всѣхъ общихъ собраніяхъ; если же будетъ два такихъ штата, и они поладятъ между собою, то ихъ сила будетъ неотразима; если же они начнутъ враждовать, то все будетъ поглощено борьбою двухъ соперниковъ за первенство. Этой одной причины достаточно, чтобы привести къ ничтожеству нѣмецкій Бундъ, даже помимо его жалкой внутренней организаціи. Онъ не удовлетворяетъ ни одной изъ истинныхъ цѣлей конфедераціи. Онъ никогда не могъ ввести въ Германіи одинаковой системы таможенъ; не могъ даже ввести общей монеты; до сихъ поръ онъ только служилъ къ тому, чтобы давать Австріи и Пруссіи за-

конное право наводнять своими войсками различныя германскія территоріи съ цѣлію помочь мѣстному владыкѣ давить своихъ подданныхъ. Что же касается до другихъ его назначеній, то Бундъ всю Германію обратилъ бы въ прусское владѣніе, еслибъ не было Австріи, или въ австрійское, еслибъ не было Пруссіи; мелкимъ же князькамъ едва ли остается что нибудь болѣе какъ быть партизанами той или другой державы или заводить съ иностранцами интриги противъ обѣихъ.

Существуютъ два вида организаціи федеральнаго Союза (Union) (*). Члены федеральнаго Собранія могутъ представлять только свои правительства, и въ такомъ случаѣ указы его будутъ обязательны только для однихъ правительствъ; или же они могутъ имѣть право издавать законы и давать приказанія прямо обязательныя для каждаго частнаго гражданина. По первому изъ этихъ плановъ построенъ Германскій такъ называемый Союзъ, и таково же было устройство Швейцарскаго Союза до 1847 года. Его испытывали и въ Америкѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за войною за независимость. Второй планъ принятъ въ настоящей американской конституціи, а въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ и въ швейцарской. Федеральный конгрессъ Американскаго Союза составляетъ существенный элементъ въ управленіи каждымъ отдѣльнымъ штатомъ. Въ

(*) Въ англійскомъ языкѣ существуютъ два различныя слова Union и Alliance для передачи двухъ различныхъ понятій, которыя по русски выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ Союзъ. Различіе между ними легче всего понять изъ примѣра: Североамериканскій и Швейцарскій Союзы будутъ Unions, англо-французскій и Священный—alliances. Примѣч. Переводч.

своихъ границахъ онъ издаетъ законы, которымъ повинуется каждый изъ частныхъ гражданъ; законы онъ приводитъ въ исполненіе посредствомъ своихъ чиновниковъ, и поддерживаетъ ихъ силу посредствомъ своихъ судебныхъ учрежденій. Это единственный принципъ, на которомъ до сихъ поръ могло держаться дѣйствительное федеральное правленіе; на другомъ оно едва ли можетъ быть основано. Связь однихъ только правительствъ есть не болѣе какъ союзъ (alliance), и подвержена всѣмъ случайностямъ, которыя дѣлаютъ союзы ненадежными. Еслибъ указы президента и конгресса были обязательны только для правительства Нью-Іорка, Виргиніи и Пенсильваніи, и могли быть приводимы въ исполненіе только посредствомъ чиновниковъ ими назначаемыхъ и подлежащихъ отвѣтственности передъ ихъ судебными учрежденіями, то ни одинъ указъ федеральнаго правленія, который бы не нравился мѣстному большинству, не былъ бы исполненъ. Требованія, направленныя къ какому нибудь изъ правительствъ, въ этомъ случаѣ, ничѣмъ инымъ не могутъ быть подкрѣплены, какъ развѣ войною; федеральная армія должна бъ была находиться постоянно въ готовности, чтобы вводить декреты федераціи въ какомъ нибудь несговорчивомъ штатѣ; а между тѣмъ можетъ случиться такъ, что другіе штаты, сочувствующіе упрямцу, а пожалуй и раздѣляющіе его мнѣніе въ спорномъ вопросѣ, откажутся выслать противъ него свой военный контингентъ, если только не пошлютъ его къ нему на помощь. Такая федерація скорѣе можетъ быть причиной внутренней войны, чѣмъ предохранительнымъ средствомъ противъ нея; если не таково было ея дѣйствіе въ Швейцаріи до послѣдняго времени, предшествовавшаго 1847 году, то это потому только, что федеральное прав-

леніе слишкомъ чувствовало свою слабость, и едва ли когда думало о дѣйствительномъ приложеніи своей власти. Въ Америкѣ федерація построенная на этомъ принципѣ рушилась въ первые же годы своего существованія; къ счастію это случилось въ то время, когда еще были живы основатели свободы республики, люди съ обширными познаніями и испытанными способностями; они то и провели ее черезъ трудную переходную ступень. «Федералистъ», сборникъ доводовъ, приводимыхъ тремя изъ этихъ высокихъ дѣятелей въ поясненіе и защиту новой федеральной конституціи еще ожидавшей народнаго утвержденія, до сихъ поръ остался самымъ поучительнымъ изъ всѣхъ трактатовъ о федеральномъ правленіи, какіе только мы имѣемъ. Въ Германіи, болѣе несовершенный видъ федераціи, какъ всякому извѣстно, не достигаетъ даже цѣли простаго союза. Ни въ одной изъ европейскихъ войнъ, онъ не могъ воспрепятствовать соединенію кого либо изъ его членовъ противъ остальныхъ. Но это кажется единственный видъ федераціи возможный между монархіями. Король, который получаетъ власть по наслѣдству, а не вслѣдствіе полномочія, который не можетъ быть лишенъ ея, а также не можетъ подвергнуться отвѣтственности за ея употребленіе, едва ли откажется отъ права держать свою отдѣльную армію, и едва ли потерпитъ вмѣшательство въ дѣла его подданныхъ посторонней власти, имѣющей право дѣйствовать не черезъ него, а непосредственно. Для того чтобъ могло совершиться дѣйствительное федеральное соединеніе двухъ или болѣе странъ, имѣющихъ королевское правленіе, надобно чтобъ онѣ находились подъ управленіемъ общаго короля. Англія и Шотландія представляли федерацію такого рода въ теченіи почти столѣтія,—отъ соединенія коронъ

до соединенія парламентовъ. Даже и это соединеніе было дѣйствительнымъ не вслѣдствіе федеральныхъ учрежденій,— ни одного изъ нихъ не существовало,—но потому, что королевская власть въ обѣихъ конституціяхъ такъ близко подходила къ самодержавію, что могла иностранную политику обѣихъ націй согласовать по своему усмотрѣнію.

Въ болѣе совершенной федераціи, гдѣ каждый гражданинъ каждаго отдѣльнаго штата обязанъ повиновеніемъ двумъ правительствамъ: федеральному и своего штата, очевидно необходимо, чтобы не только конституціонныя границы той и другой власти были проведены точно и ясно, но также, чтобы власть, назначенная для рѣшенія могущаго быть между ними спора, не была помѣщена ни въ которомъ изъ этихъ правительствъ, и ни въ одномъ изъ подчиненныхъ имъ агентовъ, а составляла особое, независимое начало. Должно существовать общее для цѣлаго Союза верховное судебное учрежденіе и подчиненныя ему судебныя мѣста въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ; въ нихъ должны рѣшаться всѣ вопросы этого рода; верховный судъ долженъ быть послѣднею инстанціею для аппеляцій, и рѣшенія его должны считаться окончательными. Каждое правительство штата и само федеральное правительство, каждый ихъ агентъ, должны подчиняться зову въ судъ за превышеніе власти или за неисполненіе своихъ федеральныхъ обязанностей, и въ большинствѣ случаевъ должны употреблять эти же суды какъ средства для того, чтобъ вынудить признаніе своихъ федеральныхъ правъ. Этимъ обусловливается замѣчательное положеніе, въ настоящее время осуществленное въ Соединенныхъ Штатахъ: верховное судилище сдѣлалось высочайшимъ федеральнымъ трибуналомъ, которому подлежатъ какъ федеральное правительство, такъ и

правительства отдѣльныхъ штатовъ; оно имѣетъ право объявить такой то законъ или актъ превышающимъ власть, данную имъ федеральною конституціей, и, онъ такимъ образомъ, будетъ лишенъ своей законной силы. Естественно, прежде чѣмъ эта мѣра была испытана, рождалось сильное сомнѣніе. Будетъ ли трибуналъ имѣть достаточно мужества, чтобъ прилагать къ дѣлу предоставленную ему власть? Если у него достанетъ мужества, будетъ ли онъ распоряжаться своею властью благоразумно, и согласятся ли правительства покоряться въ мирѣ его рѣшеніямъ? Пренія, предшествовавшія окончательному принятію этого плана, доказываютъ что эти естественныя опасенія сильно чувствовались; но съ тѣхъ поръ все успокоилось, потому что въ теченіи періода, превосходящаго два поколѣнія, не встрѣтилось ничего, что могло бы оправдать эти опасенія, хотя по временамъ бывали желчные споры относительно границъ власти двухъ правительствъ, давшіе девизы различнымъ партіямъ. Необыкновенно благодѣтельное дѣйствіе такого оригинальнаго учрежденія вѣроятно въ значительной мѣрѣ надо приписать, какъ замѣчаетъ и Токвиль, той особенности, которая всегда присутствуетъ въ дѣйствіяхъ верховнаго суда, именно: онъ не сочиняетъ законовъ, и не издаетъ ихъ eo nomine, но ждетъ пока между однимъ лицомъ и другимъ не завяжется дѣло, касающееся обсуживаемой статьи кодекса, и пока оно не представится ему судебнымъ порядкомъ. Изъ этого проистекаютъ самыя счастливыя слѣдствія: его рѣшеніе не произносится въ слишкомъ ранній періодъ спора; ему обыкновенно предшествуютъ продолжительныя пренія; судилище рѣшаетъ дѣло послѣ того, какъ оно было разобрано съ той и другой стороны составившими себѣ извѣстность законниками;

оно рѣшаетъ, за одинъ разъ только ту долю вопроса, какая требуется для настоящаго случая; наконецъ это рѣшеніе, вмѣсто того, чтобъ гнуться сообразно политическимъ цѣлямъ, здѣсь вынуждается сознаніемъ обязанности, — котораго нельзя выполнить иначе, какъ воздавъ должное каждой изъ противныхъ сторонъ. Но даже и этихъ причинъ было бъ недостаточно, чтобъ внушить ту почтительную покорность, съ которою всѣ власти принимаютъ рѣшенія верховнаго суда и его толкованія конституціи, еслибъ общество не было убѣждено не только въ умственномъ превосходствѣ судей, составляющихъ этотъ высокій трибуналъ, но также и въ томъ, что они стоятъ выше всякихъ личныхъ и сословныхъ пристрастій. Говоря вообще, это довѣріе до сихъ поръ оправдывалось; но едва ли есть что нибудь, что представляло бы, для американскаго народа, такую жизненную необходимость, какъ самое напряженное вниманіе ко всему, что имѣетъ хоть отдаленное вліяніе на извращеніе качествъ этого великаго народнаго созданія. Довѣріе къ федеральнымъ учрежденіямъ, отъ котораго зависитъ ихъ устойчивость, было въ первый разъ поколеблено въ то время, когда вышло постановленіе, объявившее принципъ рабства общимъ правомъ, а слѣдовательно и законнымъ учрежденіемъ въ территоріяхъ, еще не принятыхъ въ число штатовъ, законнымъ даже и тогда, когда бъ это было противно желаніямъ большинства ихъ жителей. Это памятное рѣшеніе вѣроятно сдѣлало болѣе чѣмъ что либо другое для настоящаго кризиса, который можетъ кончиться распаденіемъ государства. Главный столбъ американской конституціи едва ли окажется достаточно прочнъ чтобы выдержать еще нѣсколько такихъ потрясеній.

Трибуналы, дѣйствующіе въ качествѣ третейскаго суда

при несогласіяхъ между федеральнымъ правительствомъ и штатами, естественно должны также рѣшать и всѣ споры между двумя штатами, или между гражданиномъ одного штата и правительствомъ другаго. Такъ какъ обыкновенныя средства для рѣшенія споровъ между націями—война и дипломатическая переписка въ федераціи не допускаются, то необходимо, чтобъ судебныя средства замѣнили ихъ мѣсто. Высшее судилище федераціи издаетъ международные законы, и представляетъ первый великій примѣръ того, въ чемъ такъ настоятельно нуждается цивилизованный міръ—примѣръ настоящаго международнаго судилища.

Вѣденію федеральнаго правительства естественно подлежатъ не только война и миръ, и всѣ вопросы, возникающіе между націею и чужестранными правительствами, но и такія установленія, которыя, по мнѣнію штатовъ, имъ всѣмъ равно необходимы для полнаго наслажденія всѣми благами, вытекающими изъ ихъ соединенія. Напримѣръ: для всѣхъ было бъ выгодно, еслибъ они пользовались свободой торговли, нестѣсняемой ни таможенными ни пограничными пошлинами. Но эта внутренняя свобода не могла бы существовать, еслибъ каждый изъ штатовъ пользовался правомъ учреждать пошлины при обмѣнѣ своихъ произведеній на чужія; надобно чтобъ иностранный продуктъ допущенный однимъ штатомъ, принимался безъ стѣсненій и остальными. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ торговыя и таможенныя постановленія должны быть учреждаемы и упраздняемы исключительно федеральнымъ правительствомъ. Опять, большимъ благомъ для федераціи было бы единство мѣры, вѣса и денежныхъ знаковъ; а этого можно достигнуть только тогда, когда ими завѣдываетъ федеральное правительство. Вѣрность и быстрота почтовыхъ сообще-

ній страдаютъ, и издержки по нимъ увеличиваются, если каждая посылка должна пройти полдюжины вѣдомствъ, подлежащихъ вѣденію каждая отдѣльной власти: слѣдовательно и почтовыя учрежденія надо передать въ руки федеральнаго правительства. Но по этимъ вопросамъ убѣжденія различныхъ обществъ разнятся между собою. Одинъ изъ американскихъ штатовъ, подъ руководствомъ человѣка, который, какъ политическій мыслитель, выказалъ болѣе дарованій чѣмъ кто либо изъ его соотечественниковъ со временъ «Федералиста», требовалъ права veto для каждаго штата въ общемъ таможенномъ тарифѣ. Въ замѣчательномъ посмертномъ произведеніи, которое было напечатано и широко распространено правительствомъ южной Каролины, этотъ человѣкъ защищаетъ свою претензію на основаніи общаго принципа ограниченія тираніи большинства и покровительства меньшинству, чрезъ допущеніе его къ дѣятельному участію въ политической власти. Однимъ изъ спорныхъ пунктовъ въ американской политикѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія было слѣдующее: имѣетъ ли федеральное правительство право строить дороги и каналы на счетъ всего союза, и даетъ ли ему это право союзная конституція? Только въ сношеніяхъ съ иностранными державами власть федеральнаго правительства становится совершенною необходимостью. Во всѣхъ другихъ случаяхъ все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ народъ желаетъ затянуть федеральный узелъ; какою долей своей мѣстной свободы онъ готовъ пожертвовать для того, чтобъ съ большею полнотою наслаждаться благами союза.

Относительно условій внутренняго устройства федеральнаго правленія мнѣ нѣтъ надобности много распространяться. Само собою, тутъ будетъ и законодательная власть и

исполнительная, и устройство ихъ будетъ подлежать тѣмъ же принципамъ какъ и въ представительныхъ правленіяхъ вообще. Что касается способа приложенія этихъ общихъ принциповъ къ федеральному правленію, то можно кажется указать на составъ американскаго конгресса, какъ на одинъ изъ лучшихъ случаевъ: конгрессъ состоитъ изъ двухъ палатъ; одна изъ нихъ состоитъ изъ представителей населенія отдѣльныхъ штатовъ, и число ихъ пропорціонально этому населенію; въ другой палатѣ представлены не граждане, а правительства штатовъ, и каждый изъ нихъ, большой и малый, представленъ одинаковымъ числомъ членовъ. Благодаря такому учрежденію могущественные штаты поставлены въ невозможность присвоить себѣ излишнюю власть надъ остальными, и права каждаго отдѣльнаго штата гарантированы, такъ, что ни одна мѣра (на сколько это допускаетъ способъ представительства) не можетъ пройти, если не была одобрена, не только большинствомъ гражданъ, но и большинствомъ штатовъ. Я уже прежде говорилъ о тѣхъ благотворныхъ слѣдствіяхъ, какія ведетъ за собою возвышеніе умственнаго уровня въ одной изъ палатъ. Члены американскаго сената назначаются избранными корпораціями, т. е. законодательными собраніями каждаго штата, которыя конечно скорѣе оцѣнятъ даровитаго человѣка чѣмъ народныя общества. Эти корпораціи имѣютъ не только возможность, но и всѣ причины выбирать лучшихъ людей, такъ какъ вліяніе каждаго штата на общихъ собраніяхъ должно непремѣнно зависѣть отъ личныхъ достоинствъ его представителей. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, составленный такимъ образомъ, почти всегда заключаетъ въ своей средѣ всѣхъ замѣчательныхъ политическихъ людей націи; тогда какъ Ниж-

няя Палата, по мнѣнію наиболѣе состоятельныхъ наблюдателей, вообще такъ-же замѣчательна по отсутствію въ ней выдающихся дарованій, какъ сенатъ по количеству ихъ.

Когда существуютъ условія для образованія крѣпкихъ и долговѣчныхъ федерацій, то ихъ размноженіе будетъ всегда благомъ для міра. Оно будетъ давать такія же счастливыя слѣдствія какъ и распространеніе обществъ взаимнаго вспомоществованія, которыхъ принципы доставляютъ возможность слабому стать въ одинаковыя условія съ сильнымъ. Уменьшая число тѣхъ мелкихъ государствъ, которыя не въ силахъ защищаться сами, федерація уменьшаетъ этимъ и число искушеній для наступательной политики, противудѣйствуя ей или силою оружія или обаяніемъ своего могущества. Федерація разумѣется прекращаетъ войны и дипломатическія ссоры, и почти всегда уничтожаетъ различныя торговыя стѣсненія между націями ее составляющими. Въ то же время, по отношенію къ сосѣднимъ націямъ, ея возросшая военная сила становится дѣйствительно страшною только въ случаѣ защиты, а для наступательныхъ цѣлей негодится почти вовсе. Федеральное правительство не заключаетъ въ себѣ такой центральной власти, которая бы могла съ достаточною энергіей вести другую войну кромѣ чисто оборонительной: тогда оно можетъ полагаться на добровольное содѣйствіе каждаго гражданина. Напротивъ, для національнаго тщеславія или честолюбія не будетъ большою приманкой, посредствомъ успѣшной войны пріобрѣсть не подданныхъ, даже не согражданъ, а только новыхъ, и пожалуй еще докучливыхъ, независимыхъ членовъ федераціи. Воинственныя дѣйствія Американцевъ въ Мексикѣ представляютъ совершенное исключеніе: дѣйствовали волонтеры, подъ вліяніемъ мигра-

торской жилы, которая побуждаетъ Американца къ завладѣнію еще незанятыми землями. Эти дѣйствія были вызваны не національными цѣлями, не желаніемъ расширить предѣлы государства, а чисто мѣстною причиной — желаніемъ территоріальнаго распространенія рабства. Въ дѣйствіяхъ Американцевъ, мы видимъ весьма немного признаковъ, которые бы показывали, что желаніе территоріальнаго расширенія государства, какъ такового, имѣетъ большую власть надъ ихъ характеромъ, личнымъ или національнымъ. Стремленія ихъ овладѣть Кубой родились вслѣдствіе той же частной причины, и сѣверные штаты, отвергающіе рабство, никогда, ни однимъ знакомъ, не поощрили этихъ стремленій.

Вопросъ можетъ еще представиться (какъ напримѣръ съ Италіей, въ настоящій моментъ ея пробужденія) и въ такомъ видѣ: если нѣсколько націй желаютъ соединенія, то должны ли онѣ составить одно цѣльное государство, или же только федеративный союзъ? Рѣшеніе этого вопроса иногда зависитъ только отъ территоріальной величины союза. Для того чтобъ страна могла хорошо управляться, для того даже, чтобъ можно было слѣдить какъ слѣдуетъ изъ одного центра за ея управленіемъ, надобно, чтобъ ея пространство не превосходило извѣстнаго размѣра. Есть обширныя страны управляемыя такимъ образомъ; но онѣ, по крайней мѣрѣ ихъ отдаленныя провинціи, управляются, говоря вообще, плачевно дурно; только въ томъ случаѣ, когда жители, населяющіе такую страну почти дикари, они не могли бы создать себѣ лучшаго управленія раздѣлившись. Это препятствіе не существуетъ для Италіи, которая размѣрами не превосходитъ многихъ, хорошо управлявшихся цѣльныхъ государствъ, въ прошедшій и въ настоящій пе-

ріодъ. Въ такомъ случаѣ является другой вопросъ: до такой ли степени различныя націи нуждаются въ различныхъ способахъ управленія, что невѣроятно, чтобъ одна и таже законодательная власть, одно и то же министерство или администрація могли удовлетворить ихъ всѣхъ? Если ничего этого нѣтъ, и если это видно на дѣлѣ, то для нихъ лучше соединиться совершенно. Совершенно различныя системы законодательства и весьма различныя административныя учрежденія могутъ существовать въ двухъ націяхъ нисколько не мѣшая единству ихъ законодательства: это доказано случаемъ Англіи и Шотландіи. Можетъ быть, однакожъ, такое спокойное сожительство двухъ различныхъ системъ законовъ при единствѣ законодательства, издающаго различные законы для двухъ отдѣловъ государства, ради приспособленія ихъ къ укоренившимся особенностямъ народовъ не будетъ соблюдено, или не внушитъ такого уваженія къ своему соблюденію въ странѣ, гдѣ законодатели, (какъ это слишкомъ вѣроятно на континентѣ), болѣе подвержены страсти къ одноформенности. Нація съ безграничною терпимостью, (составляющею нашу характеристическую черту) ко всѣмъ видамъ аномалій, пока онѣ не вредятъ чьимъ либо интересамъ, представила бы самое исключительно—удобное поле для этого труднаго опыта. Въ большей части странъ, если будетъ желательно удержать различныя системы законовъ, то вѣроятно придется удержать и различныя законодательныя учрежденія, которыя моглибъ быть ихъ хранителями. Это совершенно совмѣстно съ національнымъ парламентомъ и королемъ или съ національнымъ парламентомъ безъ короля; парламентъ все таки останется верховною властью надъ всѣми учрежденіями при сношеніяхъ націи съ иностранными державами.

Если и нѣтъ необходимости установлять въ различныхъ провинціяхъ различныхъ системъ судопроизводства и важныхъ учрежденій на основаніи различныхъ принциповъ, то государству всегда выгодно щадить незначительныя мѣстныя особенности, сохраняя единство управленія. Все что требуется въ этомъ случаѣ—это открыть достаточный просторъ дѣйствіямъ мѣстныхъ властей. При единствѣ центральнаго правленія могутъ быть мѣстные правители и провинціальныя собранія для мѣстныхъ цѣлей. Можетъ случиться напримѣръ, что народъ въ разныхъ провинціяхъ предпочитаетъ различные способы раскладки податей. Если законодательство не терпитъ, чтобъ члены отъ различныхъ провинцій руководили имъ въ перемѣнахъ, требуемыхъ для каждой провинціи въ общей системѣ налоговъ, то конституція должна всѣ тѣ изъ государственныхъ издержекъ, которыя могутъ быть обращены въ мѣстныя, равно какъ и право покрывать эти издержки посредствомъ мѣстныхъ налоговъ, передать въ руки мѣстныхъ собраній; въ тѣхъ же случаяхъ, когда расходы должны по необходимости быть общи для всѣхъ провинцій, какъ напримѣръ, издержки по содержанію арміи и флота, они должны разлагаться на каждую провинцію сообразно съ какою либо общею оцѣнкой ихъ средствъ; каждая такая сумма должна быть взыскана способомъ, наиболѣе удобнымъ въ данной мѣстности, и представлена огуломъ въ государственное казначейство. Такое обыкновеніе существовало, на сколько это касалось pays d'états (*) даже въ старинной французской

(*) Pays d'états въ дореволюціонной Франціи составляли слѣдующія провинціи: Лангедокъ, Бретань, Бургонь, Франшконте, Эльзасъ, Провансъ, Руссильонъ, Лорень, Фландрія и Генегау. Примѣч. Перев.

монархіи; каждая провинція, по доброй ли волѣ, или по требованію, обязавшаяся платить опредѣленную сумму, имѣла право взыскивать ее съ своего населенія посредствомъ своихъ собственныхъ чиновниковъ, и такимъ образомъ избѣгала безчеловѣчной тираніи королевскихъ intendants и subdélégués; и объ этой привилегіи всегда упоминаютъ какъ объ одной изъ причинъ, наиболѣе способствовавшихъ нѣкоторымъ изъ этихъ провинцій сдѣлаться самыми цвѣтущими провинціями Франціи.

Сущность центральнаго правительства можетъ совмѣщаться со многими различными степенями централизаціи, не только административной, но и законодательной. Націи могутъ желать, могутъ быть и способны, къ болѣе тѣсному соединенію чѣмъ простая федерація, и однакожъ ихъ прошедшее и различныя мѣстныя особности могутъ требовать для нихъ значительнаго разнообразія въ подробностяхъ управленія. И если всѣ стороны желаютъ, чтобъ опытъ шелъ успѣшно, то рѣдко бываетъ трудно, не только сохранить это разнообразіе, но даже гарантировать его посредствомъ конституціонныхъ постановленій противъ всякаго покушенія къ ассимиляціи, если только она не совершится путемъ добровольныхъ соглашеній между самими народами.

ГЛАВА XVIII.

Управленіе свободнаго государства въ его владѣніяхъ.

Свободныя государства, какъ и всякія другія, могутъ имѣть владѣнія, пріобрѣтенныя завоеваніемъ или посредствомъ колонизаціи, и наша страна представляетъ самый крупный примѣръ этого рода въ новѣйшей исторіи. Очень важенъ вопросъ,—какъ подобныя владѣнія должны быть управляемы.

Нѣтъ надобности разбирать случаи мелкихъ владѣній, подобныхъ Гибралтару, Адену и Гельголанду, которыя содержатся только въ качествѣ морскихъ или военныхъ постовъ. Въ этомъ случаѣ стратегическое назначеніе пункта—главнѣйшее, и потому было бы несообразно съ главною цѣлью допускать мѣстныхъ жителей къ управленію такимъ владѣніемъ; но имъ должны быть предоставлены всѣ права и вся свобода, совмѣстныя съ этимъ ограниченіемъ, именно свободное отправленіе муниципальныхъ дѣлъ, и, въ вознагражденіе за жертвы, приносимыя ими видамъ господствующей націи, имъ должны быть даны равныя права

съ коренными подданными государства во всѣхъ его концахъ.

Изъ внѣшнихъ нѣсколько важныхъ по пространству и населенію владѣній, тѣ, которыя состоятъ въ зависимости, т. е. которыя болѣе или менѣе подчинены распоряженіямъ верховной власти господствующей страны, имѣя при этомъ неравное съ нею представительство (если только имѣютъ) въ ея законодательствѣ,—могутъ быть раздѣлены на два класса. Однѣ изъ нихъ могутъ имѣть населеніе, по образованію близкое населенію управляющей страны, и зрѣлое для представительныхъ учрежденій, какъ напримѣръ британскія колоніи въ Америкѣ и Австраліи. Другія, какъ напр. Индія, могутъ быть еще очень далеки отъ этого состоянія.

Относительно владѣній перваго рода, наша страна, наконецъ осуществила въ рѣдкой полнотѣ истинный принципъ правленія. Англія всегда чувствовала себя какъ бы подъ обязательствомъ давать своимъ владѣніямъ съ единокровнымъ, а иногда и чужимъ населеніемъ, представительныя учрежденія составленныя на подобіе ея собственныхъ. Но до послѣдняго поколѣнія она была на такомъ же низкомъ уровнѣ какъ и другія страны въ отношеніи той суммы самоуправленія, какую уступала своимъ колоніямъ чрезъ учрежденіе въ нихъ представительства. Она требовала себѣ правъ верховнаго распорядителя даже въ ихъ чисто внутреннихъ дѣлахъ; она хотѣла устраивать ихъ дѣла лучшимъ способомъ, но по своей, а не по ихъ идеѣ. Такой порядокъ естественно былъ вѣнцомъ фальшивой политической теоріи, когда то принятой всею Европой, и еще не оставленной вполнѣ никакимъ другимъ народомъ, — теоріи, видѣвшей въ колоніяхъ значеніе рынковъ для произведеній

метрополіи, которые надо беречь исключительно про себя. Эту привилегію мы цѣнили такъ высоко, что находили выгоднымъ покупать ее, предоставивъ произведеніямъ колоній у себя такую же точно монополію, какой мы требовали, на ихъ рынкахъ, для нашихъ собственныхъ произведеній. Этотъ знаменитый способъ взаимнаго обогащенія, заставлявшій двѣ страны платить другъ другу огромныя суммы, которыхъ большая часть упускалась по дорогѣ, нѣсколько времени былъ уже оставленъ; но дурная привычка вмѣшательства во внутреннее управленіе колоній не умерла сразу и тогда когда мы оставили мысль объ обогащеніи посредствомъ ихъ. Мы продолжали мучить ихъ, не ради своихъ прибылей, но въ пользу партій самой колоніи, и прежде чѣмъ мы возъимѣли счастливую мысль уступить, наше упорство въ желаніи владычествовать, стоило намъ канадскаго бунта. Англія походила въ этомъ случаѣ на дурно воспитаннаго старшаго брата, который въ силу простой привычки упорствуетъ въ тираніи надъ младшими братьями до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, дѣятельнымъ сопротивленіемъ, хотя выступивъ и съ неравными силами, не научитъ его оставить ихъ въ покоѣ. Мы были достаточно благоразумны чтобы не ждать другаго напоминанія. Новая эра въ колоніальной политикѣ націй началась съ записки лорда Дургама, неувядаемаго памятника мужества, патріотизма и просвѣщеннаго чистосердечія этого благороднаго лорда, и ума и практической прозорливости ея составителей гг. Уэкфильда и оплакиваемаго Чарлза Буллера (Buller) (*).

(*) Я говорю здѣсь о *принятіи* этой лучшей политики, но не о первоначальной мысли. Честь быть первымъ ея поборникомъ безспорно принадлежитъ г. Робаку (Roebuck).

Теперь стало постояннымъ принципомъ великобританской политики, признаннымъ въ теоріи и совѣстливо прилагаемымъ въ практикѣ, чтобы ея колоніи европейскаго племени наравнѣ съ метрополіей обладали въ полной мѣрѣ внутреннимъ самоуправленіемъ. Имъ было предоставлено установить свои собственныя свободныя представительныя учрежденія, измѣнивъ по своей мысли тѣ, и безъ того уже очень популярныя учрежденія, которыя мы имъ дали. Каждая изъ колоній управляется законодательствомъ и исполнительною властью, установленными на самыхъ демократическихъ принципахъ. Veto короны и парламента, хотя и сохранилось номинально, но прилагается (и то очень рѣдко), только въ вопросахъ, касающихся цѣлаго государства, а не одной только колоніи. До какой степени либеральны основанія, служащія для отличія вопросовъ государственныхъ и колоніяльныхъ, можно видѣть изъ того факта, что вся площадь незаселенныхъ земель, лежащихъ за нашими американскими и австралійскими поселеніями, отдана въ безотчетное распоряженіе колоніяльныхъ общинъ, хотя эти земли, безъ всякой несправедливости, могли бы остаться въ рукахъ государственной власти, которая имѣетъ заботой располагать ими къ возможно большей выгодѣ будущихъ выселенцевъ со всѣхъ концовъ государства. Слѣдовательно каждая колонія обладаетъ такими правами въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, какія могла бы имѣть только будучи членомъ самой децентрализованной федераціи; каждая изъ такихъ колоній пользуется правами гораздо болѣе обширными чѣмъ тѣ, какія ей бы предоставила конституція Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ ей дана свобода облагать пошлиною даже произведенія привозимыя изъ метрополіи. Связь нашихъ колоній съ метрополіей есть

родъ самой слабой федеративной связи, но онѣ не составляютъ съ нею настоящей федераціи, такъ какъ метрополія удерживаетъ за собою власть федеральнаго правительства, хотя на дѣлѣ эта власть дѣйствуетъ только въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Эта неравноправность, конечно, представляетъ невыгоды для колоній, которыя не имѣютъ голоса во внѣшней политикѣ, а между тѣмъ обязаны принимать рѣшенія метрополіи. Онѣ принуждены слѣдовать за Англіею въ войнѣ, хотя передъ начатіемъ вовсе не спрашивали ихъ мнѣнія. Тѣ изъ мыслителей, которые думаютъ (а ихъ теперь къ счастію не мало), что справедливость такъ же обязательна для обществъ какъ и для отдѣльныхъ лицъ, и что нельзя оправдывать тѣхъ людей, которые въ чаяніи выгодъ для своей націи, предпринимаютъ противъ другихъ что нибудь такое, за что подлежали бы осужденію, еслибъ рѣшились такъ дѣйствовать противъ единичныхъ людей ради своихъ личныхъ выгодъ, такіе мыслители считаютъ даже эту незначительную долю конституціонной подчиненности нарушеніемъ принципа, и часто принимались изыскивать средства къ исправленію этого недостатка. Съ этою цѣлью нѣкоторыми изъ нихъ предложено, чтобы колоніи высылали представителей въ верховное законодательное учрежденіе Великобританіи; другіе же предлагали, чтобы власть нашего и ихъ парламентовъ не выходила за предѣлы внутренней политики, а для заграничныхъ и общегосударственныхъ дѣлъ, чтобы было учреждено отдѣльное представительное Собраніе, гдѣ бы владѣнія Великобританіи могли имѣть представительство въ такомъ же видѣ и въ такой же полнотѣ, какъ и сама метрополія. По этой системѣ составилась бы совершенно равноправная федерація между метро-

поліей и ея колоніями, и онѣ не были бы болѣе ея владѣніями.

Чувство справедливости и понятія о нравственности обществъ, изъ которыхъ вытекаютъ эти заключенія, достойны всякой похвалы, но самыя заключенія до такой степени несовмѣстны съ истинными принципами правленія, что надо сомнѣваться, допускалъ ли серьозно кто либо изъ здравомыслящихъ мыслителей возможность ихъ приложенія. Страны, раздѣленныя половиною земной окружности, не могутъ представлять естественныхъ условій для того, чтобъ быть подъ однимъ правленіемъ, или даже чтобъ быть членами одной федераціи. Если онѣ и имѣютъ въ достаточной степени общіе интересы, то не имѣютъ, и никогда имѣть не могутъ, въ достаточной степени привычки сходиться другъ съ другомъ въ обществѣ. Ихъ представители не выражаютъ отдѣловъ одного и того же общества; они спорятъ и разсуждаютъ не на одномъ полѣ, а врознь, и могутъ имѣть только самое несовершенное понятіе о томъ, что происходитъ въ умахъ того и другаго общества. Они взаимно не знаютъ цѣлей, и не питаютъ вѣры въ нравственные принципы товарищей. Пусть любой Англичанинъ спроситъ себя, каково бы ему показалось, еслибъ его судьба зависѣла отъ Собранія, гдѣ одна треть состояла бы изъ гражданъ британской Америки, а другая изъ гражданъ Южно-африканскихъ или Австралійскихъ владѣній. Но къ этому неминуемо надо притти, если установить что либо похожее на равноправное представительство. А между тѣмъ, не чувствовалъ ли бы каждый, что представители Канады или Австраліи, даже въ дѣлахъ общегосударственнаго характера, не могутъ ни чувствовать, ни прилагать достаточно заботливости объ интересахъ, мнѣніяхъ и желаніяхъ

Англичанина, Ирландца и Шотландца. Даже для федеративныхъ цѣлей не существуетъ тѣхъ условій, которыя,—мы это видѣли,—существенно нужны для федераціи. Англія и безъ колоній достаточно сильна для собственной защиты, и въ ея положеніи было бы и болѣе силы, и болѣе достоинства, еслибъ она разсталась съ ними вовсе, чѣмъ еслибы была низведена на степень простаго члена американской, африканской или австралійской федераціи. Исключая торговлю, которою Англія можетъ пользоваться и послѣ отдѣленія своихъ владѣній, она имѣетъ отъ нихъ не много выгодъ, развѣ одинъ prestige; и то не многое, что она отъ нихъ имѣетъ, совершенно перевѣшивается издержками, которыхъ онѣ требуютъ, и разсѣяніемъ морскихъ и военныхъ силъ, которыя на случай войны, или въ ожиданіи войны, должны быть увеличены вдвое или втрое противъ того сколько нужно для защиты одной Англіи.

Но хотя Великобританія можетъ совершенно обойтись безъ своихъ колоній, и хотя, на основаніи принципа справедливости, она обязана согласиться на ихъ отдѣленіе, если придетъ время, когда эти колоніи, послѣ полныхъ испытаній надъ лучшею формой соединенія, сознательно пожелаютъ отдѣлиться, есть однако сильныя причины поддерживать эти слабыя связи до тѣхъ поръ пока это возможно, не вызывая непріятнаго чувства въ той или другой сторонѣ. Такая связь сама по себѣ составляетъ шагъ къ всеобщему миру и къ дружескому сотрудничеству націй. Она дѣлаетъ невозможною войну между многими обществами, свободными во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; кромѣ того, она недозволяетъ населенію колоніи слиться съ другимъ населеніемъ, и сдѣлаться такимъ образомъ новымъ источникомъ наступательныхъ силъ для какой либо враждебной держа-

вы, болѣе деспотической или болѣе собранной, которая не всегда захочетъ быть столь безпритязательною или миролюбивою какъ Великобританія. Эта связь держитъ рынки открытыми для взаимнаго обмѣна произведеній различныхъ странъ, и предохраняетъ ихъ торговлю отъ взаимнаго исключенія посредствомъ враждебныхъ тарифовъ, которыхъ кромѣ Англіи не переросло еще ни одно изъ великихъ человѣческихъ обществъ. Наконецъ эта связь, въ нашемъ случаѣ, представляетъ еще ту выгоду, (особенно важную въ настоящее время), что на политическихъ совѣщаніяхъ прибавляетъ вѣса и вліянія державѣ, которая лучше всѣхъ существующихъ понимаетъ свободу, и которая, — каковы бы ни были ея заблужденія въ прошедшемъ,— въ сношеніяхъ съ иностранцами, поступаетъ съ бо́льшею честностью чѣмъ какая либо изъ другихъ значительныхъ державъ могла до сихъ поръ признать за возможное, или даже желательное. Итакъ, если подобная связь продолжается, и можетъ продолжаться только въ видѣ неравноправной федераціи, то надо разсмотрѣть, какія средства должны быть прилагаемы для того, чтобъ эта небольшая доля неравноправности не была тягостною или унизительною для обществъ занимающихъ самое скромное мѣсто.

Единственное стѣсненіе для колоній, которое невозможно удалить, состоитъ въ томъ, что метрополія рѣшаетъ и за себя, и за нихъ, вопросы войны и мира. Взамѣнъ того онѣ имѣютъ обязательство метрополіи отражать всѣ нападенія, направленныя противъ нихъ; но, исключая тотъ случай, когда колонія такъ слаба, что необходимо требуетъ покровительства сильнѣйшаго общества, это обязательство не даетъ полнаго вознагражденія за лишеніе голоса на политическихъ совѣщаніяхъ. Слѣдовательно необходимо что-

бы во всѣхъ войнахъ (кромѣ тѣхъ, которыя, подобно войнѣ кафрской или новозеландской, предпринимаются исключительно на пользу одной какой либо колоніи),—колонисты были избавлены отъ всякаго налога въ кассу военныхъ издержекъ (если сами не вызовутся на то добровольно); исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда представится надобность защищать отъ нападенія собственные, мѣстные ихъ порты, берега и границы. Кромѣ того, такъ какъ метрополія требуетъ для себя исключительнаго права преслѣдовать политическія цѣли, и такъ какъ это преслѣдованіе можетъ иногда навлечь на колонію нападеніе извнѣ, то выходитъ совершенно справедливымъ, чтобы метрополія, даже въ мирное время, принимала на себя значительную долю военныхъ издержекъ, ассигнуемыхъ на оборонительныя средства, и цѣликомъ принимала всѣ издержки, необходимыя на содержаніе постоянной арміи.

Но есть средство еще болѣе дѣйствительное чѣмъ приведенныя выше, помощію котораго (въ большинствѣ случаевъ помощію его одного), можно вполнѣ вознаградить слабое общество за его отреченіе отъ самостоятельности и за внесеніе его силъ въ другое общество, составляющее обширное и могущественное государство.

Это единственно необходимое и вѣрное средство, которое удовлетворяетъ правиламъ справедливости и возрастающимъ требованіямъ политики, состоитъ въ томъ, чтобы открыть обитателямъ колоній доступъ на всѣ правительственныя мѣста, по всѣмъ частямъ, и во всемъ государствѣ, на совершенно одинаковыхъ условіяхъ со всѣми его подданными. Почему никто никогда не слышалъ о чемъ либо похожемъ на измѣну на островахъ Британскаго Канала? По племени, религіи и по географическому положенію они

ближе къ Франціи чѣмъ къ Англіи; но въ то время какъ ихъ обитатели, подобно обитателямъ Канады, Новаго и Южнаго Валиса наслаждаются полной свободой въ отправленіи своихъ внутреннихъ дѣлъ и въ раскладкѣ податей, каждая должность, состоящая въ распоряженіи короны, открыта для уроженца Гернси и Джерси. Доступъ къ званію генерала, адмирала или пера для нихъ свободенъ, и ничто не мѣшаетъ уроженцу этихъ маленькихъ островковъ быть первымъ министромъ. Эту самую систему относительно всѣхъ колоній вообще началъ приводить въ исполненіе утраченный слишкомъ рано, просвѣщенный секретарь колоній сэръ Вильямъ Молсуортъ (Molesworth), назначеніемъ первокласнаго канадскаго политика Гинкса Генералъ Губернаторомъ Вестъ-Индіи. Если въ обществѣ есть мысль, что подобныя вещи не важны, потому что число лицъ, которыя въ состояніи воспользоваться этимъ правомъ слишкомъ ограничено, то это показываетъ, что общество слишкомъ узко смотритъ на пружины, двигающія политическій механизмъ. Это ограниченное число будетъ состоять именно изъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ наиболѣе нравственнаго вліянія на остальную массу; а люди вовсе не настолько лишены понятія о коллективной обидѣ, чтобы отказъ въ какомъ либо правѣ одному изъ нихъ, не считать оскорбленіемъ для всѣхъ, такъ какъ всѣ находятся въ одномъ съ нимъ положеніи. Если мы не дозволяемъ передовымъ людямъ какой либо общины выступить въ глазахъ свѣта, въ качествѣ ея вождей и представителей, то взамѣнъ того, для удовлетворенія ея законнаго честолюбія и справедливой гордости мы должны имъ дать такую же возможность занимать эти важные посты между представителями болѣе значительной и могущественной націи. Еслибъ всѣ долж-

ности британской короны были доступны уроженцамъ Іоническихъ острововъ, то мы бы не слышали больше толковъ о присоединеніи ихъ къ Греціи. Этого соединенія не должно желать народу, для цивилизаціи котораго оно было бы шагомъ назадъ; но нечего удивляться если Корфу, который далъ русской имперіи министра съ европейскою извѣстностью, а самой Греціи, до прибытія Баварцевъ, президента, если Корфу почитаетъ обидою для себя, что его граждане не допускаются къ высшимъ постамъ въ какомъ бы то ни было правительствѣ.

Все это относится къ владѣніямъ, которыхъ народы стоятъ на значительной степени развитія, такъ что могутъ имѣть представительное правленіе; но есть и другіе народы, недостигшіе еще этого состоянія, и которые, если ужъ держатъ ихъ въ зависимости, должны быть управляемы или господствующею націей, или ея уполномоченными на этотъ предметъ людьми. Этотъ способъ управленія такъ же законенъ какъ и всякій другой, если онъ, при извѣстной степени цивилизаціи у подвластнаго народа, наиболѣе способствуетъ его переходу въ высшую степень развитія. Какъ мы уже видѣли, бываютъ случаи, когда энергическій деспотизмъ самъ по себѣ будетъ лучшимъ образомъ правленія для того, чтобъ провести въ народъ тѣ качества, въ которыхъ онъ именно нуждается, чтобъ сдѣлаться способнымъ къ высшей степени развитія. Есть и другіе случаи, когда фактъ деспотизма самъ по себѣ не производитъ благодѣтельныхъ слѣдствій, такъ какъ уроки, которые онъ преподаетъ, и безъ того уже слишкомъ хорошо выучены; но если, въ народѣ не существуетъ зародыша самопроизвольной дѣятельности, то его единственная надежда на возможность дальнѣйшаго разви-

тія заключается въ шансѣ дождаться когда нибудь добраго и просвѣщеннаго деспота. При деспотизмѣ родномъ добрый деспотъ есть явленіе рѣдкое и преходящее; но если народъ находится подъ властью другаго народа, болѣе цивилизованнаго, то послѣдній долженъ быть состоятеленъ на столько, чтобъ поставлять ихъ безпрерывно. Эта господствующая нація должна быть способна дѣлать для своихъ подданныхъ все, что могъ бы сдѣлать цѣлый рядъ неограниченныхъ властелиновъ, охраняемыхъ непобѣдимою силой противъ всего, что бываетъ опасно въ положеніи властелина посреди варварскаго народа, и способныхъ силою своего генія предугадывать все то, чему опытъ научилъ болѣе образованныя націи. Таковъ идеалъ правленія свободнаго народа надъ варварскими или полуварварскими племенами. Мы не будемъ искать уже осуществленнаго идеала; но если не существуетъ ничего и близкаго къ нему, тогда правители виноваты въ забвеніи лучшихъ нравственныхъ правилъ, завѣщанныхъ народамъ; наконецъ, если несуществуетъ даже и стремленія къ идеалу, то правители—ничто иное какъ своекорыстные похитители народнаго добра, достойные стоять на ряду съ тѣми честолюбивыми хищниками, которые изъ вѣка въ вѣкъ играли судьбою цѣлыхъ массъ.

Нынѣ стало обыкновеннымъ явленіемъ, что менѣе образованные народы находятся, или въ прямомъ подчиненіи у народовъ болѣе образованныхъ, или же въ полной политической отъ нихъ зависимости; такъ какъ это состояніе стремится быть общимъ для цѣлаго міра, то въ настоящее время представляется не много задачъ такой важности какъ эта: какъ устроить правительство чтобъ оно изъ зла стало добромъ подвластному народу, чтобъ оно доставляло ему

возможно лучшее правленіе въ данный періодъ, при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для его будущаго и постояннаго развитія. Но способъ примѣнить правительство къ этой цѣли понять далеко не въ такой степени, какъ условія хорошаго правительства въ народѣ способномъ къ самоуправленію. Мы можемъ даже сказать, что этотъ способъ не понятъ вовсе.

Поверхностному наблюдателю вопросъ покажется совершенно яснымъ. Если Индія, напримѣръ, неспособна управляться сама собою, то повидимому стоитъ только назначить для ея управленія министра, который бы подлежалъ, какъ и всякій другой британскій министръ, отвѣтственности передъ британскимъ парламентомъ и дѣло съ концомъ. Къ несчастію этотъ, хотя простѣйшій способъ управлять подвластною страною, есть въ то же время едва ли не худшій, и показываетъ, что его защитники лишены всякаго понятія объ условіяхъ хорошаго правленія. Управлять страною подъ отвѣтственностью народу этой страны, и управлять страною подъ отвѣтственностью народу другой страны—двѣ вещи очень различныя. Торжество первой системы въ томъ, что она есть свободное правленіе, а не деспотизмъ; вторая система по самой своей сущности *есть* деспотизмъ. Въ этомъ случаѣ остается только выборъ между различными его родами, а еще неизвѣстно, будетъ ли деспотизмъ двадцати милліоновъ лучше деспотизма немногихъ лицъ или одного, между тѣмъ, совершенно извѣстно, что деспотизмъ правителей, которые не слышатъ, не видятъ и ничего не знаютъ о своихъ подданныхъ, имѣетъ много шансовъ быть хуже чѣмъ деспотизмъ людей ихъ знающихъ. Обыкновенно никто не думаетъ, чтобы непосредственные агенты какой либо власти управляли лучше потому только, что управляютъ

вдали отъ своего господина, у котораго въ добавокъ тысячи другихъ, болѣе настоятельныхъ заботъ. Господинъ можетъ держать ихъ подъ строгой отвѣтственностью, подкрѣпляя ее тяжелыми взысканіями, но еще вопросъ, часто ли его перуны будутъ попадать въ надлежащее мѣсто?

Управленіе страны чужестранцами всегда сопряжено съ большими трудностями, и всегда крайне несовершенно, даже, когда нѣтъ большой разницы въ идеяхъ и нравахъ между правителями и управляемыми. Чужеземцы не такъ чувствуютъ какъ управляемый ими народъ. Въ ихъ глазахъ вещи представляются въ иномъ свѣтѣ; ихъ чувства поражаются иначе, и они не могутъ знать по себѣ какъ смотритъ на что либо, и какъ чувствуетъ что либо подвластный имъ народъ. То, что уроженецъ страны, съ среднимъ уровнемъ практическихъ способностей, знаетъ какъ бы по инстинкту, они должны изучать медленно, посредствомъ опыта и наблюденій, и за всѣмъ тѣмъ,—при невозможности знать все вполнѣ. Законы, обычаи и общественныя отношенія, для которыхъ они будутъ строить кодексъ,—все имъ чуждо, ничего не усвоено съ дѣтства. Для большей части подробностей чужеземцы должны будутъ обращаться за свѣденіями къ мѣстнымъ уроженцамъ, и опять новая трудность, — кому изъ нихъ вѣрить? Народъ будетъ ихъ бояться, подозрѣвать и, по всѣмъ вѣроятіямъ, любить ихъ не будетъ; къ нимъ рѣдко будутъ обращаться за совѣтомъ, развѣ только ради своекорыстныхъ цѣлей; чужеземцы вообще наклонны думать, что рабски покорный человѣкъ и есть тотъ, кто наиболѣе заслуживаетъ вѣры. Опасность собственно въ ихъ положеніи состоитъ въ томъ, что они склонны презирать подвластный народъ, а опасность положенія народа заключается въ отсутствіи вѣры, чтобы

что либо предпринятое чужестранцами имѣло цѣлію его благо. Это только часть тѣхъ трудностей, съ которыми должны бороться правители, желающіе честно управлять страною, въ которой они чужіе. Побѣдить въ нѣкоторой степени эти трудности всегда будетъ дѣломъ большихъ усилій, требующихъ весьма высокихъ способностей въ главныхъ администраторахъ и высокаго средняго уровня развитія въ ихъ подчиненныхъ. Въ этомъ случаѣ наилучше организованнымъ правительствомъ надо считать то, которое наилучше съумѣетъ обезпечить трудъ своихъ дѣятелей, развить ихъ способности, и замѣстить избранными людьми довѣренные посты. Отвѣтственность передъ властями, которыя не трудились сами, которыя не развили своихъ способностей въ этомъ смыслѣ, и по большей части, не думаютъ даже, чтобы все это было особенно нужно, едва ли можно считать очень дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей.

Самоуправленіе народа имѣетъ смыслъ, и существуетъ въ жизни, но управленія народа другимъ народомъ нѣтъ и быть не можетъ. Одинъ народъ можетъ держать другой какъ держатъ кладовыя и запасныя магазины—для собственнаго продовольствія; родина подвластнаго народа здѣсь неболѣе какъ мѣсто для добыванія денегъ,—человѣческая ферма, которую разработываютъ для своихъ собственныхъ прибылей. Но если благо подвластныхъ составляетъ истинную цѣль правительства, то невозможно, чтобы цѣлый народъ участвовалъ въ управленіи непосредственно. Наибольшее что онъ можетъ сдѣлать—это ввѣрить надзоръ за управленіемъ нѣкоторымъ изъ своихъ лучшихъ людей, для которыхъ мнѣніе ихъ собственной страны не можетъ быть, ни достаточнымъ руководителемъ при отправленіи ихъ обя-

занностей, ни состоятельнымъ судьей въ вопросѣ о томъ, какъ они отправляли свои обязанности. Пусть кто либо разсудитъ, какъ бы управлялась сама Англія, еслибъ ея жители знали и заботились о своихъ дѣлахъ не болѣе того, сколько знаютъ и заботятся о дѣлахъ Индусовъ. Но даже и это сравненіе не даетъ настоящаго понятія объ этомъ случаѣ: народъ въ такой степени равнодушный къ политическимъ вопросамъ, вѣроятно, принималъ бы все покорно, и оставилъ бы дѣйствовать одно правительство; тогда какъ въ Индіи, политически дѣятельный народъ, каковы Англичане, посреди всеобщей покорности, часто вмѣшивается въ дѣло, и почти всегда не впопадъ. Истинныя причины, обусловливающія благосостояніе или бѣдствія, развитіе или упадокъ Индіи, дѣйствуютъ слишкомъ далеко, внѣ ихъ кругозора. У Англичанъ нѣтъ достаточно знаній для того чтобъ догадываться о существованіи этихъ причинъ, еще менѣе чтобъ судить объ ихъ дѣйствіи. Хорошее веденіе самыхъ жизненныхъ дѣлъ Индіи можетъ не вызвать ихъ одобренія, и злоупотребленія могутъ доходить почти до крайнихъ предѣловъ не привлекая ихъ вниманія. Цѣли, ради которыхъ они особенно готовы вмѣшиваться и контролировать дѣйствія своихъ уполномоченныхъ бываютъ двухъ родовъ. Во первыхъ чтобъ имѣть возможность распространять англійскія идеи, наступя на горло Индѣйцевъ; какъ это напримѣръ выказывается въ мѣрахъ для обращенія туземцевъ въ христіанство и въ дѣйствіяхъ, намѣренно или ненамѣренно оскорбляющихъ религіозныя ихъ чувства. Это фальшивое направленіе мнѣній правящей страны поучительно выражается (поучительно тѣмъ болѣе, что во всемъ этомъ нѣтъ другаго руководителя кромѣ справедливости, честности и такой доли безпристрастія,

какой можно ждать отъ людей искренно проникнутыхъ убѣжденіемъ),—въ требованіи столь общемъ въ Англіи, чтобы, въ правительственныхъ школахъ, по желанію воспитанниковъ или ихъ родителей, преподавалась библія. Съ европейской точки зрѣнія ничего не можетъ быть лучше, и ничего, чтобы менѣе было подвержено возраженіямъ съ точки зрѣнія религіозной свободы. Въ глазахъ Азіятца это совсѣмъ другое дѣло. Ни одинъ изъ азіятскихъ народовъ никогда не повѣритъ, чтобы правительство приводило въ дѣйствіе свою оффиціяльную машину, съ состоящими на жалованьи агентами, не имѣя въ виду какой либо цѣли; а если у него есть цѣль, то, по мнѣнію Азіятца, одно лишь слабое и достойное презрѣнія правительство будетъ добиваться ея только вполовину. Если правительственныя школы и учителя преподаютъ христіянское ученіе, то никакія увѣренія, что преподаваніе идетъ свободно для тѣхъ лишь кто самъ пожелаетъ, никакая сумма очевидности, не убѣдятъ родителей въ томъ, что здѣсь нѣтъ нечистыхъ средствъ къ обращенію ихъ дѣтей въ христіянство, или, по крайней мѣрѣ къ совращенію ихъ съ пути индуизма (Hindooism). Если они наконецъ могутъ убѣдиться въ противномъ, то только благодаря полной неудачѣ школъ этого устройства въ дѣлѣ обращенія туземцевъ. Еслибъ ученіе хоть малѣйше помогало религіозной цѣли, то не только правительственное воспитаніе, но и само правительство были бы не безопасны. Англійскій протестантъ не легко согласится на доводы отрицателей прозелитизма помѣстить своихъ дѣтей въ римско-католическую семинарію; ирландскіе католики не пошлютъ дѣтей въ школу, гдѣ ихъ могутъ обратить въ протестантовъ, а мы ждемъ, чтобы Индійцы, по понятіямъ которыхъ преимущества Индуизма могутъ быть компрометированы

простымъ физическимъ актомъ,—чтобы они, подвергали своихъ дѣтей опасности быть обращенными въ христіянство!

Таковъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ общественное мнѣніе господствующей страны дѣйствуетъ болѣе вредно, чѣмъ благодѣтельно на поведеніе ея агентовъ. Въ другихъ отношеніяхъ оно, говоря вообще, вмѣшивается чаще туда, откуда чаще слышитъ возванія къ себѣ, т. е. въ дѣла, гдѣ замѣшаны какіе либо интересы англійскихъ поселенцевъ. Поселенцы имѣютъ дома друзей, органы, имѣютъ доступъ къ обществу; у нихъ одинъ языкъ и однѣ идеи съ соотечественниками; жалоба англичанина выслушивается съ большею симпатіею, даже если со стороны слушателей и нѣтъ намѣренія быть пристрастными. Теперь, если существуетъ фактъ (подтверждаемый всѣми опытами), что одна страна владѣетъ другою, то изъ среды господствующаго народа отправляются искать себѣ счастія въ подвластный край именно тѣ люди, которые наиболѣе имѣютъ нужду въ самомъ строгомъ надзорѣ. Они всегда составляютъ одно изъ главнѣйшихъ затрудненій для правительства. Нося съ собою обаяніе и презрительную надменность завоевателя, они имѣютъ всѣ чувства, вызываемыя неограниченною властью, безъ ея сознанія своей отвѣтственности. Въ средѣ народа, подобнаго Индусамъ, величайшія усилія общественныхъ властей недостаточны для дѣйствительнаго покровительства слабаго противъ сильнаго; а изъ всѣхъ сильныхъ, европейскіе поселенцы сильнѣйшіе. Вездѣ, гдѣ только деморализующее вліяніе среды не исправляется въ значительной степени личнымъ характеромъ, они почитаютъ мѣстный народъ простою грязью подъ своими ногами: имъ кажется нелѣпостью, чтобы, какія бы то ни было права туземца, могли быть поставлены на ряду даже съ ихъ малѣйшими

претензіями; простой актъ покровительства мѣстному жителю противъ ихъ произвольнаго дѣйствія, которое они считаютъ полезнымъ для своихъ коммерческихъ цѣлей, они серьозно и съ убѣжденіемъ объявляютъ обидой для себя. Такое состояніе чувствъ, въ подобномъ положеніи, до того естественно, что не смотря даже на разныя противудѣйствія и невниманіе, съ какимъ правительственныя власти встрѣчали эти претензіи, невозможно достигнуть того, чтобъ прежній духъ не пробивался постоянно. Правительство, чуждое этого духа, никогда не было въ состояніи подавить его въ молодыхъ и незрѣлыхъ людяхъ, даже тѣхъ, которые состояли у него на службѣ, и надъ которыми слѣдовательно, оно могло имѣть гораздо болѣе вліянія, чѣмъ надъ независимыми поселенцами. Какъ съ Англичанами въ Индіи, такъ же точно бываетъ, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, и съ Французами въ Алжирѣ, съ Американцами въ завоеванныхъ у Мексики областяхъ, такъ же, кажется, съ Европейцами въ Китаѣ, и уже даже въ Японіи; нѣтъ надобности припоминать какъ было съ Испанцами въ Южной Америкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительства, которымъ подлежали искатели счастія, были гораздо лучше чѣмъ они, и дѣлали все возможное, чтобы защищать отъ нихъ туземцевъ. Даже испанское правительство дѣйствовало въ этомъ смыслѣ; дѣйствовало искренно и горячо, хотя и безуспѣшно, какъ это извѣстно каждому читателю поучительной исторіи Гелпса (Helps). Еслибъ испанское правительство подлежало прямой отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ Испаніи, то еще вопросъ, рѣшилось ли бы оно такъ дѣйствовать, потому что Испанцы, безъ сомнѣнія приняли бы скорѣе сторону своихъ христіянскихъ друзей и родственниковъ, чѣмъ

сторону язычниковъ. Колонистовъ, а не туземцевъ слушаютъ дома; представленія колонистовъ скорѣе пойдутъ за истину, потому что они одни имѣютъ причины и средства обратить на себя вниманіе разсѣяннаго и безстрастнаго общества. Порицанія къ которымъ Англичане склонны болѣе всякаго другаго народа, при разборѣ поведенія своей страны относительно чужестранцевъ, обыкновенно сберегаются только для общественныхъ властей. Англичанинъ заранѣе убѣжденъ, что во всѣхъ столкновеніяхъ правительства съ частнымъ лицомъ всегда виновато первое. И когда англійскіе поселенцы подводятъ батареи своихъ политическихъ процессовъ къ преградамъ, защищающимъ права туземцевъ отъ ихъ претензій, то исполнительная власть, съ своими искренными, но вялыми желаніями чего нибудь лучшаго, вообще находитъ болѣе безопаснымъ для своихъ парламентскихъ интересовъ, и во всякомъ случаѣ менѣе хлопотливымъ для себя, скорѣе сдать спорную позицію, чѣмъ защищать её.

Что еще хуже, такъ это обстоятельство, что когда взываютъ къ общественному мнѣнію (которое, къ чести его, очень чувствительно въ Англіи) во имя справедливости и человѣколюбія въ пользу подвластнаго общества или племени, то всегда существуетъ вѣроятность, что оно вмѣшается невпопадъ. Въ подвластномъ народѣ также есть притѣснители и угнетенные, могущественные лица или классы и масса униженныхъ рабовъ: и между тѣмъ только первые изъ нихъ имѣютъ доступъ къ англійскому обществу. Тиранъ или сенсуалистъ, лишенный власти, которую употреблялъ во зло, и, вмѣсто наказанія, содержимый въ такомъ же блескѣ и богатствѣ, какимъ наслаждался и прежде; кружокъ привелигированныхъ помѣщиковъ, кото-

рые просятъ, чтобы государство подарило имъ свое законное право на налоги съ ихъ земель, или которые сочли обидой для себя какой нибудь актъ, имѣющій цѣлью защитить массу противъ ихъ вымогательствъ,—такіе люди безъ труда найдутъ себѣ корыстныхъ или сантиментальныхъ защитниковъ въ британскомъ парламентѣ и прессѣ. Безмолвныя миріады не найдутъ себѣ ни одного.

Эти примѣры показываютъ какъ дѣйствуетъ разбираемое нами правило, (которое можно бы назвать очевиднымъ, еслибъ хоть кто нибудь обратилъ на него вниманіе); эти примѣры доказываютъ, что, въ то время, какъ отвѣтственность правителей предъ управляемымъ народомъ даетъ вѣрнѣйшее ручательство за хорошее правленіе, отвѣтственность предъ кѣмъ либо другимъ не только не даетъ ничего подобнаго, но можетъ произвести столько же зла, сколько и добра. Отвѣтственность британскихъ правителей въ Индіи передъ британскою націей хороша главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что когда вызывается къ обсужденію какое либо правительственное дѣйствіе, то она обезпечиваетъ гласность преній. Для пользы преній вовсе не необходимо, чтобы все общество понимало вопросъ, подлежащій изслѣдованію;—если только въ средѣ его есть нѣсколько лицъ, могущихъ составить о вопросѣ правильное понятіе, то и этого довольно. Такъ какъ моральная отвѣтственность не есть формальная отвѣтственность предъ цѣлымъ народомъ въ его политической общности, а должна имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, которое въ силахъ составить себѣ мнѣніе о предметѣ, то здѣсь можно не только сосчитать, но также и взвѣсить мнѣнія; и тогда одобреніе или неодобреніе человѣка, изучившаго предметъ, можетъ перевѣсить мнѣнія тысячъ людей, которые ничего

въ немъ не знаютъ. Безъ сомнѣнія относительно дѣятельности непосредственныхъ правителей Индіи очень полезно, что ихъ можно потребовать къ отвѣту, и что между ихъ судьями всегда найдется одинъ или двое, которыхъ мнѣнія объ ихъ дѣйствіяхъ будутъ чего нибудь стоить, хотя мнѣніе остальныхъ будетъ вѣроятно гораздо хуже чѣмъ никакое. Вотъ и весь итогъ благъ, получаемыхъ Индіею отъ контроля британскаго парламента и народа надъ ея управленіемъ.

Не прямымъ участіемъ въ управленіи, а назначая хорошихъ правителей, можетъ англійскій народъ выполнить свои обязанности относительно такой страны какъ Индія. Едва ли можно найти правителя хуже, какъ англійскій кабинетный министръ, который заботится объ англійской а не индѣйской политикѣ; который рѣдко когда служилъ въ канцеляріяхъ достаточно долго для того чтобы серьозно заниматься, и пріобрѣсть вѣрное понятіе объ этомъ сложномъ предметѣ; на котораго поддѣльное общественное мнѣніе, выраженное въ парламентѣ двумя тремя краснобаями, дѣйствуетъ такъ же сильно какъ будто дѣйствительно существующее въ странѣ; который не имѣя навыка, и стоя внѣ вліяній своего поста, не можетъ имѣть ни качествъ, ни руководящей нити для составленія собственнаго честнаго мнѣнія. Свободная страна, которая хочетъ управлять далекимъ владѣніемъ посредствомъ отрасли своей исполнительной власти, почти неизбѣжно должна потерпѣть неудачу. Единственный способъ, отъ котораго страна можетъ ожидать кой какого успѣха—это управлять посредствомъ уполномоченной корпораціи, имѣющей сравнительно неизмѣнный характеръ, оставивъ только право наблюденія и отрицательнаго голоса своей перемѣнчивой административной власти.

Въ отношеніи Индіи, такая корпорація существовала прежде, и я боюсь, что и Англія и Индія, обѣ дорого поплатятся за близорукую политику, которая уничтожила это посредствующее орудіе управленія.

Нечего и говорить, что такая уполномоченная корпорація не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ хорошаго правительства; главное, она не можетъ имѣть этой полной и всемогущей тождественности интересовъ между правителями и управляемымъ народомъ, тождественности съ такимъ трудомъ достигаемой даже у народовъ, которые по своимъ качествамъ и сами до извѣстной степени способны наблюдать за своими дѣлами. Дѣйствительно хорошее правленіе невозможно при условіяхъ разбираемаго случая. Намъ остается только выборъ между разными несовершенствами. Въ виду трудностей положенія задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы дать такое устройство правящей корпораціи, чтобы она находила какъ можно болѣе выгодъ для себя въ своемъ хорошемъ управленіи, и какъ можно менѣе въ дурномъ. Эти условія легче найти при посредствующей правительственной корпораціи. Правленіе посредствомъ уполномоченныхъ имѣетъ всегда ту выгоду передъ правленіемъ непосредственнымъ, что на немъ не лежитъ другихъ обязанностей, кромѣ обязанностей къ управляемому народу. Оно не имѣетъ въ виду ничьихъ интересовъ, кромѣ интересовъ этого народа. Власть уполномоченныхъ, на сколько они могутъ ею воспользоваться для своихъ корыстныхъ цѣлей, можетъ быть сокращена (по уставу послѣдней Остъ-Индской Компаніи она и была сокращена) до весьма малыхъ размѣровъ; можно также не допустить сюда вмѣшательства ничьихъ иныхъ сословныхъ или личныхъ вліяній. Когда правительство или парламентъ находятся подъ вліяніемъ партій, и желаютъ

приложить къ дѣлу свою верховную власть, то посредствующая корпорація является вѣрнымъ ходатаемъ и защитникомъ подвластной страны предъ судомъ государства. Сверхъ того посредствующая корпорація, по естественному ходу вещей, будетъ главнымъ образомъ состоять изъ лицъ, пріобрѣвшихъ спеціальныя знанія, касающіяся этой части политики своей страны; изъ лицъ, которыя приготовлялись къ своему поприщу на самыхъ мѣстахъ, и которыхъ главнымъ занятіемъ въ жизни было управленіе подвластною страною. Обладая этими качествами, не подвергаясь риску потерять свои мѣста при всякой случайности въ домашней политикѣ, эти лица вырабатываютъ и свой характеръ и свои способности согласно съ требованіями занимаемыхъ ими должностей; для нихъ успѣхъ управленія и процвѣтаніе управляемой страны имѣютъ гораздо болѣе прочный интересъ, чѣмъ хорошее управленіе какой либо страны, кромѣ собственнаго отечества, можетъ имѣть въ глазахъ какого либо члена кабинета въ государствѣ съ представительнымъ правленіемъ. Пока выборъ мѣстныхъ дѣятелей зависитъ отъ этой корпораціи, ихъ назначеніе неподвержено вліянію водоворота партій и парламентскихъ интригъ, и мѣстное управленіе избавлено отъ того зла, какое вносятъ въ него разные протекторы, желающіе наградить мѣстами своихъ сторонниковъ, или же купить ими тѣхъ изъ лицъ, кто иначе сталъ бы ихъ противникомъ; эти причины для государственнаго человѣка средней честности, всегда сильнѣе чѣмъ сознаніе его долга: назначать на общественную должность наиболѣе годнаго человѣка. Весь этотъ рядъ назначеній долженъ быть, сколько можно болѣе, защищенъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ онѣ не могутъ надѣлать столько зла. Если въ какой нибудь дру-

гой отрасли управленія, чиновникъ оказывается неспособнымъ, то общественное мнѣніе можетъ, въ нѣкоторой степени направить его на надлежащій путь; но при управленіи подвластнымъ краемъ, гдѣ народъ еще неспособенъ держать контроль въ своихъ рукахъ, характеръ управленія совершенно зависитъ отъ личныхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ должностныхъ лицъ.

Нельзя не повторять безпрестанно, что въ странѣ подобной Индіи, все зависитъ отъ личныхъ качествъ и способностей правительственныхъ агентовъ. Эта истина должна быть принята какъ главный принципъ при устройствѣ управленія Индіею. Въ тотъ день, когда придутъ къ убѣжденію, что система назначенія лицъ на высокія должности на основаніи правилъ приличія (система уже столь вредная въ Англіи), можетъ быть безнаказанно примѣнена и въ Индіи,—въ тотъ день будетъ положено начало упадку и паденію нашего владычества въ этой странѣ. Даже при самомъ искреннемъ намѣреніи отдавать предпочтеніе достойнѣйшимъ кандидатамъ не должно ждать, чтобы случай доставилъ необходимое число способныхъ къ дѣлу людей. Надобно придумать систему, которая бы ихъ создавала. Прежняя система такъ и дѣлала до сихъ поръ; и потому, что она такъ дѣлала, наше владычество въ Индіи продолжалось такъ долго, и было постояннымъ хотя и не слишкомъ быстрымъ развитіемъ народнаго благосостоянія и улучшеніемъ управленія. Въ настоящее время съ такою горечью выражаются противъ этой системы, и столько хлопочутъ о ея низверженіи, какъ если бы воспитаніе и выдержка правительственныхъ чиновниковъ были безразсудствомъ и беззаконіемъ,—ничѣмъ не оправдываемымъ вмѣшательствомъ въ права невѣжества и неопытности. Въ

настоящее время существуетъ нѣмой заговоръ между тѣми, кто желалъ бы поинтриговать на счетъ первыхъ мѣстъ въ Индіи въ пользу своихъ здѣшнихъ близкихъ, и тѣми, кто находясь уже въ Индіи, желаетъ, чтобъ его изъ индиговой факторіи или архивной канцеляріи пересадили на мѣсто уставщика податей или судьи надъ милліонами народа. «Монополія» гражданской службы, которую такъ бранятъ похожа на монополію адвокатскихъ правъ въ судахъ; уничтоженіе первой изъ нихъ было бы тоже самое что открытіе скамьи въ Westminster Hall'ѣ первому приходящему, за котораго друзья поручатся, что онъ по временамъ заглядываетъ въ Blackstone (*). Еслибъ когда нибудь было принято правиломъ посылать отсюда людей или поощрять ихъ къ выѣзду въ Индію, для занятія тамъ высокихъ мѣстъ, не требуя чтобъ они изучили дѣло проходя низшія должности, то самыя важныя мѣста достались бы шотландскимъ родственникамъ и авантюристамъ, не имѣющимъ никакого чувства связи съ краемъ, никакихъ предварительныхъ знаній, и обуреваемыхъ однимъ только желаніемъ—поскорѣе нажить деньги и возвратиться назадъ. Благо страны требуетъ, чтобы тѣ, кто долженъ управлять ею, были посланы туда въ молодыхъ лѣтахъ, сперва только въ качествѣ кандидатовъ; чтобы они начинали свою службу съ первыхъ ступеней лѣстницы и восходили на высшую ступень не иначе, какъ пріобрѣвъ, послѣ надлежащаго промежутка, необходимыя качества. Недостатокъ системы принятой Индѣйскою компаніей заключался въ томъ, что, хотя она и выискивала заботливо лучшихъ людей для своихъ высшихъ

(*) Blackstone написалъ знаменитое руководство по части юриспруденціи. Книга называется его именемъ. Прим. Перев.

постовъ, однакожъ, если чиновникъ долго оставался на службѣ, то повышеніе, хотя и могло быть задержано, все таки приходило наконецъ, въ той или другой формѣ, къ самому несостоятельному, какъ и къ самому способному. Но надо припомнить, что даже и наименѣе способные въ этомъ корпусѣ чиновниковъ, были все же люди приготовленные для своей должности, люди исполнявшіе ее много лѣтъ, по меньшей мѣрѣ безгрѣшно, подъ надзоромъ высшихъ. Впрочемъ, хотя это и уменьшало зло, но оно все таки было значительно. Человѣкъ, который никогда не былъ годенъ на что либо большее чѣмъ должность помощника или присутствующаго, долженъ имъ оставаться всю свою жизнь, а выдвигать надо другихъ людей, хоть бы и младше его по службѣ. За этимъ исключеніемъ, я не знаю никакихъ недостатковъ въ старой системѣ назначеній въ Индіи. Она было уже получило другое значительное усовершенствованіе, какое только могла принять; оно заключалось въ выборѣ въ кандидаты достойнѣйшихъ изъ соискателей явившихся на испытаніе. Кромѣ выгоды выбора дѣятелей между высшими дарованіями, это правило имѣло за собою еще и ту, что здѣсь не могло быть (развѣ случайно) никакихъ личныхъ связей между кандидатами на мѣста и лицами имѣющими голосъ въ раздачѣ ихъ.

Я не вижу никакой несправедливости въ томъ, что общественные дѣятели, для занятія мѣстъ въ Индіи, должны быть выбираемы исключительно между людьми, спеціально къ тому приготовленными. Еслибъ нетребовалось предварительнаго прохожденія низшихъ ступеней, и доступъ къ двери, ведущей къ высшимъ мѣстамъ, оставался свободенъ, то въ нее непрерывно стучали бы вліятельныя лица, такъ что ее нельзя бы уже было держать на заперти. Един-

ственное исключеніе должно быть сдѣлано въ пользу высшаго изъ всѣхъ мѣстъ. Вицекороль англійской Индіи долженъ быть лицомъ, избраннымъ между всѣми Англичанами, за свои высокія способности къ управленію вообще. Если онъ обладаетъ ими, то онъ съумѣетъ отличить и воспользоваться въ другихъ тѣми спеціальными знаніями въ мѣстныхъ дѣлахъ, которыхъ онъ самъ не имѣлъ возможности пріобрѣсть. Есть основательныя причины желать, чтобъ вицекороль не былъ членомъ постоянной государственной службы. Всѣ служебныя вѣдомства имѣютъ въ большей или меньшей степени свои частныя предразсудки и пристрастія, отъ которыхъ высшій правитель долженъ быть свободенъ. Едва ли люди, проведшіе свою жизнь въ Азіи, какъ бы они ни были способны и опытны, могутъ знать вполнѣ передовыя европейскія идеи объ общей правительственной наукѣ; эти идеи вицекороль долженъ везти съ собою, и по прибытіи сплавить съ результатами, добытыми въ Индіи мѣстнымъ опытомъ. Принадлежа къ другому классу, особенно если при томъ онъ назначенъ другою властью, высшій правитель рѣдко будетъ руководствоваться пристрастіемъ при назначеніи исполнителей на служебныя мѣста. Это прочное обезпеченіе для выбора хорошихъ дѣятелей существовало въ рѣдкомъ совершенствѣ при смѣшанномъ управленіи короны и Остъ-Индской Компаніи. Высшіе распорядители служебными мѣстами, генералъ-губернаторъ и губернаторы, были назначаемы,— на дѣлѣ, если не формально,—короной, т. е. общимъ правительствомъ, а не уполномоченною корпораціей) и высшіе чиновники короны по всѣмъ вѣроятіямъ не имѣли ни личныхъ, ни политическихъ связей въ мѣстныхъ вѣдомствахъ; тогда какъ корпорація, которой члены по боль-

шей части служили въ Индіи, имѣла ихъ прежде, и вѣроятно имѣла и во время назначенія правителей. Это ручательство за безпристрастіе было бы далеко не такъ крѣпко, еслибъ гражданскіе правительственные чины, даже хотя бы и посланные въ молодыхъ лѣтахъ только въ качествѣ кандидатовъ на мѣста, были доставляемы въ замѣтной пропорціи тѣмъ классомъ общества, который доставляетъ вицекоролей и губернаторовъ. Даже предварительный конкурсъ былъ бы недостаточнымъ ручательствомъ. Онъ исключалъ бы только явное невѣжество и неспособность. Молодежь привилегированныхъ фамилій вступала бы на арену съ такимъ же количествомъ знаній, какъ и всякая другая молодежь; неспособный сынъ конечно не поступилъ бы на мѣсто въ индѣйской службѣ, такъ какъ для этого существуютъ церковныя мѣста, но послѣ перваго вступленія на должность, ничѣмъ уже нельзя бъ было остановить пристрастныхъ предпочтеній. Тогда штатъ мѣстныхъ вѣдомствъ не могъ бы состоять исключительно изъ людей, о которыхъ распорядитель ихъ жребія, одинаково ни о комъ ничего не слышалъ, и не знаетъ; напротивъ, часть ихъ будетъ связана съ нимъ лично, а другая, еще болѣе значительная, политически. Поэтому члены извѣстныхъ семействъ, и лица, принадлежащія къ высшимъ классамъ, или имѣющія вліятельныя связи, будутъ возвышаться быстрѣе чѣмъ ихъ товарищи; будутъ держаться на мѣстахъ, для которыхъ они негодны, или для которыхъ другіе были бы пригоднѣе. Тогда получили бы ходъ тѣ же вліянія, которыми поражено производство въ арміи; и только тѣ люди, (если еще существуютъ такія чудеса простодушія), которые вѣрятъ въ безпристрастіе производства въ войскахъ, будутъ ожидать безпристрастія и при новой систе-

мѣ въ Индіи. Я боюсь, что этого зла нельзя излечить ни одною изъ общихъ мѣръ, возможныхъ въ настоящихъ условіяхъ. Ни одна изъ нихъ не дастъ того количества справедливости, какое вытекало само собою изъ принципа такъ называемаго двойнаго правительства.

То, что мы считаемъ великимъ благомъ для англійской системы правленія въ Англіи, было ея несчастіемъ въ Индіи—именно, что она выросла сама собою; что она построилась не по заранѣе обдуманному плану, а посредствомъ ряда постепенно вводившихся мѣръ, и примѣненій различныхъ частей машины, придуманной первоначально для иной цѣли. Такъ какъ эта система выросла не изъ потребностей той страны, отъ которой зависѣло ея введеніе то и ея практическія выгоды не могли быть очевидны для нашей націи; поэтому требовалось теоретическихъ доводовъ для ея принятія. Къ несчастію, ихъ то повидимому и не оказалось; и конечно, обыкновенныя теоріи правленія не могли ихъ доставить, потому что эти теоріи строились для государствъ совершенно неподходящихъ, въ своихъ главныхъ чертахъ, къ этому случаю. Но въ правленіи, какъ и во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности, почти всѣ принципы, которые имѣли долгую жизнь, были внушены наблюденіями надъ частнымъ случаемъ, въ которомъ общіе законы природы дѣйствовали при новомъ, или прежде незамѣченномъ сочетаніи обстоятельствъ. Учрежденія Британіи и Соединенныхъ Штатовъ имѣли честь вызвать большую часть теорій правленія, которыя, въ доброе и худое время настоящихъ поколѣній, пробуждаютъ политическую жизнь народовъ Европы. Судьба Остъ-Индской Компаніи была—показать истинную идею хорошаго управленія цивилизованной страны надъ подвластнымъ полу-

варварскимъ народомъ, и совершивъ это— погибнуть. Въ самомъ дѣлѣ будетъ странно, если чрезъ два или три поколѣнія этотъ умозрительный выводъ останется единственнымъ остаткомъ нашего владычества въ Индіи; если потомство скажетъ объ насъ, что мы случайно набрели на порядокъ, лучшій чѣмъ что либо придуманное нашею мудростью, и что первымъ дѣломъ нашей пробудившейся мысли, было разрушить этотъ порядокъ, и что такимъ образомъ, мы допустили безслѣдно пропасть тому добру, которое уже готово было осуществиться, и все это— благодаря незнанію принципа, съ которымъ оно было связано. Dî meliora; но если этотъ ударъ для Англіи и цивилизаціи можетъ быть отведенъ, то чтобъ отвести его нужны политическія понятія гораздо болѣе широкія, чѣмъ какія представляетъ англійскій или европейскій политическій міръ, и гораздо болѣе глубокое изученіе условій Индіи и ея управленія чѣмъ то которое хотѣли бы показать англійскіе политики, или тѣ люди, которые снабжаютъ мнѣніями англійское общество.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
Инвент. №
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава	I. Въ какой мѣрѣ правительственныя формы могутъ быть предметомъ выбора	1.
—	II. Критеріумъ хорошей формы правленія	18.
—	III. Идеально лучшій образъ правленія есть представительное правленіе	45.
—	IV. При какихъ условіяхъ представительное правленіе не приложимо	60.
—	V. Истинное назначеніе представительныхъ Собраній .	77.
—	VI. Недостатки и опасности, связанные съ представительнымъ правленіемъ	99,
—	VII. Истинная и ложная демократія; представительство всѣхъ и представительство только большинства . .	120.
—	VIII. О мѣрѣ распространенія права подачи голосовъ . .	125.
—	IX. Должно ли быть двойное избирательство.	181.
—	X. О свободѣ подачи голосовъ	191.
—	XI. Продолжительность парламентовъ	217.
—	XII. Должны ли члены парламента давать обязательства своимъ избирательнымъ обществамъ?	221.
—	XIII. Должны ли быть двѣ палаты	238.
—	XIV. Исполнительная власть въ представительномъ правленіи.	251.
—	XV. Мѣстныя представительныя собранія	277.
—	XVI. О національности въ ея связи съ представительнымъ правленіемъ	301.
—	XVII. Федеральное правительственное правленіе	313.
—	XVIII. Управленіе свободнаго государства въ его владеніяхъ	330.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

ЯКОВЛЕВА.

У АНИЧКИНА МОСТА ВЪ ДОМѢ ТУЛЯКОВА № 40.

Мартъ 1864 года.

Типографія Юлія Андреевича Бокрама,
по Большой Московской, № 4.

1864.

26977-26

2

26 977-26

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЯКОВЛЕВА,

У Аничкина моста, домъ Тулякова, № 40.

Продаются слѣдующія книги:

Афанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ Южную Россію 2 т. Т. 1 Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р.

Бѣлинскій, В. Сочиненія. 12 т. Цѣна каждому тому 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Добролюбовъ, П. Сочиненія. 4 т. Спб. 1862, Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Гоголь, Н. Полное собраніе сочиненій. 4 т. М. 1862. Ц. 6 руб., съ пер. 7 р. 50 к. с.

Гончаровъ, Обломовъ, романъ. 2 ч. Спб. 1862 Ц. 3 р., съ пер. 4.

— Обыкновенная исторія. Романъ 2 ч. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р

— Фрегатъ Паллада, очерки путешествія. 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Горбуновъ, Сцены изъ народнаго быта. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Горскій, Сатирическіе разсказы и очерки. Спб. 1864. Ц. 1 руб. 50 к. съ пер. 2 р. 10 к.

Гребенка, Сочиненія. 5 т. Спб. 1861 Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Грибоѣдовъ, Горе отъ ума, комедія. Спб. 1863. Ц. 10 к., съ пер. 40 к.; иллюстрированное изданіе. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Достоевскій, Записки изъ мертваго дома. Спб. 1862. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3. р. 50 к.

— Униженные и оскорбленные, романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Кохановская, Повѣсти. 2 части М. 1863. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Лермонтовъ, Сочиненія. 2 т. Спб. 1863 Ц. 3 руб. 50 к. съ перес. 4 руб. 50 коп.

Марко-Вовчокъ, Сказки. Спб. 1864 1 т. Ц. 40 к. съ пер. 70 к.

— Разсказы изъ народнаго быта. Ц. 50 к.

— Новые повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 1 т.

— Украинскіе народные разсказы, пер. Тургенева. Ц. 50 к.

— Повістки (народні оповидання), съ словаремъ. Ц. 50 к.

Некрасовъ, Стихотворенія. Новое изд. 1864. 3 т. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 50 к.

Никитинъ, Стихотворенія. Спб. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Островскій, Сочиненія 2 т. Спб. 1860. Ц. 3 р.

Панаевъ, Сочиненія 4 т. Спб. 1860 Ц. 3 р. съ пер. 4 р.

Писемскій, Сочиненія. 3 т. Спб. 1861. Ц. 9 р., съ пер, 11 р.

— Взбаломученное море, романъ 3 т. М. 1864. Ц. 4 р. съ пер. 5 р.

Потѣхинъ, Наши безобразники. Сцены. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 10 к.

Скавронскій, Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. 2 т. Спб. 1863 Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Сказки, народныя, собранныя сельскими учителями. Изд. Эрленвейна. 1 т. Ц. 55 к., съ пер. 85 к. М. 1864 г.

Толстой, Князь Серебряный. 2 т. Спб. 1863 Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 30 к.

Тургеневъ, Сочиненія. 4 т. М. 1861 Ц. 5 р. съ пер. 6 р.

— Отцы и дѣти. М. 1862 Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 10 к.

Успенскій, Разсказы. Спб. 1863 3 т. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Українскі пісні, съ нотами, вд. Баліноі. Спб. Ц. 75 к. съ пер. 1 р. 10 к.

Щедринъ, Сатиры въ прозѣ. Спб. 1863 Ц. 1 руб. 50 коп. съ пер. 2 р. 10 к.

— Невинные разсказы. Спб. 1863 Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 10 к.

— Губернскіе очерки. Нов. изд. 2 т. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Гарусовъ, Очерки литературъ древ. и нов. народовъ. 1 т. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Геттнеръ, Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Милюковъ, Исторія литературы древ. и нов. міра.

Пекарскій, Наука и литература въ Россіи, при Петрѣ I. 2 т. 1862 Ц. 7 р. съ пер. 9 р.

Шерръ, Всеобщая исторія литературы. Т. I. 1863 Ц. 3 р. съ пер. 4 рубля.

Шмидтъ, Исторія французской литературы. 2 т. Ц. 4 р. съ пер. 5 руб.

Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи. Пер. Буйницкаго и Ненарокомова. Т. I. Ц. 4 р. 5 к. съ пер. 5 р.

Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. Бестужева-Рюмина. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к. Т. II. Ц. 2 р.

— Вліяніе женщинъ на успѣхи знаній. Ц. 40 к. съ пер. 70 к.

Гарнье-Пажэ, Исторія революціи 1848 г. Т. I. „Италіянская революція“ Т. II. „Французская революція до 24 февраля“. Ц. каждому т. 1 р. 50 к. съ пер. по 2 р. 10 к.

Гервинусъ, Исторія XIX столѣтія. Спб. 1863 г. Т. I. Ц. 2 р. Т. II 1 р. 50 к.

— Некрологъ Шлоссера. Спб. 1862 Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ, изд. второе Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Зибель, Исторія французской революціи и ея времени. I. Т Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 к.

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Ц. 2 р. съ пер. 2 руб. 50 к. Т. 2—9 по 1 р. 50 к. каждый, съ пер. 2 р.

Токвиль. Демократія въ Америкѣ. 4 т. К. 1861 г. Ц. 5 р. 50 к. съ пер. 7 р.

Шлоссеръ, Всемірная исторія. 9 т. Ц. каждому тому 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 25 к.

— Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи. 8 т. Ц. 10 р.

Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII стол. Спб. 1863 Т. 1. Ц. 2 руб. 50 к. Т. 2 Ц. 2 р.

Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанная. Спб. 1851 г Ц. 75 к.

Иловайскій, Краткіе очерки русской исторіи. М. 1862. Ц. 90 к. съ псъ. 1 р. 25 к.

— Сокращенное руководство къ русской исторіи. Ц. 40 к., съ перес. 75 к.

— Руководство къ всеобщей исторіи. выпускъ 1-й Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

Костомаровъ, Н. И. Историческія монографіи и изслѣдованія 2 т. Спб. 1863 Ц. 3 р. 50 к. съ ъер. 4 р. 50 к.

— Сѣверно-русскія народоправства. Исторія Новгорода, Пскова и Вятки. 2 т. 1863. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

— Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол. 1860 Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 2 р.

— Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII стол. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

— Лекціи по русской исторіи. Выпускъ 1-й Ц. 50 к. съ пер. 80 к.

— Кремуцій Кордъ, сцены вѣка Тиверія. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Лохвицкій, Обзоръ современныхъ конституцій. 2 части Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Максимовъ, Разсказы изъ исторіи старообрядства. Спб. 1861 года. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Павловъ, Пл. Тысячелѣтіе Россіи. Краткій очеркъ отечественной исторіи. Спб. 1863 Ц. 50 к. съ пер. 80 к.

— Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Спб. 1863 Ц. 50 к. съ пер. 80 к.

Пекарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 Спб. 1862 Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 3 р.

Смитъ, Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Спб. 1863 г. Ц. за три т. 6 р. съ пер. 8 р.

Соловьевъ, Учебная книга русской исторіи. М. 1861 Ц. 1 р. 20 к. съ пер. 2 р.

— Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ. 12 т. Ц. каждому т. 2 р. съ пер. по 2 р. 50 к.

Стасюлевичъ, Исторія среднихъ вѣковъ. Т. 1. Отъ паденія З. Р. Имперіи до Карла V. Спб. 1863 Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 50 к.

Стоглавъ, Соборъ бывшій при Ц. и В. К. Іоаннѣ Васильевичѣ. Спб. 1863 Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Субботинъ, Дѣло патріарха Никона. М. 1862 Ц. 1 р. 25 к. съ. пер. 1 р. 60 к.

Три челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. с.

Филиповъ. Исторія Выговской Старообрядческой пустыни. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р. с.

Шульгинъ В. Курсъ исторіи древняго міра. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Исторія среднихъ вѣковъ. К. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 25 к.

— Курсъ исторіи новыхъ временъ. К. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Щаповъ. Земство и расколъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Щебальскій. Чтеніе изъ русской исторіи. 4 вып. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Легуве. Исторія нравственнаго положенія женщины. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Мейеръ. Русское гражданское право 2 т. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Миттермайеръ, руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ М. 1863 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Милль, Размышленія о представительномъ правленіи. Пер. О. Бѣлозерскаго. Ц. 1 р. 20 к., въ англ. переплетѣ, 1 р. 60 к., на пер. за 2 ф.

— Основанія политической экономіи. Пер. Н. Чернышевскаго т. 1. Спб. 1860 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Система логики. Вып. 1-й Цѣна за все сочиненіе 7 р. сер.

Неволинъ. Полное собраніи сочиненіи. 6 т. Ц. 15 р., съ пер. 18 р.

Прудонъ. Война и миръ. 2 т. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Спасовичъ. Учебникъ уголовнаго права. Т. 1-й Ц. 2 р. 15 к., съ пер. 3 р.

Фишель, Государственный строй Англіи. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Фоше, Л. Очерки Англіи. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

Вышеславцевъ. Очерки перомъ и карандашемъ, изъ кругосвѣтнаго плаванія, съ картинами. Спб. 1862 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Забѣлинъ, очерки заграничной жизни. М. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Книга міра. Описаніе странъ и народовъ. Ч. I-я старый свѣтъ. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. по 1 р. 75 к.

Левингстонъ. Путешествіе во внутренней Африкѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Павловскій, Природа и люди. Ц. 5 р. 75 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Путешествія въ Полярныя страны. Кэна. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Путешествія и открытія д-ра Фогеля въ Африкѣ, съ рис. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Пфейферъ, путешествіе женщины вокругъ свѣта. М. 1862 г. 60 к., съ пер. 1 р.

Пютцъ учебникъ сравнительной географіи. М. 1862 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Учебникъ сравнительной географіи, для старшихъ классовъ. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Странствованіе по степямъ и лѣсамъ Сѣверной Америки,—Марріета. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 20 к.

Семеновъ. Уроки географіи 2 вып. по 50 к. каждый, съ пер. по 80 к.

Якушкинъ. Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Чистяковъ о странахъ и народахъ разныхъ частей свѣта. 3 т. Ц. 7 р. 60 к., съ пер. 9 р.

Клетке. Кругомъ свѣта. Чтеніе для юношества Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Звѣринецъ, въ картинахъ. — Роскошное изданіе Генкеля. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Майне-Ридъ. Охотникъ за растеніями, съ карт. Чтеніе для дѣтей. Ц. 1 р. 25 к., пер. за 2 ф.

— Изгнанники въ лѣсу. 1 т. Ц. 1 р. 25 к., за пер. за 2 ф.

Мазіусъ. Картины растительности, для взрослыхъ дѣтей. Ц. 1 р 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Музеумъ для юношества. Изложеніе различныхъ предметовъ изъ области человѣч. знанія 3 ч. Ц. по 1 р., съ пер. по 1 р. 50 к.

Парли. Разсказы дѣтямъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Ц. 2 р, съ пер. 2 р. 50 к.

Петискусъ. Олимпъ или греческ. и римская миѳологія, книга для взрослаго юношества. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Разинъ. Историческіе разсказы и біографіи. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Разсказы о животныхъ и растеніяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Міръ Божій, для приготов. класса. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Франклинъ, жизнеописаніе. Соч. Минье. Ц. 75 к. Чтеніе для юношества, съ пер. 1 р. 25 к.

Чистяковъ. Историческія повѣсти съ 13 картин. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

— Повѣсти и сказки для дѣтей. 12—15 лѣтъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 20 к.

— Повѣсти и сказки для дѣтей, 8—12 лѣтъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 70 к.

— Разсказы для маленькихъ дѣтей. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Араго. Общепонятная астрономія, съ 360 картами, чертеж. и рисунками 4 т. Спб. 1861 г. Ц. 12 р., съ пер. 15 р.

— Біографіи знаменит. астрономовъ, физиковъ и геометровъ. 3 т. Спб. 1861 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

— Историческая записка о паровыхъ машинахъ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Агасисъ и Гольдъ, Очерки сравнительной физіологіи. Спб. 1862 г Ц. 2 р. 75 к. съ пер. 3 р. 50 к.

Ауэрсвальдъ и Росмесслеръ, Ботаническія бесѣды. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 25 к.

Бекетовъ, Курсъ Ботаники Т. 1. вып. 1. 2 и 3 Спб. 1861 Ц. каж. вып. 65 к. съ пер. 90 к.

Бокъ, профес. Будьте здоровы! популярно-медицинскія бесѣды. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Бромме, Системматическій Атласъ къ Естественной исторіи для употребленія въ школѣ и дома, 35 раскраш. и 1 черн. табл., съ 700 рисунками и объяснит. текстомъ, сост. Ю. Симашко. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

Бурмейстеръ, Геологическіе этюды. 1864 г. Ц. 2 р. 75 к. съ пер. 3 р. 50 к.

Бюхнеръ, Физіологическія картины. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Вике, Руководство къ химическому анализу съ примѣрами. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 к.

Гано, А, Практическій курсъ физики для средн. учеб. завед., женскихъ институт. и вообще людей, не имѣющихъ предвар. свѣд. въ математикѣ. (308 рисунк.) Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 75 к.

Гартвигъ, Море и его жизнь, М. 1860 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

— Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к.

— Чудеса подземнаго міра, пер. съ нѣмец. съ политипажами и 5 картинами. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к.

— Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. М. 1863 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Гартингъ, Очерки природы, съ придислов. Шлейдена. М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Гексли, О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Гюйо, А. Земля и человѣкъ, или физическая географія, въ отношеніи исторіи человѣческаго рода. съ англ. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Дагенъ, Теорія теплоты. Спб. 1861 г. Ц. 3 руб. 50 коп. съ пер. 5 р. 25 к.

— Ученіе о звукѣ. съ 147 рис. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 25 к.

Дарвинъ, О происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 30 к.

Егоровъ, П. Начальныя основанія химіи, составл. по Реньо. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Жераръ, Введеніе къ изученію химіи по унитарнкой системѣ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Кагуръ, А. Курсъ элементарной общей химіи. Ч. 1-я. Ц. 3 р. съ пер. 4 р. 75 к. Ч. 2-я. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Квенштедтъ, Ф. Начальныя основанія минералогіи. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 60 к.

Керби и Спенсъ, Общая естественная исторія насѣкомыхъ. М. 1863 Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Котты, Геологическія картины, Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Краевичъ, К. Основанія физики. общепонятное изложеніе съ 100 политипажами. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Лапласъ, Изложеніе системы міра 2 т. Спб. 1861. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

Либихъ, Ю. Письма о химіи. Спб 1861 г. Ц. 4 р. съ пер. 5 р.

Льюисъ, Г. Физіологія обыденной жизни, съ рисунками въ текстѣ. М. 1863 г. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 75 к.

— На берегу моря. Зоологическіе этюды въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сицилійскихъ островахъ и на Джерси. М. 1862 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Массэ, Исторія кусочка хлѣба. Описаніе жизни животныхъ и человѣка въ письмахъ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер 1 р. 60 к.

Медвѣдевъ, Минералогія, съ рисун. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

Медлеръ, Краткая астрономія, съ чертеж. и карт. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Менделѣевъ, Д. Органическая химія, 2-е изд. (испр. и допол.) Спб. 1863 г. Ц. 3 р. съ пер. 4 р.

Митчель, Небесныя свѣтила, или планетные и звѣздные міры. М. 1860 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Михайловъ, Приготовительный курсъ зоологіи. Составл. по любену и Габріелю Спб. 1862 г. Ц. 30 к. съ пер. 60 к.

Мишле, Царство насѣкомыхъ, общепонятное чтеніе для всѣхъ сословій и возрастовъ. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Молешоттъ, Я. Физіологическіе эскизы. М. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 60 к.

— Ученіе о пищѣ, общепонятно изложенное. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Мюллеръ, К. Міръ растеній. Опытъ космической батаники съ 300 политип. въ текстѣ. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

— Учебникъ космической физики. Ц. 5 р. съ пер. 6 р.

Науманнъ, Основанія минералогіи, съ 400 полит. Спб. 1860 г. Ц. 4 р. 50 к. съ пер. 5 р. 30 к.

Одлингъ, Руководство къ химіи, описательной и теорической. Спб. 1863 г. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Писаревскій, Начальныя основанія физики, съ 800 пол. Спб. 1859 Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к.

Риттеръ, К. Общее землевѣдѣніе; лекціи, читанныя въ Берлинскомъ универ. и изданныя Г. А. Даніелемъ. М. 1864 г. Ц. 1 р съ пер. 1 р. 30 к.

Росмесслеръ, Очеркъ исторіи земнаго шара. Ч. 1-я Спб. 1861 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

— Вода, изложеніе для образованныхъ читателей и читательницъ. Спб. 1862 г. Ц. 4 р. съ пер. 5 р.

Рудольфъ, Картины растительности земнаго шара. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер 3 р. 25 к.

Савицкій. И. Картины вселенной, съ 36 рисун. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 20 к. съ пер. 1 р. 50 к.

Савченковъ, Основныя понятія химіи. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

Сѣченовъ, О животномъ электричествѣ. Съ 75 полит. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

Фогтъ, К. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Т. 1-й, съ 83 рисун. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

— Физіологическія письма 2 выпуска съ рисунками. Ц. 2 р. съ пер 2 р. 75 к. Также и отдѣльно по 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

— Естественная исторія міросданія. Спб. 1863 г Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

Франклинъ, Д. Естественная исторія въ разсказахъ, 2 т. Спб 1862 г. Ц. 6 р. съ пер. 7 р. 50 к.

Циммерманъ, Звукъ, съ 85 полит. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 30 к,

— Гальванизмъ, общепонятное руководство, со многими полит. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к.

— Міръ до сотворенія человѣка. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 к.

— Объ электричествѣ и магнетизмѣ. Ц. 2 р съ пер 2 р. 75 к.

— Теплота и примѣненіе ея къ техникѣ Ц. 1 р 50 к. съ пер. 2 р.

Шлейденъ, Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія. М. 1861 г. Ц 3 р. съ пер. 3 р. 75 к.

— Этюды. Популярныя чтенія. Съ портрет. Шлейдена. М. 1861 г. Ц 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 к.

— Древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Спб. 1863 г. Ц. 40 к. съ пер. 75 к.

Штекгардтъ, Ю. Учебникъ химіи. съ 285 рисунк. въ текстѣ, из. 2 Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2.

Эстерленъ, Человѣкъ и сохраненіе его здоровья. Общепонятныя гигіеническія письма. Все сочиненіе состоитъ изъ 3 выпусковъ и стоитъ 2 р. съ пер. 2 р. 50 к. Отдѣльно выпуски по 75 к. съ пер. 1 р.

Авдѣева, Е. Руководство къ устройству фермъ и веденію на нихъ хозяйства. Спб. 1863 г. Ц. 1 р,, съ пер. 1 р. 50 к. с.

Витвицкій, Н. Практическое пчеловодство. Спб. 1861 г. Ц. за пять частей 4 р., съ пер. 5 р. с.

Биттъ. Пиво и его приготовленіе. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Ильенковъ, Н. Курсъ химической технологіи, 2 т. съ рисунк. и чертеж. Спб. 1861—63. Ц. 10 р., съ пер. 12 р.

Книга техническихъ и промышленныхъ производствъ. 7 ч. Ч. I. Бумага.—Книгопечатаніе.—Рѣзба на деревѣ. — Гравированіе и печатаніе на стали и мѣди.—Литографія.—Ч. II. Фотографія.—Порохъ. — Громовой отводъ. Телеграфы. — Микроскопъ и телескопъ.—Ч. III. Воздушные шары.—Различные роды освѣщенія.—Паровыя машины. — Ч. IV. Строительныя искусства и ремесла.—Глины.—Фарфоръ и стекло. — Ч. V. Пряденье и тканье.—Ч. VI. Земледѣліе. Ч. VII. Обработка сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Спб. 1860—61. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к. Отдѣльно по 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Либихъ, Ю. Письма о нынѣшнемъ состояніи сельск. хозяйства. Перев. и изд. подъ редакціею А. Совѣтова. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Люкасъ, Э. Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и въ полѣ. Съ планомъ и политип. М. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Менделѣевъ. Производство муки, хлѣба и крахмала 1 т. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Сахарное производство. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

— Производство вина, пива и спирта и объ алкоолометріи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Моль и Раукъ. Главнѣйшія техническія примѣненія пара, электричества и свѣта. Паровыя машины, электрическіе телеграфы, гальванопластика и свѣтопись (фотографія). Со многими политипажами. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Пабстъ. Руководство къ разведенію крупнаго скота, съ 25-ю хромолитогр. изображ. Спб. 1862 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

— Руководство къ сельскому хозяйству. Ч. I-я, вып. 1-й. Спб. 1862 г. Ц. за оба вып. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.

Совѣтовъ. Публичныя лекціи о сельскомъ хозяйствѣ. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

Усовъ, С. Основаніе земледѣлія. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Фигье, Л. Важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Ходневъ, А. Химическая часть товаровѣденія. Изслѣдованіе съѣстн. припасовъ и напитковъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Наставленіе къ добыванію торфа Фирстова. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Шмидтъ. Овцеводство и шерстовѣдѣніе, съ рисунк. и политип. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

Настольный словарь.

Для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. Ф. Толля, въ 3 т. или 12 вып. около 3200 стр. Подписная цѣна 7 р. 50 к., съ пер. 9 р. Вышелъ 1 томъ, 3 вып. II т. и 2 вып. 3 т. Настольный словарь есть краткая энциклопедія всѣхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Книги для народныхъ школъ.

Прописи, составл. Бауеромъ. Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 30 к.

Прописи для скорописнаго почерка. Изд. Лермантова и Комп. Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 20 экз. 25 к.

Прописи для скорописнаго почерка, составл. Золотовымъ. Ц. 10 к., пер. отъ 3 до 5 экз. 25 к.

Русская Азбука для народныхъ школъ и домашняго обученія, съ объясненіемъ для учителя. По новѣйшей простѣйшей методѣ. Изд. 2-е, съ 2 табл. крупныхъ буквъ на толстой бумагѣ. Изданіе Лермантова и Комп. Спб. 1861 г. Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Русская Азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить. Сост. В. Золотовымъ. Изд. 3-е Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Букварь совѣта Спб. воскресныхъ школъ, при немъ: прописи, церковная азбука, молитвы и листы большихъ буквъ. Спб. Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 30 к.

Русская Азбука, гражданская и славянская. Ушакова Ц. 4 к., пер. 1 до 10 за 2 ф.

Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму. Сост. В. Золотовымъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія (въ 4 отд.) Н. Главинскаго. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

Русская грамматика, Новаковскаго, въ трехъ курсахъ: I-го класса Ц. 40 к., II-й кл. Ц. 80 к., III-й кл. Ц. 60 к.

Краткая русская грамматика, Новаковскаго. Ц.50к., съ пер.80к.

Русская грамматика, въ разсказахъ. Новаковскаго. Ц. 20 к., съ пер. отъ 1 до 4 экз. за 2 ф.

Русская грамматика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ. Ц. 30 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Ариѳметика на счетахъ. И. Буракова. М. Ц. 25 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Счетный самоучитель. Ч. 1-я Ц. 6 к., пер. отъ1 до 15 экз. 25 к. ч. 2-я Ц. 10 к.

Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе. Руководство для родителей и учителей. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 60 к., съ пер. 1 ф.

Краткая ариѳметика. Ушакова. Ц. 4 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Ариѳметика. Составл. А. Фогелемъ. Ц. 6 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Ариѳметика для начальныхъ и сельскихъ училищъ, сост. по методѣ Грубе В. Золотовымъ. Ч. 20 к., пер. отъ 1 до 3 экз. 25 к.

Элементарная геометрія, Клеро. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Дѣдушкина ариѳметика, Массе. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

Руководство къ алгебрѣ. Оландера. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 15 к.

Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи. Изд. 4-е Золотова. Ц. 20 к., пер. отъ до 3 экз. 25 к.

Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, сост, Теткой Настасьей. М. Ц. 20 к., съ пер. 50 к.

Книга для чтенія и упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособіе для народныхъ школъ. І. Паульсонъ. Ц. 45 к., съ пер. 75 к.

Дѣтскій міръ и христоматія. Книга для класснаго чтенія, (назначается для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ). Сост. К. Ушинскій. (Съ табл. рисунк.). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Сельскія бесѣды для народнаго чтенія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Русская книжка. Христоматія для школъ. сост. Худяковъ. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Русская лира, Христоматія. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Народная христоматія. Три выпуска. Ц. каждому 6 к., за пер. отъ 1 до 20 экз. 25 к.

Христоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ Москва 1861 г. Два выпуска. Ц. каждому 30 к., съ пер. 55 к.

Двадцать восемь басенъ русскихъ баснописцевъ, Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова. Спб.1861г.Ц.7к.,пер.отъ 1до10экз. 25 к.

Басни избранныя изъ Хемницера и Крылова. Съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ баснях. В. Золотова. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Басни И. А. Крылова, въ IX книгахъ съ біографіей. Ц. 1 р. пер. 1 р. 25 к.

И. А. Крыловъ (Біографическій очеркъ). Чтеніе для простонародья. Ц. 7 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Украинскіе народные разсказыМаркаВовчка. Спб. Ц. 50к., съпер. 75к.

Разсказы изъ народнаго русскагобытаМаркаВовчка. Ц. 50к., съпер. 75к.

Сказки. Марка Вовчка на русскомъ языкѣ. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

Сборникъ русскихъ стихотвореній и краткія жизнеописанія: Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слѣпушкина. Съ 5-ю портретами. Ц. 40 к., пер. отъ 1-го до 3-хъ экз. прил. 1 ф.

Сборникъ нѣкоторыхъ повѣствованій, разсказовъ и описаній. Ц. 40 к., вѣсовыхъ 1 фунтъ.

Разсказы дѣдушки Василья: Разсказъ 1-й. *До чего доводитъ иногда лишняя чарочка* Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 5 экз. за 1 фунтъ. — 2-й. *Велико родительское слово.* Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 10 экз. за 1 фунтъ. — 3-й *Павелъ Лежень. Три праздн.* Стихотвореніе *Майкова.* Ц. 5 к., пер. отъ 1—10 экз. за фунтъ.—*Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ.* Ц. 10 к., пер. отъ 1—10 экз. за 1 фунтъ.—5-й. *Дѣвка-Семилѣтка* Ц. 10 к., пер. отъ 1—10 экз. за 1 фунтъ.—5-й *Отъ злой бабы и чортъ попятится* Ц. 10 к., пер. отъ 1—10 экз. за 1 фунтъ.

Наносная бѣда Повѣсть Петрова. Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Анчутка-Безпятый. Древняя сказка А. Погоскаго. Ц. 15 к., пер. 1—10 экз. 25 к.

Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма. Съ 10-рисунками. Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Не извѣдавъ горя, не узнаешь счастья. Повѣсть. Ц. 20 к., пер. отъ 1 до 4 экз. 25 к.

Два разсказа 1) Добровольное признаніе. 2) Гдѣ тишь да гладь тамъ и Божья благодать. Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Мельница близъ села Ворошилова. Разсказъ Дяди Аѳанасія. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Надежа. Разсказъ Марка Вовчка. Отставной солдатъ Захаровъ, Маева. Разсказъ за чаемъ, Успенскаго. (Изъ народнаго чтенія). Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Посестра Танька. Разсказъ А. Погосскаго. Ц. 40 к., съ пер. 65 к.

Господинъ колодникъ. Разсказъ А. Погосскаго. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Сибирлетка полковая собака. Разсказъ А. Погосскаго. Ц. 30 к.,

Полѣсовщикъ (сцены для представленія на бивуакахъ). Ц. 7 к.; пер. отъ 1 до 15 экз. 25 к.

Жареный гвоздь. Походная шутка въ 2-хъ картинахъ. А. П. Спб. 1862. Ц. 20 к., съ пер. 55 к.

Чемубыть, того не миновать, или не по-носу табакъ! Народное представленіе. Соч. А. Погосскаго. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Пѣсни и пословицы русскаго народа. (Народныя бесѣды Григоровича) Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Сказка о царѣ Салтанѣ. А. С. Пушкина. Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Народная сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. А. С. Пушкина. Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 25 экз. 25 к.

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. Соч. А. С. Пушкина. Ц. 35 к., съ пер. 60 к.,

Коробейники, Стих. Некрасова. Ц. 3 к., на пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Досужное чтеніе, пригодное для каждаго. Сост. В. Золотовъ. Спб. Ц. 20 к., съ пер. 50 к.

Ермола, раз. Крашевскаго. Ц. 25 к.

Механикъ самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Соч. Ремезова. Спб. Ц. 10 к., пер. отъ 1—10 экз. 30 к.

Федоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ, (Біографическій очеркъ). (Изъ Народн. чтенія). Ц. 5 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Замѣчательные русскіе простолюдины. (Народныя бесѣды Григоровича). Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Міровѣдѣніе Золотова. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

О землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 30 к.

О природѣ и ея явленіяхъ. Разсказы о землѣ, водѣ и воздухѣ. Спб. Ц. 20 к., съ пер. 50 к.

Начальная географія по Американской методѣ Корнеля. Съ 15 географ. картинами. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 ф.

Уроки географіи для дѣтей младшаго возраста: Первонач. курсъ. Сост. Д. Семеновъ. Спб. Два вып. по 50 к., съ пер. 80 к.

Земля и что на ней есть, географія для самоученія. Ц. 6 к., пер. отъ 1 до 15 экз. 30 к.

Изъ природы. А. Погосскаго. Ц. 12 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Географія. Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. (Народныя бесѣды Григоровича). Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Странствователь по Финляндіи. Съ рисунками. Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Странствователь по Прибалтійскому краю С.-Петербургская губернія, съ 13 рисунками. Ц. 25 к., пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Разсказы странствователя по Московской и Тульской губерніи. Съ 4 рисунками. Ц. 10 к., пер. отъ 4 до 10 экз. 25 к.

Разсказы странствователя. Сѣверный край съ рисункомъ. Ц. 10 к., пер. отъ отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Рыбные промыслы на моряхъ и рѣкахъ. (Народныя бесѣды Григоровича). Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Разсказы странствователя. Воронежская губ. Ц. 15 к., за пер. 1 до 20 экз. 25 к.

Разсказы о морскихъ сраженіяхъ и крушеніяхъ. (Народныя бесѣды Григоровича). Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Сост. Семеновъ. 1864. Ц. 70 к. съ пер. 1 р. 15 к.

Тысячелѣтіе Россіи. Краткій очеркъ Русской исторіи. Платона Павлова. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Разсказы изъ русской исторіи. Водовозова. Вып. 1. Спб. Ц. 40 к., съ пер. 75 к.

Бесѣды изъ русской исторіи. Миллера. Спб. Ц. 20 к., съ пер. 50 к.

Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода 17 в.) Щебальскаго. 4 выпуска. Спб. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія, кто въ ней царствовалъ Кн. Львова. Ц. 25 к., съ пер. 55 к.

Краткая Русская исторія Ушакова. Ц. 4 к., пер. отъ 1 до 5 экз. прилаг. за 1 ф.

Жизнь и приключенія Морозова. (Народныя бесѣды Григоровича). Ц. 20 к., съ пер. 45.

Мих. Вас. Ломоносовъ. Жизнеописаніе. Новаковскаго. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Ал. Вас. Суворовъ. Его жѐ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Ал. Сер. Пушкинъ. Его же. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Мих. Мих. Сперанскій. Его же. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

Платонъ, Митрополитъ Московскій. Его же. Ц. 40 к.. съ пер. 65 к.

Св. Евангеліе, на русскомъ языкѣ. Спб. Ц. 20 к. съ пер. 50 к.

Библейская исторія, въ краткихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ Вѣтхаго и Новаго завѣта. Съ 105 картинк. Ц. 30 к. съ пер. 50 к.

Пятьдесятъ четыре разсказа изъ священной исторіи ветхаго завѣта. Золотова. 15 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Пятьдесятъ четыре картины изъ св. исторіи ветх. завѣта Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Объясненіе божественной литургіи, Бесѣды священника съ инвалидомъ. К. 25 к. пер. отъ 1 до 4 экз. 25 к.

Изъясненіе нѣкоторыхъ краткихъ изрѣченій, употребляемыхъ въ богослуженіи. М. Ц. 5 к. пер отъ 1 до 15 экз. 30 к.

О таинствѣ причащенія и Евхаристіи. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 10 экз. 25к.

О бракѣ, Ц. 5 к.. пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Книга премудрости Іисуса сына Сирахова въ русскомъ пер. Спб Ц. 30 к., съ пер. 60 к.

Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго Александра Невскаго соч. Ремезова Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 10 экз 30 к.

Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго в. к. Владиміра равноапост Соч. Ремезова. Ц. 10 к. пер. отъ 1 до 10 экз. 30 к.

Избранныя житія святыхъ, кратко-изложенныя по руководст.ву четіихъ миней. 12 кн. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75. к.

О святыхъ мѣстахъ Палестины. Іерусалимъ съ 9-ю рисунк. Ц. 15 к. пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей. Собраны В. Золотовымъ Ц. 20 к. съ пер. 50 к.

Краткая св. исторія ветхій и новый завѣтъ. Н. Ушакова. 4 коп. съ пер. отъ 1 до 5 экз. за 1 ф.

Христіанскій подвигъ солдата. Ц. 10 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 25 к.

Солдатскія замѣтки. Погосскаго. Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

Книжки на малороссійскомъ языкѣ.

Оповиданя зъ святаго писання. Зложивъ священ. С. Опатовичь. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Проповѣди, Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. 7 книжекъ Спб. Ц. 63 к. съ пер. 1 р. 30 к.

Граматка, П. Кулиша. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Украінска граматка. И. Деркача· М. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 15 экз 30 к.

Маруся, повість Г. Квітки Ц. 50 к., съ пер. 80 к'

Солдацкій партретъ, повість Г. КвіткиЦ.15к.,пер· отъ1до 5кз.30к.

Сердешна Оксана, повість Г. Квітки Ц. 30к.,пер. отъ1до30экз. 30 к.

Мертвецький великдень, Повість Г. Квітки. Ц. 15 к. пер отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Добре роби, добре й буде, повість Г. Квітки. Ц. 20 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Конотопська відьма, повість Г. Квітки. Ц. 40 к. пер. отъ 1 до 3 экз. 30 к.

Отъ тобі й скарбъ, повість Г. Квітки Ц. 15 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Козырь—Дівка, повість Г. Квітки Ц. 35 к., пер. етъ 1 до 3 экз. 30 к.

Пархімовэ сніданя, повість Г. Квітки Ц. 10 к., пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Перекотиполе, Повість Г. Квітки. Ц. 20 к. пер. отъ 1 до 5 экз. 30 к.

Купованый розумъ, оповід. Г.Квітка. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 20.э.30к.

Григорій Квітка, (Основьяненко) и его повісті. Соч. Кулиша. Ц. 5 к. пер. отъ 1 до 10 экз. 30 к.

Украінскі пісні, съ голосами. Десятокъ первий. Ц. 10 к. пер. отъ 1 до 10 экз. 25 к.

Книжечки від. Каменецького.

Підбрехачъ.—На пущання якъ завязано. Оповідання Гр. Квітки (Основъяненка). Ц. 3 к.

Сіра Кобила. Оповідання Иродчука. Ц. 5 к.

Чари. Оповідання Марка Вовчка. Ц. 5 к.

Лихо нэ бэзъ добра. Оп. Ганни Борвінокъ. Ц. 3 к.

Въ-осени літо. Оповіданнѣ Ії жъ. Ц. 5 к.

Дідъ Мина ибаба Миниха. Оп. М. Номиса. Ц. 10 к.

Гамалія. Поэма Тараса Шевченка. Ц. 5 к.

Тополя. Баллада Его жъ. Ц. 5 к.

Тарасова нічъ. Поэма Его жъ. Ц. 3 к.

Катерина. Поэма Его жъ. Ц. 15 к.

Наймичка. Поэма Его жъ. Ц. 15 к.

Псалми Давидови. Переложивъ по-нашому Тарасъ Шевченко. Ц. 7 к.

Гайдамаки. Поэма Тараса Шевченка. Ц. 20 к.

Орися. Идилія П. Куліша. Ц. 5 к.

Бабуся съ того світу. Народнэ оповідання про померши души. Ц. 5 к.

Очаківська біда. Козацькѐ оповідання. Ц. 2 к.

Півпівника. Гишпанська дітська казочка. По-нашому росказавъ Панько Казюка. Ц. 3 к.

Дзвонарь. Оповід. Данила Мордовцова. Ц. 2 к.

Листи съ хутора. Листъ I и II. про городи и села. Ц. 5 к.

— Листъ III. Чого стоить Шевченко, яко поэтъ народній. Ц. 5 к.

— Листъ IV. Про злодія въ сели Гаківници. Ц. 6 к.

Салдатка. Оповід. Данила Мордовцова. Ц. 5 к.

Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповід. Петра Кузьменка. Ц. 5 к.

Ледащиця. Оповід. Марка Вовчка. Ц. 5 к.

Сестра Оповід. Его жъ. Ц. 7 к.

Викупъ. Оповід. Его жъ. Ц. 5 к.

Перебендя. Дума Тараса Шевченка. Ц. 2 к.

Закоханій чортъ. Оп. Олекси Стороженка. Ц. 7 к.

Голка. Оповидання Его жъ. Ц. 5 к.

Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання Его жъ. Ц. 3 к

Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання Его жъ. Ц. 2 к.

Сетака баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ. Оповід. Его жъ. Ц. 3 к.

Цыганъ. Уривокъ изъ казки П. Куліша. Ц. 2 к.

Січовігості Чуприна и Чортоусъ. Оповідання Панька Казюки. Ц. 5 к.

Гордовита пара. Оповід. Петра Забоцня. Ц. 3 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такій Хуторянинъ. Ц. 3 к.

Хто виписуватиме книжечóкъ по пóчті на карбóванця, чи й меншъ, мàе докладáти до цíни ще четвертакъ на перèсилку (за хунтъ ваги). На перèсилку книжечóкъ на два карбóванці (абó хочъ и меншъ двохъ, та більшъ одногó карбóванця) докладáетця ваговихъ за два хунти — срібна копà; на три карбóванці—ваговихъ троякъ, и такъ дáлі.

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!